Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№ 1(53)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Смоленск
2021

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, зампредседателя*), М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*), Б.В. Носов (*Москва*), А. Тишер (*Вюрцбург, Германия*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), М. Хикки (*Блумсберг, США*), С. Майер-Фиракер (*Германия*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, Ю.А. Грибер, А.Г. Егоров, Ю.Е. Ивонин, Д.Е. Комаров, О.В. Козлов, Е.А. Кучинская, Л.В. Павлова, Л.В. Рацибурская, А.М. Ранчин, В.В. Сергеев, А.Г. Сильницкий, Н.А. Фатеева

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)700232
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Булгакова А.А. Поэма С. Боброва «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец» и концепция русского масонства XVIII – начала XIX века 5
Кретов А.А., Чуриков С.А. Четыре стихотворения А.В. Кольцова на смерть А.С. Пушкина 20
Ковалева В.С., *Похаленков О.Е.* Карнавальная поэтика повести Б. Васильева «Завтра была война»..... 33
Молнар А. Взросление и «лемурность» у Ласло Гараци..... 45

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал существительного в русском языке 61
Варнаева А.Е. Целостность сочинительной конструкции как системы 76
Галкина Н.П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике..... 86

ЗАРУБЕЖНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гончарова Е.А. Текстовые и дискурсные характеристики современного немецкого политического плаката..... 102
Гуревич Р.В. Автобиографический роман Г. Канта «Остановка в пути» (Hermann Kant. Der Aufenthalt): поэзия и правда 117
Абрютина А.Ю., Пономарева А.В. Немецко-английская интерференция в области вокализма (на материале речи немцев, изучающих английский язык как иностранный)..... 128
Колокольникова О.Д. Основа метафорической системы Роберта Бриджеса в поздней лирике 143

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Красовская Ю.В., Христенко Д.Н. Городское самоуправление в 1917 году: против Временного правительства и большевиков (на материалах Костромской и Ярославской губерний)..... 156

Ивочкин Д.А. Епископ Смоленский и Дорогобужский Серафим (Протопопов) в истории Смоленской епархии второй половины XIX века 175
Родионов И.И. Зарубежные центры белорусоведения. Центр М. Острогорского в Лондоне 186
Кобец О.В. «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) 199
Полугодин А.Д. Административный коллаборационизм в оккупированных районах Калужского края в период 1941–1943 годов ... 218

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Федотов О.И. «Бог сохраняет все; особенно – слова...» (Заметки на полях последней статьи С.И. Кормилова «Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского 1962 года о смерти и вечности») 240

Сведения об авторах 255

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.А. Булгакова

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
Гродно, Республика Беларусь

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-5-20

ПОЭМА С. БОБРОВА «ДРЕВНЯЯ НОЧЬ ВСЕЛЕННОЙ, ИЛИ СТРАНСТВУЮЩИЙ СЛЕПЕЦ» И КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО МАСОНСТВА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Ключевые слова: *русское масонство; мистицизм; эзотеризм; христианство; эпоха Просвещения; топика; предромантизм.*

Целью статьи является исследование поэмы Семена Боброва «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец» с точки зрения доктрины русского масонства XVIII – начала XIX века, основывающейся на сочетании мистических, эзотерических, христианских (православных) и просветительских идей, что и позволило данному движению органично вписаться в социокультурный контекст эпохи предромантизма. Анализ поэмы как философско-аллегорического и эзотерического текста в свою очередь помог увидеть специфику русского масонства, заключающуюся в тесном взаимодействии различных религиозно-философских и этических систем.

Особый эклектизм мышления С. Боброва отражается в онтологической, гносеологической и аксиологической проблематике поэмы и выражается на всех уровнях поэтического текста: идейно-тематическом, образном, композиционном и поэтологическом. «Мечтательный мистицизм», созвучный предромантическому мироощущению, создает в поэме общую атмосферу таинственности и служит основой для формирования образа главного героя Нешама, а также системы символов (око, луч, круг, храм, зеркало, лампада и др.). С. Бобров выстраивает произведение также с учетом категорий и принципов эзотерического мышления: универсальных соответствий, живой природы (мира как «цепи бытия»), посредничества и воображения, трансмутации и конкорданса. В то же время особое место в поэме занимают идеи внутренней свободы и нравственности, милосердия и сострадания, что свидетельствует о близости поэта к православной культуре. Гуманистическая же направленность С. Боброва, особый интерес к категории разума и внимание к гносеологической проблематике говорят о «просветительском» следе в мировоззрении поэта. Таким образом, соединение в

творчестве С. Боброва разнородных религиозных, философских и культурных концепций можно объяснить близостью поэта русским масонам конца XVIII – начала XIX века.

Творчество С. Боброва (1765–1810), «поэта гениального, но полузабытого» [Лотман, 2001, *744*], не получило однозначной оценки ни у современников, ни у более поздних исследователей русского литературного процесса. До сих пор университетские программы по истории литературы XVIII века не предусматривают изучение его творчества, а в учебниках содержится лишь краткое упоминание о поэте. Он не значится в числе поэтов-пантеистов или представителей философской лирики, между тем как именно с Боброва, по утверждению Ю.М. Лотмана, «начинается русская поэзия мысли» [Там же, *359*]. Отметим, что, по сравнению с дореволюционным (И.Н. Розанов) и советским (Ю.М. Лотман, Л.В. Пумпянский, Ю.Д. Левин, М.Г. Альтшуллер, З.М. Петрова) литературоведением, лишь точечно обращавшимся к творчеству Боброва, в настоящее время наблюдается повышение интереса к изучению наследия поэта. Так, исследован язык его произведений (Л.О. Зайонц, А.Н. Пашкуров, А.А. Булгакова), обозначена связь с масонской и европейской предромантической традицией (В.И. Сахаров, М. Аптекман, С.Ю. Хурумов), изучены жизнь и творчество поэта в контексте литературного процесса XVIII века (В.Л. Коровин, Л.О. Зайонц, О.А. Проскурин), историософии (А.В. Петров) а также «крымского текста» (А.П. Люсый). Профессором В.Л. Коровиным издана монография о С. Боброве, а также полное собрание его сочинений «Рассвет полночи. Херсонида» в двух томах в серии «Литературные памятники».

Сложность в исследовании творчества С. Боброва заключается в эклектичности его мировоззрения и, соответственно, необычности поэтического языка, что отчасти обусловлено культурой эпохи, ведь, как писал Ю.М. Лотман о данном периоде, «ни понятие “классицизм”, ни понятие “предромантизм”, ни даже значительно более неопределенное явление, именуемое “просветительским реализмом”, ни, наконец, обращение к спасительному барокко не покрывают пестрого многообразия художественного мира русского искусства» [Лотман, 1996, *124*]. Между тем современное литературоведение определяет 1770–1810 годы в России именно как время доминирования сентиментализма и предромантизма [Пашкуров, 2004, *3*]. Произведения С. Боброва, поэта, испытавшего влияние как западноевропейских просветителей и предромантиков (Дж. Мильтон, Ф.Г. Клопшток, М. Линдер, Э. Юнг), так и русских классицистов и масонов (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, М. Херасков), исследователи также предпочитают, хотя и весьма осторожно, относить к предромантизму, который завершает переходную эпоху в русской культуре, начатую барокко и знаменовавшую переход от литературы традиционализма к литературе, ориентированной на новаторство.

С. Бобров, интеллектуал, разочаровавшийся в просветительских идеях, искал новые, более сообразные времени и мироощущению человека основания. Ему оказались близки идеи масонов, которые активно распространялись в данный период и, следует признать, существенно повлияли на художественную литературу, значительно обогатив ее сюжеты и язык и ускорив переход к новой культуре. Согласно биографическим данным [Зайонц, 1989, *96–99*], С. Бобров поддерживал тесную связь с кружком Н.И. Новикова и И.Г. Шварца, а потому воспринял и воплотил в своих произведениях как идеи популярных в среде масонов и высоко ценимых ими поэтов и мыслителей Дж. Мильтона, Ф.Г. Клопштока, И.Г. Гердера и др. [Проскурин, 2000, *81*], так и основы собственно масонского учения. Следовательно, его творчество невозможно осмысливать без учета масонской традиции.

Наиярчайшим примером отражения масонских идей в поэзии С. Боброва является его поэма «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец» (1804–1807, далее – ДНВ). Данный текст в силу, с одной стороны, своего объема и тяжелого слога, а с другой – кажущейся вторичности по сравнению с другими произведениями поэта или творениями его коллег, а также неоцененности современниками, является неизданным, а потому труднодоступным и, на наш взгляд, представляет собой любопытный объект для исследований. Каждое слово в нем обладает несколькими значениями, внешней и внутренней мотивацией, поэтому произведение на самом деле предстает как «шифр, тайнопись, загадочный язык символов и аллегорий, где скрыта древняя вечная тайна мироздания и назначения человека» [Сахаров, 2000, *82*].

В научной литературе не сложилось единого мнения о мировоззренческом основании русского масонства. Как нравственно-этическая парадигма, масонство основывалось на элементах нескольких религиозных систем и предполагало единение с Богом через достижение нравственного совершенства в рамках той религии, которую каждый из масонов исповедует. Тем не менее, как заимствованное явление, русское масонство испытало сильное влияние *христианского мистицизма* (Я. Беме, К. де Сен-Мартен и др.) [Карамзин, 1966, *231*]. Однако сведение русского масонства исключительно к мистицизму видится несколько упрощенным.

Следует отметить *эзотерические интенции* в масонских практиках. Ю. Халтурин, опираясь на трактовку понятия «эзотеризм» французским религиоведом А. Февром [Февр, 2018], настаивает именно на эзотеризме как основе мировоззрения русских масонов [Халтурин, 2013]. В.В. Зеньковский также говорит об эзотерических основаниях мировоззрения русских масонов, подчеркивая их натурфилософский взгляд на мир, религиозно-космическое мироощущение [Зеньковский, 1991].

Основное отличие масонской идеологии от чистого мистицизма видится ученым в усилении деятельностного начала в достижении нравственного совершенства: если мистицизм основывается только на созерцании, вере и молитве, то эзотеризм предполагает изменение человека не только через духовную работу и оккультные практики, но и посредством совершения поступков в реальном мире, служения обществу. Деятельностное начало русского масонства неоспоримо, оно отражено в их активной социально значимой филантропической и просветительской работе [Щербатова, 2017].

Нельзя забывать и о том, что на русской почве масонство не могло не взаимодействовать с *православием* с присущей ему идеей внутреннего созерцания, веры и главенствования добра. Как утверждал преп. Г. Флоровский, русские масоны следовали православным обрядам, и именно эта обрядность, насыщенная знаковостью, их и привлекала, как привлекало все, что нуждалось в расшифровке, обращении к содержанию. Таковой «внутренней Церковью» по отношению к Церкви внешней (православию) масоны считали свой орден [Флоровский, 2009].

Несмотря на то что «мечтательный мистицизм» [Пыпин, 1916, *80*], отрицающий роль разума в постижении мироздания, не раз давал поводы для критики данной религиозно-этической системы, Г.В. Вернадский отмечал, что русские масоны большое значение придавали рассудку как разновидности божественного дара и науке как форме божественного Откровения [Вернадский, 2014, *27*]. И хотя взаимоотношения масонов с *просветителями* до сих пор не оценены однозначно, нельзя отрицать то, что их идеи не остались незамеченными и повлияли на восприятие масонами мира и человека. По утверждению Г.В. Вернадского, скептицизм на русской почве сочетался с идеями «разумной» философии, рассматривающей жизнь человека как тлен и суету и настаивающей на «гармоничном сочетании мудрости разума с учением Св. Писания» [Там же, *28*]. Как отмечает В.В. Зеньковский, в формуле Н.И. Новикова «просвещение без нравственного идеала несет в себе отраву» [Зеньковский, 1991, *103*] выразились как идеи Ж.-Ж. Руссо, так и принципы европейских моралистов, представителей предромантизма. Таким образом, масонство призывало к единению веры и знания под знаменем внутренней свободы и нравственности, что, следует отметить, близко ментальным основаниям русского человека и традиционной русской культуре.

Итак, мы можем говорить об идейной поливалентности русского масонства, причудливым образом сочетающего мистицизм и эзотеризм как способы обращения к недогматической религиозности, со светскими научно-философскими, гуманистическими идеями, что и позволило данной идеологии органично вписаться в культурный контекст конца XVIII – начала XIX века. Именно масоны, с их аскезой, вызванной усталостью от

внешней суеты, идеей «пробуждения сердца» [Флоровский, 2009, *154*] и возрождения «внутреннего человека» через укрощение страстей, особым отношением к смерти, к самопознанию через творчество, способствовали появлению нового типа человека, предваряющего героя романтизма.

Обращение к произведению ДНВ С. Боброва, предромантика, мировосприятие которого созвучно масонскому, позволяет нам проследить взаимодействие различных религиозно-философских, нравственно-этических и др. взглядов в концепции русского масонства.

«Мечтательный мистицизм» с его идеей о возможности единения человека с Богом пронизывает поэму, главный герой которой теряет это единство. Нешама в целом можно охарактеризовать как человека, впитавшего идеи мистицизма: его восприятие и понимание мира основано на чувствах, эмоциях, подчинено интуиции. В постижении им реальности велика роль иррационального (сны, фантазии, видения, предчувствия и т.п.).

«Мечтательный мистицизм» проявляется на уровне образной системы поэмы в осмыслении и использовании поэтом большого количества масонских символов (око, свет, луч, круг, храм, книга, зеркало, слово и др.). Имена героев также предполагают двойное прочтение: в переводе с древнееврейского Нешам – ‘душа’, Зихел – ‘разум’, Мизрах – ‘Восток, Бог’, Колгуфа – ‘плоть’, Рамай – ‘губитель’.

Однако, как мы отмечали выше, мистицизм предполагает пассивность человека, созерцание, между тем как герой С. Боброва, совершающий духовное и физическое путешествие, отнюдь не пассивен. Будучи ослепленным Мизрахом (царем Востока, олицетворяющем Бога) за чрезмерную гордыню и страсть к Колгуфе, Нешам вынужден блуждать во тьме, в неопределенном пространственно-временном континууме в поисках врача-целителя, познавая себя, укрощая земные страсти и постепенно через смирение, сострадание и любовь к ближнему приходя к Богу.

Рассмотрим поэму через призму *эзотерического* учения и соотнесем с основными принципами картины мира эзотериков, опираясь на труды А. Февра [Февр, 2018], осмысливающего западноевропейский эзотеризм в теоретическом и историческом аспектах, а также российского философа Ю.Л. Халтурина [Халтурин, 2013].

Первым принципом эзотерического мышления является «*идея универсальных соответствий*» [Февр, 2018, *23*]. Согласно эзотерикам, Вселенная представляет собой «театр зеркал» [Там же, *23*], то есть выстроенную систему аналогий, символов. Прежде всего это соответствие между частями мироздания: мир дольний – мир горный, профанный – сакральный, видимый – невидимый, микрокосм – макрокосм. В систему соответствий следует также включить аналогии между Вселенной и Священным Писанием, Вселенной и книгой природы в натурфилософском ее понимании, Вселенной и храмом, Вселенной и садом и др. При этом можно

утверждать конверсивность диад: храм является подобием мира и повторяет его структуру, а Вселенная, в свою очередь, подобна храму в его сущности; книга содержит тайны мироздания, но и мироздание, созданное по матрице божественного слова, являет собой книгу, доступную для прочтения.

Идея соответствия развивается и в поэме С. Боброва. Следует отметить образ зеркала, излюбленный масонами («Что есть мир сей! Зеркало тленности и суеты» (цит. по: [Флоровский, 2009, *159*])): зеркальное отражение дает образ как близкий к реальности, так и внутренне искаженный («А мы съ тобою ощущаемъ / Лучь хладный отраженный солнца, / подобный млѣющему гулу / Отъ подлинника въ отдаленьи» [Бобров, 1807–1809, 1, *139*], подобным образом поэт выражает и свое отношение к искусству [Там же, *92*; Бобров, 1807–1809, 2, *113*]). Зеркальность прослеживается в выстраивании поэтом системы параллелей: любовь ложная, земная, телесная, страсть к Колгуфе / любовь истинная, небесная, духовная, к Богу; царство Мизраха (Бога), Эдем, гармония / мир людей, бушующее море, хаос; друг Зихел / враг Рамай; свет истинного знания, «вещи как они есть» (лампада Зихела) / обманчивый луч светильника Рамая, «вещи, какими их хочет видеть человек»; теплый яркий свет солнца / холодный бледный свет луны и др.

Принцип зеркальности лежит и в основе базовой топики: «мир – книга», созданная божественным Словом; «мир – море», «мир – сад», «мир – храм». Ментальные изменения в предромантическом сознании С. Боброва отражаются в модификации исконных топосов, расширении их парадигм, наращивании метафор (мир – пустыня: «Брегись! – не углуби / Стопы своей въ пустынѣ сей! / Пески глубоки здѣсь и вязки» [Бобров, 1807–1809, 2, *92*], «Се пламенно сыпуче море» [Там же, *95*], мир – темница: «подземна мрачная темница» [Там же, 1, *54*], мир – пучина, хаос: «Пучины мрачны вещества» [Там же, 2, *5*], «Средь бурь, средь молнїй, средь дождей / Исторглись тайны бездны водъ, / И поглотили цѣлу землю» [Там же, 1, *146*], «тьма, буря, – страхъ – се часть твоя» [Там же, *79*], мир – кладбище: «Вселенна целая – могила» [Там же, *20*], природа – храм: «Природа храмъ; жрецы мы сами» [Там же, 2, *49*], человек – огонь: «Кто я? <…> блудящий огнь над доломъ» [Там же, 1, *61*] и др.), для экспликации которых в тексте С. Бобров использует особые средства, в частности «эмблематическую метафору» [Зайонц, 1996, *57*].

Соответствия выстраиваются и на композиционном уровне произведения, что характерно для мифопоэтического восприятия времени: так, время суток (день – вечер – ночь – утро) соответствует, с одной стороны, истории жизни Нешама (жизнь без забот в мире отца – грехопадение, ослепление и изгнание – скитания в хаосе, природном, историческом, религиозно-философском, – нахождение врача и исцеление), с другой – ис-

тории человечества и истории знания до христианства (истинное знание, слово = вещи – потеря знания, расподобление слова и вещи – поиски знания – обретение истинного знания). Мы видим, как обращение к принципу всеобщего соответствия решает гносеологические проблемы: познание Бога через мир природы, познание человеком себя и Бога через открытие «внутреннего человека»; познание мира сакрального через мир вещный посредством поиска означаемого.

В поэме явно выражена связь между микро- и макрокосмом. Человек, как и мир, предстает в единстве внешнего и внутреннего, материи и духа, разума и сердца. Являясь квинтэссенцией мира, человек может выступать одновременно микротеосом, или малым Богом, и природным существом: «И былъ величественъ, какъ Царь; / Нерѣдко забывалъ его, / И былъ уничиженъ, какъ рабъ; / Былъ богомъ; – былъ и червемъ купно» [Бобров, 1807–1809, 1, *21*]. Так, Бобров акцентирует телесную ипостась Нешама – см. сравнение его с животными [Там же, *176–177*], уподобление рабу: «Мизрахъ вручилъ тебя волнамъ; / Ты рабъ стихїй; – обуревайся!» [Там же, 2, *10*]. Поэт описывает человека, «прикованного къ веществу» [Там же, 1, *53*], как «слепца средь волнъ» [Там же, *25*], который «тупыми очами / Мнитъ видѣть нѣчто вкругъ себя» [Там же, *30*], но созерцает только ночь, не предметы, а их бледные очертания.

С другой стороны, кроме телесной ипостаси, есть и вечная, приближающая человека к Богу, – душа, которая у Боброва способна перевоплощаться то в странницу, парящую над холмами, то в ратницу, летящую над полями битвы, то в узницу, скованную плотью, то в постигающего тайны мироздания ученого, то в борца, жаждущего побед, но понимающего тщетность внешних усилий. Поэт называет человека «сыномъ новымъ света» [Там же, *22*], «самобытной сущностью, / Возникшей изъ развалинъ мїра» [Там же, *28*], констатирует его способность обладать знанием («Да всю природу обтечетъ / И письмена ее прочтетъ» [Там же, *29*]), сравнивает с храмом: «Развалины еще вѣщаютъ, / коликой красоты былъ храмъ» [Там же].

Выстраивая образ Нешама с помощью оппозиций «душа – тело», «мир божественный – мир земной», поэт обращается к приему антитезы, подчеркивая разницу между состоянием человека до падения и после. Для этого он использует метафорическое противопоставление «сын света – сын ночи» («Я нѣкогда был сыномъ свѣта, / А нынѣ сыномъ нощи сталъ» [Там же, *47*]) на основе базовых для масонов образов-символов (свет, тьма, око, слепота, лампада, луч и др.) и прием метаморфоз, соответствующий его натурфилософским представлениям (колыбель превращается в гроб, море как первоначало жизни – в могилу, гармония – в хаос, слава человека – в позор, вечность – в прах, солнечный день – в бурю, день – в ночь, красота – в уродство, знание человека о мире и себе – в невежество и потерю критериев определения истинности).

Тем не менее поэт констатирует неразрывную связь между телом и душой: страдания тела приводят к расстройствам души, а духовная слепота оборачивается слепотой физической («Чѣмъ болѣе душа страдаетъ, / Тѣмъ болѣе и въ тѣлѣ зла» [Бобров, 1807–1809, 2, *127*]). Эта идея подводит нас к пониманию указанной А. Февром в качестве базовой для эзотериков «*идеи живой природы*» [Февр, 2018, *23*], означающей восприятие мира как сложной, упорядоченной, многоуровневой системы, функционирующей как единый живой организм [Халтурин, 2013, *100*]. Природа, по утверждению исследователя, подобна личности и «имеет историю, связанную с историей человека и божественного мира» [Февр, 2018, *23*].

Мир в поэме С. Боброва выступает как живой чувствующий организм, в котором на физическом, ментальном и эмоциональном уровнях взаимодействуют Бог, мир и человек. Принцип всеобщей взаимосвязи является одним из ведущих принципов мировосприятия поэта, обусловливающих как композиционную специфику поэмы, так и специфику поэтического языка С. Боброва[1].

Понимание масонами природы близко натурфилософскому: «О бытии Бога нам говорит вся природа, красота и гармония видимого мира» [Шварц, 2002, *236*]. Это религиозно-космическое мироощущение сходно с мировосприятием С. Боброва. Его космос – разумный и чувствующий, сопереживающий человеку и в то же время выполняющий волю божества. Наблюдается параллелизм между состоянием природных стихий и чувствами Нешама, с одной стороны, и природными явлениями и божественной волей – с другой: мир покрывается тьмой от греховности человека, грустит вместе с ним, трепещет и ввергается в хаос от божьего гнева, усмиряется вместе с покорностью человека и т.д. Так, падение Нешама нашло отражение и в «падении» природы:

Все начало страдать съ тобой.
Тогда все небо ясно было,
А нынѣ бури, громы, трусы
Поперемѣнно ужасаютъ.
Се страшна цѣпь великой казни!
[Там же, *83*]

Герой задается вопросом: «Уже ль сїи премѣны страшны / Съ моей премѣной связь имѣют? / уже ли я виновникъ имъ?» [Там же, *46*].

Природа в поэме одухотворена, она слушает и слышит человека, чувствует и передает чувства звуками. Для этого С. Бобров использует олицетворения («природа ропщетъ» [Там же, *52*]) и метафоры («шѣпты

[1] Подробнее о специфической метафоре С. Боброва, отражающей одухотворенность природы и ее близость человеку, написано у Л.О. Зайонц [Зайонц, 1996].

ветров» [Там же, *45*], «стон доловъ» [Там же, *51*], «ревъ грозы» [Там же, *79*]), эпитеты (ход смерти глухо-шумный» [Там же, *45*], «ржущій адъ» [Там же, *65*], «страстный мрак» [Там же, *21*], «проклятый вопль» [Там же, *54*], «животворящій свѣтъ» [Там же, *48*], «грустна тьма» [Там же, *20*]) и сравнения (гром – «глас совесті»), градацию («с шипеньемъ – шумомъ – гуломъ – ревомъ…» [Там же, *78*]), а также средства звукописи («брань неба, бурный бунт стіхій» [Там же, *58*], «жегома жупельнымъ огнем, дрожитъ природа» [Там же, *84*]).

В тексте встречается метафора «цепь бытия» (варианты – «лестница бытия», «цепь любви»), под которой подразумевается как единство Бога, природы и человека, так и тождество времени природы, жизни человека и хода истории. Интересно, что поэт фиксирует разрыв в этой цепи, который возникает под влиянием гордыни Нешама, уподобления его Богу и последующего изгнания:

Он жалобы творилъ холмамъ;

Въ холмахъ гулъ скорбный нѣмновалъ;
Вопилъ онъ къ доламъ – долы тихли;
Взывалъ онъ къ тверди; – твердь молчала.
[Там же, *44*]

Метафора «единая цепь» проецируется у Боброва и в социальную плоскость: поэт утверждает единство людей различных национальностей, религий и сословий, так как мыслит не ограниченными общественными рамками, а масштабами мироздания:

Великая простерта связь
Отъ скиптра царского до плуга.
Они едины во вселенной.
[Бобров, 1807–1809, 2, *78*]

Ю. Халтурин указывает на *свет* как на важный компонент, служащий основой взаимосвязи всего сущего [Халтурин, 2013, *100*]. Свет для поэта является символом жизни, прозрения, духовности, надежды, в то время как тьма олицетворяет смерть, слепоту, тлен и разврат. Понятие «свет» и в представлениях эзотериков, и в поэме С. Боброва характеризует и онтологию (происхождение мира, его существование), и гносеологию (свет как метафора знания, понимания сущего), и аксиологию (свет как метафора ценностей: любви, надежды, милосердия). Будучи связанным с метафорами луча и круга, необходимыми для передачи идеи движения, понятие «свет» объединяет время природы, жизни человека и истории.

Однако следует отметить, что для С. Боброва понятие «свет» амбивалентно. Идея взаимопроникновения хаоса и космоса, света и тьмы является архетипической и обычной для древних культур; она отражена в библейских источниках и масонских текстах и обрядах («Но все въ двухъ

истинахъ вмѣстилось; / Свѣтъ, – тьма, иль благо, – зло въ природѣ, – / Се первы мысли всѣхъ народовъ!» [Бобров, 1807–1809, 1, *154*]).

С одной стороны, мрак (природный, а также мрак невежества и страстей) способен поглощать свет:

Висящїй сумракъ над водой
Глоталъ по всюду светъ дневной.

Нетъ суши на землѣ – все море;

Нетъ света въ воздухѣ – все ночь.
[Там же, *27*]

С другой стороны, сам свет, представая, например, в образе огня или солнца, заключает в себе тьму, несет гибель:

Но сей предметъ небесной славы,
Что столько для очей земли
Былъ радостенъ и животворенъ,
Въ погибель превратился имъ.
[Там же, *26*]

Предромантическое сознание Боброва, испытывающее одновременно страх и восторг перед мраком, ночью, смертью, допускало мысль о том, что тьма также может служить источником света, равно как и из несовершенного знания и из ложных ценностей через труд, опыт, время и терпение можно познать истину («Проступка мракъ – и свѣтъ надежды / Другъ къ другу близки, и сопутны» [Там же, *80*]). Продолжением этой мысли служит идея о том, что для понимания ценности света человек должен испытать воздействие тьмы и что «прїятна смѣсь тѣни съ свѣтомъ» [Там же, *49*] и является примером гармонии.

Таким образом, в поэме ДНВ выстраивается триада «Бог – мир – человек», все элементы которой взаимосвязаны и, более того, изоморфны друг другу.

Важными для эзотерического мышления являются *категории воображения и посредничества*. Посредниками между мирами могут выступать как некие существа, так и символы, знаки, образы, указывающие на возможность выхода за пределы материального и воплощения скрытого для непосвященных знания в материальной оболочке. Функцию посредничества может также выполнять воображение, позволяющее проникнуть в недоступные для постижения разумом тайны мироздания.

В поэме С. Боброва посредником выступает мудрый старец Зихел, посланный Мизрахом на землю для сопровождения героя. Именно он и его благодатная лампада освещают путь Нешама, помогая преодолевать трудности, делать выбор, различать друзей и врагов. Казалось бы, в образе данного героя есть прямая отсылка к просветительской идее о господстве разума (имя Зихел переводится как «разум»), а его «светоносная лампада»,

помогающая различить истинное и ложное в мире, вполне коррелирует с основным концептом просветителей. Однако следует отметить, что поэт, говоря о лампаде Зихела, равно как и о других источниках света, делает оговорку уже в духе масонов: «Но только бы сїи свѣтила / Не показались божествами» [Там же, *136*], то есть указывает на опасность возведения разума в абсолют.

Свет лампады Зихела представляется как единство божьей благодати, надежды и разума, способное дать знание и примирить совесть. Гармония, которую несет Зихел, сопровождается тишиной в противовес громогласным звукам хаоса стихий, душевной бури Нешама: «Свѣтъ тихїй, чистый, безтревожный / Сїялъ среди ее для добрыхъ» [Там же, *78*]. Сам Зихел упоминается как старец с «тихими стопами», «тихими руками», смиренный и великодушный, друг и «путеводитель», носящий «миръ въ сердцѣ». Он находится вне временных и пространственных координат и обладает абсолютным знанием, позволяющим видеть глубинную суть вещей и явлений («предъ нимъ не можетъ иногда / Глубока ночь сокрыть предметовъ» [Там же, *70*]).

Воображение в поэме также предстает как посредник, соединяющий разум и чувства с божественным откровением и способный творчески преобразовывать мир. Во-первых, оно является основой для творчества (а оно коррелирует с образом света). Во-вторых, воображение для Боброва выступает как гносеологическая категория и является одним из методов познания. При этом оно может как искажать реальность (при отсутствии света сознание Нешама рождает страшные картины), так и создавать образы, которые впоследствии воплотятся в жизнь.

Преображение человека, его духовная эволюция путем самосовершенствования и развития, представляемые А. Февром как *алхимический процесс «трансмутации»* [Февр, 2018, *24*], реализованы в поэме через мотив падения и ослепления Нешама (отсылка к Адаму Кадмону) и его странствия, пути к истинному знанию о себе и мире через очищение, постепенного просветления и единения с Богом.

При этом три этапа Великого Делания из алхимической практики соотносимы с сюжетом поэмы и эволюцией героя. Первый этап, начало Делания, – nigredo, то есть «распад», «духовное гниение», возникающее как греховный опыт человека, вызывающий в нем тление, разжигание внутреннего огня. Это стадия смерти, которая у алхимиков непосредственно связана с водой. На данном этапе в поэме С. Боброва происходит распад первоматерии (единства Бога, человека и природы). Ему соответствует грехопадение Нешама, разъединение тела, души и духа, поданное как болезнь (ослепление) и изгнание. Как и у алхимиков, герой Боброва подчиняется стихии Земли и, обретя новое для себя знание, повергается в экзистенциальное состояние страха, тревоги, отчаяния, что выражается во взывании героя к смерти, упоении страданиями. Звукопись, глаголы дви-

жения и девербативы, натурфилософские эпитеты и метафоры, лексика, передающая семантику хаоса (гроб, тлен, прах, могила, пучина, бездна, смерть и др.), помогают создать визуальный ряд, производящий отталкивающее впечатление и одновременно обладающий притягательной силой для предромантического героя.

Второй этап – albedo – означает погружение мира в хаос. Человека раздирают внутренние противоречия, которые он не в состоянии упорядочить. Но есть силы, помогающие найти среди внешней тьмы внутренний свет. Так, С. Бобров показывает наступивший с моментом изгнания героя хаос во Вселенной, начало странствия Нешама при слабом свете звезд и луны в сопровождении Зихела и его лампады. Это соответствует описанию данного этапа алхимиками: «Человек отрешенно наблюдает за миром как бы со стороны, в лунном, мерцающем свете» [Гайворонский]. Поэт не случайно, описывая лунный свет, употребляет эпитеты «бледный», «дрожащий», «тусклый», указывая на его неполноценность, вторичность и подразумевая неполноту знания, открывающегося вместе с ним человеку: «И сей свѣтильникъ блѣдный нощи / еще невѣрный есть свѣтильникъ» [Бобров, 1807–1809, 1, *137*]. Вместе с тем именно луна, являясь «сребренымъ солнцемъ нощи» [Там же, *132*], вселяет в героя надежду, приоткрывая завесу ночи и показывая суть вещей.

На третьем этапе – rubedo – деятельностное, разумное начало уравновешивается спокойным, интуитивным, что приводит к открытию внутреннего света, пониманию целостности мироздания, обретению знания и гармонии с самим собой и миром. В поэме с этим этапом связано завершение поисков целителя, связанное с прибытием в Палестину и принятием учения Спасителя. Таким образом, соответствующая ступеням Великого Делания эзотерическая идея пути как освобождения души от материального и возвращения ее к Единому через нравственное совершенство и отказ от ложных ценностей земного мира явно прослеживается в произведении С. Боброва.

Идея эзотериков о *«конкордансе»*, то есть о «поиске общего знаменателя и источника всех религий, научных, философских традиций, приобщение к которому позволит подняться на более высокий уровень постижения реальности» [Халтурин, 2013, *106*], в целом близка С. Боброву и выражается в поэме через знакомство героев в процессе их путешествия с различными религиозно-философскими системами, поиск рационального зерна в каждой из них для более полного постижения бытия. Герои анализируют герметическое учение египтян, традиции магов, халдейских мудрецов, науку пифагорейцев, философию греков, постигают элементы каббалы и иудейства. Наконец, формируется общая идея всех религий, которая воплощается в христианстве.

В то же время нельзя говорить, что описанные как эзотерические идеи преобразования человека, духовного пути, единства мира и др. противоречат

идеям христианским, а С. Бобров не испытал влияния православия. Во-первых, поэт завершает произведение о блужданиях разума человека принятием им христианского учения. Во-вторых, через образы героев поэмы он проповедует культ добродетели и смирения, утверждает неразделенность познания истины и идеи добра, а, как известно, эти же ценности являются доминирующими в православии. Можно перечислить еще точки соприкосновения: тождественная христианской идея двойственности человека, противоречивости внешнего и внутреннего, мотив аскезы и странничества, основополагающая категория любви и др. То есть сложно сказать, где здесь заканчивается собственно христианство и начинаются мистицизм и эзотерика. И в то же время, в отличие от православия, масонство, испытавшее сильное воздействие просветительских идей, пропитано антропоцентризмом и отличается повышенным вниманием к человеку, ищущему «ключи от таинств натуры». Поэтому все-таки источники мировоззренческой системы С. Боброва как последователя русских масонов, на наш взгляд, следует искать в мистицизме, эзотерике и философии просветительства.

Таким образом, масонская идеология в единстве мистической метафизики и научно-философского взгляда на мир выступает кодом, ключом к прочтению поэмы С. Боброва, близость масонской концепции мира и человека в которой проявляется на идейно-тематическом, образном, композиционном и языковом уровнях. В свою очередь, следует отметить, что обращение к литературным произведениям русских писателей, последователей масонского движения, таких как С. Бобров, помогает глубже понять феномен русского масонства.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров С. Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение… В 2 ч. СПб., 1807–1809. Ч. 1, кн. 1. 200 с.

Бобров С. Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение… В 2 ч. СПб., 1807–1809. Ч. 1, кн. 2. 226 с.

Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. М.: Ломоносовъ, 2014. 59 с.

Гайворонский Ф. Алхимический сад. URL: https://terra-tolosarum.livejournal.com/25849.html (дата обращения: 20.03.2020).

Зайонц Л.О. Бобров С.С. // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1: А – Г. С. 292–293.

Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.

Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2 т. М.–Л.: Худож. лит., 1966. Т. 2. 591 с.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб.: Искусство – СПб, 2001. 846 с.

Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – н. XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – н. XIX в.). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 13–349.

Пашкуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: эволюция и типология. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 212 с.

Проскурин О.А. Поминки по Бибрису. Почему в «Вестнике Европы» смеялись над покойником // Литературные скандалы пушкинской эпохи (материалы и исследования по истории русской литературы. Вып. 6). М.: ОГИ , 2000. С. 81–116.

Пыпин А.Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. / ред., [предисл.] и примеч. Г.В. Вернадского. Петроград: Огни, 1916. 575 с.

Сахаров В.И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVII – нач. XVIII вв. М.: УРСС, 2000. С. 66–113.

Февр А. Западный эзотеризм. Краткая история. М.: Клуб Касталия, 2018. 234 с.

Флоровский Г.В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

Халтурин Ю.Л. Эзотеризм и мировоззрение русского масонства XVIII–XIX веков: попытка определения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4(31). С. 87–112.

Шварц И.Г. Философское рассуждение о Троице в человеке // История масонства / под ред. С.П. Мальгунова, Н.П. Сидорова. Смоленск: Русич, 2002. С. 147–349.

Щербатова И.Ф. Выбор Н.М. Карамзина: от масонской антропологии и европейского гуманизма к провиденциализму и нравственной свободе // Электронный философский журнал. 2017. Вып. 23. URL: https://vox-journal.org/html/issues/408/410 (дата обращения: 12.01.2020).

A.A. Bulgakova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Journalism,
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, The Republic of Belarus

S. Bobrov's Poem «Ancient Night of the Universe, or the Wandering Blind» and the Concept of Russian Freemasonry of the XVIII – Early XIX Centuries

The purpose of the article is to study the poem «The Ancient Night of the Universe, or the Wandering Blind» by Semyon Bobrov from the viewpoint of the doctrine belonged to Russian Freemasonry of the 18th – early 19th centuries. It is based on a combination of mystical, esoteric, Christian (Orthodox) and enlightening ideas which allowed this movement to organically fit into the socio-cultural context of the pre-romantic epoch. The analysis of the poem as a philosophical, allegorical and esoteric text, in turn, has revealed Russian Freemasonry's specificity consisted in the close interaction of various religious, philosophical and ethical systems.

The special eclecticism of S. Bobrov's thinking is reflected in the ontological, epistemological and axiological problems of the poem and expressed at all levels of the poetic text such as ideological-thematic, figurative, compositional and poetological ones. «Dreamy mysticism», consonant with the pre-romantic worldview, creates a general atmosphere of mystery in the poem and serves as the basis for the image formation of Nesham, the main character, as

well as a system of symbols (an eye, a ray, a circle, a temple, a mirror, an oil lamp, etc.). Moreover, S. Bobrov builds the poem structure according to the categories and principles of esoteric thinking like universal correspondences, living nature (the world as a «chain of being»), mediation and imagination, transmutation and concordance. At the same time, a special place in the poem is occupied by the ideas of inner freedom and morality, mercy and compassion, which testifies to the poet's closeness to Orthodox culture. S. Bobrov's humanistic orientation, special interest to the category of intellect and attention to epistemological problems testify an «enlightenment» trace in the poet's worldview. Thereby, the combination of heterogeneous religious, philosophical and cultural concepts in S. Bobrov's work can be explained by the poet's closeness to Russian masons of the 18th – early 19th centuries.

Key words: *Russian Freemasonry; mysticism; esotericism; Christianity; Age of Enlightenment; topic; pre-romanticism.*

REFERENCES

Bobrov S. Ancient Night of the Universe or the Wandering Blind. Epic Creation... [Drevnyaya noch' Vselennoi, ili stranstvuyushchy slepets. Epicheskoye tvorenie…]: in 2 parts. Part 1. Book 1. St. Petersburg. 1807–1809. 200 p. (in Russian).

Bobrov S. Ancient Night of the Universe or the Wandering Blind. Epic Creation... [Drevnyaya noch' Vselennoi, ili stranstvuyushchy slepets. Epicheskoye tvorenie…]: in 2 parts. Part 1. Book 2. St. Petersburg. 1807–1809. 226 p. (in Russian).

Fevr A. Western Esotericism. A Short Story [Zapadny ezoterizm. Kratkaya istoriya]. Moscow, Kastalia Club. 2018. 234 p. (in Russian).

Florovsky G.V. Paths of Russian Theology [Puti russkogo bogosloviya]. Moscow, Institute of Russian Civilization. 2009. 848 p. (in Russian).

Gaivoronsky F. Alchemical Garden [Alkhimichesky sad]. Available at: https://terratolosarum.livejournal.com/25849.html (accessed 20 March 2020).

Karamzin N.M. Selected Works in 2 Volumes [Izbrannye sochineniya v 2-kh tomakh]. Vol. 2. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura. 1966. 591 p. (in Russian).

Khalturin Yu.L. Esotericism and Worldview of Russian Freemasonry of the 18th–19th Centuries: An Attempt to Define [Ezoterizm i mirovozzrenie russkogo masonstva XVIII–XIX vekov: popytka opredeleniya]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2013, no. 4 (31), pp. 87–112 (in Russian).

Lotman Yu.M. About Poets and Poetry. Analysis of the Poetic Text. Articles and Research. Notes. Reviews. Speeches [O poetakh i poezii. Analiz poeticheskogo teksta. Stat'i i issledovaniya. Zametki. Retsenzii. Vystupleniya]. St. Petersburg, Iskusstvo. 2001. 846 p. (in Russian).

Lotman Yu.M. Essays on the History of Russian Culture of the 18th – the beginning of the 19th Centuries [Ocherki po istorii russkoi kul'tury XVIII – n. XIX veka]. From the History of Russian Culture [Iz istorii russkoi kul'tury]. Vol. IV (18th – the beginning of the 19th Centuries). Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury*, 1996, pp. 13–349 (in Russian).

Pashkurov A.N. The Category of the Sublime in the Poetry of Russian Sentimentalism and Pre-romanticism: Evolution and Typology [Kategoriya vozvyshennogo v poezii russkogo sentimentalizma i predromantizma: evolyuciya i tipologiya]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2004. 212 p. (in Russian).

Proskurin O.A. Wake of Bibris. Why did They Laugh at the Deceased in «Vestnik Evropy» [Pominki po Bibrisu. Pochemu v «Vestnike Yevropy» smeyalis' nad pokoinikom]. Literary Scandals of the Pushkin Era (Materials and Research on the History of Russian Literature [Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi (materialy i issledovaniya po istorii russkoi literatury)]. Issue 6. Moscow, United Humanitarian Publishing House. 2000, pp. 81–116. (in Russian).

Pypin A.N. Russian Freemasonry: 18th and First Quarter of the 19th Century [Russkoye masonstvo: XVIII i pervaya chetvert' XIX v.]. Petrograd, Ogni. 1916. 575 p. (in Russian).

Sakharov V.I. Russian Masonic Poetry (To the Problem Statement) [Russkaya masonskaya poeziya (k postanovke problemy)]. Freemasonry and Russian Literature of the 17th – the early 18th Centuries [Masonstvo i russkaya literatura XVII – nach. XVIII vv.]. Moscow, URSS, 2000, pp. 66–113. (in Russian).

Schwartz I.G. Philosophical Discourse on the Trinity in Man [Filosofskoe rassuzhdenie o Troitse v cheloveke]. History of Freemasonry [Istoriya masonstva]. Smolensk, Rusich, 2002, pp. 147–349 (in Russian).

Shcherbatova I.F. The Choice of N.M. Karamzin: from Masonic Anthropology and European Humanism to Providentialism and Moral Freedom [Vybor N.M. Karamzina: ot masonskoi antropologii i yevropeiskogo gumanizma k providentsializmu i nravstvennoi svobode]. *Elektronnyi filosofsky zhurnal*, 2017, Issue 23. *Available at*: https://vox-journal.org/html/issues/408/410 (accessed 12 January 2020).

Vernadsky G.V. Russian Freemasonry during the Reign of Catherine II [Russkoye masonstvo v tsarstvovanie Ekateriny II]. Moscow, Lomonosov, 2014. 59 p. (in Russian).

Zayonts L.O. Bobrov S.S. Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary [Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar']. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1989. Vol. 1: A–G, pp. 292–293. (in Russian).

Zenkovsky V.V. History of Russian Philosophy: In 2 Volumes [Istoriya russkoi filosofii: v 2-kh t.]. Part. 1. Leningrad, Ego. 1991. 221 p. (in Russian).

А.А. Кретов, С.А. Чуриков

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 821.161.1.09

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-20-32

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А.В. КОЛЬЦОВА НА СМЕРТЬ А.С. ПУШКИНА

Ключевые слова: *поэзия А.В. Кольцова; А.С. Пушкин; реконструкция стихотворения; интертекстуальные связи.*

В статье обосновывается необходимость пополнения канонического корпуса стихотворений А.В. Кольцова тремя поэтическими произведениями, которые содержатся в письме поэта издателю А.А. Краевскому и посвящены смерти А.С. Пушкина. Одно из этих произведений представлено в указанном эпистолярном тексте в стандартной стиховой форме, а два других имеют прозаическое оформление. Авторы предлагают рекон-

струкцию этих двух стихотворений, базирующуюся на принципе минимального вмешательства в содержание при графическом упорядочивании формы. В статье показывается, что реконструируемые и восстанавливаемые в своих правах стихотворения А.В. Кольцова оказываются связанными с другими произведениями не только внутри художественного мира поэта, но и внутри русской литературы – отдельными образами, крылатыми словами, мотивами.

Исследование поэзии А.В. Кольцова началось уже во второй половине XIX века. К настоящему времени отечественными литературоведами созданы как многочисленные работы, посвященные отдельным аспектам творческого наследия поэта (см., например, кольцововедческие сборники: [Филологические записки, 1971; А.В. Кольцов, 1984; А.В. Кольцов, 2009]), так и труды обобщающего характера [Тонков, 1958; Скатов, 2001; Удодов, 2004]. Поэтический язык А.В. Кольцова также неоднократно становился объектом научного изучения: исследовались лексика [Беззубов, 1979; Кретов, 2008; Кретов, Катов, 2009; Листрова-Правда, 1967; Шалина, 2009 и др.], фразеология [Медянский, 1969 и др.], синтаксис [Радина, 1991; 2009 и др.], стиль [Жиляков, 1969; Чернышев, 1967; Чижик-Полейко, 1961 и др.], корпус крылатых единиц, восходящих к кольцовским стихотворениям [Кольцова, Чуриков, 2012; 2013] и др.

Особо следует сказать о лексикографическом описании языка поэта. Работа над «Словарем поэзии А.В. Кольцова» началась в 1960-е годы на кафедре русского языка филологического факультета Воронежского университета под руководством Р.К. Кавецкой (см.: [Кавецкая, 1971]). К сожалению, эта работа так и не была завершена, а ее промежуточным результатом стало издание книги «А.В. Кольцов: указатель слов и форм слов в поэтических произведениях» [А.В. Кольцов: указатель, 1991]. В 1997 году увидел свет «Обратный частотный словарь поэтических произведений А.В. Кольцова» Р.К. Кавецкой и А.А. Кретова [Кавецкая, Кретов, 1996]. В настоящее время работа над «Словарем поэзии А.В. Кольцова» возобновлена авторами статьи.

Несмотря на этот солидный научный задел, в кольцововедении попрежнему остается ряд нерешенных вопросов. В настоящей работе мы постараемся показать, что даже состав канонического корпуса стихотворений А.В. Кольцова должен стать предметом научной дискуссии. С нашей точки зрения, он должен быть пополнен тремя поэтическими произведениями, посвященными смерти А.С. Пушкина.

Значение личности и творчества А.С. Пушкина для А.В. Кольцова трудно переоценить. Влияние пушкинской поэзии на раннюю лирику воронежского поэта несомненно. Оно обнаруживается в стихотворениях «Прекрасной поселянке» (ср. с пушкинской «Бурей»), «Ночлег чумаков» (ср. с описанием ночлега цыганского табора в поэме «Цыганы»), «Совет

старца» (ср. с «Добрым советом» А.С. Пушкина), «Веселый час» (ср. с пушкинским «Заздравным кубком»), «Соловей» (которое сопровождается подзаголовком «подражание Пушкину», явно отсылающим к стихотворению «Соловей и роза») и др. При этом и в некоторых зрелых произведениях А.В. Кольцова чувствуется пушкинское начало. Приведем здесь признание самого воронежского поэта, писавшего в письме к В.Г. Белинскому (28 сентября 1839 года): «“Последняя борьба”, может, *пахнет Пушкиным, – не спорю*; но в ней своя форма, свои следствия битвы» (выделено нами. – *А. К., С. Ч.*) [Кольцов, 1961, 2, *94*]. Незадолго до смерти, подводя итоги своей литературной жизни, А.В. Кольцов писал В.Г. Белинскому: «Если литература дала мне что-нибудь, то именно вот что: я видел Пушкина, жил долго с Сребрянским, видел Станкевича, много захватил добра от вас» [Там же, *194*]. Последовательность имен здесь, конечно же, не случайна: Пушкин для А.В. Кольцова – величайший русский поэт, а встреча с Пушкиным – одно из сокровеннейших событий в жизни, воспоминаниями о котором, по свидетельству современников, он избегал делиться с другими.

Гибель великого русского поэта потрясла все образованное русское общество и вызвала целый ряд откликов. Как справедливо считают многие отечественные литературоведы, среди этих откликов особое место занимают «Смерть поэта» М.Ю. Лермонтова и «Лес» А.В. Кольцова (см.: [Скатов, 2001, *158*; Удодов, 2004, *295*] и др.). «Лес» – удивительное, эпическое по своей сути произведение, в котором А.В. Кольцову удалось показать колоссальный масштаб личности и трагическую судьбу А.С. Пушкина. Этот поэтический шедевр навсегда вошел в золотой фонд русской поэзии и разошелся на цитаты и крылатые выражения [Кольцова, Чуриков, 2012, *19, 28, 41, 76, 89, 101, 116, 139*].

Между тем специалисты по творчеству воронежского поэта знают, что «Лес» не единственный текст А.В. Кольцова, посвященный смерти А.С. Пушкина. Созданию поэтического шедевра предшествовал эпистолярный отклик на это трагическое событие – письмо издателю А.А. Краевскому от 13 марта 1837 года. Каждый, кто читал это письмо, не мог не заметить, что перед ним не обычный эпистолярный текст: его центральная часть представляет собой настоящее художественное произведение, а точнее – три художественных произведения. Позволим себе привести здесь весь интересующий нас фрагмент известного письма:

Прострелено солнце. Лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю! Кровь, хлынув потоком, дымилася долго, наполняя воздух святым вдохновеньем недожитой жизни! Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдохновенья, посланники Бога, пророки земные! Глотайте тот воздух, где русского барда, с последнею жизнью, текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тот воздух, глотайте душою: та кровь драгоценна. Сберите ту кровь, в сосуд положите, в

роскошный сосуд. Сосуд тот поставьте на той на могиле, где Пушкин лежит.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькие, из глаз:
Нет больше Пушкина меж нами, –
Бессмертный Пушкин наш угас!

Слепая судьба! Разве у нас мало мерзавцев? Разве кроме Пушкина тебе нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинец передать? Мерзавцев есть много, – за что ж ты их любишь, к чему бережешь? Мерзавка судьба!.. Творец Всемогущий света! Твоя воля, Твои советы мудры; но непостижим нам Твой закон!.. [Кольцов, 1961, 2, *30–31*]

Первое произведение сразу бросается в глаза – это маленькое (в одно четверостишие) стихотворение, родившееся, видимо, как непосредственный отклик на смерть А.С. Пушкина. Отметим, что первые две строчки этого поэтического текста сходны с началом последнего четверостишия ранней кольцовской песни «Утратив то, что было мило...» (1830). Ср.:

О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Горючи слезы, из очей!
Без ней нет жизни меж людями –
Нет сердцу радости без ней.
[Кольцов, 1961, 1, *107*]

В этой песне А.В. Кольцов выразил свои горестные чувства из-за личной трагедии: жестокий и своенравный отец навсегда разлучил молодого поэта с его возлюбленной, Дуняшей. Эта сердечная рана так и не зажила у А.В. Кольцова до конца жизни. Глубоко символично, что те же строки всплыли у него в памяти в связи с гибелью А.С. Пушкина. Отметим также, что в дальнейшей переписке поэта с А.А. Краевским данная тема не исчезает. В письме от 27 декабря 1838 года А.В. Кольцов передает издателю рассказ одного молодого человека, для которого смерть А.С. Пушкина тоже стала большим несчастьем: «Что читаю? Ваши “Литературные Прибавления”, “Современник”, “Наблюдатель”, Вальтер Скотта, *более всего Пушкина*, Шекспира. Да, *о Пушкине*. Недавно я был в одном месте. Мне ужасно понравилось: молодой человек, рассказывая неудачную свою поездку, которая весьма много нанесла ему вреда, – он, наконец, заключил: “Надобно же тому быть так, чтобы я выехал *в самый несчастный день, именно в день кончины Александра Сергеевича Пушкина!*”» (выделено нами. – *А. К., С. Ч.*) [Кольцов, 1961, 1, *76*]. Эти факты еще раз подтверждают, что личность А.С. Пушкина имела для воронежского поэта огромное значение и его уход из жизни стал для А.В. Кольцова без всякого преувеличения глубоким личным потрясением.

Как уже было сказано, приведенное выше маленькое стихотворение не единственное поэтическое произведение в интересующем нас отрывке из письма А.А. Краевскому от 13 марта 1837 года. С нашей точки зрения, фраг-

мент текста, предшествующий указанному четверостишию, также нужно рассматривать как поэтическое произведение. На это уже неоднократно обращали внимание кольцововеды. Так, известный отечественный литературовед Н.Н. Скатов писал в своей книге об А.В. Кольцове, комментируя начало письма А.А. Краевскому: «Уже здесь речь, еще прозаическая, вплотную подведена к стиху. И действительно, дальше она, как бы не удержавшись, *срывается в ритм, в стихи*» (выделено нами. – *А. К., С. Ч.*) [Скатов, 2001, *159*]. И далее, сравнивая предшествующий четверостишию фрагмент письма с этим четверостишием и сопоставляя их со знаменитым «Лесом», Н.Н. Скатов пишет: «Нетрудно видеть разницу между “стихами” в первом случае и стихами во втором. Пожалуй, во втором-то случае и следовало бы поставить кавычки. Ведь соответствия “Лесу” устанавливаются не в этих гладких, ученических ямбах, а в *безрифменном амфибрахии*, еще изложенном прозой, но *народно-песенном по существу*. Именно народно-песенная стихия оказалась явственно связана с тем ощущением гения как стихии, которое лежит в основе стихотворения “Лес”» (выделено нами. – *А. К., С. Ч.*) [Там же, *160*]. Предшественник Н.Н. Скатова, редактор академического «Полного собрания сочинений А.В. Кольцова» А.И. Лященко в примечании к стихотворению «Лес» отмечает: «Первым откликом Кольцова на смерть Пушкина было письмо от 13 марта 1837 г. к Краевскому, *наполовину написанное стихами*» (выделено нами. – *А. К., С. Ч.*) [Кольцов, 1911, *369*]. А в примечании к рассматриваемому нами письму к А.А. Краевскому литературовед более эмоционально выражает ту же мысль, цитируя начало интересующего нас фрагмента текста: «В этом горячем отклике Кольцова на смерть Пушкина сказался *истинный поэт*; из-под его пера сами собой *выливаются стихи*: “Прострелено солнце, лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю...”!» (выделено нами. – *А. К., С. Ч.*) [Там же, *387*].

Развивая логику этих оценок, мы считаем возможным прямо назвать указанный отрывок стихотворным произведением и берем на себя смелость предложить его реконструкцию. Осуществляя реконструкцию, мы руководствуемся следующим базовым принципом: **минимум вмешательства в содержание при графическом упорядочивании формы.** При оформлении стихов мы следуем практике А.В. Кольцова, ориентируясь на его стихотворения, написанные белым стихом. Большая часть изменений, которые мы вносим в текст, связана с упорядочиванием его ритмической организации за счет дискурсивных слов: предлогов, союзов, местоимений.

Мы предлагаем следующую реконструкцию кольцовского стихотворения, которое по первой строке можно назвать «Прострелено солнце»:

Прострелено солнце.
Лицо помрачилось,
без**О**бразной глыбой
упало на землю!
Кровь, хлынув потоком,

дымилася долго,
нап**О**лняя воздух
святым вдохновеньем
недожитой жизни!
Толпо<ю> согласной
с̥беритесь, <о> други,
любимцы искусства,
жрецы вдохновенья,
посланники Бога,
пророки земные!
Глотайте тот воздух,
где русского барда,
с последнею жизнью,
текла кровь на землю,
текла и дымилась!
Глотайте тот воздух,
глотайте душою:
та кровь драгоценна.
Сберите ту кровь, <и>
в сосуд положите,
в роскошный сосуд <и>
Сосуд тот поставьте
на той на могиле,
где Пушкин лежит.

Удивительное по силе выражение «прострелено солнце», начинающее это стихотворение, восходит к знаменитому образу А.С. Пушкина как «Солнца русской поэзии». Эта перифраза появляется в известной заметке-некрологе, которая была опубликована А.А. Краевским 30 января 1837 года в пятом номере «Литературных прибавлений» – приложении к газете «Русский инвалид» [Серов, 2004, *347*]. Автором этого текста, который мы позволим себе процитировать полностью, является, по всей вероятности, В.Ф. Одоевский:

Солнце русской поэзии *закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в средине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!*

Жизнь и поэзия дали утешительный ответ на этот горестный и безнадежный вопрос В.Ф. Одоевского: Пушкин не ушёл от нас – он остался с нами навечно.

Если выстоять нужно,
Как в окопе, в судьбе,
«У России есть Пушкин!» –
Говорю я себе.
Чуть подтаяли силы,
Не ропщу, не корю,

«Пушкин есть у России!» –
Как молитву творю.
…Есть и правда, и сила
На российской земле,
Коль такие светила
Загорались во мгле.
(Глеб Горбовский, «Сын России»)

А.В. Кольцов, вероятно, прочитавший некролог В.Ф. Одоевского, развил представленный в газетном тексте образ. Кольцовское выражение также привлекло к себе внимание читающей публики и позднее неоднократно цитировалось писателями, учеными, публицистами и журналистами (см.: [Кольцова, Чуриков, 2012, *105–106*]).

Внимательное чтение письма А.А. Краевскому позволяет предположить, что оно содержит еще одно стихотворение воронежского поэта, посвященное гибели А.С. Пушкина. С нашей точки зрения, именно так следует интерпретировать фрагмент письма, следующий за четверостишием (см. выше). При реконструкции этого произведения мы руководствуемся сформулированным ранее принципом минимального вмешательства в содержание при графическом упорядочивании формы. Однако в данном случае мы посчитали возможным наряду с дискурсивными словами добавить одно прилагательное – *вышний* (в качестве определения слова *закон*), которое встречается в поэзии А.В. Кольцова и употребляется поэтом в сочетании со словом *творец* (в стихотворении «Маленькому брату»):

Расти счастливо, брат мой милый,
Под кровом *вышнего творца*.
[Кольцов, 1961, 1, *70–71*]

После этой необходимой мотивации приведем предлагаемую реконструкцию третьего стихотворения, которое по первой строке можно назвать «Слепая судьба»:

Слепая судьба!
Разве мало мерзавцев?
<И> Пушкина кроме
Нельзя разве было
Кому-<то> другому
<Тот> смертный гостинец
Тебе передать?
Мерзавцев есть много, –
За что ж ты их любишь,
К чему бережешь <их>?
Мерзавка судьба!..
<О>Творец Всемогущий,
Св<я>та твоя воля,
Советы мудры; но
<Так> непостижим нам
Твой <вышний> закон!..

Образ злой судьбы, занимающий центральное место в произведении, достаточно широко представлен в поэзии А.В. Кольцова. При этом важно отметить, что этот образ характерен, прежде всего, для поздних стихотворений поэта (написанных уже после упомянутого письма А.А. Краевскому):

А теперь, как крылья быстрые
Судьба злая мне подрезала,
И друзья, мои товарищи,
Одного меня все кинули…
(Тоска по воле (1839)) [Кольцов, 1961, 1, *242*]

Но я, в укор моей **судьбе**,
Судьбе, враждующей со мною,
Томясь с злосчастием в борьбе,
Не отравлен еще тоскою.
(Я дома (1839)) [Кольцов, 1961, 1, *234*]

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба.
(Расчет с жизнью (1840))[Кольцов, 1961, 1, *283*]
Напрасно я молю святое провиденье
Отвесть *удар карающей судьбы*.
(Вопль страдания (1840)) [Кольцов, 1961, 1, *264*]

Иль боится он [сокол]
В чужих людях быть,
С *судьбой-мачехой*
Сам-собою жить?
(Дума сокола (1840)) [Кольцов, 1961, 1, *259*]

Редкий пример появления этого образа в раннем творчестве А.В. Кольцова обнаруживается в стихотворении «Тоска о милом» (1827):

Все тщетно! Я тоскую,
Утех везде ищу,
Кляну *судьбу лихую*
И – более грущу.

В отличие от М.Ю. Лермонтова («Благодарность» 1840 года, «И с небом гордая вражда» в поэме «Демон»), А.В. Кольцов не бунтует против Бога, но и не может принять созданного им миропорядка, фаталистически полагая всё свершающееся следствием Божьей воли, а не свободы воли человеческой, предоставляемой Богом человеку.

Кроме того, следует отметить, что в анализируемом поэтическом произведении наблюдается важное для А.В. Кольцова соединение мотива непостижимости Бога и установленного им порядка вещей с неприятием многих аспектов этого миропорядка.

С подобным соединением мы встречаемся, в частности, в раннем стихотворении «Плач» (1829):

Я думал: в мире люди
Как ангелы живут,
Я думал, в тайных мыслях
Один у них закон:
К тебе, Царю Небесный,
Любовью пламенеть,
И ближним неимущим
Без ропота души
Последнюю копейку,
Как братьям, уделять.
А люди – те же звери:
И холодны, и злы;
Мишурное величье –
Молебный их кумир,
А золото и низость –
Защитник их и бог.
И ты, Отец Небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на них.
О, просвети мне мысли,
Нерадостны они,
И мудрости светильник
Зажги в моей душе.
[Кольцов, 1961, 1, *70–71*]

Как видим, противоречие между несомненным совершенством Творца и столь же несомненным несовершенством созданного им мира является не случайным эпизодом в творчестве А.В. Кольцова, а устойчивым выстраданным лейтмотивом, идущим от ранних юношеских произведений к зрелым произведениям последнего этапа творчества.

В русской литературе этот кольцовский мотив оказался подхвачен и развит в творчестве зрелого Ф.М. Достоевского – в его вершинном произведении «Братья Карамазовы». Лучшей иллюстрацией данного утверждения является следующий отрывок из исповедальной речи Ивана Карамазова, адресованной брату Алеше: «Итак, принимаю Бога, и не только с охотой, но, мало того, принимаю и премудрость его, и цель его, нам совершенно уж неизвестные, верую в порядок, в смысл жизни, верую в вечную гармонию, в которой мы будто бы все сольемся, верую в Слово, к которому стремится вселенная и которое само “бе к Богу” и которое есть само Бог, ну и прочее и прочее, и так далее в бесконечность. Слов-то много на этот счет наделано. Кажется, уж я на хорошей дороге – а? Ну так представь же себе, что в окончательном результате *я мира этого Божьего – не принимаю* и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. *Я не Бога не принимаю*, пойми ты

это, *я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю* и не могу согласиться принять» [Достоевский, 1976, *214*].

А затем эту же мысль повторяет и главный герой романа Алеша Карамазов: «– *Я против Бога моего не бунтуюсь*, *я* только "*мира его не принимаю*", – криво усмехнулся вдруг Алеша» [Там же, *308*].

Таким образом, по нашему мнению, А.В. Кольцов создал в 1837 году не одно, а четыре стихотворения, посвященные смерти великого русского поэта, которые можно считать своеобразным **«пушкинским» циклом**: «Лес», «О, лейтесь, лейтесь же ручьями…», «Прострелено солнце…» и «Слепая судьба...». По сложившейся традиции даже упомянутое четверостишие (очевидный поэтический текст!) не включается в собрания кольцовских стихотворений, не говоря уже о других частях рассматриваемого нами письма. Нам представляется, что будущие сборники поэзии А.В. Кольцова должны быть дополнены этими произведениями.

Реконструируемые и восстанавливаемые в своих правах стихотворные произведения А.В. Кольцова оказываются связанными не только с другими стихотворениями поэта, но и с другими текстами внутри русской литературы – как отдельными образами, крылатыми словами, так и мотивами.

ЛИТЕРАТУРА

Беззубов А.Н. Высокочастотная лексика песен Алексея Кольцова // Вестник Ленинград. гос. ун-та. Серия 2: История. Языкознание. Литературоведение. 1979. Вып. 2. С. 86–92.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 14: Братья Карамазовы: роман. Кн. 1–10. Л.: Наука, 1976. 512 с.

Жиляков В.И. Стилистические функции частей речи в поэзии А.В. Кольцова (Глагол и имя существительное): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1969. 17 с.

Кавецкая Р.К. О работе над словарем языка поэзии А.В. Кольцова // Филологические записки. Серия литературы и фольклора. Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 1971. С. 208–213.

Кавецкая Р.К., Кретов А.А. Обратный частотный словарь поэтических произведений А.В. Кольцова. Воронеж: ВГУ, 1996. 159 с.

Кольцов А.В. Полное собрание сочинений А.В. Кольцова. СПб., 1911. 471 с.

Кольцов А.В. Сочинения. В 2 т. М.: Советская Россия, 1961. Т. 1: Стихотворения. 360 с. Т. 2: Письма. 336 с.

А.В. Кольцов вчера, сегодня, завтра: материалы Межвузовской научной конференции / отв. ред. В.М. Акаткин. Воронеж: Изд. О.Ю. Алейников, 2009. 175 с.

А.В. Кольцов. Страницы жизни и творчества: к 175-летию со дня рождения / редкол.: Б.Т. Удодов (отв. ред.) [и др.]. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. 209 с.

А.В. Кольцов: Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / под ред. Р.К. Кавецкой. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. 181 с.

Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Крылатое слово А.В. Кольцова. Опыт словаря. 2-е изд., испр. и перераб. Воронеж: ИД ВГУ, 2012. 184 с.

Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Поэтическое слово А.В. Кольцова в русской речи: монография. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. 144 с.

Кретов А.А. Опыт выявления архетипов поэзии А.В. Кольцова // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. Вип. 16. Донецьк: ДонНУ, 2008. С. 353–366.

Кретов А.А., Катов М.В. Поэзия А.В. Кольцова в контексте русской литературы 18 – начала 20 века // А.В. Кольцов вчера, сегодня, завтра: материалы Межвузовской научной конференции / отв. ред. В.М. Акаткин. Воронеж: Изд. О.Ю. Алейников, 2009. С. 137–150.

Медянский С.М. Лексико-фразеологические элементы народно-поэтического происхождения в стихотворном языке А.В. Кольцова и поэтов пушкинской поры: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1969. 262 с.

Листрова-Правда Ю.Т. Субстантивация в языке поэзии А.В. Кольцова (Материал для словаря языка поэзии А.В. Кольцова) // Сб. мат-лов 2-й научной сессии вузов Центрально-Чернозёмной зоны. Лингвистические науки. Воронеж, 1967. С. 194–200.

Радина Л.Б. Лексические повторы и вопросительные конструкции как средства экспрессии и передачи поэтического содержания в поэзии А.В. Кольцова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 19 с.

Радина Л.Б. Функционирование вопросительных конструкций в поэтических текстах А.В. Кольцова // А.В. Кольцов вчера, сегодня, завтра: материалы Межвузовской научной конференции. Воронеж: Изд. О.Ю. Алейников, 2009. С. 158–161.

Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2004. 877 с.

Скатов Н.Н. Сочинения. В 4 т. Т. 2: Алексей Кольцов. СПб.: Наука, 2001. 356 с.

Тонков В.А. А.В. Кольцов: Жизнь и творчество. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Книгоиздат, 1958. 404 с.

Удодов Б.Т. Очерки истории русской литературы 1820–1830-х годов: учебное пособие для студентов-филологов. Воронеж: Изд. дом Алейниковых, 2004. 379 с.

Филологические записки: межвузовский научный сборник. Вып. 1 / редкол.: В.А. Тонков (отв. ред.) [и др.]. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. 226 с.

Чернышёв В.И. Язык и стиль стихотворений А.В. Кольцова // Русская речь. 1967. № 5. С. 12–28.

Чижик-Полейко А.И. К вопросу о языке и стиле А.В. Кольцова // Филологический сборник. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961. С. 193–212.

Шалина И.П. Ономастика лирики А.В. Кольцова // А.В. Кольцов вчера, сегодня, завтра: материалы Межвузовской научной конференции. Воронеж, 2009. С. 167–174.

A.A. Kretov
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Theoretical and Applied Linguistics Department,
Voronezh State University
Voronezh, Russia

S.A. Churikov
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
The Russian Language Department,
Voronezh State University
Voronezh, Russia

Four Poems by A.V. Koltsov on A.S. Pushkin's Death

The article substantiates the need to supplement the canonical corpus of A.V. Koltsov's poems with three poetic works, which are contained in the poet's

letter to A.A. Krayevsky, a publisher, and dedicated to the death of A.S. Pushkin. One of these works is presented in the specified epistolary text in a standard verse form, while the other two have a prose design. The authors propose a reconstruction of these two poems based on the principle of minimal interference in the content with graphic ordering of the form. The article shows that A.V. Koltsov's poems reconstructed and restored in their rights are connected with other works not only within the poet's artistic world, but also within Russian literature with individual images, catchwords, and motives.

Key words: *A.V. Koltsov's poetry; A.S. Pushkin; poem reconstruction; intertextual connections.*

REFERENCES

A.V. Kol'tsov vchera, segodnya, zavtra: materialy Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii [A.V. Koltsov Yesterday, Today, Tomorrow: Proclaims of the Interuniversity Scientific Conference]. Voronezh, O.Yu. Aleinikov's Publ., 2009. 175 p. (in Russian).

A.V. Koltsov. Pages of Life and Creativity: to the 175th Anniversary of the Birth [A.V. Kol'tsov. Stranitsy zhizni i tvorchestva: k 175-letiyu so dnya rozhdeniya]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1984. 209 p. (in Russian).

A.V. Koltsov: Index of Words and Forms of Words in Poetic Works [A.V. Kol'tsov: Ukazatel' slov i form slov v poeticheskikh proizvedeniyakh]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1991. 181 p. (in Russian).

Bezzubov A.N. High-Frequency Vocabulary of Songs by Alexey Koltsov [Vysokochastotnaya leksika pesen Alekseya Kol'tsova]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya Istoriya. Yazykoznanie. Literaturovedenie*, 1979, no. 2, pp. 86–92 (in Russian).

Chernyshyov V.I. Language and Style of A.V. Koltsov's Poems [Yazyk i stil' stikhotvoreny A.V. Kol'tsova]. *Russkaya rech'*, 1967, no. 5. pp. 12–28 (in Russian).

Chizhik-Poleiko A.I. To the Question of A.V. Koltsov's Language and Style [K voprosu o yazyke i stile A.V. Kol'tsova]. *Filologichesky sbornik.* Voronezh University Publ., 1961, pp. 193–212 (in Russian).

Dostoyevsky F.M. Complete Works: In 30 Vol.: Vol. 14: The Brothers Karamazov: A Novel: Books 1–10 [Polnoye sobranie sochineny: v 30 t.: T.14: Brat'ya Karamazovy: roman: kn. 1–10]. Leningrad, Nauka, 1976. 512 p. (in Russian).

Kavetskaya R.K. About the Work on the Dictionary of the Language in A.V. Koltsov'spoetry [O rabote nad slovarem yazyka poezii A. V. Kol'tsova]. *Filologicheskie zapiski. Seriya literatury i fol'klora*, 1971, Issue 1, pp. 208–213 (in Russian).

Kavetskaya R.K., Kretov A.A. Reverse Frequency Dictionary of Poetic Works by A.V. Koltsov [Obratny chastotny slovar' poeticheskikh proizvedeny A.V. Kol'tsova]. Voronezh, VSU, 1996. 159 p. (in Russian).

Koltsova L.M., S.A. Churikov S.A. A Catchword of A.V. Koltsov. Experience of the Dictionary [Krylatoe slovo A.V. Kol'tsova. Opyt slovarya]. 2nd ed. Voronezh, Publishing House of Voronezh State University, 2012. 182 p. (in Russian).

Koltsova L.M., S.A. Churikov S.A. Poetic Word of A.V. Koltsova in Russian Speech: A Monograph [Poeticheskoe slovo A.V. Kol'tsova v russkoi rechi]. Voronezh, VSU, 2013. 144 p. (in Russian).

Koltsov A.V. Complete Works [Polnoye sobranie sochineny], Saint Petersburg. 1911. 471 p. (in Russian).

Koltsov A.V. Works: In 2 Vols. Vol. 1: Poems [Sochineniya: v 2 t. T.1: Stikhotvoreniya]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 1961. 360 p. (in Russian).

Koltsov A.V. Works: In 2 Vols. Vol. 2: Letters [Sochineniya: v 2 t. T.2: Pis'ma]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 1961. 336 p. (in Russian).

Kretov A.A. The Experience of Identifying Archetypes of A. V. Koltsov'spoetry [Opyt vyyavleniya arkhetipov poezii A.V. Kol'tsova]. *Lingvistichni studiï*, Issue 16. Donetsk, DonNU, 2008, pp. 353–366 (in Russian).

Kretov A.A., Katov M.V. Poetry of A.V. Koltsov in the Context of Russian Literature of the 18th – early 20th Century [Poeziya A.V. Kol'tsova v kontekste russkoi literatury 18 – nachala 20 veka]. *A.V. Kol'tsov vchera, segodnya, zavtra: materialy Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [A.V. Koltsov Yesterday, Today, Tomorrow: Proclaims of the Interuniversity Scientific Conference]. Voronezh, O.Yu. Aleinikov's Publ., 2009, pp. 137–150 (in Russian).

Listrova-Pravda Yu.T. Substantiation in the Language of Poetry of A.V. Koltsov (Material for the dictionary of the language of poetry of A.V. Koltsov [Substantivaciya v yazyke poezii A.V. Kol'tsova (Material dlya slovarya yazyka poezii A.V. Kol'tsova)]. *Sbornik materialovlov 2 nauchnoi sessii vuzov Tsentral'no-Chernozyomnoi zony. Lingvisticheskie nauki* [Proclaims of the 2nd scientific session of universities of the Central Black Earth Oblast. Linguistic science]. Voronezh, 1967, pp. 194–200. (in Russian).

Medyansky S.M. Lexico-phraseological Elements of Folk-poetic Origin in the Poetic Language of A.V. Koltsov and Poets of the Pushkin Era [Leksiko-frazeologicheskie elementy narodno-poeticheskogo proiskhozhdeniya v stihotvornom yazyke A. V. Kol'tsova i poetov pushkinskoj pory]: diss. of cand. of philol. sciences. Voronezh. 1969. 262 p. (in Russian).

Philological Notes. Series: Literature and Folklore [Filologicheskie zapiski. Seriya literatury i fol'klora]. Issue 1. Editorial board: V.A. Tonkov (editor-in-chief) [and others]. Voronezh, Voronezh University Publ. 1971. 226 p. (in Russian).

Radina L.B. Functioning of Interrogative Constructions in A.V. Koltsov's Poetic Texts [Funktsionirovanie voprositel'nykh konstruktsy v poeticheskikh tekstah A. V. Kol'tsova]. *A.V. Kol'tsov vchera, segodnya, zavtra: materialy Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [A.V. Koltsov Yesterday, Today, Tomorrow: Proclaimsof the Interuniversity Scientific Conference]. Voronezh, O.Yu. Aleinikov's Publ., 2009, pp. 158–161 (in Russian).

Radina L.B. Lexical Repetitions and Interrogative Constructions as a Means of Expression and Transfer of Poetic Content in A.V. Koltsov's Poetry [Leksicheskie povtory i voprositel'nye konstruktsii kak sredstva ekspressii i peredachi poeticheskogo soderzhaniya v poezii A.V. Kol'tsova]: abstract. diss. cand. of philol. sciences Voronezh. 1991. 19 p. (in Russian).

Serov V. Encyclopedic Dictionary of Catchwords and Expressions [Entsiklopedichesky slovar' krylatykh slov i vyrazheny]. Moscow, Lokid-Press. 2004. 877 p. (in Russian).

Shalina I.P. Onomasticon of A.V. Koltsov's poems [Onomastika liriki A.V. Kol'tsova]. *A.V. Kol'tsov vchera, segodnya, zavtra: materialy Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [A.V. Koltsov Yesterday, Today, Tomorrow: Proclaimsofthe Interuniversity Scientific Conference]. Voronezh, O.Yu. Aleinikov's Publ., 2009, pp. 167–174 (in Russian).

Skatov N.N. Works in 4 Vols. Vol. 2. Aleksey Koltsov [Sochineniya v 4 t. T.2. Aleksei Kol'tsov]. Saint Petersburg, Nauka. 2001. 356 p. (in Russian).

Tonkov V.A. Koltsov: Life and Creativite Work [A.V. Kol'tsov: Zhizn' i tvorchestvo]. 2-nd ed. Voronezh, Knigoizdat, 1958. 404 p. (in Russian).

Udodov B.T. Essays on the History of Russian Literature in the 1820s–1830s: a Textbook for Students of Philology [Ocherki istorii russkoi literatury 1820–1830-kh godov: uchebnoye posobie dlya studentov-filologov]. Voronezh, O. Yu. Aleinikov's Publ. 2004. 379 p. (in Russian).

Zhilyakov V.I. Stylistic Functions of Parts of Speech in A.V. Koltsov's Poetry (Verb and Noun) [Stilisticheskie funktsii chastei rechi v poezii A. V. Kol'tsova (Glagol i imya sushchestvitel'noye)]: abstract. diss. of cand. of philol. sciences. Rostov-on-Don. 1969. 17 p. (in Russian).

В.С. Ковалева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

О.Е. Похаленков

Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского
Калуга, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-33-45

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЭТИКА ПОВЕСТИ Б. ВАСИЛЬЕВА «ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА»

Ключевые слова: *Б. Васильев; повесть «Завтра была война»; карнавальная поэтика; категории карнавализации.*

В статье рассматриваются такие категории теории карнавализации, как вольный фамильярный контакт, эксцентричность, профанация, карнавальная амбивалентность, увенчание и развенчание карнавального короля. Привлечение этих категорий к анализу повести Б. Васильева «Завтра была война» позволяет не только выявить особенности карнавальной поэтики произведения, но и глубже понять царившую в стране накануне войны атмосферу тотального сталинского террора. Обращение к теории карнавализации помогает сделать вывод о том, как тяжела была атмосфера подозрительности, доносительства, необоснованных репрессий, созданная НКВД при поддержке государственной машины. Б. Васильев заставляет читателя задуматься, можно ли считать, что устанавливающийся в стране новый порядок лучше прежнего, сметенного революцией. Тем самым в повести реализуется основная цель карнавала, заключающаяся в том, чтобы вывернуть наизнанку привычные представления о мире как о разумной иерархической системе, поставить с ног на голову обычный порядок вещей, осмеять все привычное и застывшее, с тем чтобы через отрицание, осмеяние (символическую смерть) способствовать возрождению и обновлению мира.

Во второй половине XX века благодаря трудам М.М. Бахтина в литературоведение вошло понятие карнавала. Ученый расширил рамки его узкого понимания, предложив рассматривать в качестве карнавальных форм самые разные праздники, обряды, игровые действа. Со времени выхода трудов ученого и до наших дней теория карнавала не потеряла своей привлекательности и по-прежнему остается одной из дискутирумых в литературоведческой науке. И сторонники, и противники бахтинской теории сходятся в том, что ««понятие карнавализации» является «едва ли не самым распространенным

из всех бахтинских терминов» [Махлин, 2001], но это понятие, несмотря на активное использование теоретиками и историками литературы, тем не менее, остается одним из проблематичных. Известно, что Бахтину в полной мере проявить себя при создании теории карнавала мешали определенные идеологические ограничения (напомним, что начало работы ученого над своим детищем совпало с завершением хрущевской «оттепели»). Погружаясь в свое исследование, М.М. Бахтин приходит к убеждению, что каждому следующему поколению писателей не нужно быть свидетелем карнавальных действ, не нужно непосредственно наблюдать карнавальные формы, поскольку карнавальное мироощущение наследуется художниками слова через литературу предшествующих эпох.

Говоря о привлекательности концепции карнавализации, мы имеем в виду исследования, с завидным постоянством появляющиеся и в нашей стране, и за рубежом и считающие бахтинскую теорию основой для анализа поэтики произведений авторов разных эпох (и каждого в отдельности, и в сравнении их друг с другом). Сам Бахтин в одном из интервью сказал: «Если нельзя изучать литературу в отрыве от всей культуры эпохи, то еще более пагубно замыкать литературное явление в одной эпохе его создания. <…> Пытаясь понять и объяснить произведение только из условий его эпохи, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины» [Бахтин, 1979, *331*].

Так, к изучению тоталитаризма через теорию карнавала обращается Б.Е. Гройс [Гройс, 1992, *104–126*]; в свете идей М.М. Бахтина проводит анализ романа М. Сервантеса «Дон Кихот» Рокко Коронато [Coronato, 2003]; исследуя творчество Томаса Гарди, обращает внимание на монизм и карнавальную традицию Глен Викенс [Wickens, 2002]; находит карнавальные истоки в пьесах Кристофера Марло исследователь Розалия Йенева [Yaneva, 2013]; рассматривает текст «Капитанской дочки» А.С. Пушкина с позиций карнавализации И.В. Марусова [Марусова, 2007] – и подобных примеров можно привести немало.

Как правило, большинство исследователей, несмотря на жанровое разнообразие анализируемого ими материала, солидарны в том, что «карнавал представляет собой синкретическую зрелищную форму обрядового характера. Это зрелище без разделения на исполнителей и зрителей; его не созерцают, а живут в нем, действуют по его законам, подчиненным … логике “обратности”. Карнавал “находится на границах искусства и самой жизни. В сущности, это сама жизнь, но оформленная особым игровым образом”» [Бахтин, 1990].

О вневременной форме карнавала говорил и сам М.М. Бахтин. Так, еще в античную эпоху особую роль в жизни людей играли карнавальные торжества. Их значение не приуменьшилось и позже, в эпоху Средневековья. Карнавальные традиции отличались разнообразием, они «как бы строили по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь, кото-

рым все средневековые люди были в большей или меньшей степени причастны, в которых они в определенные сроки жили» [Бахтин, 1970, *10*].

Однако в XVII веке в отношении людей к карнавалу происходят существенные изменения: если в первой половине века карнавал, по большому счету, приравнивался к одной из форм человеческого существования, то во второй половине века всенародное значение карнавала постепенно утрачивается. Зрелищность остается, но значительно упрощается: маскарадное веселье сохраняет лишь внешнюю, декоративную сторону карнавала.

А в литературном творческом процессе наблюдается влияние не самого карнавала как такового – усиливается влияние карнавализованной литературы. Постепенно карнавализация становится литературной традицией. По этому поводу М.М. Бахтин писал: «Карнавал как бы перевоплотился в литературу, именно в определенную могучую линию развития. Карнавальные формы, транспонированные на язык литературы, стали мощными средствами художественного постижения жизни, стали особым языком, слова и формы которого обладают исключительной силой символического обобщения, то есть обобщения в глубину» [Там же, *269*].

В настоящей работе мы, вслед за Б.Е. Гройсом, полагаем, что теория народной смеховой культуры может воспроизводить в том числе и атмосферу сталинского террора с его специфической веселостью, театрализацией, неожиданными увенчаниями и развенчаниями. По Гройсу, революция и сталинский террор получают через идею карнавала «теоретическое оправдание в качестве восходящего к архаической традиции ритуального действа» [Гройс, 1997, *79*].

Правомерность существования подобного взгляда не вызывает возражений у В.Б. Махаева, который отмечает: «“Карнавал” сопровождает смену политического режима: новая власть борется со старой с помощью символических форм идеологии. Такой грандиозный “карнавал” – коллективное социальное творчество, участие всего социума в историческом акте. Русские революции начала XX в., крупнейшие социальные катаклизмы, были не символическим разрушением отжившего, а взрывом социальной энергии, уничтожившим существовавший миропорядок» [Махаев, 1995, *107–108*].

В качестве материала исследования в представленной работе выступает повесть известного писателя и сценариста, уроженца Смоленска Б.Л. Васильева «Завтра была война», написанная в 1972 году и не имевшая в тот период доступа к широкой читательской аудитории прежде всего потому, что не изучалась в школьном курсе литературы, пусть даже и в списках для внеклассного чтения. Известно также, что до начала «перестройки» Б. Васильев как сценарист испытывал определенные трудности с разрешением на экранизацию повести (фильм «Завтра была война» вышел

на экраны в 1987 году). Как тут не вспомнить, что, по Бахтину, карнавал противостоит власти.

Принимая во внимание основные категории карнавализации, рассмотрим некоторые сюжетные линии, связанные с образом одного из центральных персонажей произведения – школьницы Искры Поляковой.

О ней рассказчик говорит: «Искра. Искра Полякова, атаман в юбке, староста 9-го “Б”, героиня подполья, живая легенда, с которой я учился, спорил, ходил на каток, которую преданно ждал у подъезда, когда с горизонта исчез Сашка Стамескин, первая любовь Искры. И последняя: у Искры не могло быть ничего второго. Ни любви, ни школьных отметок, ни места в жизни» [Васильев, 1994, *115–116*]. Именно Искре принадлежала идея сделать на память о школе общую фотографию в 7-м классе, сразу после экзаменов, «она вообще любила проворачивать всяческие мероприятия» [Там же, *5*]. Эта фотография так и осталась единственным напоминанием о представителях поколения, отдавшего жизни за идеалы, в которые оно беззаветно верило и в которых не могло, не хотело и боялось усомниться. Искра, совсем юная девушка, имела у одноклассников непререкаемый авторитет: «Мы ходили в кино, читали вслух те книги, которые Искра объявляла достойными, делали вместе уроки и – болтали. О книгах и фильмах, о друзьях и недругах, о дрейфе “Седова”, об Интербригадах, о Финляндии, о войне в Западной Европе и просто так, ни о чем» [Там же, *6*]. Вот оно, по упомянутому выше замечанию В.Б. Махаева, «участие всего социума в историческом акте», «взрыв социальной энергии».

Заметим, что категории карнавала органически связаны между собой, взаимопроникаемы, часто их трудно отделить друг от друга, поэтому один и тот же эпизод текста может рассматриваться с позиций разных карнавальных категорий. При анализе мы исходим из понимания основной цели карнавала – вывернуть наизнанку привычные представления о мире как о разумной иерархической системе, поставить с ног на голову обычный порядок вещей, осмеять все привычное и застывшее, с тем чтобы через отрицание, осмеяние (символическую смерть) способствовать возрождению и обновлению мира.

Известно, что одной из примет советской культуры 20–50-х годов прошлого века стала инверсия (инверсия смыслов). В широком значении официального ритуала – это символическая подмена значений, когда происходит традиционная карнавальная перемена ролей.

В повести «Завтра была война» инверсия представлена широким диапазоном образов советских людей. Прежде всего, это образ матери Искры, «товарища Поляковой». Читатель является свидетелем изменения материнской роли: вместо женщины – хранительницы очага и устроительницы домашнего уюта перед нами комиссар в кожанке и сапогах: «Мама Искры до сих пор носила потертую чоновскую кожанку, сапоги и широкий

ремень, оставлявший после удара жгучие красные полосы. Про эти полосы Искра никому никогда не говорила, потому что стыд был больнее» [Там же, *13*]. Б. Васильев подчеркивает, что материнское и женское начало подавляется в «товарище Поляковой» не без влияния той власти, которую она олицетворяет. И должности она занимает мужские, и одежда у нее соответствует должности. И жестокость ее по отношению к дочери не женская. Перемена ролей как бы нагнетается автором и все больше усиливается по мере постепенного знакомства с произведением. Эта перемена становится особенно явной, когда читатель узнает, что несгибаемый боец «товарищ Полякова» – глубоко несчастный человек. «Товарищу Поляковой» хочется любви и простого женского счастья, но взятая ею на себя роль под влиянием официальной идеологии (кстати, взятая добровольно) заставляет ее носить соответствующую маску. Только Искра «знала: ее резкая, крутая, несгибаемая мать была глубоко несчастной и, в сущности, одинокой женщиной. Искра очень жалела и очень любила ее.

Три года назад сделала она это страшное открытие: мама несчастна и одинока. Сделала случайно, проснувшись среди ночи и услышав глухие, стонущие рыдания. В комнате было темно, только из-за шкафа, что отделял Искоркину кровать, виднелась полоска света. Искра выскользнула из-под одеяла, осторожно выглянула. И обмерла. Мать, согнувшись и зажав голову руками, раскачивалась перед столом, на котором горела настольная лампа, прикрытая газетой» [Там же, *13*]. Новая идеология была принята матерью Искры безоговорочно, в эту идеологию и женственность с ее слабостью, и материнство, и чадолюбие в их традиционном понимании вписывались с трудом или не вписывались вовсе: «Слово “комиссар” для мамы решало все. В этом понятии заключался ее символ веры, символ чести и символ ее юности. Слабость была антиподом этого вечно юного и яростного слова, и Искра презирала слабость пуще предательства» [Там же].

Другим примером инверсии может служить образ нового директора школы: «Он носил широченные галифе, мягкие шевровые сапоги “шимми” и суконную гимнастерку с огромными накладными карманами, был по-кавалерийски шумлив, любил громко хохотать и чихать на всю школу»; при этом он был убежден, что «жить надо не распоряжениями, а идеями», в школе же «основная идея – воспитать гражданина новой социалистической Родины» [Там же, *34*].

В соответствии с теорией карнавализации представлены действия нового директора: это и его первые приказы по школе, которые давали школьникам возможность чувствовать себя свободно и непринужденно: «Классы перемешали, дежурных ликвидировали, зеркала повесили, чем и привели девочек в состояние постоянно действующего ажиотажа. Появились новые бантики и новые челки, а на переменах школа победно ревела сотнями глоток, и директор был очень доволен» [Там же, *35*]. Весьма свое-

образно, а по большому счету – нескучно, теперь бы сказали – нетрадиционно, проводил Николай Григорьевич уроки пения и географии. Заметим, что он вел предметы, которые позволяли школьникам максимально самовыражаться, мечтать о путешествиях и изливать душу в песнях. Все директорские новшества, его поведение могут рассматриваться как проявление категории вольного фамильярного контакта. В этой категории разрушается дистанция, рушится непроницаемый иерархический барьер: «Специальных уроков пения в школе не было из-за отсутствия педагогов, и директор решил вопрос волюнтаристски: отдал приказ об обязательном совместном пении три раза в неделю. Старшеклассников звали в спортзал, директор брал в руки личный баян и отстукивал ритм ногой.

Мы красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ…

Эти спевки Искра очень любила. У нее не было ни голоса, ни слуха, но она старалась громко и четко произносить слова, от которых по спине пробегали мурашки:

Мы беззаветные герои все…

А вообще-то директор преподавал географию, но своеобразно, как и все, что делал. Он не любил установок, а тем паче – указаний и учил не столько по программе, сколько по совести большевика и бывшего конармейца» [Там же, *35*].

Уроки географии Николай Григорьевич превращал в уроки жизни. Его раздражали несмелые попытки учеников показать на карте ту или иную реку. Учитель не придавал большого значения тому, что, например, школьник плохо знает названия рек в Индии. В реке надо уметь плавать, хорошо бы еще ориентироваться, куда плывешь. А об Индии следует знать, как живется народу под колониальным гнетом. И вот итог урока: империализм заслуживает осуждения, а угнетенные – сочувствия. Так директор воспитывал в детях чувство интернационализма.

Рассказывая о Сальских степях, Николай Григорьевич входил в роль опытного, заботливого советчика. Для степей характерно то, что там мало воды. И если ехать по степи на лошади, то нужно позаботиться о том, чтобы основательно напоить коня с самого утра. А лучше путешествовать на лошадях местной степной породы: они выносливее.

Поведение директора полностью попадает под категорию вольного фамильярного контакта. Б. Васильев показывает, что и на уроках, и в бытовом общении стирается грань между директором и учениками, присутствует свободный диалог, разговорные обращения типа «голуба, парень» и др.

С категорией вольного фамильярного контакта тесно связана категория эксцентричности, когда, помимо воли персонажа, часто импульсив-

но, вырывается наружу тщательно скрываемое им внутреннее состояние. Ярким примером проявления категории эксцентричности в тексте выступает эпизод похорон Вики Люберецкой, когда у ее гроба Искра читает стихи Есенина: «Искра шагнула к гробу, вскинула голову:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди…

Она звонко, на все кладбище читала последние есенинские строчки. Слезы вместе с дождем текли по лицу, но она ничего не чувствовала. Кроме боли. Ноющей, высасывающей боли в сердце» [Там же, *99*].

Отметим также тесную связь с категорией вольного фамильярного контакта такой категории, как профанация. Традиционно под профанацией понимается непочтительное отношение к тому, что достойно уважения: к памяти о ком-либо, к учению, к произведению искусства. Фактически это снижение, опошление чего-то, считающегося незыблемым.

В повести Б. Васильева профанация представлена, например, в эпизоде разговора учительницы литературы Валентины Андроновны (Валендры) с Искрой. Классная руководительница рассматривает случай с отцом Вики Люберецкой, Леонидом Сергеевичем, как политическое дело, которое можно повернуть и против директора (на место директора Валендра метила давно). Она требует от Искры не просто созвать комсомольское собрание, но настаивает, чтобы девушка провела его и предложила исключить из комсомола Вику как дочь врага народа.

Пользуясь своим положением старшего по возрасту, положением учителя, Валентина Андроновна пытается заставить Искру согласиться с тем, что Люберецкий – преступник. Искра молчит, однако чувство справедливости непоколебимо в ней. Тихо, но твердо она говорит, что все знает. Конечно, Искра уже знает, что уважения такие, как Валендра, не заслуживают. Учительница колеблется вместе с колебаниями официальной идеологической линии, она с легкостью готова очернить того, кого еще вчера называла гордостью города. Постепенно Искра приходит к выводу, что жизнь предлагает такие факты, которые учат лучше всяких уроков: нельзя обижать слабого, обвинять невиновного… В результате девушка отказывается проводить собрание. Ей страшно до ужаса, но допустить несправедливости она не может. Таким образом, авторитет взрослого, претендующего на роль справедливого наставника, повержен.

Еще одним примером проявления категории профанации в повести является эпизод, в котором директор школы произносит короткую речь на похоронах Вики Люберецкой:

«– Товарищи! – вдруг очень громко сказал директор. – Парни и девчата, смотрите. Во все глаза смотрите на вашу подругу. Хорошо смотрите,

чтобы запомнить. На всю жизнь запомнить, что убивает не только пуля, не только клинок и осколок – убивает дурное слово и скверное дело, убивает равнодушие и казенщина, убивает трусость и подлость. Запомните это, ребята, на всю жизнь запомните!..» [Там же, *99*].

В словах директора школы звучит предостережение о том, что и вновь создаваемое общество не обходится без ошибок, как бы ни старалась официальная пропаганда настаивать на обратном. В любом обществе нужно ценить человека как личность, бережно относиться к окружающим. Иначе официальная государственная пропаганда потерпит фиаско.

Попутно отметим, что в официальном ритуале Советского Союза долгое время насаждалась психология взвинченного энтузиазма; в условиях несвободы каждый должен был активно участвовать в политической жизни страны. Недаром отказавшаяся от личной жизни мать «была для Искры не просто примером и даже не образцом. Мама была идеалом, который предстояло достичь» [Там же, *13*], она считала справедливым «только то, что полезно обществу», для нее в первую очередь существовал не человек, а «гражданин, обязанный верить» [Там же, *57*]. Выступая перед школьниками, мать Искры говорила: «Революция продолжается, запомните. И будет продолжаться, пока мы не сломим сопротивление классовых врагов. Готовьтесь к борьбе. Суровой и беспощадной» [Там же, *11*].

Конфликт, описанный Б. Васильевым в повести, как раз и стал результатом участия школьников в политической жизни. Он начинает разворачиваться в произведении после того, как становится известно об аресте отца Виктории Люберецкой – главного конструктора авиационного завода, орденоносца, героя Гражданской войны. И в этом конфликте особенно ярко проявляется категория профанации.

Также особый интерес, на наш взгляд, представляет карнавальная амбивалентность как категория теории карнавализации. М.М. Бахтин отмечал, что «все образы карнавала двуедины, они объединяют в себе оба полюса смены и кризиса: рождение и смерть (образ беременной смерти), благословение и проклятие (благословляющие карнавальные проклятия с одновременным пожеланием смерти и возрождения), хвалу и брань, юность и старость, верх и низ, лицо и зад, глупость и мудрость» [Бахтин, 1990, *111*].

Бахтин выделяет два основных пути проявления карнавальной амбивалентности в тексте: создание парных образов и возникновение парных сцен. Парные образы весьма характерны для карнавального мышления. Особенно показательны пары, которые подобраны по контрасту. Они противопоставлены друг другу по принципу «возвышенное – низкое», «идеальное – практическое». Эти образы оттеняют характеристики друг друга, и представление о мотивах поведения персонажей возникает из анализа их в совокупности. В тексте повести такие пары встречаются постоянно: героиня повести

Искра и ее легкомысленная подружка Зиночка, Искра и Виктория Люберецкая, Николай Григорьевич и Валентина Андроновна и др.

Одной из самых ярких пар, представляющих карнавальную амбивалентность, являются такие персонажи, как директор школы Ромахин и учительница литературы. «Валентина Андроновна преподавала литературу и временно замещала директора. Ее массивная фигура источала строгость и целеустремленную готовность следовать самым новейшим распоряжениям и циркулярам» [Васильев, 1994, *34*]. Не таков Ромахин: «Может, за эти рассказы, может, за демократизм и простоту, может, за шумную человеческую откровенность, а может, и за все разом любила директора школа» [Там же, *36*].

Ярко характеризует названных персонажей такой их обмен репликами о школьниках:

«– Жизнь бушует!

– Страсти преждевременно будим, – поджимала губы Валентина Андроновна.

– Страсти – это прекрасно. Хуже нет бесстрастного человека. И поэтому надо петь!» [Там же, *35*].

Позже, когда на собрании в присутствии представителя райкома учительница назвала директора *далеким от педагогики элементом*, школьники взбунтовались: «Класс загудел, когда Валентина Андроновна этого не ожидала. Он молчал, когда она говорила о Люберецкой. Молчал, когда намекнула на Шефера и слегка проехалась по Искре Поляковой. Но при первом же намеке на директора класс возроптал. Он гудел возмущенно и несогласно, не желая слушать…» [Там же, *91*].

Важно отметить, что в произведении мы сталкиваемся и с такой категорией карнавализации, как увенчание и развенчание карнавального короля. В начале повести Искра Полякова показана идейной комсомолкой, беззаветно преданной делу партии и Советского государства, не сомневающейся в правдивости того, что говорится официальной пропагандой: «К Ноябрьским Искра подала заявление в комсомол, выучила Устав и все, что следовало выучить, но это было пассивным, сопутствующим фактором, это могла вызубрить любая девчонка. А Искра не желала быть “любой”, она была особой и с помощью маминых внушений и маминого примера целеустремленно шла к своему идеалу. Идеалом ее была личность активная, беспокойная, общественная – та личность, которая с детства определялась гордым словом “комиссар”. Это была не должность – это было призвание, долг, путеводная звездочка судьбы» [Там же, *16*].

После же разговора с отцом Вики Люберецкой, который произнес: «Спорить не только можно, но и необходимо. Истина не должна превращаться в догму, она обязана все время испытываться на прочность и целесообразность. Этому учил Ленин, девочки. И очень сердился, когда узнавал, что кто-

то стремится перелить живую истину в чугунный абсолют» [Там же, *42*], – Искра стала сомневаться. Слова Леонида Сергеевича перевернули ее сознание: она перестала безоговорочно верить тому, что говорилось вокруг. Не поверила она и в виновность Люберецкого. Но, будучи комсомольским лидером, редактором школьной газеты, она оказалась заложником системы, однако нашла в себе силы не согласиться с происходящим. В момент, когда девушка узнает, что должна провести собрание, на котором вынуждена объявить дочерью врага народа свою ближайшую подругу и просто хорошего человека, – она, преодолевая страх, отказывается сделать это.

Категория увенчания и развенчания карнавального короля связана также с образом Вики Люберецкой, которая, не выдержав идеологического напора и отказавшись предавать отца, решила покончить с собой. И если в начале повести она показана неприступной и не лишенной доли снобизма девушкой, явно отличавшейся от других, то, приняв непростое решение, Вика уже не отвечает этим характеристикам, она не боится показать свою девическую слабость и ранимость. Перед смертью Вика проводит время со своими друзьями около дачи. Оставшись наедине с Жорой, Вика неожиданно начинает разговор о любви. Юноше неловко отвечать на прямой вопрос, любит ли он ее, но он, смущаясь, боясь посмотреть на Вику, кивает. Просьба любить ее долго и поцеловать приводит юношу в смущение: как же, с ним говорит самая необычная девушка в классе, недосягаемая мечта! Она, эта недотрога, наконец-то обратила на него внимание…

Этот эпизод в категории увенчания и развенчания является одним из самых трагически напряженных.

Череда развенчаний продолжается, например, и в сцене с матерью Искры. «Товарищ Полякова», узнав, что Искра читала стихи С. Есенина на кладбище, как обычно, решает вопрос радикально – выпороть дочь. Но в ответ Искра пригрозила, что уйдёт из дому, и женщина-комиссар испугалась. Происходит изменение ролей: строгий борец за идеалы официальной пропаганды превращается в любящую мать, которой страшно потерять дочь, она боится ухода Искры, боится одиночества.

Как видим, привлечение к анализу особенностей поэтики повести Б. Васильева таких категорий теории карнавализации, как вольный фамильярный контакт, эксцентричность, профанация, карнавальная амбивалентность, увенчание и развенчание карнавального короля, позволяет глубже понять царившую в стране атмосферу тотального сталинского террора.

События в повести «Завтра была война» (если не брать в расчет пролог и эпилог) охватывают примерно один год: начинаются в 1939-м, завершаются в 1940-м. Возвратившийся в город после заключения отец Вики Люберецкой говорит пришедшим к нему одноклассникам дочери, что год был тяжелым. Безусловно, Леонид Сергеевич в первую очередь имел в виду смерть Вики, но читатель, ведомый прозорливым повествова-

телем, делает вывод о том, как тяжела была в целом созданная НКВД при поддержке государственной машины атмосфера подозрительности, доносительства, необоснованных репрессий, когда подогреваемый в молодых людях коммунистический энтузиазм направлялся в русло беззаветного, а по сути бездумного, бесчеловечного, лишенного сомнений служения партии. Б. Васильев подводит читателя к размышлению: можно ли считать, что устанавливающийся в стране новый порядок лучше прежнего, сметенного революцией? Станет ли счастливее человек, которого государство и человеком-то не считает, называя гражданином?

Одна из девушек, Зиночка, говорит, что тяжелый год (високосный) должен смениться более удачным. Она уверена – счастливым. Но следующим будет 1941-й…

В свое время мать Искры призывала друзей дочери к суровой и беспощадной борьбе. Ее слова оказались пророческими: суровым и беспощадным испытанием для персонажей повести будет война: «Из сорока человек, закончивших когда-то 7-й “Б”, до седых волос дожило девятнадцать. А из всех мальчиков, что смотрят на меня с фотографии, в живых осталось четверо» [Там же, *6*].

Таким образом, в повести «Завтра была война» писатель как бы выворачивает наизнанку привычные представления о разумном и гармоничном мире, ставит с ног на голову обычный порядок вещей, чтобы через отрицание, осмеяние (символическую смерть) способствовать обновлению мира. Так в повести реализуется основная цель карнавала, определившего поэтику произведения, – противостояние официальной власти.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 328–335.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1970. 320 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

Васильев Б. Завтра была война // Васильев Б. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3: Романы и повести. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994. С. 3–117.

Гройс Б. Ницшеанские темы и мотивы в Советской культуре 30-х годов // Бахтинский сборник. Вып. 2. М., 1992. С. 104–126.

Гройс Б. Тоталитаризм карнавала // Бахтинский сборник. Вып. 3. М., 1997. С. 77–80.

Марусова И.В. Проблемы поэтики романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 192 с.

Махаев В.Б. Квазикарнавал: концепция двух культур М.М. Бахтина и советский ритуал // М.М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: тез. докл. III Саран. междунар. Бахтинских чтений. В 2 ч. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. Ч. 2. С. 107–112.

Махлин В.Л. Карнавализация // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 340.

Coronato R. Jonson Versus Bakhtin: Carnival and the Grotesque. Amsterdam: Rodopi, 2003. 267 p.

Wickens G. Glen. Thomas Hardy, Monism and the Carnival Tradition: The One and the Many in The Dynasts. University of Toronto Press, 2002. 255 p.

Yaneva R. Misrule and Reversals: Carnivalesque Performances in Christopher Marlowe's Plays (Sprach- und Literaturwissenschaften (№ 45)). Herbert Utz Verlag, 2013. 294 S.

V.S. Kovaleva
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Russian language,
Dean of the Faculty of Philology,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

O.Ye. Pokhalenkov
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Literature,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
Kaluga, Russia

Carnival Poetics of B. Vasilyev's Story «Tomorrow Was the War»

The article deals with such categories of carnivalization as a free familiar contact, eccentricity, profanation, carnival ambivalence, crowning, and debunking the carnival king. Taking these categories to the analysis of B. Vasilyev's story «Tomorrow Was the War» into consideration allows not only to reveal the features of the carnival poetics of the work, but also to understand more deeply the atmosphere of total Stalinist terror reigned in the country on the eve of the war.

Turning to the theory of carnivalization helps to draw a conclusion about how heavy was the atmosphere of suspicion, informers, and unjustified repression created by the NKVD with the support of the state machine. B. Vasilyev makes the reader wonder whether the new world order that is being established can be considered better than the old one that has been swept away by the revolution. Thus, the main goal of the carnival is realized in the story – to turn inside out the usual ideas about the world as a reasonable hierarchical system, to turn the usual order of things upside down, to ridicule everything familiar and frozen, so that through denial, ridicule (symbolic death) to promote the revival and renewal of the world.

Key words: *B. Vasilyev; «Tomorrow Was the War» story; carnival poetics; categories of carnivalization.*

REFERENCES

Bakhtin M.M. Answer to the Question of the Editorial Board of «New World» [Otvet na vopros redaktsii «Novogo mira»]. Moscow. 1979. (in Russian).

Bakhtin M.M. Francois Rabelais and Folk Laughter Culture of the Middle Ages and Renaissance [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya smekhovaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. 1990. (in Russian).

Bakhtin M.M. Problems of Dostoyevsky's poetics [Problemy poetiki Dostoyevskogo]. Moscow. 1970. (in Russian).

Grois B. Nietzschean Themes and Motifs in Soviet Culture of the 30s [Nitssheanskie temy i motivy v Sovetskoi kul'ture 30-kh godov]. Bakhtin's collection. Issue. 2. Moscow. 1992. (in Russian).

Grois, B. Totalitarianism of Carnival [Totalitarizm karnavala]. Bakhtin's collection. Issue. 3. Moscow. 1997. (in Russian).

Makhayev V.B. Quasi-Carnival: the Concept of Two Cultures by M. M. Bakhtin and the Soviet Ritual [Kvazikarnaval: kontseptsiya dvukh kul'tur M.M. Bakhtina i sovetsky ritual]. *M.M. Bakhtin i gumanitarnoye myshlenie na poroge XXI veka: Tez. dokl. III Saran. mezhdunar. Bakhtinskikh chteny* [M.M. Bakhtin and the Gumanitarian Thinking at the Edge of the 21st Century]: in 2 parts. Part.2. Saransk: Mordova University Publ. 1995. (in Russian).

Makhlin V.L. Carnivalization [Karnavalizatsiya]. Literary encyclopedia of terms and concepts [Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyaty]. Moscow: NPK «Intelvak». 2001. (in Russian).

Marusova I.V. Problems of Poetics of A.S. Pushkin's Novel «The Captain's Daughter» [Problemy poetiki romana A.S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»]: diss. of cand. of filol. sciences. Smolensk. 2007. (in Russian).

Vasilyev B. Tomorrow Was the War [Zavtra byla voina]. Collection of works in 8 volumes. Vol. 3. Novels and stories. Smolensk: TRAST-IMAKOM, RUSICh. 1994. (in Russian).

Coronato R. Jonson Versus Bakhtin: Carnival and the Grotesque. Amsterdam: Rodopi. 2003. (in English).

Wickens G. Glen.Thomas Hardy, Monism and the Carnival Tradition: The One and the Many in The Dynasts. University of Toronto Press. 2002. (in English).

Yaneva R. Misrule and Reversals: Carnivalesque Performances in Christopher Marlowe's Plays (Sprach- und Literaturwissenschaften, no. 45). HerbertUtzVerlag. 2012. (in English).

А. Молнар

Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия

УДК 82.1.9

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-45-60

ВЗРОСЛЕНИЕ И «ЛЕМУРНОСТЬ» У ЛАСЛО ГАРАЦИ

Ключевые слова: *Гараци; постмодернизм; метафоры; сравнения; школьные образы; взросление; лемур.*

Автор статьи обращает внимание на то, что особенность постмодернистского дискурса в квазиавтобиографическом произведении составляет на самом деле не организация памяти, а фокусирование на событиях речевого потока. Этот аспект тем более интересен, что в романе Ласло Гараци «Эх, покатаемся», с одной стороны, представляется типичная жизнь школьника 1960-х годов, а с другой – сквозь эту призму раскры-

ваются коренные проблемы социалистического общества. Следовательно, в статье изучается, как посредством деконструкции опустошенного старого языка и созидания нового обнажается процесс деградации взрослого мира (мир родителей и учителей, который, казалось бы, занимает стабильное положение в обществе) в силу выставления их как бедных, но с диктаторскими наклонностями людей, чей человеческий и профессиональный престиж утрачивается параллельно (не)воспитанию подростка, главного героя романа, который сталкивается как с кризисом личной идентичности, так и с трудностями выражения.

Целью лингвопоэтического анализа является разбор основных метафор и сравнений текста, которые охватывают как процесс взросления и образ лемура, появляющегося в разных формах, так и значения «катания на автобусе». А это способствует раскрытию смыслопорождения романа.

Подводя итоги, можно утверждать, что даже такое небольшое исследование образца современной венгерской прозы позволяет подчеркнуть значимость постмодернистского отношения к тропам как для широкой публики читателей, так и для узкого круга специалистов.

К концу 2010-х годов роман современного венгерского писателя Ласло Гараци «Исповедь лемура» был расширен до пяти томов. Второй, изучаемый нами том «Эх, покатаемся!»[1] («Pompásan buszozunk» [Garaczi, 1998] – в дословном переводе: «Мы прекрасно едем на автобусе») представляет собой мозаику «воспоминаний» детства и школьных лет говорящего. Последующие тома тематизируют юношество, годы военной службы и события 1980-х годов, намеки на этот жизненный опыт появляются уже во втором томе.

Венгерская критика сразу же подметила значительность серии книг Гараци о лемуре, определив ее важным звеном развития ветви венгерской прозы, направленной на создание вымышленной автобиографии [Lengyel, 2012; Mekis, 2002; Pienták, 2011]. Приведем основные положения, относящиеся к писательской технике Гараци. Анекдотический и ностальгический стиль усиливает ощущение контаминации субъективных воспоминаний и историй, созданных фантазией [Domokos, 1986; Károlyi, 1993; Wirth, 1996]. Его произведения принадлежат постмодернизму, однако в некоторых из них ощущается и «скрытый» реализм [Abody, 1994], а также, несмотря на «абсолютную нулевую степень личности» [Farkas, 1994], зачаток личностности, управляющей хаотическим миром, который состоит из «крошечных анекдотов» [Bazsányi, 1996].

Текст романа «Эх, покатаемся!» посвящен инициации главного героя, «взрослению» посредством школьной жизни. Однако не имеет смысла

[1] Русский перевод см.: Гараци Ласло. Эх, покатаемся! Исповедь лемура 2 / пер. Виктории Полиней // Звезда. 2011. № 3. С. 48–99. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/3/eh-pokataemsya-ispoved-lemura-2.html (дата обращения: 15.12.2020).

искать канонические признаки романа воспитания, ибо правила жанра здесь перестают функционировать [Kovács, 1999]. Определение в подзаголовке «исповедь» также следует осмыслять в новом ключе: оно обнажает невозможность говорить о жизни «фактическим» образом. Добавим, что и нарративный уровень строится на нетрадиционных началах [Farkas Zsolt, 1993; 1994]. Кроме говорящего от первого лица, выступает и Мики Лемур, вымышленный друг главного героя (Гараци Лаци), а также взрослый нарратор, перспективу и план которого трудно отличить от точки зрения и языка ребенка. Совмещение настоящего и прошлого времени еще больше затрудняет вопрос различения планов. Метафоризация образа лемура может охватывать и этот аспект поэтики текста [Bónus, 2000].

Особенность книги Гараци о лемуре заключается в том, что он строит свой мир из слов, обозначающих объекты или явления, которые больше не существуют, и он делится знанием о них с теми, кто не знаком с этими явлениями [Domonkosi, 2005]. Совершенно очевидно также, что текст романа состоит из множества дискурсов, начиная с тоталитарного языка советского прошлого и языка взрослых, которые пронизывают юмор и желание деконструкции школьным сленгом и сленгом поколения 1960-х годов. Другим характерным средством постмодернистской поэтики Гараци является гипертекстуальность: в своем романе он ссылается на бесконечное множество других произведений. Гараци вступает в диалог с литературной традицией, которая важна для него не в отношении так называемых жизненных фактов: отсылки свидетельствуют о том, что повествование переносится («покатится») в область литературы. В тексте романа вещи играют роль не как объекты, но как слова, и, таким образом, названия предметов становятся знаковыми повторениями предметов, однако «реалии» не просто преобразованы в текст, а являются частью поэтической системы [Szilágyi, 2005]. Ясно, что образ лемура является коренной метафорой слово- и смыслопорождения, поэтому нельзя согласиться с утверждениями, релятивизирующими его иносказательное значение. Нижеследующий анализ произведен на основе текста-перевода, размещенного в Интернете, поэтому указания на страницы книги отсутствуют.

Преступление – наказание. Главным сюжетным событием, определяющим и смысловой мир романа, является проступок мальчика, наказания за который он страшится. Герой подстрелил из рогатки секретаршу внешнеторгового представительства «Лигнимпекс», которую он называет «цыпочкой с пучком». Вместо физического насилия со стороны своих родителей (избиения палкой) он считает настоящим наказанием дуэль с рогаткой по старомодному принципу «око за око». Фигура женщины в восприятии героя (с «расцарапанной», в венгерском оригинале «вспаханной» физиономией, с «обесцвеченными», «желтыми» волосами, в желтой кофте) вообще кажется гротескной презентацией социалистической псевдомоды.

Страх и покаяние, обратившиеся в «сосущую тоску», становятся источником потока воспоминаний героя о своем детстве.

Тоска вызывает новые самоопределения, которые присваиваются говорящим с точки зрения преподавателей и взрослых («Менгеле»). В тексте нагромождаются сравнения, характерные для детского и школьного сленга. В русском переводе это фразеологизмы, более привычные русско-советскому уху, чем венгерские обороты речи. По этой причине мы приводим и свой, дословный вариант: например, «кровожадный душегуб» / «массовый убийца», «балабол», «паршивец» / «глухая пуля», «ангелочек» / «новорожденный барашек». Кроме типичных выражений того времени, для обозначения состояния подростка используются метафоры: тоска – «застывшая тюрьма тела» / «твердокаменные стены плоти», «мрачная тяжесть тела». Расстройство героя сопровождается слезами, что также оформляется инновативно: накормили «слезным холодцом» / «слезных капель наглотался», царила «склепная атмосфера». Другой проступок (съедание купленного жира по дороге из магазина) поэтически определяется так: герой «собрал дань». Свои страдания говорящий обозначает повторяющейся фразой: «зачем я на свет народился?» / «зачем я взрослел?».

Герой подделывает подпись отца, чтобы избежать наказания, а говорящий подробно детализует значение каждой буквы, наделяя ее грозным характером, воплощенным в отце. Хвостик подписи предвещает несерьезный конец истории с замечанием в дневнике. Это сближается с «застрявшей волей», ловящей планы. Буква «Г» сначала кажется «грандиозной», «устрашающей», затем «поскрипывающей», «шипящей» и вовсе рвущей бумагу, «атомной». Именно в ней демонстрируется воля отца защитить своего сына перед директрисой школы, которая именует защитную речь отца «дырявой речью», то есть ложью. Обращение к нарративной детали (она нервно ковыряет капусту, застрявшую в «дырявых» зубах) наглядно демонстрирует это, так как наблюдается скрытая параллель между актом действия и речью. Отметим, что и речь матери героя называется «исковерканной», так как она путает слова, речевые клише и в результате у нее получаются непонятые словообразования и фразы: «мы все в порядке, как собака в колодце».

Следует возвращение к изначальной беде. Письменное замечание директора о проступке героя означает тяжесть, и в желудке героя метафорически готовится «плач-лужа». Критика социалистического строя и речевых клише наблюдается в представлении ситуации ожидания родительской реакции на замечание. Тоска метафоризуется посредством признаков агонии («скрежещет кровяной напильник», «сердце холодно бьется» / крутится), трещина на потолке сближается с человеческой раной, а сравнение «отматывание нити от черной катушки» коннотирует образ Парки. В бредовом сне героя образ школьной столовой трансформируется в воплощение наказания. Кухарки предстают как «кудрявые облака», котел – «же-

лезное чудище», в котором «кучка капусты ждет своей участи» / последнего суда. Овощи и люди меняются местами – об этом свидетельствуют и сравнения: бывшая возлюбленная героя Ютка Таус выворачивается из мусорного бака «неуклюже, как мешок с картошкой», а субъект сна от тыкания палкой дяди Лепоши «скручивается, как зародыш в утробе».

Наяву угрожает и дверная щель, она кажется острым лезвием, а ее захлопывание сопоставляется с упомянутыми клише. Тяжелые минуты ожидания героем своих родителей словно реализуют метафоры сновидения в дискурсе текста: «часы-тарелка», «сизифова война», «достоинства заточенной ложки», одна куча еды наподобие «раскисшей манной каши». Говорящий ожидает реализации речевых шаблонов, но в то же время создает новую глагольную метафору: «в стене застонали гвозди». Герою повезло: родители возвращаются домой с вечеринки в приятно-игривом настроении. Теперь самоопределение, данное с позиции родителей, носит положительную смысловую нагрузку: они не будут наказывать сына, который лежит, как «очаровательно-невинная аллегория бандита».

Я – Мики Лемур – наказание. Как уже отмечалось, школа – метафора инициации жизни. Это подтверждает и фраза «посвящение в таинства». Отправление ребенка в первый учебный день в школу из уютного домашнего мира определяется как «предательство» и «фарс», в котором родительские ласки также скрывают ложь отношений. Переход из младших классов означает взросление, сопровождаемое полной потерей доверия старшему поколению. По мере того как ребенок взрослеет, он уже сам становится предателем, который меняет свою мать на девушек. Некоторое время еще действует на него отцовская воля, приказывающая юнцу постригать волосы у «Фигаро» (см. цирюльника), несмотря на желание героя отрастить их. Это своего рода молодежный бунт против авторитарного мира взрослых (см. ассоциацию с 1960-ми годами). Приводится и новая метафора: «в теплом каштановом покрывале, исторгаемом кожей головы». Впоследствии проблематика «взросления» развертывается и в языковом оформлении, когда предмет речи тематизирует ее как убыток и трусость приспособления, а форма речи играет словами: вырасти означает стать частью «общества низкорослых». Подавленное внутреннее «я» чувствует себя «замерзшим, кудрявым, ограбленным существом», которое не находит в себе сил вернуться к собственному имиджу бойкого молодого человека.

В целях самозащиты герой-подросток создает свое альтер эго, Мики Лемура. С одной стороны, он присваивает ему собственные переживания, а с другой – оценивает их с позиции чужого. Самоосмысление героя на фоне фигуры альтер эго осуществляется параллельно процессу взросления. Во время ожидания наказания за проступок субъект приводит и следующие воспоминания. Так, Мики представляет свое первое стихотворение о «говняном» мясе в магазине. Играя оловянной картой, он выманивает у своего школьного то-

варища деньги на обед. В презентации этого эпизода присутствуют сравнения и метафоры из жизни и учебной программы школьника: Цако проиграет свою «латифундию», его глаза – два «колодца ужаса», во рту «радио», «бакелитовые зубы», он «как статуя из песка». Данные эпизоды получают свое развитие в связи с образом лемура.

Отождествление себя с неподвижным лемуром сопоставляется с моментом, решающим судьбу героя: он «потонул в нулевой точке зрачка». Вспомним также образ призрака и жертвы. Пронзенный мученик и непрерывная работа сердца сближаются на этой основе. В данной связи важно и времяпрепровождение у бабушки (см. часы). Здесь мальчик съедает венгерское национальное блюдо – погачу, напоминающую своей кругообразностью и желтизной солнце. Природное явление метафоризуется: «заходящее солнце прислоняет к стене желтую решетку». Предшествовавший бытовой эпизод в зоопарке (мальчик издевался над лемуром своей песней, потом схватил его за хвост, однако животное укусило его за руку, и его вопли доносились даже до жирафа) в толковании дедушки (по книге) представляется в ином ключе: древние римляне называли лемуром душу умершего, что отражалось и в именах Ромула и Рема. Имя лемура наделяется новым, метафорическим смыслом, так как оно обозначает повзрослевшего «народного трибуна» – героя, затем призрака из чужого мира, копающегося «в декорациях былой империи» (древнего Рима) – власти. Таким образом, Мики Лемур воплощает душу бывшего ребенка. Это объясняет, почему постоянно повторяется фраза «зачем я взрослел?». Сближение развивается дальше: день сожжения тела Рема стал праздником по просьбе его тени. В романе «я», повзрослев, также чувствует себя опустошенным: ныне «пустой образ, съежившийся от пламени факела». Прочитанное дедушкой в книге реализуется в акте его действия: он приносит уголь, что в метафоре говорящего соотносится с «жутким словом», болтающимся в голове. Следовательно, взросление сопровождается уничтожением детского слова. Из двойников-близнецов остается лишь один, который становится основателем нового города, центра новой империи, нового мира. Разрушение этой империи может ассоциироваться и со сменой социалистического режима, что в плане смены слова равнозначно деконструкции клишированного языка и обретению нового.

Потеря героем главенствования в мальчишеской компании детализируется аналогично потере управления империей. В маленьком мирке героя повторяется история человечества. Это событие отражается и на фигуре двойника героя. В следующем сравнении о секции байдарки получает развитие вышеупомянутое соотношение лемура и призрака: «Мики Лемура обходят стороной, как заблудший, гремящий костями призрак давно забытого прошлого». Одиночество героя метафоризуется и с помощью образа птицы: бегун бросает камень в ворону, отделившуюся от каркающей

стаи. Банда также «тенисто, масляно и глупо» смеется, наблюдая за тем, как их бывший глава старается сохранить свою власть.

Как выясняется, потеря авторитета происходит, когда глава банды (герой «я») не может подняться вверх по шесту, в отличие от самого низкого по рангу члена банды. Пол отождествляется с «замысловатой геометрией полос», Мики Дьюлаи – с «бойцом отряда», висение на стенке – с «пределом унижения», «грядущим апокалипсисом». Ассоциация с гладиаторами усиливается сравнением: запах пота напоминает «львиную берлогу». Герой висит над залом, как небо над городом: «решетка расплавилась, в образовавшуюся дырку протискивается тихо гудящее серое зимнее небо». Желание героя быть облаком уносит его из жестокой реальности в приятную мечту, сон. Он плохо переносит вид крови, что может быть связано не только с кровавым режимом, но и со смертью. Клятву на крови он также не сможет принести.

Помимо упомянутых происшествий, появление стиляги Херенди тоже свергает героя, в данном случае – с воображаемого трона сердцееда. Фрици Такач с применением силы лишает героя былой славы, вдобавок к этому героя избивает и дворовой хулиган Крепыш, чей друг представляет собой «щетинистую гору мускулов». Падение героя символизируется его истрепанным синим халатом, который было обязательно носить даже по дороге домой из школы. Крепыш избил и ненавистного всем отличника-подхалима, сына юриста Кесеги безнаказанно, что для жертвы означало расшатывание «устоев мироздания». Хулиган попытался покинуть Венгрию, перебраться за железный занавес на Запад, однако был застрелен на границе. Это воспринимается также как реалистический этюд на фоне литературного вымысла, отсылок к другим «школьным» романам.

Хобби – половая зрелость. Говорящий перечисляет любимые хобби школьников тех времен, такие как сбор серийных марок, сберкасса, пение в хоре. «Реалии», однако, представляются посредством характерных для поэтического языка Гараци метафорических выражений: «простыни марок сберкассы», голоса учеников выделяются тетей Кати «по ниткам из ткани звуков». В секции настольного тенниса герой, как и многие другие, проявляет только свою бездарность. Их, играющих не в главном, а в заднем зале, он называет иносказательно «плебсом», «отбросами в смрадном подземелье».

Детализируется и увлечение героя рисованием, однако это становится лишь исходной точкой для реализации любопытства подростка к сексу, в отличие, например, от одноклассника Йожефа, который рисует лишь зверей и живет как под колпаком. Анатомические погрешности его рисунков подчеркивают невозможность перенести на плоскую картинку «выпуклую» реальность, так же, как и в бесконечной «пустой болтовне», все выходит ложью: они как «неописуемые муки повествования». Герой объясняет зачатие как любовный поцелуй, однако вместо этого дело только в «траханье». Эта попытка возвышения «грязного» дела также приводит к свержению его автори-

тета. Отметим, что рассуждения подростка метафоризуются как расцветание: «бутон идеи я раскрывал, превращая в лепестки доводы». В фрагменте, не переведенном на русский язык, сексуальный акт сливается с жизнью растений и каннибалов посредством смешения цитат из разных книг.

Когда в школе полиция обыскивает продавца порнографических фотографий (Херенди), это сопоставляется с отбором на роль в кинофильме. Рисование в вербальной знаковости венгерского текста соотносится с мастурбацией и посредством языковой игры: rajzoljunk – rejszoljunk (порисуем – помастурбируем). Анатомизация женского тела на рисунках, спрятанных в разных местах комнаты героя, сопоставляется с обрубками женщин, тела которых запрятывает серийный убийца. Герой наполняет книги Жюля Верна своими рисунками, а говорящий развивает сравнения в метафору: томики распухли, превратившись в братские могилы.

Девушки – Ютка Таус. Отношения с живыми девушками также презентируются при помощи сравнений и метафор. У Эммы «коровье вымя», пьяная Эрика «валяется в искорёженной позе», но ее испугает прикосновение героя к ее груди. Отец Марики – философ, однако он не знает правил футбола, поэтому и теряет авторитет среди мальчиков, для которых Яшин, как лучший вратарь мира, сопоставляется с шахматистом. «Банда» одноклассников в один день решает выбрать Марику предметом их всеобщей любви, полностью смутив и так запуганную девочку, именуемую «заячьей душонкой» и «винтиком». А нарочитая поэтическая разукрашенность прозаического дискурса, наполненного школьным сленгом, звучит иронично: «всеобщая дама сердца» – «одна из одноклассниц, которые... вовсе не стремятся вырваться из тумана неизвестности». Затем девочка свергается с высоты снова в серую толпу и на ее место приходит другая «дама» – это выражается как «пасть и смешаться с монолитным прахом из бесплотных обрывков судеб». Странно, что только мимоходом упоминается одноклассница Жужа, которая внезапно умерла после школьных уроков. Этот трагический случай будто не выделяется на фоне разных увлечений героя и не получает своего развития.

Когда подростка уже более серьезно интересуют девушки, он называет их шлюхами, так как они ведут себя по-взрослому, встречаются с молодыми людьми и ходят с ними на танцы. Эти танцы говорящий сопоставляет с «прыжком фасоли в кастрюле». Появление на девушках мини-юбок определяется «апокалипсисом» с точки зрения «пошатывания устоев общества». Одежда, таким образом, метафоризуется как боевой аппарат. Девушки уже не позволяют своим ровесникам себя «лапать» – глагол, который объясняется как естественное любопытство любого подростка. Таким образом, изменяется и Моника, которая в младших классах определялась как «ад», а затем похорошела.

Среди девушек особо выделяется Ютка Таус, которая в детстве была влюблена в героя, а, став подростком, уже высмеивает его. Их отноше-

ния сначала представляются сквозь призму классического школьного чтения «Звезды Эгера», воспевающего мужество женщин, которые защищали город-крепость. «По-белому» горящая ненависть превращается в мыслях героя в желание быть белым голубем мира.

Мальчик сначала стыдится из-за открытой любви Ютки, поэтому избивает девочку, однако после она уже «шуганет» его. Любовь Ютки уподобляется верности советского солдата Ленину и коммунистической идее, которую он защищает от немцев. Помимо такой идеологической установки, в тексте присутствует еще несколько отсылок к школьному сюжету. В данном случае это еврейское происхождение Ютки. Несмотря на недавний холокост, в классе царит антисемитизм: слово «жид» считается ругательством. Возможно, и по этой причине герой ведет себя неадекватно по отношению к девочке. В этой связи напомним, что другие одноклассники перечисляются лишь для демонстрации среза всего венгерского общества того времени и исторический фон оставляет особую печать на кратких описаниях. К примеру, мальчишеские игры в Будапеште воспроизводят события Второй мировой войны согласно официальной версии коммунистического режима, а среди мальчиков имеются и трусы, невежи (под ногтями траур, то есть грязь).

Взрослые – Учителя. Взрослые люди представлены с такой же целью. Все они являются фигурами маскарада лживых отношений с детьми: дядя Дядюшка и тетя Дядькова как управдомы (в реальности тех времен выполняющие функцию доносчиков); постоянно курящий дядя Лепоша, который назван «старым паровозом»; обязательно приглашаемая, но неприятная гостья Тетя Тери, перед которой мальчик признается в том, что он не любит ее из-за некрасивого лица. Искусственность поведения маркируется с помощью выражений «приклеенная улыбка» и «вымученная гримаса».

В подростковом восприятии и учителя воспринимаются как «лопочущие» / «косноязычные» «инквизиторы», «заклятые враги», «серийные убийцы». В развертывании этих отождествлений образно объясняется, что человеческие проявления в поведении и речи (употребление школьных словечек) «палача» лишь ложь, он еще может совершать кровавые оргии, то есть издеваться над учениками. Как, например, тетя Клари, которая уподобляет героя «сонной мухе» / «оловянной воши» по признаку его медленного движения. Образ венгерского оригинала весьма необычный. Тетя Эржи лишается симпатии мальчика из-за придирчивости к его почерку. Жажда знаний превращается в жажду мщения, огонек симпатии тускнеет из-за жестокого обращения учителей: в венгерском оригинале тетя не попрекает, а метафорическим глаголом «сжигает взглядом». Таким же образом в оригинале языковая игра придает особый колорит следующему смешному эпизоду: в ответ на вопрос учителя о злаке (по-венгерски *kapás*növény), Чеснеги смешит класс своей глупостью – он, услышав подсказку, *сразу же* (*kapás*ból) повторяет «банан».

Учитель думает, что дети смеются над ее угрозой, однако дело в том, что Чеснеги падает, споткнувшись о ноги Фрици, визжа, как поросенок.

Учитель русского языка Ференц Испытаев воплощает причину ненависти венгров к советскому режиму. Символическим представляется эпизод, когда при визите в СССР на костюме Испытаева образовалось пятно от шариковой ручки прямо над сердцем, а в гостинице «из сенежского же водостока недобрым взглядом смотрели пресловутые прусаки». В характеристике фигуры встречаются такие определения и сравнения, как «змеиная улыбка», «бескровные губы», «громадная поперечина слюны», «огромный язык». Он кислая личность, будто «всегда смотрел в кастрюлю с хреном». Даже его фамилия «Испытаев» отражает, во-первых, испытания, которые пережили учащиеся русскому языку, а во-вторых, попытки получить у него хорошие оценки. Приглашение ученика к доске, будто на казнь, метафоризуется следующим образом: «из перепончатого, населенного летучими мышами горла-туннеля вырывается громогласный приговор». Итак, главным признаком фигуры является орган, произносящий, как правило, не слово, а приговор. Рот учителя подлежит презентации повторно: сначала определяется как нитка (в венгерском – лезвие), затем это сближение развивается: «сжатые в ниточку губы», «нитевидные губы раздвинуты в самодовольной, тщеславной улыбке». А ученики, которые стараются добиться его расположения, как жертвы, все смотрят ему в рот и уподобляются винограду: они «виснут, как громадная, дрожащая гроздь винограда». Аналогия с Дионисием возникает и в утверждении, что дети могут «в экстазе восхищения» накинуться, разорвать и съесть учителя. Герой, так же как и другие, не угадает ответ на вопрос Испытаева, несмотря на то, что он «громко скрипит мозгом». Игра слов и здесь управляет смыслопорождением, так как космическая станция называется «Мечтой», а после слов «Тушеная капуста» у Мики исчезла мечта купить три пакета лимонада, при этом по сравнению она «исчезает с той же скоростью, с которой “Тушеная капуста” “свистя” покинула стратосферу». Остальные учителя и учительницы также кажутся мстительными и неуравновешенными, как и все взрослые. Агрессия, трусость и смешная глупость характеризует их в восприятии подростка.

Тетя Справедливость – Вера Маглоди. Особой злостью отличается директриса школы, которой присваиваются негативные коннотации также из-за того, что она была не только партизаном во время войны, но и политическим и идеологическим руководителем, то есть воплощала диктатуру как в своей маленькой семье, так и в мире школы. Образ героини довольно наглядно репрезентирует те годы: ее зовут Верой, волосы она собирает на макушке («соорудила из волос здоровенную башню») и «демократично» ненавидит всех. Сын тети не является исключением. Даника становится примером того, как можно изуродовать человека под гнетом, с «драконовской суровостью». Дети обзывают его «Жердиной» и высмеивают его наружность идиота. Его

апатию говорящий подробно детализирует, сопоставляя фигуру с истуканом, «скривившимся в обращенной в себя улыбке». Он может выйти из кататонии лишь при виде желаемого предмета: «в глазах зажегся безумный желтый огонек», он, как «маленький дракон», забирает у героя модную игрушку «тики-таки», чтобы поиграть в нее, однако тетя Вера этого ему не позволяет, даже избивает его своим грозным, «жутким» ридикюлем, воплощающим ее тиранию, так же как и линейка.

Вера Маглоди иронически называется тетей Справедливостью, так как она воплощает вербальное и физическое насилие. В ее характеристике встречаются фраземы школьного языка и типичные формулы языка власти (см. ребенок как «враг народа»), которые разоблачаются в детском, критическом дискурсе. Главный герой испытывает при ней чувство несправедливости: «вот-вот станет жертвой вопиющей несправедливости». Ненависть к ней проявляется и в сопоставлении тети с елочной игрушкой, которую можно было бы поджечь факелом: «повисла в морозном утре, как перезрелая елочная игрушка». Говорящий строит из нее противную фигуру (ср. Испытаев) – олицетворение проглатывающего, прожевывающего и уничтожающего механизма: «ногтями выковыривала из зубов мясные жилки и, чтобы больше не застревали, не завязали в жутких заторах извилистого ротового залива, одним махом, в ниагарском потоке накопленной слюны сглатывала подрагивающий на пальце склизкий ошметок. Из ушей полезли жуткие пучки. Пощади нас, Справедливая тетя». Развертывание метафоры основывается на сближении рта с глубоким дном и заливом, в который тетя сглатывает слюни большого объема. Ребенок просит пощады у монстра.

Воспоминания часто возвращаются и к отцу тети Веры и его псу, который игрой слов назван Сумасшедшим, однако, постарев, он уже не сходит с ума так, как раньше. По этой причине и старик готов освободиться от своего верного друга. Аналогично кастрации собаки представлена потеря сознания героем при кровном договоре и при принятии в пионеры. Отметим, что обморок был распространенным явлением: долгие линейки изнуряли детей, к тому же терять сознание являлось даже неким протестом против режима. Видимо, из-за такой идеологической холодности к живым существам и акцентируются в связи с образом дяди Маглоди лед и мороз, особенно при наводнении: «Ледяной поток достиг края насыпи и с громким треском и хрустом смел тополя». Это уподобляется войне: «Как грохот наступавших пушек в сорок четвертом». Луна зеркально отражается: «Дядя Маглоди долго смотрел на две дрожащие луны: одну в небе, на своем месте, а вторую в воде, где не должно быть». А сам старик только пьет из фляжки, пока вода уносит жизнь: «несла лошадь, несло зонт, а из вращающейся чаши, как из большой черной раковины, выглядывали желтые цыплята». Кажется, невозможно спасение из этого кошмара. В связи со смертью и встречается в тексте ключевая фраза заглавия: «Эх, покатаемся!».

Эх, покатаемся – экскурсия. Говорящий «покатается» и по другим отрезкам жизненного пути. Военная служба означает для главного героя такое же испытание, как и школа. Командир ведет себя точно так же, как директриса: общность их фигур составляют затхлость и громкий звук, исходящий изо рта: «как вихорь, попадает в мое лицо оглашающее торнадо его злости. Изо рта несет затхлостью школьной кладовой». Говорящая фамилия командира (капитан Соглядаев, Сигналов) также устанавливает связь между ними. Исторический фон образуют события в Чехословакии 1968 года. Реалией середины XX века является и обязательный сбор урожая студентами, а также указание на знаковую полицейскую телевизионную программу «Синий свет». Нераскрытое убийство старухи, которое могло бы коннотировать Преступление и наказание», определяется, однако, как «пробоина величавого корабля коммунизма». Известный телеведущий в презентации текста Гараци сближается с пауком: он «поднимал лопатообразную руку, растопырив, как паук ножки, в сторону зрителей пальцы». Образ представителя криминальной программы также подвергается разоблачению посредством очередной реализации созданной метафоры: он попадает в неловкую ситуацию, когда у него спрашивают, почему полиция напускает «туману». Говорящий же определяет его как грозного инквизитора, палача, окруженного клубами дыма. Эмблематичное явление режима, таким образом, обнажается, как призрак.

Если понимать «катание» в прямом смысле, то следует обратиться к разным видам городского транспорта. В романе трамвай представлен перегруженным трясущимися пассажирами. В сравнениях сопоставляются образы течения потока и желе. При определении пассажирских масс «гроздьями» вспоминается эта же метафоризация толпы учеников вокруг учителя русского языка. Другой вид транспорта – автобус – также перевозит героя в школу и домой. Автобус предстает как разваливающаяся куча металла, которая сильно трясется, издает неприятные звуки, уподобляемые школьным. Таким образом сближаются автобус и школа: «Из-за дефекта стекла самолет в небе как будто дергается. Несемся на всех парах, состав с воем подрагивает, на поворотах скрипит, как мел, соскользнувший с доски, при торможении железо дергано-расшатано, все медленнее подскакивает на железе». Окно автобуса тоже потрескавшееся, оплеванное. Уставший герой желает посидеть и с этой целью всматривается в городской пейзаж в окне (определяя увиденное в разрезе как «серые ленты»), однако правила приличия заставляют его встать и уступить место взрослым и пожилым людям. Мальчик, вставший, увидев тетю, волосы у которой висят, как «мочалка», уподобляется ужаленному и забытому существу.

На экскурсию школьники также едут на автобусе. В текстовой презентации этого сюжетного эпизода порождается и развертывается смысл «прекрасной поездки»: эх, покатаемся. Множество определений получает акт выпускания газов мальчиками. Автобус олицетворяется, становится

как устаревшим механизмом, который трясет человека, двигаясь с фырканьем, так и организмом, наподобие тети Справедливости: «проглатывает».

Увиденная статуя Ленина излучает энергию, однако имеет злое выражение лица. Детские вопросы, заданные в связи с ней, сопровождаются нецензурными выражениями в скобках. Учительница не может произнести имя вождя правильно, так как ее трясет автобус. Подросток слишком долго задерживается на одном месте, рассматривая облака и разговаривая со статуей. Здесь явно встречается характерная для постмодернистских произведений сцена, разоблачающая клише соцреализма: беседу с вождем. В романе Гараци наряду с перечислением разных присвоенных вождю имен приводится и отождествление с заглавием: эх, покатаемся. Поездка по социалистическому пути получает свое завершение. По всей вероятности, и глагольная метафора «скрежета», связывающая автобус, статую и представителей взрослого мира, является ключом к порождению нового смысла.

На экскурсии учительницу Клару ученики отождествляют со шпионкой по идеологическому и литературному канону того времени: она засунула в нос микропленку, чтобы сфотографировать для ЦРУ казармы, встречаемые по дороге. Сопоставление этих казарм с «опрокинутыми жуками» наглядно демонстрирует детскость восприятия и реализует конкретное значение шпионажа. Согласно метафоре фигура учительницы переливается через окно в пейзаж. Отражается невзрослое, наивное понимание неразвитым обществом сваленного на него идеологического бреда времен холодной войны. В тексте Гараци клише развиваются в новые метафоры: «вынюхивающий нос» – в «залив для оптического охвата объекта». Вместо естественной функции носа – дыхания орган обретает самостоятельную жизнь и служит шпионажу. Причину такого действия учительницы дети видят в ее моральном разложении, воплощенном в разводе с мужем. Здесь снова разоблачаются панели промывания мозгов коммунистической идеологией.

За расправой с классной руководительницей в школе следует с ее стороны жестокое отмщение. Расстроенная учениками тетя Клара представлена словно труп, однако на другой день ее сжатые губы выражают желание отомстить классу. Простая школьная привычка пересадки учеников, таким образом, превращается в судьбоносное событие, которое представлено как война: «первая парта под прямым обстрелом». Игра слов проявляется в вербальной реализации действия: класс не прощает развода тети Клары и придает дополнительный смысл словам «последнего звонка» о «разводе» пути учеников и учительницы. Такое расставание и определяется как холодное: «ледяные объятия». После смены режима все могут уехать за границу, на Запад, и прежняя идеология оказывается «ерундой на постном масле». Не остается связей между ними в дальнейшем, однако образы всех фиксируются в тексте романа.

В заключительном эпизоде романа пионервожатая Берта, учительница, обругавшая героя, ржущего во время урока, отчитывает на экскурсии пионеров, которые оставили свой пост и вместо этого проводили время на рыбалке. Тетя поднимает флаг и под моросящим дождем заставляет отряд петь песню, пока автобус не приедет за ними и они не покатят домой. На этой ноте и завершается роман «Эх, покатаемся!».

* * *

Суммируя наш анализ, можно заключить, что мотив катания и образ лемура упорядочивают фрагментарную структуру романа. К тому же лемур символизирует диктатуру, представляя страх ее социального и морального порядка – падение власти. Это фиктивное воспоминание детства является скорее путешествием в венгерскую литературу и культуру, следовательно, и восприятие произведения должно фокусироваться на уровне языковых знаков и новых смыслов (лемур, катание и т.п.), так как на первый план выступает именно метафоризация. Коренной метафорой романа становится поездка, обозначенная фразой заглавия: «эх, покатаемся». Путь говорящего субъекта в свое детство, отрочество и юношество означает воспроизведение венгерской истории сквозь призму ее субъектов, а также путь к своему слову по разным этапам его развития. В этой связи можно обнаружить разоблачение идеологических лозунгов, в частности «дороги в светлое будущее». Перечисление заученных клише происходит беспорядочно, что свидетельствует о потребности в их смене. Инновативные параллели, сравнения и метафоры возвышают произведение, перенося его с уровня описания школьной жизни в экзистенциальный план. Таким образом, роман-воспоминание о детстве становится постмодернистским романом об обнажении речевых клише и поиске нового слова.

ЛИТЕРАТУРА

Гараци Ласло. Эх, покатаемся! Исповедь лемура 2 / пер. Виктории Полиней // Звезда. 2011. № 3. С. 48–99. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/3/eh-pokataemsya-ispoved-lemura-2.html (дата обращения: 15.12.2020).

Garaczi László. Pompásan buszozunk! Egy lemúr vallomásai 2. Pécs: Jelenkor Kiadó, 1998.

Abody Rita. A légy szeme. (Bevezetés az «alternatív próza» olvasásába – Garaczi László műveiről) // Csipesszel a lángot. Tanulmányok a legújabb magyar irodalomból (szerk. Károlyi Csaba). Budapest: Nappali Ház, 1994. C. 149–166.

Bazsányi Sándor. «Mi is az, hogy humor?» (Garaczi László. Mintha élnél. Egy lemúr vallomásai) // Alföld. 1996. T. 47, № 5. C. 72–80.

Bónus Tibor. Az önéletrajz szövegszerű újraírásai (Garaczi László: Mintha élnél. Pompásan buszozunk! 2) // Alföld. 2000. T. 51, № 10. C. 64–79.

Domokos Mátyás. Garaczi László: Plasztik // Jelenkor. 1986. T. 29, № 7–8. C. 760–761.

Domonkosi Ágnes. A szó- és kifejezéskészlet stilisztikája Garaczi László műveiben // Módszertani közlemények. 2005. T. 45, № 2. C. 75–82.

Farkas Zsolt. Garaczi-kommentárok // Alföld. 1993. T. 44, № 7. C. 52–60.

Farkas Zsolt. Ki beszél? Kukorelly, Szijj, Parti Nagy, Garaczi bizonyos szövegeiről // Csipesszel a lángot. Tanulmányok a legújabb magyar irodalomból (szerk. Károlyi Csaba). Budapest: Nappali Ház, 1994. C. 248–255.

Károlyi Csaba. «Beszéljünk Garacziról!» (Garaczi László: Nincs alvás!) // Jelenkor. 1993. T. 36, № 4. C. 367.

Kovács Eszter. Vallomás, másként (Garaczi László: Pompásan buszozunk!) // Jelenkor. 1999. T. 42, № 1. C. 93.

Lengyel Imre Zsolt. Önéletrajz és arcrongálás. (Garaczi László: Arc és hátraarc. Egy lemur vallomásai) // Lengyel Imre Zsolt. Beszélgetés fákról (Irodalomkritikák 2009–2012). Miskolc: Műút könyvek, 2012. C. 136–146.

Mekis D. János. Garaczi László: egy lemúr vallomásai- és kontextusai // Mekis D. János. Az önéletrajz mintázatai (A magyar irodalmi modernség hagyományában). Budapest: FISZ, 2002. C. 147–148.

Pienták Attila. Kritika Garaczi László: Arc és hátraarc (Egy lemur vallomásai) című kötetéről // Kortárs. 2011. T. 55, № 11. C. 126–127.

Szilágyi Zsófia. A féllábú ólomkatona (Irodalmi mű-hibák). Pozsony: Kalligram, 2005.

Wirth Imre. «A szabadulóművész» (Garaczi László. Mintha élnél. Egy lemúr vallomásai 1) // Nappali Ház. 1996. № 1. C. 92–97.

A. Molnar
Dr. habil.,
Associate Professor,
Institute of Slavistics,
The University of Debrecen
Debrecen, Hungary

Growing up of Laszlo Garaczi and his «Lemur»

The article draws attention to the feature of postmodern discourse in a quasi-autobiographical work, which in fact, is not the organization of memory, but focusing on the events of the speech flow. In Laszlo Garaczi's novel «What Fun We Have on This Coach Ride!», on the one hand, the life of a typical schoolboy of the 1960s is considered, and on the other hand, through this prism, the main problems of socialist society are revealed. Through deconstructing a devastated old language and creating a new one, the approach applied exposes the process of the adult world degradation (the world of parents and teachers, which seemed to represent a stable position in society), it shows them as the poor with the dictatorial tendencies of people, whose human and professional prestige is removed in parallel by (no)education of the teenager, the main character in the novel, who faces both the crisis of personal identity and the experience of socialism.

The purpose of the linguopoetic analysis is to reveal the main metaphors and similes in the text of the novel. They cover both the process of the lemur's growing up and his image appearing in different forms, as well as the meaning of «riding a bus». It contributes to the understanding of the novelsense.

Summing up even such a brief study of the sample belonged to Hungarian proseallows the author to emphasize the importance of postmodern attitude to the tropes for both the reading general public and for a narrow circle of specialists.

Key words: *Garaczi; postmodernism; metaphors; similes; school images; growing up; lemur.*

REFERENCES

Garaczi Laszlo. What Fun We Have on This Coach Ride. Confessions of a Lemur 2 [Ekh, pokatayemsya! Ispoved' lemura 2]. Transl. by V. Polina. *Zvezda*, no. 3. 2011. pp. 48–99. *Available at*: https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/3/eh-pokataemsya-ispoved-lemura-2.html (accessed: 17 December 2020).

Abody Rita. The Eye of the Fly. Introduction to the Reading of «Alternative Prose» – About the Works of Laszlo Garaczi [A légy szeme. Bevezetés az „alternatív próza" olvasásába – Garaczi László műveiről]. *Csipesszel a lángot. Tanulmányok a legújabb magyar irodalomból*. Ed. by Károlyi Csaba. Budapest, Nappali Ház, 1994. pp. 149–166 (in Hungarian).

Bazsányi Sándor. «What is Humor?» Garaczi László. As if You are Alive. Confessions of a Lemur [«Mi is az, hogy humor?» Garaczi László. Mintha élnél. Egy lemúr vallomásai]. *Alföld,* 1996, no. 5, Vol. 47, pp. 72–80 (in Hungarian).

Bónus Tibor. Textual Rewrites of the Resume. Garaczi László. As if You are Alive. Confessions of a Lemur [Az önéletrajz szövegszerű újraírásai. Garaczi László: Mintha élnél. Pompásan buszozunk! 2]. *Alföld, 2000, no. 10,* Vol. 51, pp. 64–79 (in Hungarian).

Domokos Mátyás. Garaczi László. Plastik [Garaczi László: Plasztik.] *Jelenkor,* 1986, no. 7–8, Vol. 29, pp. 760–761. (in Hungarian)

Domonkosi Ágnes. The Stylistics of the Set of Words and Phrases in the Works of Laszlo Garaczi [A szó- és kifejezéskészlet stilisztikája Garaczi László műveiben]. *Módszertani közlemények*, 2005, no. 2, Vol. 45, pp. 75–82 (in Hungarian).

Farkas Zsolt. Garaczi Commenst [Garaczi-kommentárok]. *Alföld*, 1993, no. 7, Vol. 44, pp. 52–60 (in Hungarian).

Farkas Zsolt. Who's talking? On Certain Texts by Kukorelly, Szijj, Parti Nagy, Garaczi [Ki beszél? Kukorelly, Szijj, Parti Nagy, Garaczi bizonyos szövegeiről]. *Csipesszel a lángot. Tanulmányok a legújabb magyar irodalomból*. Ed. by Károlyi Csaba. Budapest, Nappali Ház, 1994, pp. 248–255 (in Hungarian).

Garaczi László. What Fun We Have on This Coach Ride. Confessions of a Lemur 2 [Pompásan buszozunk! Egy lemúr vallomásai 2.] Pécs, Jelenkor. 1998 (in Hungarian).

Károlyi Csaba. «Let's Talk about Garaczi!» GaracziLaszlo: No sleep! [«Beszéljünk Garacziról!» Garaczi László: Nincs alvás!] *Jelenkor,* 1993, no. 4. p. 367 (in Hungarian).

Kovács Eszter. Confession, otherwise. Garaczi László: What Fun We Have on This Coach Ride [Vallomás, másként. Garaczi László: Pompásan buszozunk!]. *Jelenkor*, 1999, no. 1, Vol. 42, p. 93 (in Hungarian).

Lengyel Imre Zsolt. Autobiography and Facial Damage. Garaczi Laszlo: Face and About-Face. Confessions of a Lemur [Önéletrajz és arcrongálás. Garaczi László: Arc és hátraarc. Egy lemur vallomásai]. *Beszélgetés fákról. Irodalomkritikák 2009–2012*. Miskolc, Műút könyvek, 2012, pp. 136–146 (in Hungarian).

Mekis D. János. Garaczi László: Confessions and Contexts of a Lemur [Garaczi László: egy lemúr vallomásai- és kontextusai]. *Az önéletrajz mintázatai. A magyar irodalmi modernség hagyományában*. Budapest, FISZ, 2002. pp. 147–148 (in Hungarian).

Pienták Attila. A Critic Paper on Face and About-Face. Confessions of a Lemur [Kritika Garaczi László: Arc és hátraarc (Egy lemur vallomásai) című kötetéről]. *Kortárs*, 2011, no. 11, Vol. 55, pp. 126–127 (in Hungarian).

Szilágyi Zsófia. *The One-Legged Lead Soldier. Literary Artwork Errors* [A féllábú ólomkatona. Irodalmi mű-hibák]. Pozsony, Kalligram, 2005 (in Hungarian).

Wirth Imre. The Liberating Artist. Garaczi László. As if You are Alive. Confessions of a Lemur 1 [«A szabadulóművész». Garaczi László. Mintha élnél. Egy lemúr vallomásai 1]. *Nappali Ház,* 1996, no. 1, pp. 92–97 (in Hungarian).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Л.Г. Смирнова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81-23

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-61-76

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *имя существительное; оценочный потенциал части речи; категория оценочности; лексико-грамматические разряды; имена собственные; словопроизводство существительных; синтаксическая полифункциональность существительного; национальная аксиологическая иерархия.*

В рамках анализа специфики выражения оценки словами разных частей речи в статье рассматривается оценочный потенциал существительного, выявляется возможность корреляции между семантическими и грамматическими характеристиками субстантивных слов и их способностью служить средствами оценочной квалификации. Выдвигается предположение о том, что именно существительное обладает наиболее значительным оценочным потенциалом.

В статье рассматривается способность существительных разных лексико-грамматических разрядов (собственных, собирательных, вещественных, абстрактных, личных) включать в свою семантику оценочный компонент значения. Определяются важнейшие группы в массиве оценочных единиц: существительные со значением лица, совокупности лиц и абстрактные существительные. Отмечается, что тематическая группировка, характер коннотаций, присущих отдельным группам собирательных существительных, личным существительным, а также общеязыковым метафорам, отражают этнические аксиологические ориентиры в оценке качеств человека.

Возможности использования субстантивных слов в оценочной функции наглядно иллюстрируют проприальные единицы, ими могут быть только существительные. Имена с оценочными коннотациями становятся символами, рождающими оценочные ассоциации в пространстве национальной культуры.

Способность существительных передавать оценочный сигнал подкрепляется многочисленностью и разнообразием суффиксов, привносящих оценочный компонент значения в производные субстантивные слова.

Особый статус существительного как средства создания оценочной прагматики высказывания подкрепляется его синтаксической полифункциональностью.

Обозначая ценности и антиценности, специфичные этнические концепты, существительные играют главную роль в вербализации национальной аксиологической иерархии, отражают вновь появляющиеся реалии, номинируют новые значимые понятия общественной жизни.

Значимость грамматической организации высказывания для его семантической интерпретации в русском языке обусловливает интерес лингвистов к рассмотрению семантического потенциала грамматических категорий и форм. Интересной в этом плане представляется категория оценочности, предполагающая использование разнообразных языковых средств для выражения интенций говорящего. Оценочность является широкой семантической категорией, представленной системой разноуровневых языковых средств и совокупностью приемов, организующих прагматику речевого акта.

Изучение языковой оценки в семантическом, функционально-грамматическом и когнитивно-прагматическом аспектах предполагает рассмотрение как смысловых, так и формально-грамматических приемов создания оценочных суждений. Традиционно считается, что оценка реализует квалифицирующую функцию языкового знака, характеризует предмет речи по признаку *хороший / плохой*, *должный / не должный* с точки зрения говорящего. Существует устойчивое мнение, что эта функция грамматически свойственна прежде всего прилагательному, тогда как существительное служит в первую очередь для номинации объектов действительности. В научной литературе общепринятым является суждение о том, что в функции оценочного предиката выступает преимущественно прилагательное [Арутюнова, 1988; Фелькина, 1990; Маркелова, 1996 и др.]. Характерным является тот факт, что известная классификация частнооценочных лексем Н.Д. Арутюновой, базирующаяся на объективных дескриптивных основаниях оценочных суждений, иллюстрируется именно прилагательными [Арутюнова, 1988, *76–77*].

Признавая объективную «предрасположенность» прилагательного выражать оценку, выдвинем предположение о том, что существительное как часть речи обладает значительным оценочным потенциалом (более значительным, чем прилагательное), субстантивы разнообразны в плане выражения оценки, прагматическая функция «оценочного приговора» в высказывании наиболее определенно и недвусмысленно осуществляется с помощью существительного. Кроме того, именно существительные манифестируют ценностную систему, запечатленную в национальной языковой картине мира.

Цель данной статьи – рассмотреть оценочный потенциал существительного, выявить возможности выражения оценки существительными различного типа, определить наличие корреляции между грамматическими категориями и формами существительных и способностью слов этой части речи выражать оценочную семантику.

Грамматические и семантические характеристики существительных, обусловливающие их использование в оценочной функции. Существительные – самый многочисленный класс слов в русском языке, среди знаменательных частей речи именно существительные наиболее полно воплощают языковую картину мира, обозначая не только предметы и лица, но и абстрактные понятия, «опредмеченные» качества и действия. О чрезвычайно широкой грамматической семантике существительного писал еще Л.В. Щерба: «Значение этой категории известно – предметность, субстанциальность. При ее посредстве мы можем любые лексические значения, и действия, и состояния, и качества, не говоря уже о предметах, представлять как предметы: *действие*, *лежание*, *доброта* и т.д.» [Щерба, 1974, *81*].

В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой сделана попытка определить семантический потенциал слов разных частей речи. Лексические единицы всех грамматических классов распределены здесь на слова именующие (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), а также указующие, собственно квалифицирующие и связующие (незнаменательные слова) [Русский семантический словарь, 1998]. Характерно, что три из шести планируемых томов словаря посвящены толкованию субстантивных именующих слов (существительных).

Говоря в «Предисловии» о глубоком познавательном смысле объединения семантически близких лексем в конечное или предконечное подмножество, составители словаря определяют несколько типов «картинок жизни», которые «живописуют» подобные множества. Кроме информирующей «картинки жизни», заключающей в себе собственно номинативную лексику, определяются «“картинка” ментальная, живописующая: она возглавляется нейтральным словом, к которому обращены единицы, заключающие в своем значении отношения к называемому, его оценку» [Русский семантический словарь, 1998], а также «“картинка” контаминированная, содержащая в себе ряд собственно именующих слов и обращенные к этому ряду слова оценочные или характеризующие» [Русский семантический словарь, 1998]. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что центральное место в словесном воплощении ментальной и контаминированной «картинок» занимают существительные.

Лексико-грамматические разряды существительных, традиционно выделяемые на основе как семантических, так и грамматических признаков определенных групп субстантивов, по-разному соотносятся с категорией оценочности. Собственные и нарицательные; собирательные; веще-

ственные; конкретные и отвлеченные; одушевленные и неодушевленные, личные и неличные существительные в разной степени способны включать в свою семантику оценочный, а также коррелирующие с оценочным эмотивный и экспрессивный компоненты.

Достаточно наглядно проявляется в русском языке корреляция оценочной семантики с грамматической категорией собирательности. Оценочно маркированные собирательные существительные могут обозначать совокупность предметов: *хлам, мусор, барахло, тряпье, шмотье*. Однако гораздо более значимый фрагмент языковой картины мира заполняют собирательные существительные, обозначающие совокупности лиц, поскольку основным объектом оценки является человек (или группы людей). Оценочные номинации подобного типа наглядно демонстрируют общие национальные аксиологические ориентиры в оценке качеств человека. Согласно традиционным мировоззренческим установкам этнического сознания, человек не индивид, не атом, а прежде всего соборная личность, он должен жить «в миру», входя в различные общности – профессиональные, семейные, дружеские. Эти общности составляют народ, обладающий исторической памятью и надличностным разумом.

В русском языке содержится значительное количество общих наименований совокупностей лиц, включающих как мелиоративную, так и пейоративную оценки. В основном эти лексемы стилистически маркированы как высокие или сниженные, некоторые из них включают яркую эмотивность и экспрессию: *плеяда* (высок.), *созвездие* (перен.), *соль* (перен.) (*соль земли*), *цвет* (перен.), *элита*; *гадюшник, гопкомпания, дурачье, зверье, мразь, недобитки, нелюди, нечисть, отбросы, отморозки, погань, шантрапа, шарашка* и др. Негативизм присутствует и в наименованиях неорганизованных сообществ людей: *ватага, гурьба, колхоз, муравейник, орда, сборище, скопище, сброд, свора, стадо, толпа*.

Номинации сферы межэтнических связей содержат оценку, определяемую сложившейся в тот или иной период политической, экономической, социокультурной обстановкой. Язык активно реагирует на современные межэтнические конфликты, сохраняя память и о прошлых национальных столкновениях. Вразрез с установкой на «политкорректность» в речи употребляются экспрессивные, преимущественно негативные наименования представителей той или иной национальности: *австрияки, ляхи, фрицы, хачики, чурки, чучмеки, азеры,* ставшее устойчивым официальное название *лица кавказской национальности, москали, хохлы, укры, укропы*.

Преимущественно пейоративную оценку включают наименования имущих – неимущих слоев населения. Отрицательная оценка у слов *барство, верхи, знать, олигархат* отражает «народное» отношение к имущим слоям. «Интеллигентский» взгляд на представителей простого народа демонстрируют номинации *хам, быдло, чернь, охлос, простонародье, люмпе-*

ны, хаботы, хаботье, шариковы. Негативно маркированы существительные, называющие представителей низов общества (*маргиналы, бомжи, бродяги, голь, лимита, мужичье, низы, нищета, подворотня, рвань, сброд, хам, чернь, лохи*). Положительную коннотацию содержат слова, называющие родственные и дружеские объединения (*братаны, друзья, земляки, кореши, сподвижники,* но *собутыльники, сообщники* с пейоративной оценкой). Потенциальную мелиоративную оценку включают слова *родные, родня, дети, детвора, домашние, малЫе, ребята, родители*.

Оценки противоположных знаков могут содержать существительные, обозначающие объединения людей на основе общего дела. Так, негативно окрашены наименования объединений преступников: *криминал, криминалитет, преступный мир, уголовный мир, воры в законе, ворье, урки, шайка, банда, шпана, пацаны* (жарг.) (в значении «преступники»). Лексемы *бригада, коллектив*, которые традиционно ассоциируются с трудовыми объединениями людей, содержат потенциальную мелиоративную оценку. То же можно сказать и о словах *артель, фабричные, заводчане, заводские, экипаж.* Негативно окрашены существительные *дворня, обслуга, прислуга, челядь, шоферня.*

Значительное количество лексем, содержащих оценку, составляют существительные, представляющие собой наименования лиц. Номинации человека в русском языке чрезвычайно разнообразны. Например, это наименования по различным внешним и внутренним признакам (*красавец, громила, слабак, толстяк, зануда, бессребреник, добряк, хлебосол, душа-человек, жмот, крохобор*, *подвижник, праведник, стоик*); наименования лиц, связанные с обладанием знаниями, навыком, опытом трудовой деятельности (*ас, виртуоз, дока, знаток, профессионал, умелец, универсал, художник, халтурщик, ханыга, неумеха, недоучка, неумейка*); наименования по манере поведения, в том числе речевого (*молчун, ворчун, таратора, трещотка, сорока, орун, крикун, пискля*); по национальности (*русак, чукча, Иван*); роду деятельности (*учитель, врачиха*, *шоферюга*); родственным связям (*мамуля, папаша, отец, батя, братец, братишка, браток, детка*); по принадлежности к различным классам, партиям, группам и т.д. (*совок, сталинист, либерал*). Поскольку именно человек является главным объектом оценки, центральным концептом, организующим поле оценочно маркированной лексики, личные существительные представляют собой одну из важнейших групп слов, включающих оценочную коннотацию. При этом характер оценочных коннотаций в личных существительных в значительной степени ориентируется на базовые этнические представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо».

Среди субстантивов со значением лиц выделяется группа существительных общего рода, которые в большинстве своем включают оценочный компонент значения. В их семантику чаще всего входит пейоративная оценка

(*жадина, проныра, шпана, обдирала, тряпка, выскочка, воображала, кривляка*), реже мелиоративная (*умница, симпатяжка*). В этом случае мы можем говорить о корреляции оценки с грамматической категорией общего рода.

Важную группу оценочно маркированных слов составляют общеязыковые метафоры, прежде всего зооморфные, в которых осуществляется перенос значения *животное – человек*. Около 280 наименований животных используются в качестве общеязыковых метафор для характеристики лица. Характерно, что в русском языке используются названия животных практически всех классов и отрядов, в том числе общеродовые названия: *животное, зверь, самка, самец, жвачное, простейшее, рыба, сокол, стрекоза, павлин, лиса, слон, бегемот, мамонт* и т.д. В абсолютном большинстве случаев зооморфные метафоры дают человеку пейоративную оценку: *хищник, осел, сорока, лиса, свинья, шакал, волчара, амеба, тюлень – газель, рыбка, сокол, пчела, муравей.*

Значительно меньшим количеством слов представлены метафоры, в которых осуществляется перенос *неодушевленный предмет – человек, растение – человек*: *пень, мешок, тумба, кисель, сухарь, чучело, игрушечка, конфетка, гранит, огонь, порох, лев, звезда, чурбан, тюфяк, шкаф, тряпка, дуб, былинка, бутончик, сморчок, лопух* и др. Оценочная асимметрия языковых метафор неоднократно отмечалась исследователями. Например, Г.Н. Скляревская отмечает почти четырехкратное преобладание существительных-метафор, включающих отрицательную оценку [Скляревская, 1993, *103*].

В гораздо меньшем количестве представлены лексемы с оценочным компонентом значения среди вещественных существительных – слов, являющихся названиями однородных по своему составу веществ, поддающихся делению, измерению, но не счету (*сахар, мед, воздух, молоко* и др.). Прямое значение вещественных существительных чаще всего не предполагает какой-либо оценки, однако переносное значение подобных лексем в некоторых случаях обусловливает появление у слова оценочных коннотаций, например, у таких слов, как *серебро, золото, мед, кровь, грязь, слизь, слезы* и некоторых других. Например: *Там царь Кощей над златом чахнет* (А.С. Пушкин. Руслан и Людмила).

Весьма важна в русском языке значительная по объему группа абстрактных существительных с оценочным компонентом значения. Абстрактные лексические единицы связаны словообразовательными отношениями с производящими прилагательными и глаголами и в наиболее общем виде дают представление о понятиях, качествах, действиях, состояниях, значимых для носителей языка, положительно или отрицательно ими оцениваемых.

Среди абстрактных существительных выделяются следующие «философски» и «идеологически» значимые группы оценочно маркируемых лексем разной стилистической окраски: существительные, характеризую-

щие важные события жизни человека, основные этапы жизни (судьба, жизненные испытания, смерть) (*благоденствие, благополучие, житуха – будни, проза, существование, бытовуха, рутина; успение, кончина, каюк, кранты*); существительные, обозначающие ценности человеческой жизни (***утилитарные*** (*здоровье, достаток – болезнь, нищета*), ***эстетические*** (*красота, гармония – уродство, хаос*), ***морально-этические*** (*правда, добро, вера, помощь – ложь, жестокость, равнодушие*), ***социальные*** (*справедливость, законность, достоинство – несправедливость, беззаконие, бесправие*)). Оценочно маркированы существительные, дающие характеристику морально-этическому облику человека, его психологическому складу (*честность, искренность, мужество, сочувствие, доброта – притворство, безволие, жестокость, скаредность*); существительные, характеризующие семейные, родственные, дружеские взаимоотношения человека (*семья, дружба, взаимопомощь – бездетность, одиночество, эгоизм*).

Соотношение положительно и отрицательно маркированных абстрактных лексем дает представление об особенностях национальной языковой картины мира, о ценностях, которые формируют базу национальной идентичности. Это соотношение свидетельствует о том, что для русского человека важнейшей стороной жизни является ее *духовная* сторона; для него важны такие антонимические противопоставления, как *духовное – материальное; вечное – тленное, суетное, преходящее; сущностное – внешнее, показное*.

Приведенные примеры оценочно маркированных слов демонстрируют тот факт, что языковая оценка коррелирует не с собственно грамматическими категориями, а, скорее, с грамматическим общекатегориальным значением той или иной лексико-грамматической группы существительных.

В некоторых случаях наблюдается корреляция оценочного потенциала существительных с их собственно грамматическими признаками. Например, среди слов singularia tantum довольно много слов с оценочной коннотацией: это номинации совокупностей лиц и предметов (*старичье, охлос, рухлядь*), абстрактные существительные (*порядочность, признательность, агрессия, коварство*). Существительные pluralia tantum почти не дают примеры оценочно коннотированных слов: оценочные коннотации присущи лишь некоторым словам (*хлопоты, будни, шашни, руины* и др.). Таким образом, существует корреляция между лексико-грамматическими характеристиками существительных и их способностью включать эмотивный, экспрессивный и оценочный компоненты значения, самый яркий пример подобной корреляции – существительные общего рода.

Оценка, присущая проприальным единицам. Весьма важной является возможность приобретения оценочного компонента значения именами собственными. Как известно, именами собственными могут быть только существительные, именно поэтому оценочный потенциал субстан-

тивных имен, его отличие от оценочных возможностей слов других частей речи наглядно иллюстрируется именно проприальными единицами.

Выделение в группе имен *собственных* и *нарицательных* существительных (проприальных единиц и апеллятивов) опосредованным образом связано с наличием в них оценочного компонента значения. В группе проприальных имен мы можем наблюдать закономерности двух типов. Во-первых, оценочные ассоциации вызывают в сознании носителей языка реалии, лица, явления, события, обозначенные именами собственными, существительные-номинанты, соответственно, приобретают оценочные коннотации. Во-вторых, оценочный компонент значения может входить в семантику апеллятивов. Если подобные единицы становятся именами, они переносят оценку на обозначаемую ими реалию. Такое явление происходит в процессе нейминга.

Рассматривая закономерность первого типа, следует прежде всего отметить коннотативные имена собственные, лексикографическое описание которых представлено Е.С. Отиным в «Словаре коннотативных собственных имен» [Отин, 2006]. Анализируя проприальные единицы, включающие оценочные коннотации (коннотонимы), исследователь отмечает проявление общеоценочной асимметрии в группе имен собственных: «большинство из них (особенно антропонимы) чаще всего употребляются как пейоративные оценочные слова» [Отин, 2006, *12–13*]. Например*, Кулибин, Левша, Колумб, Венера, Дюймовочка, Пальмира; Мамай, Кащей, Чичиков, Ванька, Собакевич, Герострат, Власов, Швондер* и др. В пространстве национальной лингвокультуры присутствуют антропонимы (реже топонимы), которые называют известных исторических персонажей, выдающихся общественных деятелей, гениальных творцов, географические реалии, связанные со значительными событиями истории. Подобные онимы превращаются в символы национальной культуры, причем свойством их семантики является наличие оценочного компонента значения. Подобные лексические единицы демонстрируют разную степень деонимизации, причем грамматическим признаком появившихся оценочных апеллятивов является отсутствие форм множественного числа (в узусе не употребляются лексические единицы типа *Пушкины, Гегели, Москвы, Сталинграды* и т.д.). Однако при выделении более узкого признака у проприальных имен формы множественного числа могут использоваться в квалифицирующей функции (причем в графике непоследовательно употребляются строчные и прописные буквы): *Власовы* (в значении *предатели*), *гапоны, азефы* (в значении *провокаторы*)*, стахановы, агнелины* (в значении *передовые работники*). О стереотипизации широко распространенных личных имен, их ассоциации с оценочной характеристикой представителей соответствующего этноса в анекдоте пишет Ж.Б. Абильдинова: «…в анекдотах Иван ас-

социируется, с одной стороны, с силой, удалью и бесшабашностью, а с другой – с ленью и желанием выпить» [Абильдинова, 2018, *115*].

У имен собственных, называющих выдающихся исторических и культурных деятелей, в некоторых случаях появляются словообразовательные дериваты, имеющие оценочную коннотацию. Например: *толстовство, пугачевщина, достоевщина, бердяевщина, бериевщина, брежневизм, жириновщина* и т.д. Подобные дериваты с отрицательной коннотацией образуются и от антропонимов, представляющих собой имена литературных персонажей: *молчалинство, хлестаковщина, маниловщина, чичиковщина, обломовщина, смердяковщина, карамазовщина.* Называя значимые, символические явления национальной культуры, подобные концепты занимают важное место в русской концептосфере.

Таким образом, в языке появляется важная лексическая группа деономизированных оценочно маркированных единиц (преимущественно антропонимов и топонимов). Важное условие их интерпретации в тексте – знакомство адресата сообщения с реальными лицами, явлениями, понятиями, названными соответствующими онимами.

Согласно второй закономерности появления оценочного компонента в имени собственном, оценка наследуется онимом от апеллятива, на базе которого возникает проприальная единица. Именно таким образом появляются прозвища и клички. Тот же прием «заражения» оценочной коннотацией используется при создании «говорящих имен» литературных персонажей: *Стародум, Милон, Правдин, Скотинин, Вральман* («Недоросль» Д.И. Фонвизина); *Скуперфильд, Жадинг, Спрутс, Скрягинс, Жулио, Дрянинг* («Незнайка на Луне» Н.Н. Носова).

Прием «заражения» объекта номинации оценочной коннотацией используется в процессе *нейминга* (области рекламы, связанной с имяобразованием различных видов продукции, новых фирм-производителей). Общая тенденция нейминга – присвоение объектам наименований, содержащих лексемы с компонентом положительной оценки или с потенциальной положительной оценкой. Например, сорта помидоров называются *«Чудо света», «Королева рынка», «Отрадные», «Примадонна»* и т.д.

Таким образом, одним из важных пластов оценочно маркированной лексики в языке являются имена собственные. Именно они демонстрируют уникальный оценочный потенциал существительного в русском языке. С помощью субстантивных имен-неологизмов язык отражает те концептуальные изменения в национальной лингвокультуре, которые происходят с течением времени. Это могут быть словообразовательные неологизмы (*Совдепия, Постсоветия, Рубляндия*) или имена (антропонимы, топонимы), приобретающие оценочный компонент значения за счет символизации проприальной единицы. Например, *Абрамович* (нувориш, олигарх),

Куршавель (модный, престижный курорт), *Рублевка* (место жительства богатых людей России).

Морфемы, служащие для образования оценочно маркированных субстантивных производных. Ярко проявляется значимость оценочного потенциала существительного при рассмотрении возможности выражения оценки с помощью морфем, прежде всего суффиксов. Разнообразие суффиксальных производных существительного обусловливает наличие отсубстантивных дериватов, выражающих различные оттенки оценочного отношения говорящего: (*сестра*), *сеструха, сеструшка, сестренка*; (*брат*), *братан, братуха, братка, братишка, братик; (бабушка), бабуся, бабусенька, бабусик, бабуля, бабулечка – бабка, бабулька.* Именно для существительного прежде всего характерны синонимические ряды, включающие стилистически маркированные компоненты (однокорневые и разнокорневые) с оценкой разных знаков: *(девушка), дева, девчушка, девонька, девулечка, барышня – девчонка, девка, деваха, девица, герла, чувиха, пацанка; (ребенок), ребеночек, чадо, дитя, детка – спиногрыз, нахлебник; (рука), ручка, рученька, ручонка, ручоночка – ручища, лапа, лапища; (лицо), личико, лик – физиономия, рожа, морда, харя, рыло, мурло, фэйс.*

Морфемы (прежде всего суффиксы как наиболее семантизированные единицы морфемного уровня языка) являются важным языковым средством выражения оценки. О.П. Ермакова указывает на то, что морфемы способны создавать ироническую коннотацию производного слова, причем ирония обозначает обычно отрицательное отношение говорящего к предмету речи: *брежневиада, подписант, отъезжант, нетленка, вручант, объявлянт, отвалянт* [Ермакова, 2005, *139*]. Отметим при этом, что приведенные исследователем слова являются существительными. По мнению Т.Б. Радбиля, суффиксы существительных, входящие в типично русские модели экспрессивного словообразования, выражают «национально-специфичные модели языковой концептуализации мира – установку на эмпатию, гиперболизацию, ироническое “остранение” и пр.» [Лингвокогнитивные аспекты, 2020, *12*]. В качестве иллюстрации приводятся следующие примеры адаптированных заимствований: *гифка, превьюшка, превьюха, респектище* и др.

Возможность экспликации оценочной семантики с помощью морфем в наибольшей степени проявляется при суффиксальном словообразовании существительных. В создании оценочной семантики производных существительных способны участвовать около 90 суффиксов (в том числе нулевой суффикс). Большинство суффиксов, вносящих оценочный компонент значения в словообразовательные дериваты, имеют значение лица (более 40 суффиксов – *труженик, борец, соглашатель, гонитель, причудник, завистник, обидчик, обманщик, лжец, делец, льстец, гордец, рвач, трепач, врун, вертун, враль, поддавала, мазилка, вертушка, растрепа,*

мямля и т.д.), совокупности лиц (*аристократия, интеллигенция, пионерия, мужичье, бабье, ворье, пьянь, рвань, сброд, чернь, офицерня, шоферня, сборище, скопище, агентура, военщина* и т.д.), абстрактности (*воздаяние, тщание, усердие, демагогия, симуляция, уголовщина, безалаберщина, вранье, жранье, брехня, ругня, показуха, невезуха, гадость, мерзость, закидон, галдеж, мудреж, пошлятина* и т.д.).

Значительное количество суффиксов (в том числе и морфемы, образующие дериваты со значением лица) образуют уменьшительно-ласкательные и усилительно-увеличительные словообразовательные модификации – диминутивы и аугментативы, причем словообразовательное значение субъективной оценки (обобщенное, системное языковое значение, которое присутствует в рядах производных существительных, прилагательных, наречий, глаголов с разными формантами и разными способами словообразования) нагляднее всего выявляется именно в производных существительных [Шейдаева, 1998, *38*]. Диминутивы в русском языке чаще всего включают положительную коннотацию (*ротик, носик*, *девчурка, дурашка, плутишка, бабонька*), которая появляется даже в том случае, если производящая основа нейтральна или маркирована отрицательно.

В производных с усилительно-увеличительным значением чаще всего наблюдается отрицательная коннотация. Е.А. Земская отмечала, что в таких производных обычно развивается или усиливается отрицательная оценочность: «…замечено, что оценочной гиперболизации, увеличению и усилению особенно часто и легко поддаются объекты изначально негативной семантики: враг – вражина, волк – волчара, дура – дурища, пыль – пылюга, хам – хамила и т.п.» [Земская, 1973, *246*]. Рассматривая образование аугментативов в современном бытовом разговорном дискурсе, В.В. Химик отмечает, что подобные дериваты стилистически снижены, сопровождаются коллоквиализацией и часто даже оценочным огрублением: *носище, котяра, нахалюга, бредятина; дурачина, дурила, дурында; бабища, бабец, бабенция, ворюга, жлобяра, стыдоба, похмелюга, речуга (толкать речугу), ветрюга* и др. [Химик, 2009, *32*].

В речевой практике существительные являются основной базой для появления новых производных, образования сложных слов, причем отсубстантивные дериваты (в том числе сложные слова) получают оценочную маркированность и коннотации различного типа. Самые свежие примеры: *коронавирус – коронка, коронобесие, коронобешенство* и т.д. Лингвисты отмечают появление новообразований различного типа (чаще всего существительных), которые представляют собой оценочные реакции на возникающие обстоятельства, события различного типа: диминутивы (*победка, звездулька*), суффиксальные универбаты (*долевка, элитка*), различные виды контаминаций (*майдаун, евроненавиденье, шпионообмания*), отантропонимические дериваты (*бандеризация, обамизм, кудринщина, трампгейт,*

трампокалипсис, недоТрамп и т.д.). Анализируя эти и другие яркие примеры, Л.В. Рацибурская делает убедительный вывод о значимой роли словообразовательных процессов «в отражении и моделировании картины мира социума» [Социокультурные и лингвопрагматические аспекты, 2018, *80*].

Способы образования существительных с помощью формантов, привносящих оценочный компонент значения, разнообразие суффиксов, их способность стилистически модифицировать слова наглядно демонстрируют оценочный потенциал существительного, убедительно доказывают то положение, что именно эта часть речи способна в наибольшей степени передать прагматические установки говорящего. Слово, включающее оценочно маркированный аффикс, служит в качестве яркого прагматического сигнала, именно поэтому Т.В. Маркелова называет подобные аффиксы *прагмоморфемами*: «народец, народишко, народище, ну и ветрюга! (С. Золотцев)» [Маркелова, 1996, *24*].

Особенности функционирования оценочно маркированных существительных в речи. Оценочный потенциал существительного в русском языке поддерживается синтаксической полифункциональностью субстантивных слов, их способностью выступать практически в роли любого члена предложения, усиливать иллокутивные (открытые, явные) и перлокутивные (скрытые, не декларируемые) намерения говорящего. Характерно наличие в русском языке особой конструкции, с помощью которой говорящий фиксирует внимание адресата сообщения на предмете речи. Это «именительный представления»: *Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!* (А.С. Пушкин).

Оценочные реакции в разговорной речи могут выражаться с помощью номинативных экспрессивных предложений. В качестве главного члена этих предложений употребляются общеоценочные существительные разной стилистической окраски (*«Красота!», «Прелесть!», «Какая дрянь!», «Улет!* (жарг.)*», «Чума!»* (жарг.)) или существительные со значением лица (*«Молодец!», «Красавец!», «Вот гад!»*).

Отметим важную «идеологическую» функцию субстантивных слов в конструировании национальной языковой картины мира. Все важнейшие концепты национальной концептосферы номинируются посредством существительных: *судьба, тоска, воля, семья, Родина* и др. Новые заимствования, несущие «идеологическую» нагрузку, по преимуществу также являются существительными или оформляются как существительные в русском языке: *креатив, тренд, пиар, толерантность, хайп, фэн-шуй* и др.

Некоторые понятия, номинированные субстантивными словами, обретают в конкретные исторические эпохи символическое значение: *Победа, низкопоклонство, марризм, волюнтаризм, застой, перестройка, глобализация, пандемия, самоизоляция* и др. Нередко подобные существительные-символы становятся амбивалентными знаками, вызывая

противоположные оценочное отношение у разных групп носителей языка: *революция*, *сталинизм, совок, глобализация, успешность* и т.д. Л.И. Ручина указывает на то, что амбивалентная оценка характерна для лексемы *либерал*, приобретшей сегодня особый знаковый характер [Ручина, 2018].

Особой функцией существительных является отражение новых реалий жизни, обозначение концептуальных изменений в национальной культуре. Каждый значимый этап общественной жизни знаменуется появлением новых существительных (или актуализацией узуальных лексем), обозначающих важные понятия современного уровня развития общества. Интересный пример подобного знакового новообразования использовала Элла Памфилова: *Мы, как и весь мир, столкнулись с новой реальностью, обусловленной глобальной пандемией, которая, очевидно, не исчезнет завтра в одно мгновение. Эта новая реальность может обернуться «новой* ***нормальностью****», в которой мы будем вынуждены и дальше жить, приспосабливаясь к ее видоизменяющимся вызовам*[1]. Оценочные ассоциации (причем амбивалентные) появляются при сравнении неологизма с отрицательно маркированным словом *ненормальность* и узуальным словосочетанием *новая реальность*, нейтральным в отношении оценки.

Подводя итог, отметим, что обобщенность грамматического значения существительных, наличие лексико-грамматических разрядов, с которыми коррелирует оценочная семантика, синтаксическая полифункциональность позволяют субстантивным словам передавать тонкие нюансы оценочного отношения говорящего к предмету речи, а также определять основы национальной аксиологической матрицы. Особая роль существительных в осуществлении квалифицирующей оценочной функции поддерживается многообразием суффиксов, способных вносить оценочный компонент значения в производные субстантивные слова.

Существительные играют главную роль в вербализации национальной аксиологической иерархии, поскольку именно субстантивные слова номинируют ценности и антиценности, обозначают специфичные этнические концепты. Значимыми культурными маркерами в языковой картине мира являются субстантивы, представляющие собой проприальные единицы. Таким образом, именно существительные среди слов всех знаменательных частей речи обладают наибольшим оценочным потенциалом, предоставляя говорящему самое значительное количество языковых единиц для выражения оценочного отношения к предмету речи.

ЛИТЕРАТУРА

Абильдинова Ж.Б. Этнические стереотипы сквозь призму языка. 3-е изд. М.: Флинта, 2017. 240 с.

[1] https://rg.ru/2020/05/24/ella-pamfilova-o-tom-kak-budet-vnedriatsia-distancionnoe-elektronnoe-golosovanie.html (дата обращения: 28.08.2020).

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ, 2005. 202 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 504 с.

Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 248 с.

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1–3. М., 1998, 2000, 2004. URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=283 (дата обращения: 01.09.2020).

Ручина Л.И. Концепт *либерал:* смысловое наполнение в национальном сознании // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. Нижний Новгород: Деком, 2018. С. 244–249.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с.

Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2018. 232 с.

Фелькина О.А. Развитие семантики славянских прилагательных общей оценки в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 1990. 22 с.

Химик В.В. Феномен гиперболических оценок в русском модификационном словообразовании // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. Ч. 2. С. 31–38.

Шейдаева С.Г Категория субъективной оценки в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Н. Новгород, 1998. 42 с.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 77–100.

L.G. Smirnova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
The Russian Language Department,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Evaluative Potential of Nouns in the Russian Language

Specifying evaluation expression through the words representing different parts of speech, the article considers the evaluative potential of nouns and explores a possible correlation between the semantic and grammatical characteristics of substantive words, as well as their ability to play the role of evaluative qualification means. The author of the article makes a supposition that the noun has the greatest evaluative potential.

The article reviews the capability of nouns that belong to different lexicogrammatical classes (proper, collective, material, abstract, and personal ones) for including an evaluative component of meaning into their semantics. It identifies the most important groups among the mass of evaluative units – the nouns having the meaning of person or a collective of persons or abstract nouns. The author notes that the thematic grouping, the character of connotations inherent in some groups of collective nouns, proper names, and common-language metaphors reflect the ethnic axiological reference points for assessing the qualities of a person.

Opportunities for using substantive words in the evaluative function graphically demonstrate that only nouns can become proprial units. Names with evaluative connotations turn into symbols, which bring up evaluative associations within the space of national culture.

Ability of the noun to convey the evaluative signal is supported by the abundance and variety of suffixes that impart the evaluative component to derivative substantive words.

The noun special status as a tool for generating the evaluative pragmatics of an utterance is supported by its syntactic multifunctionality.

By denoting values, anti-values, and specific ethnic concepts, nouns play the main role in the verbalization of the national axiological hierarchy. They reflect the newly appearing realities and denominate the new meaningful notions of social life.

Key words: *noun; evaluative potential of a part of speech; categories of evaluation; lexicogrammatical classes; proper nouns; word formation of nouns; syntactic multifunctionality of the noun; national axiological hierarchy.*

REFERENCES

Abildinova Zh.B. Ethnic Stereotypes through the Prism of Language [Etnicheskie stereotipy skvoz' prizmu yazyka]. 3d Edition. Moscow, Flinta. 2017. 240 p. (in Russian).

Arutyunova N.D. Types of Langugage Meanings. Evaluation. Events. Facts [Tipy yazykovykh znacheny. Otsenka. Sobytie. Fakt]. Moscow, Nauka. 1988. 341 p. (in Russian).

Felkina O.A. Evolution of Semantics of Slavonic General-Evaluation Adjectives in the Russian Language [Razvitie semantiki slavyanskikh prilagatel'nykh obshchei otsenki v russkom yazyke]: Abstract of the diss. … of doc. of philol. sciences. Minsk. 1990. 22 p. (in Russian).

Khimik V.V. The Phenomenon of Hyperbolic Evaluation in the Russian Modifying Word Formation [Fenomen giperbolicheskikh otsenok v russkom modifikatsionnom slovoobrazovanii]. Assessments and Values in Contemporary Scientific Knowledge [Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii]: a collection of scientific works. Ed. by S.S. Vaulina, V.I. Greshnykh. Part. 2. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University, 2009, pp. 31–38 (in Russian).

Linguocognitive Aspects of the Study of National Conceptospheres in Synchronium and Diachronium [Lingvokognitivnye aspekty izucheniya natsional'nykh kontseptosfer v sinkhronii i diakhronii]. A collective monograph. Ed. by L.V. Ratsiburskaya. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020. 248 p. (in Russian).

Markelova T.V. The Semantics of Evaluation and the Means of its Expression in the Russian Language [Semantika otsenki i sredstva eye vyrazheniya v russkom yazyke]. Abstract of the diss. … of doc. of philol. sciences. Moscow. 1996. 47 p. (in Russian).

Otin Ye.S. The Dictionary of Connotative Proper Names [Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen]. Moscow, OOO «A Temp». 2006. 440 p. (in Russian).

Ruchina L.I. Concept Liberal: Semantic Content in the National Consciousness [Kontsept liberal: smyslovoye napolnenie v natsional'nom soznanii]. National Codes in the Language and Literature. The Language and Cultute [Natsional'nye kody v yazyke i literature. Yazyk i kul'tura]. Nizhny Novgorod, DEKOM. 2018, pp. 244–249 (in Russian).

Shcherba L.V. On the Parts of Speech in the Russian Language [O chastyah rechi v russkom yazyke]. The Language System and Language Activities [Yazykovaya sistema i rechevaya deyate''nost']. Moscow. 1974. pp. 77–100 (in Russian).

Shedayeva S.G. The Category of Subjective Assessment in the Russian Language [Kategoriya sub"yektivnoi otsenki v russkom yazyke]: Abstract of the diss. … of doc. of philol. sciences. N. Novgorod. 1998. 42 p. (in Russian).

Sklyarevskaya G.N. Metaphor in the System of Language [Metafora v sisteme yazyka]. St. Petersburg, Nauka. 1993. 150 p. (in Russian).

Socio-Cultural and Linguopragmatic Aspects of Modern Word Formation Processes [Sotsiokul'turnye i lingvopragmaticheskie aspekty sovremennykh slovoobrazovatel'nykh protsessov]. A collective monograph. Ed. by L.V. Raciburskaya. Moscow, Flinta. 2018. 232 p. (in Russian).

The Russian Semantic Dictionary. An Explanatory Dictionary Systematized into Classes of Words and Meanings [Russky semantichesky slovar'. Tolkovy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheny]. RAS. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Ed. by N.Yu. Shvedova. Vol. 1–3. Moscow. 1998, 2000, 2004. *Available at*: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=283. (accessed 1 September 2020).

Yermakova O.P. Irony and Its Role in the Life of Language [Ironiya i eye rol' v zhizni yazyka]. Kaluga, KSPU. 2005. 202 p. (in Russian).

Zemskaya Ye.A. Modern Russian Language. Word Formation [Sovremenny russky yazyk. Slovoobrazovanie]. Moscow, Prosveshchenie. 1973. 504 p. (in Russian).

А.Е. Варнаева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.161.1'367

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-76-86

ЦЕЛОСТНОСТЬ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ КАК СИСТЕМЫ

Ключевые слова: *система языка; целостность; логическая сторона; коммуникативная сторона; семантическая сторона; формальная сторона.*

Целостность сочинительной конструкции создается ее связью с внешними системами: текстом, окружающей действительностью, мышлением, коммуникацией в обществе. Ведущими сторонами сочинительной кон-

струкции являются логическая и коммуникативная. Формальная сторона обслуживает их, выступая средством их выражения, и не может претендовать на ведущую роль. Она обеспечивает целостность своими двумя особенностями: сведением всего разнообразия сочинительных конструкций к сложносочиненным предложениям и включенностью конструкций в текст. Надо полагать, эти две особенности – следствие влияния логического и коммуникативного содержания сочинительной конструкции.

Описываемая ситуация тоже участвует в создании целостности сочинительной конструкции. Без нее не было бы материала для мышления и коммуникации. Видимо, этим исчерпывается ее роль. Такой вывод следует из того, что мышление и нужды общения обращаются с ней «по своему усмотрению»: не называются явления, которые существуют; соединяется то, что в окружающем мире не связано; говорящий берется сообщать то, о чем точно не знает. Мало того, в конструкции называется то, что не существует, на некоторые явления только указывается. Крайней точкой «принижения» семантического аспекта является употребление в качестве равноправного компонента частицы «только», которая в семантическом аспекте равна нулю.

Анализ целостности сочинительной конструкции показал, что для нее одинаково важны две функции языка: функция создания и оформления мысли, коммуникативная функция. На первом месте все-таки стоит мыслительная функция. Только благодаря мышлению, а именно пониманию множества и его элементов, возможны случаи «принижения» семантического аспекта, то есть без понятия множества и его элементов не было бы сочинительных конструкций вообще.

Известно, что система характеризуется тремя основными чертами. В ней есть элементы; существуют отношения между элементами; системе присуща целостность. Сочинительная конструкция представляет собой систему, поэтому в ней присутствуют все названные три ее признака.

Специфичность отношений сочинительной конструкции была определена давно: данные отношения составляют треугольник. Однако это общее понятие, видимо, являлось гениальной догадкой, потому что суть треугольника не объяснялась. Более того, против нее были два сильных аргумента. Во-первых, в простом предложении однородные члены одинаково зависят от общего для них члена или одинаково его подчиняют; общий член бывает связан предикативной связью с однородными членами; общий член может быть частью члена предложения, например частью составного именного или составного глагольного сказуемого; наконец, между однородными членами и общим членом не признается сочинительная связь, в частности при наличии обращения. Например:

Гости вернулись в гостиную и кабинет графа (Л.Н. Толстой). *Анна Павловна с свойственной ей придворною и женскою ловкостью и быст-*

ротою такта захотела и щелкнуть князя, и в то же время утешить его (Л.Н. Толстой). *За коляской скакали свита и конвой* (Л.Н. Толстой). *Ваня и Коля, идите обедать!*

Однако такой общий член является лишь формальным общим элементом, потому что «только вместе с каждым из равноправных компонентов описывает фрагмент общей картины» [Троицкий, 2018, *139*]. Общим третьим для всех сочинительных союзов является общая картина [Троицкий, 1987, *18–19*].

Во-вторых, в сложносочиненных предложениях нет общего элемента, то есть нет даже формального общего третьего, а значит, нет и сочинительного треугольника.

Поэтому только после работ Е.Ф. Троицкого понятие сочинительного треугольника было раскрыто по существу.

Что касается специфики элементов системы сочинительной конструкции, то она стала известна после объяснения специфики отношений сочинительного треугольника. Оказалось, что равноправные компоненты сочинительной конструкции отличаются от компонентов подчинительной конструкции тем, что они называют элементы одного множества; обобщающий элемент сочинительной конструкции при этом называет все множество [Кондаков, 1971, *306, 603*].

Осталась без рассмотрения третья сторона сочинительной конструкции: ее целостность. Это и составляет предмет предлагаемой статьи.

Обязательным признаком явления, называемого «система», служит его целостность, «то есть невыводимость его общих свойств из свойств отдельных элементов, его составляющих» [Общее языкознание, 1972, *17*]. С этой стороны стали рассматривать живой организм, а позднее – человеческий язык, и человеческое общество, и его культуру. «Параллельно с развитием этих взглядов закономерно вставал и вопрос о причинах целостности систем» [Там же].

Фактически мы в жизни применяем принцип целостности. Например, выключатель мы понимаем, исходя из электрической цепи в целом как системы: это ее часть, предназначенная для замыкания и размыкания цепи. В толковых словарях значения слов часто поясняются со ссылкой на целое. Например: «Тигр. Самая крупная из больших кошек». В науке язык определяется как важнейшее средство человеческого общения. Или: язык – это общественное явление. И так далее. Нетрудно заметить, что мы, применяя принцип целостности, обращаемся к тому, что более широкое по объему: электрическая цепь, семейство кошачьих, средства человеческого общения, общественные явления. Или это вообще внешняя система.

Язык – сложнейшее явление, и в то же время он обслуживает разнообразные сферы общения. Поэтому существуют четыре важнейшие стороны предложения: формальная, семантическая, логическая и коммуника-

тивная. Представляется, что со всех этих сторон можно квалифицировать сочинительную конструкцию как целостную.

Формальная сторона сочинительной конструкции противостоит трем ее содержательным сторонам (семантической, логической, коммуникативной) как средство их выражения. Поэтому и понятие целостности конструкции в формальном плане отличается от того, что наблюдается в содержательных сторонах. Здесь требуется не только соотношение с внешними системами, но и формальное единство всех имеющихся в языке построений с сочинением.

Существуют самые различные в формальном плане сочинительные конструкции. Это предложения с однородными членами (об их разнообразии можно судить уже по приведенным выше примерам). Есть сложносочиненные предложения, предложения с разными типами связи, среди них – с сочинительной связью. Встречаются предложения с разнофункциональными членами и с вторичной союзной связью. См. примеры соответственно:

Спутанная трава в саду полегла, и все доцветал и никак не мог доцвесть и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора (К.Г. Паустовский). *Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта картина – портрет ее отца, что вот эта – маленькая, в золотой раме, подарок Крамского, эскиз к его «Неизвестной»* (К.Г. Паустовский). *Неизвестно, от кого и откуда пошел этот слух, что в степи на Кубани открылись свободные земли, что каждому можно ехать, что у кого-то в земельном отделе там служит брательник и все может…* (И.С. Соколов-Микитов). *Окопы почти такие же. Ну, а жизнь в окопах – это разница, и преогромная* (И.С. Соколов-Микитов).

Говорить о целостности сочинительных конструкций невозможно без сведения всего их разнообразия к общему знаменателю, то есть к тому, к чему можно их все свести. Е.Ф. Троицкий приводит несколько доводов в пользу единства: наличие одних и тех же сочинительных союзов и одних и тех же отношений, наличие сочинительного треугольника и т.д. Из них наибольший интерес представляет «возможность преобразований большинства предложений с однородными членами в сложносочиненное предложение» [Троицкий, 2018, *22*].

Действительно, приведенные выше примеры подвергаются указанному преобразованию. Ср.:

Гости вернулись в гостиную и кабинет графа (Л.Н. Толстой). – **Гости вернулись в гостиную, и гости вернулись в кабинет графа*.

Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта картина – портрет ее отца, что вот эта – маленькая, в золотой раме, подарок Крамского, эскиз к его «Неизвестной» (К.Г. Паустовский). – **Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта картина – портрет ее*

отца, и Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта – маленькая, в золотой раме, подарок Крамского, эскиз к его «Неизвестной».

Неизвестно, от кого и откуда пошел этот слух, что в степи на Кубани открылись свободные земли (И.С. Соколов-Микитов). – **Неизвестно, от кого пошел этот слух, что в степи на Кубани открылись свободные земли, и неизвестно, откуда пошел этот слух, что в степи на Кубани открылись свободные земли.*

Окопы почти такие же. Ну, а жизнь в окопах – это разница и преогромная (И.С. Соколов-Микитов). – **Окопы почти такие же. Ну, а жизнь в окопах – это разница, и жизнь в окопах – это разница преогромная.*

Конечно, предложения под звездочкой в современном русском языке выглядят неестественно. Но не это главное. Главное то, что они сохраняют семантическое, логическое и коммуникативное содержание оригинала. А еще – они тем самым доказывают, что все разнообразие сочинительных конструкций сводимо к сложносочиненным предложениям (или к предложениям с разными типами связи, где существует сочинительная связь между предикативными частями или связь между блоками, между которыми сочинительные отношения). То есть все предложения с сочинительной связью представляют собой единство в формальном плане.

Нам не встретилось исторических исследований русского языка, которые показывали бы, как из сложносочиненных предложений возникли простые предложения с сочинением. Возможно, такого явления и не было. Этот факт отнюдь не умаляет ценности приведенных нами преобразований.

В приведенных выше примерах даны конечные результаты трансформаций. Теперь следует показать основания для них.

При анализе предложений с однородными членами по привычке отношения между ними понимаются так, как понимается подчинительная или предикативная связи: «слова в предложении связаны грамматически и по смыслу». Однако однородные члены (или стержневые слова в них) связаны грамматически, а по смыслу непосредственно друг с другом не связаны. Они связаны друг с другом через общий член. Это очевидно при некоторых союзах, например, при союзе *не столько… сколько*. Например, *Маша не столько читала, сколько писала*. Ясно, что не сравнивается объем прочитанного с объемом написанного. Сравнивается время, потраченное Машей для чтения, с временем, потраченным ею для письма. В предложении это выражено связью каждого из однородных членов с общим для них членом. То есть налицо такое предложение: *Не столько Маша читала, сколько она писала.*

После анализа предложения с союзом *не столько… сколько* можно обратиться к простым предложениям с другими сочинительными союзами: смысловой связи между однородными членами мы не обнаружим и тут.

В предложении: «*Гости вернулись в гостиную и кабинет графа*» – конечно, не говорится о связи гостиной и кабинета графа самих по себе. Они связаны только действием гостей.

В приведенном предложении между однородными членами и общим для них членом присутствует предикативная связь. Не представляют исключения и предложения с однородными членами, выполняющими роль определений или дополнений. Их отличие от приведенного примера состоит только в наличии большего количества шагов от простого предложения к сложному. Например: *Почтарь напрасно роется в куче газет и писем* (И.А. Бунин). Ср.:

*Почтарь напрасно роется в куче газет и писем. – *Почтарь напрасно роется в куче газет и куче писем. – *Почтарь напрасно роется в куче газет и в куче писем. – *Почтарь напрасно роется в куче газет и роется в куче писем. – *Почтарь напрасно роется в куче газет и напрасно роется в куче писем. – *Почтарь напрасно роется в куче газет, и почтарь напрасно роется в куче писем.*

Целостность сочинительных конструкций с формальной стороны проявляется и в их отношении к более крупной системе – к тексту. Сочинительная конструкция, как правило, включена в текст (или в ситуацию устной речи). Текст диктует ей свои требования. В частности, актуальное членение на тему и рему вызвано тем, как предложение включено в текст. Другим примером включенности сочинительной конструкции в текст является различение в ней данного и нового. На этом различении основано построение сочинительных конструкций с коммуникативной градацией. Например: *В небольших удобных залах будут проходить ответственные заседания, поэты будут писать стихи, надежно обеспечив вдохновение повышенной оксигенацией мозга, будущие матери станут вязать детские носочки в надежде на рождение гениальных младенцев, а в это время самые современные компьютеры будут обеспечивать не только оптимальный уровень оксигенации в этих залах, но и свежий ветерок, запахи сосен или цветения, щебет птиц, шум моря или негромкую музыку в зависимости от вкусов наших пациентов* (Наука и жизнь, 1984, *88*).

Как и при помощи других синтаксических единиц, при помощи сочинительных конструкций говорящий отражает окружающую действительность. В окружающем нас мире есть своя ниша для сочинительной конструкции: несколько явлений, которые сосуществуют во времени или следуют одно за другим. Ср.: *Митя нравился ей, и она всячески старалась скрыть это* (И.А. Бунин). – *Раз ночью был обложной дождь, а потом горячее солнце как-то сразу вошло в силу* (И.А. Бунин).

Подчинительные конструкции, словосочетания или сложноподчиненные предложения, тоже содержат две единицы, но одна определяет, уточняет другую, из двух единиц возникает одна сложная: *тонкая кожа;*

Когда коридорный принес самовар и мешочек с яблоками, она заварила чай (И.А. Бунин). Многие придаточные части сложноподчиненных предложений по своей функции идентичны членам предложения: дополнениям, определениям, обстоятельствам.

Семантический аспект сочинительных конструкций часто смешивают или объединяют с логическим аспектом. Для этого есть основания: окружающая действительность воспринимается нами посредством мышления. Однако необходимость выявления специфики равноправных компонентов побуждает нас обратиться к понятию множества и его элементов, то есть отделить логический аспект от широкого понимания семантики. В таком случае представляется возможность под семантическим аспектом сочинительной конструкции понимать только отражение в ней описываемой ситуации.

Однако мышление и описываемая ситуация различаются в сочинительной конструкции и без обращения к понятию множества. Семантическая сторона сочинительных конструкций не всегда совпадает с логической стороной, что свидетельствует об их относительной самостоятельности.

Конечно, без отражения окружающей действительности не может быть сочинительной конструкции. Однако мышление и цели образования конкретных сочинительных построений для общения вносят существенные коррективы в семантическую сторону сочинительной конструкции: 1) они побуждают не называть то ли иное явление, которое существует в реальности; 2) мышление часто связывает в сочинительной конструкции то, что в реальности не связано; 3) говорящий не всегда четко воспринимает реальность по различным причинам; 4) мышление и коммуникация часто побуждают называть то, что не существует; 5) не называть, а только указывать на то, какие еще явления присутствуют; 6) указывать на отсутствие в описываемой ситуации явлений, подобных названным в сочиненном ряде или только в одном из равноправных компонентов.

Все это возможно потому, что спецификой равноправных компонентов является называние ими элементов одного множества. Указанная выше «ниша» сочинительной конструкции (в окружающем нас мире есть ряд явлений, которые сосуществуют или следуют одно за другим во времени) вполне соответствует этому.

Достаточно часто не называются те ли иные явления, которые существуют в реальности. Например, в романе «Обломов» И.А. Гончаров пишет: *Приезжали князь и княгиня с семейством*. Читатель может с полным правом полагать, что в замок больше никто не приезжал. Однако спустя несколько абзацев находим: *Тут были князья Пьер и Мишель.* Автор выбрал такую манеру изложения: он называет не всех гостей сразу, а по частям, давая комментарии к каждой группе. При желании мы могли бы их объединить в один сочиненный ряд: *В замок приезжали князь и княгиня с семейством, а также князья Пьер и Мишель*.

Продления перечня гостей могло и не быть.

Мышление часто связывает в сочинительной конструкции то, что в реальности не связано. Например: *Дядя Коля выписывал почти все литературные журналы, прекрасно играл на рояле, знал астрономию и философию, был неистощимым и остроумным собеседником* (К.Г. Паустовский).

Говорящий не всегда четко воспринимает реальность по различным причинам. Существует целая группа сочинительных союзов (это союзы незавершенного выбора), свидетельствующих об этом: *то ли… то ли, не то… не то, либо… либо* и др. Например: *Райский заметил, что бабушка обходила Веру с какой-то осторожностью, не то щадила ее, не то не надеялась, что эти семена не пропадут даром* (И.А. Гончаров).

Бывает указание без конкретизации: *Ночной полет – это задание: сделать то-то и то-то* (И.С. Соколов-Микитов). Особенно распространенным является использование специального средства – цетеры, когда по тем или иным причинам говорящий не считает нужным перечислять все элементы множества. Например: *Здесь изучается влияние этих условий: ускорения и замедления полета, увеличения силы тяжести, невесомости и так далее* (А.Р. Беляев).

Мышление и коммуникация часто побуждают называть то, что не существует в действительности. Для оформления таких сочинительных конструкций есть целая группа отрицательно-утвердительных союзов: *не… а, не… но, не… однако* и т.д. В конструкциях с ними одно из названных явлений в реальности отсутствует: *Они не подали друг другу рук, а только притронулись к козырькам* (А.И. Куприн).

Здесь налицо одно множество «формы приветствия», оно представлено двумя элементами этого множества. Только на этом логическом основании возможна сочинительная связь. Существует причина отсутствия в реальности явления *Они подали друг другу руки* (*не* – часть союза, она не входит в равноправный компонент). Оно ожидалось, поскольку дуэлянты очень хорошо знают друг друга и несколько лет служат вместе. Однако один из них стал много времени проводить с женой другого.

То есть «вмешались» нужды общения. С опорой на логическую сторону конструкции коммуникативная сторона «победила» семантическую; она потеснила и формальную сторону, вызвав неоднородность сочинительной конструкции в плане разной реальности названных явлений.

Очень часто в сочинительной конструкции называются некоторые явления, представляющие элементы множества, а другие элементы того же множества не названы; есть только указание на их присутствие в описываемой ситуации. Речь идет о конструкциях с цетерой. Например: *На пути на землю она автоматически и производит все аэрологические записи – состав атмосферы, интенсивность космических излучений, температуру, влажность и прочее на разных расстояниях от земли* (А.Р. Беляев).

В случаях употребления цетеры наблюдается специфическое взаимодействие семантической стороны сочинительной конструкции с логической и коммуникативной сторонами. Логическая сторона дает возможность выявить множество по имеющимся в сочиненном ряде элементам, а коммуникативная сторона позволяет не называть все элементы множества.

Наконец, оригинальный случай взаимодействия семантической, логической и коммуникативной сторон наблюдаем, когда в сочинительной конструкции есть указание на отсутствие в описываемой ситуации явлений, подобных названным в сочиненном ряде или только в одном из равноправных компонентов. Такое бывает и в конструкциях с тантумом. Наиболее часто в роли тантума выступает частица *только*. Например: *Человек в первые моменты жизни смутно сознает ряд сменяющихся состояний ощущения и отчасти различает их между собою – и только* (В.А. Снегирев).

Таким образом, ведущими сторонами сочинительной конструкции являются логическая и коммуникативная. Формальная сторона обслуживает их и не может претендовать на ведущую роль. Она была показана как обеспечивающая целостность своими двумя особенностями: сведением всего разнообразия сочинительных конструкций к сложносочиненным предложениям и включенностью конструкции в текст (или в ситуацию общения). Надо полагать, эти две особенности – следствие влияния логического и коммуникативного содержания сочинительной конструкции. Данное утверждение находится в полном соответствии с тем, что основными функциями языка являются мыслительная и коммуникативная.

Описываемая ситуация тоже участвует в создании целостности сочинительной конструкции. Без нее не было бы материала для мышления и коммуникации. Видимо, этим исчерпывается ее роль. Мышление и нужды общения обращаются с ней «по своему усмотрению»: не называются явления, которые существуют; соединяется то, что в окружающем мире не связано; говорящий берется сообщать то, о чем точно не знает. Мало того, в конструкции называется то, что не существует; на некоторые явления только указывается. Крайней точкой «принижения» семантического аспекта является употребление в качестве равноправного компонент частицы *только*, которая в семантическом аспекте равна нулю.

В одних определениях языка называется только коммуникативная функция: «Язык является важнейшим средством человеческого общения». Есть другое определение языка: «Язык – это общественное явление». В последнем можно иметь в виду обе стороны языка: язык является важнейшим средством и мышления, и общения. Анализ целостности сочинительной конструкции показал, что для нее обе стороны языка одинаково важны: только благодаря мышлению, а именно пониманию множества и его элементов, возможны случаи «принижения» семантического аспекта, то есть без понятия множества и его элементов не было бы сочинительных конструкций вообще.

ЛИТЕРАТУРА

Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 656 с.

Общее языкознание / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1972. 664 с.

Троицкий Е.Ф. Термины для описания сочинительной конструкции. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 246 с.

Троицкий Е.Ф. Компоненты сочинительной конструкции и их отношения. Смоленск: СГПИ, 1987. 80 с.

A.Ye. Varnayeva
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Theory and Methods of Primary Education,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Integrity of the Coordinating Construction as a System

The integrity of the coordinating construction is created by its connection with external systems: a text, a surrounding reality, thinking, communication in society. The leading aspects of the coordinating construction are logical and communicative ones. A formal aspect serves them as means of their expression and it cannot claim to the leading role. It supplies integrity with its two peculiarities: by reduction the whole variety of coordinating constructions to compound sentences and by including the construction into the text. It is necessary to consider that these two peculiarities are the result of the influence exerted by logical and communicative content of the coordinating construction.

Described situation also takes part in creating the integrity of the coordinating construction. If it were not used, there would not be material for thinking and communication. It seems that its role is settled here. Such conclusion follows from the fact that thinking and needs of communication apply to it «according to one's opinion»: existedfacts are not called; what is not connected outward is joined; the speaker begins to inform the facts which he or she does not know exactly. Besides, the construction calls the things which do not exist, some of them are only referred to. The last point of «diminution» of the semantic aspect is the use of the particle «only» as an equal in rights component, the role of which brings to naught in the semantic aspect.

The analysis of the coordinating construction integrity registered that two language functions are equally important for it: the function of creating and forming thought and the communicative function. The intellectual function takes the first place, indeed. Only thanks to thinking and understanding of multiplicity and its elements, «diminution» of the semantic aspect is possible. In other words, there would be no coordinating constructions at all without understanding multiplicity and its elements.

Key words: *language system; integrity; logical aspect; communicative aspect; semantic aspect; formal aspect.*

REFERENCES

Kondakov N.I. Logical Dictionary [Logichesky slovar']. Moscow, Nauka. 1971. 656 p. (in Russian).

General Linguistics [Obshcheye yazykoznanie]. Ed. By B.A. Serebrennikov. Moscow, Nauka. 664 p. (in Russian).

Troitsky Ye.F. Components of Coorordinativng Construction and Their Relations [Komponenty sochinitel'noi konstruktsii i ikhotnosheniya]. Smolensk, SGPI, 1987. 80 p. (in Russian).

Troitsky Ye.F. Terms for Description of Coorordinativng Construction [Terminy dlya opisaniya sochinitel'noi konstruktsii]. Smolensk, SmolGU. 246 p. (in Russian).

Н.П. Галкина

Военная академия радиационной, химической
и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко
Кострома, Россия

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-86-101

РОЛЬ И МЕСТО УСТАРЕВШИХ СОЮЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Ключевые слова: *публицистика; оттенок значения; стилистическое средство; происхождение союза; древнерусский язык; разговорная речь; диалект.*

В статье представлен анализ использования устаревших подчинительных союзов «кабы», «коли», «дабы», «бо», «ибо» в современных публицистических текстах в аспекте обоснования уместности их употребления. Исследование проводится в рамках изучения выражения отношений обусловленности посредством сложноподчиненных предложений в произведениях книжного стиля, в данном случае – публицистического. В качестве источников использовались печатные и онлайн-книги, а также периодические газеты и журналы, публикующие аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на общественно-значимые темы.

Автор исходит из того, что выбор нетипичных языковых средств следует рассматривать как показатель гибкости языка, его настройки на наиболее точное выражение смысла и определенную сферу употребления. На конкретных примерах показано, что использование устаревших союзов коррелирует с основными функциями публицистического стиля (информационной, просветительской, оценочной, побудительной, воздействующей) и, таким образом, является стилистически оправданным. Журналисты обращаются к подобным средствам связи для передачи чу-

жой речи, с целью маркировки высокого стиля, придания исторического, диалектного колорита, шутливого или иронического оттенка.

Отмечено, что малопродуктивные устаревшие союзы используются, главным образом, в их основном этимологическом значении, в то же время наблюдается расширение поля их значений в диалектах и разговорной речи. Таким образом, обеспечивается исторически присущее русскому литературному языку органическое сочетание элементов книжности и разговорности, что наиболее отчетливо проявляется в публицистике.

Обращается внимание на то, что изучение устаревшей лексики и уместности ее употребления, представляет интерес с точки зрения развития и сохранения богатства и вариативности языка, особенно в современных условиях стандартизации, упрощения и унификации языков вообще и русского языка в частности.

Целью данной работы является описание устаревших подчинительных союзов *кабы, коли, дабы, бо,* а также неоднозначно маркируемого *ибо* в аспекте их употребления в публицистических текстах. Исследование проводится в рамках изучения структуры и семантики сложноподчиненных предложений (СПП) со значением обусловленности в современном русском литературном языке. Объединенная общим признаком биситуативной зависимости, категория обусловленности включает предложения с придаточными условия, причины, цели, уступки и следствия. Конструкции каждого типа СПП имеют свой набор строительных средств для выражения конкретных смыслов. Представляют интерес не только широко употребительные, но и малопродуктивные союзы. Во-первых, в функциональном плане анализ их использования позволяет ответить на вопрос, что может и чего не может быть в данной разновидности языка. Во-вторых, мы исходим из того, что выбор нетипичных языковых средств следует рассматривать как показатель гибкости языка, его настройки на наиболее точное выражение смысла и конкретную сферу употребления. Немаловажным также является изучение синтаксических конструкций в диахронии, так как существование (функционирование) языка – процесс исторический, с одной стороны, стабилизирующийся на основе укоренившихся языковых средств, а с другой стороны, постоянно изменяющийся, приобретающий новые черты. Наконец, изучение устаревшей лексики и уместности ее употребления представляет интерес с точки зрения развития и сохранения богатства и вариативности языка, особенно в современных условиях стандартизации, упрощения, унификации или универсализации языков вообще и русского языка в частности.

Материалом для исследования послужили печатные и онлайн-книги, относящиеся к области политико-идеологической (К. Семин, Ю. Мухин), социальной (Ф.Г. Углов), культурной (Н. Синдаловский, В. Полухина), исторической (С. Алексиевич), а также газеты и журналы, публикующие аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на об-

щественно значимые темы («Комсомольская правда», «Новый мир», «Новая газета», «Солидарность», «Секретные материалы», «Аргументы и факты» и др.). Корпус анализируемых конструкций составил около 1800 СПП с придаточными условия, 1300 СПП с придаточными причины, 900 СПП с придаточными цели, выписанных из указанных произведений методом сплошной выборки.

В информационном плане публицистическое произведение должно отличаться достоверностью, точностью фактов, конкретностью, обоснованностью и в то же время общедоступностью, эмотивностью, стремлением заинтересовать, «зацепить» читателя. Коммуникативная задача публицистической речи заключает в себе экспрессивно-эмотивную, оценочную и воздействующую функции. Сложность и многоплановость задач публицистического стиля, разнообразие составляющих его жанров предполагает и многообразие средств реализации, в том числе и в области синтаксиса. В контексте данного исследования отметим, что устаревшая лексика оказывается стилистически релевантной. Например, в жанрах очерка, интервью ее употребление способствует «вживанию» читателя в образ, имплементации экспрессивной и воздействующей функции публицистического произведения. Так, при передаче чужой речи автор сохраняет оригинальный стиль говорящего. См., например: *1) Публика не узнала бы об этой трагической истории ничего,* ***кабы*** *я не была свидетельницей падения самолета, (– я сидела по ту пору неподалеку в компании друзей и была потрясена сценой падения белого самолетика)*[1]. *2)* ***Кабы*** *он (муж) не болел,* ***так*** *ладно*[2].

В приведенных примерах наблюдаем использование условного союза *кабы* в обоих случаях при передаче автором слов участника или свидетеля описываемых событий. Колорит разговорной речи поддерживается также в первом примере просторечным выражением *по ту пору,* а во втором – всей синтаксической конструкцией предложения: *кабы… так ладно,* вместо нейтрального *если бы…, то было бы…* Ср., например: *Если бы муж не болел, то это было бы нормально.* Примечательно также, что подключение к придаточной части союза *кабы* придает ее содержанию смысловой оттенок желательности [ИГРЯ, 1979, *247*]. Действительно, во втором примере, где придаточное находится в препозиции и условный союз *кабы* инициирует все сложноподчиненное предложение, актуализируется сема желательности. В первом примере придаточное, находящееся в постпозиции, просто выражает ирреальное условие, не осложненное оттенком желательности.

---

[1] Мухин Ю.И. Тирания глупости. URL: https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book (дата обращения: 19.06. 2019).

[2] Тарасов А. Вечный пал // Новая газета. 2019. № 57. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/28/80685-spustya-15-let-pozhary-proshli-zauralie-privychnym-marshrutom (дата обращения: 29.05.2019).

Стилистическая маркированность условного союза *кабы* отмечается во многих грамматических описаниях. Он характеризуется как просторечный [БТСРЯ; Ожегов, Шведова, 2006, *258*; Русская грамматика, 1982, *563*], присущий живой русской диалектной речи [Борковский, Кузнецов, 1965, *490*], имеющий фольклорный характер [Валгина]. Исторически союз *кабы* возник из слияния союза *как* и частицы *бы*. Он служил для оформления предложений со значением нереального условия, которые начали появляться в старорусских памятниках XVII века. Как отмечает А.Н. Стеценко, союз *кабы* не вошел в широкое литературное употребление, оставаясь типичным для разговорной, народно-поэтической речи и народных говоров [Стеценко, 1977, *229*]. Исследователи творчества А.Н. Островского свидетельствуют о достаточной продуктивности союза *каб*ы в XIX веке [ЧСЯО, 2012, *655–658*], указывая при этом, что в настоящее время он маркирует «диалектную или сниженную наддиалектную речь» [Цинь Лидун, 2019, *450*]. По свидетельству В.И. Борковского, в современном русском языке условные конструкции встречаются в народных говорах, в разговорной речи, в фольклоре, пословицах и поговорках [Борковский, Кузнецов, 1965, *490*; ИГРЯ, 1979, *247*]. В современном развивающемся онлайн-проекте Национального корпуса русского языка союзы *кабы, ежели бы* характеризуются как «устаревшие или разговорно-сниженные союзы» [Апресян, Пекелис, 2012]. По статистическим данным онлайн-проекта «Русская корпусная грамматика», представляющим частотность основных союзов, употребительность условного союза *кабы* в газетном корпусе чрезвычайно мала: менее одного вхождения на миллион (0,00007 от общего списка слов) против 130 вхождений на миллион в выборке основного корпуса (безотносительно к стилю высказывания) [ПКОРГ – Русская корпусная грамматика]. В нашей выборке условных СПП на материале современной публицистики примеры с союзом *кабы* являются единичными: менее 0,2% от всех придаточных условия. В то же время представляется очевидным тот факт, что при анализе условных конструкций в научном стиле данный союз не встречается [Галкина, 2013а, *55–58*].

Наряду с *кабы*, в единичных случаях отмечаем оформление условных придаточных архаическим союзом *коли* (менее 0,3% от всех придаточных условия в нашей выборке). Этот союз также исходит из древнерусского языка, в котором сначала был широко распространен в качестве «союза временных конструкций» [ИГРЯ, 1979, *245*]. Благодаря смысловой и формальной близости временных и условных предложений союз *коли* стал все чаще маркировать условное значение [Стеценко, 1977, *223*]. «От временных союзов легок переход к условным. Временные отношения по характеру выражения частично совпадают с условными» [Виноградов, 1947, *720*]. По свидетельству В.И. Борковского, уже в период старорусской письменности союз *коли* был приметой разговорной речи. В деловом жанре он встречается в грамотах, отражавших живой язык. В современном

русском литературном языке союз *коли (коль)* употребляется с просторечным оттенком [ИГРЯ, 1979, *245–246*]. Именно этот союз часто встречается в пословицах, представляющих собой яркий образец живой народной речи. В языке произведений А.Н. Островского, отражающих различные стороны народной жизни XIX века, среди условных и временных союзов (*коли / коль, кабы, когда, как, ежели) коли* наиболее частотен после нейтрального *если* и синкретичных *как* и *когда* [ЧСЯО, 2012, *531–634*].

О синкретизме значений и стилистической отмеченности союза *коли* говорится и в «Русской грамматике»: «Он имеет и временной оттенок, в современном русском литературном языке, относится к стилистически окрашенным союзам и считается устарелым и просторечным» [Русская грамматика, 1982, *563*]. Различные грамматические описания характеризуют союз *коли (коль)* как разговорный [Валгина], народно-разговорный [БТСРЯ], устаревший и просторечный [Ожегов, Шведова, 2006, *283*; Глинкина, 2008, *145*], «устаревший синоним условного *если*» [Апресян, Пекелис, 2012]. По статистическим данным онлайн-проекта «Русская корпусная грамматика», представляющим частотность основных союзов, употребительность условного союза *коли* в газетном корпусе на порядок выше, чем союза *кабы* (0,0006 от общего списка слов), в то время как показатель частотности *коли* в выборке основного корпуса – 45 вхождений на миллион [ПКОРГ – Русская корпусная грамматика].

Выписанные нами примеры свидетельствуют о том, что в публицистических произведениях союз *коли (коль)* используется как средство исторической стилизации, придания колорита разговорной народной речи, а также как инструмент создания тропов. См., например*: **Коли** он правдив – значит, он прав; а **коли** у него нет таланта – никакая «объективность» ему не поможет*[3]. В данном предложении союз *коли* используется как средство исторической стилизации, так как автор в этих строках описывает размышления писателя XIX века И.С. Тургенева. Следующий пример взят из рассказа девушки о том, как она записывалась добровольцем на фронт. «Это будет простой рассказ… Рассказ обыкновенной русской девушки, каких тогда было много…», – эти слова автора, предваряющие рассказ девушки, как бы объясняют просторечный стиль изложения: *И мы решили, **коль** мы в Москве, **то** пойти в ЦК комсомола, на самый верх, к первому секретарю*[4]. Просторечный характер союза подчеркивается здесь редукцией конечного *и (коли – коль)*. Разговорному, не строго продуманному стилю высказывания соответствует и свободное расположение придаточного внутри главного (в интерпозиции). Отметим также, что в данном предложении наблюдается синкретизм условного и причинного значений. Ср., например: *И мы решили, раз уж мы в Москве, пойти в ЦК комсомола, на*

[3] Новый мир. 1960. № 11. С. 216.
[4] Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. «WebKniga», 1985. С. 25.

самый верх, к первому секретарю. И мы решили, поскольку / так как мы в Москве, пойти в ЦК комсомола, на самый верх, к первому секретарю. Кстати говоря, Ф.И. Буслаев объединял причинные и условные союзы в общую группу винословных [Буслаев, 1881, *91*], а В.И. Борковский писал о семантической близости «осложненного союза *коли уж(е)* с причинным союзом *раз*» [ИГРЯ, 1979, *246*].

Сочетание книжное / разговорное как на лексическом, так и на синтаксическом уровне умело используется авторами с целью создания тропов – неотъемлемой характеристики публицистического стиля. Рассмотрим предложение, в котором оценочная составляющая представлена посредством иронии: *Выбиванием денег из нас могут заниматься УК, ТСЖ, ЖСК и ресурсоснабжающие организации, а также, разумеется, судебные приставы,* ***коли*** *дело дойдет до цугундера*[5]. Иронический эффект здесь создается за счет использования стилистического контраста книжное / разговорное: *выбивание денег – ресурсоснабжающие организации; судебные приставы – цугундер.* Излишняя «сниженность» лексики, привносимая в том числе и подключением просторечного союза *коли,* позволяет создать обличающий скрытый смысл – негативную оценку в адрес организаций, призванных собирать деньги с населения.

В контексте данного исследования представляет интерес использование в публицистке целевого союза *дабы*. В лингвистической литературе он маркируется как устаревший, книжный / высокий, стилистически окрашенный [Валгина; Глинкина, 2008, *88*; Ожегов, Шведова, 2006, *150*; Русская грамматика, 1980, *595*; Апресян, Пекелис, 2012]. Исторически этот союз образовался из *да* и формы аориста *бы*, потерявшего свою предикативность. Так произошло образование целевого союза *дабы* и одновременно с ним формирование придаточного предложения цели. По А.Н. Стеценко, он был наиболее распространенным среди союзов, выражающих отношения цели (главным образом в памятниках книжного языка). В XVII веке употребление *дабы* выходит за рамки книжной речи, его можно встретить в языке художественных произведений, деловых документов [Стеценко, 1977, *260–261*]. О книжном характере союза *дабы* в древнерусском языке и «архаичности» в современном русском языке писал В.И. Борковский в «Исторической грамматике русского языка» [ИГРЯ, 1979, *222–224*]. Л.А. Булаховский отмечал, что союз *дабы* был очень распространенным в языке XVIII века и в первой половине XIX века [Булаховский, 1958, *375*]. «Русская грамматика» маркирует его пометой «устаревший» и «высокий»: «Союз *дабы*, уже в XIX в. имевший окраску устарелости, в современном языке сохраняет эту окраску либо употребляется в целях стилизации или иронически» [Русская грамматика, 1980, *595*].

[5] Мельников М. Эксперимент над народом // Совершенно секретно. 2019. № 18–19. С. 17.

По данным нашего наблюдения, обращение к данному союзу в публицистических текстах оказывается стилистически релевантным, так как он может служить не только средством архаизации в целях создания исторического колорита, но и для придания оттенка торжественности, возвышенности, а также для имплицитного выражения авторской иронии, сарказма. Рассмотрим пример, иллюстрирующий создание исторической коннотации: *Согласно одной из малоизвестных легенд, даже известь,* ***дабы*** *она не замерзала, приходилось разводить на спирту*[6]. Отсылка к истории здесь осуществляется не только упоминанием о легенде, но и благодаря употреблению устаревшего средства связи *дабы*. В следующей конструкции оформление придаточного цели союзом *дабы* придает высказыванию оттенок возвышенности, торжественности: «***Дабы*** *видели солдаты – сыны Родины, что сердцем он остался с ними», – будто бы сказал, умирая, Кутузов*[7]. То, что целевой компонент в данном построении функционирует самостоятельно, отдельно от недостающего главного предложения, скорее указывает на призыв, побуждение, чем на цель. Ср., например: «Пусть видят солдаты – сыны Родины, что сердцем он остался с ними». Здесь следует отметить, что Ф.И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» относит *дабы* к группе «Предположительные и желательные: *бы, дабы, да, чтобы*» [Буслаев, 1881, *91*].

Рассмотрим предложение с союзом *дабы*, в котором, наряду с исторической коннотацией, присутствует ирония: *Шведские эксперты не хотели возвеличивать «омужичившегося» графа Льва Николаевича,* ***дабы*** *оградить от воздействия опасного русского варварства европейскую цивилизацию*[8]. Иронический оттенок здесь создается также за счет использования эмоционально окрашенной оценочной лексики в контрастном контексте (*«омужичившийся» граф; опасное русское варварство – европейская цивилизация)*. Противопоставление буквального смысла слов и истинного значения высказывания, излишняя пафосность, привносимая подключением «высокого» книжного союза *дабы*, позволяют создать обличающий скрытый смысл, противоположный позитивному контексту. Таким образом, автор прибегает к иронии, чтобы в иносказательной форме выразить свое негативное отношение, подчеркивая нелепость и комичность описываемой ситуации.

Отметим, что статистика онлайн-проекта «Русская корпусная грамматика» показывает относительно высокую частотность союза *дабы* (по сравнению с описанными выше условными *кабы* и *коли*) в Газетном кор-

---

[6] Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков. URL: http://rubooks.net/book.php?book=3274 (дата обращения: 10.05.2019). С. 104.
[7] Там же. С. 22.
[8] Кожинов В.В. Нобелевский миф. URL: https://www.litmir.me/br/?b=15263&p=1 (дата обращения: 30.05.2019). С. 1.

пусе – 17 вхождений на миллион при показателе 40 вхождений на миллион в выборке основного корпуса, включающего различные стили высказывания [ПКОРГ – Русская корпусная грамматика].

В корпусе причинных СПП мы обнаружили единичные случаи употребления архаического союза *бо*. См., например: *Той же чередой, что и прежде, Агафья рассказывает, как она живет, одновременно творит огонь (исключительно лучиной), ставит хлеб в печь, кипятит воду, готовится к причащению,* ***бо*** *с нами Иерей Игорь*[9]. Здесь союз *бо* используется как средство стилизации при передаче оригинальной речи Агафьи Лыковой, героини очерка, повествующего о жизни семьи старообрядцев, переселившихся в глухую тайгу в середине прошлого века.

Архаический древнерусский союз *бо* в современном русском языке малоупотребителен: мы не находим его в словарях или справочниках, даже в специфических, касающихся разговорной речи [БТСРЯ; ТСРЯ; Глинкина, 2008; Шапиро, 1953]. Обратимся к исторической справке. В древнерусском и старославянском языке служебное слово *бо* характеризуется многозначностью и стилевой неоднородностью: частотно в летописях и религиозных произведениях высокого стиля и почти отсутствует в документах делового и бытового содержания [ИГРЯ, 1979, *247–248*]. В XVI–XVII веках *бо* становится менее употребительным и постепенно заменяется другими союзами с более четким причинным значением [Там же]. Авторы исторических описаний грамматики русского языка утверждают, что «причинные конструкции с союзом *бо* неизвестны современному русскому литературному языку, они не употребляются и в русских народных говорах, но сохранились, например, в белорусском и украинском языках» [ИГРЯ, 1979, *248*; Стеценко, 1977, *284*]. Действительно, в книге И. Шаховского «Беседы с русским народом» находим предложение с союзом *бо* при выражении прямой речи Григория Саввича Сковороды, известного украинского поэта, философа, просветителя, литератора XVIII века. См.: (На вопрос Коваленского Сковорода ответил): *Час, друже, кинчати блукания,* ***бо*** *и так усе волосся злетило з бидной голови...*[10]. Предложение подчеркивает национальный колорит языка выдающегося сына украинского народа, о котором «еще при жизни его, слагались легенды, как об украинском Сократе»[11].

Современные лингвистические исследования содержат упоминание союза *бо* в следующих контекстах. В номерах журнала «Русский язык в

[9] Жукова А. Отец вымолил у тайги: Агафья Лыкова рассказала легенду о своем рождении // Комсомольская правда. 28 января. URL: https://www.samara.kp.ru/daily/26923/3973931/ (дата обращения: 30.03.2019).

[10] Шаховский И. Беседы с русским народом. URL: https://royallib.com/book/shahovskoy_ioann/besedi_s_russkim_narodom.html (дата обращения: 30.03.2020).

[11] Там же.

научном освещении» в разделе «Информационно-хроникальные материалы» при описании данных экспедиций в Молдавию (2011, № 1(21)), в Винницкую область Украины (2012, № 1(23)) находим примеры с союзом *бо* в значении *'ибо, так как'*, присоединяющим придаточные причины [РЯНО, 2011, *295*; РЯНО, 2012, *297*]. Исследователь Е.Р. Кульпина характеризует союз *бо* как «полифункциональный, выполняющий в современных северорусских говорах функции условного союза, разделительного, а также в значении модального слова *может быть»*, называя такие варианты диалектными новообразованиями [Кульпина, 2003]. Определенную степень оживления архаичного слова *бо* в некоторых юго-западных диалектах отмечают участники форума, посвященного обсуждению различных явлений в русском языке [Русский язык, 2019]. Таким образом, отметим, что чрезвычайно малоупотребительный в современных письменных текстах архаический древнерусский союз *бо* заслуживает внимания исследователей, поскольку оказывается живучим, и даже активизируется в устной народной речи. Тем не менее в современном онлайн-проекте «Русская корпусная грамматика» слово *бо* не присутствует ни в описательной части союзов, ни в части статистики [ПКОРГ – Русская корпусная грамматика].

Далее уместно более подробно остановиться на близком данному слову по значению, звучанию и происхождению причинном союзе *ибо*. Возникший из сочетаний *и* и *бо* причинный союз *ибо* со времен его функционирования в церковнославянском языке является приметой высокого книжного стиля. «*Ибо* – единственный сохранившийся в современном русском языке союз причины, употребление которого зафиксировано в древнейших памятниках письменности восточнославянских языков» [ИГРЯ, 1979, *301*]. То, что этот союз является исключительно книжным, отмечается многими лингвистами (А.Н. Гвоздев, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, Н.С. Валгина, Н.И. Формановская и др.). «Русская грамматика» маркирует его пометой «высокое» [Русская грамматика, 1980, *578*]. Л.А. Булаховский в книге «Русский литературный язык первой половины XIX века» характеризовал *ибо* как «книжный, широко распространенный во всех видах литературы» в начале XIX века, но ставший позднее «предметом осуждения за свою архаичность» и «рекомендуемый замене через *так как* и *потому что*» [Булаховский, 1954, *395*]. По свидетельству Л.Д. Беднарской, с 70-х годов XIX столетия он стал использоваться менее интенсивно, преимущественно в научном стиле [Беднарская, 2012, *260–261*]. По данным нашего исследования на материале произведений естественнонаучного цикла (с середины XX века по настоящее время), союз *ибо* занимает определенную нишу – около 2% в системе причинных союзов [Галкина, 2013б, *145*]. В то же время Л.Д. Беднарская пишет об активизации данного союза в современной прозе вследствие его яркой архаической окрашенности [Беднарская, 2012, *260–261*]. Т.П. Ломтев еще в середине прошлого века обратил

внимание на то, что «в современном русском языке *ибо* используется весьма интенсивно, особенно в публицистических жанрах» [Ломтев, 1956, *514*]. А.Н. Стеценко подчеркивает, что основное значение данного союза – это значение логического обоснования, что, по мнению исследователя, является причиной его «достаточной употребительности в публицистической и научной литературе советского периода» [Стеценко, 1977, *249*]. В своих исследованиях ранее мы давали специальную характеристику условиям функционирования указанного союза в научных и публицистических произведениях [Галкина, 2013б, *144–146*; 2020, *83–92*]. По материалам текущего анализа среди всех причинных СПП в публицистических текстах союз *ибо* уверенно следует после общеупотребительных и стилистически нейтральных *потому что, поскольку* и по частоте использования даже немного опережает, казалось бы, более употребительный причинный союз *так как*. В корпусе исследуемых СПП на конструкции с *ибо* приходится 10,5% выборки. Придаточные с союзом *ибо* обычно находятся в постпозиции, после главной части. Рассмотрим несколько примеров: 1) *Необходимо сказать еще одну вещь,* ***ибо*** *об этом, по-моему, никто не говорил или говорил, но не был услышан*[12]; 2) *А что это за цели нам можно не объяснять,* ***ибо*** *благородные цели не достигаются подкупом*[13]; 3) *Противодействовать развивающейся наклонности возбуждать «вопросы» по делам общественной и государственной жизни;* ***ибо*** *к чему они ведут?*[14]

В приведенных примерах содержание придаточных, оформленных союзом *ибо*, представляет собой компонент рассуждения, обоснования в ходе построения субъективного умозаключения. Значение причины в них имеет оттенок присоединительности, субъективности, способствует выражению ‘авторского я’, присущего публицистической речи [Солганик, 2001, *204*].

В следующих примерах союз *ибо* участвует в парцелляции причинного СПП: 1) *При этом для русских должны быть русские нравственные идеалы, отличающиеся от идеалов других народов.* ***Ибо*** *навязывание русскому народу идеала западноевропейских или американских народов, чаще всего чуждых русскому человеку, не может найти у него отклика*[15]; 2) *Новая внутренняя политика предполагает запрет не только КПРФ, но и всех политических партий, многопартийности вообще.* ***Ибо*** *любая политическая партия – идеология*[16]. Такое дробление компонентов рассуждения является отражением квантования мыслей автора в процессе их по-

[12] Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. URL: http://rubooks.net/book.php?book=7351 (дата обращения: 20.04. 2019). С. 49.

[13] Углов Ф.Г. Человеку мало века. URL: https://www.litmir.me/br/?b=93005 (дата обращения: 25.04. 2019). С. 16.

[14] Баймухаметов С. О повторном введении единомыслия. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/26/80665-o-povtornom-vvedenii-edinomysliya (дата обращения: 28.05. 2019).

[15] Углов Ф.Г. Человеку мало века... С. 2.

[16] Баймухаметов С. О повторном введении единомыслия...

рождения: утверждение, затем его обоснование, предлагаемое автором высказывания. С информационной точки зрения парцелляция – это восполнение упущенных возможностей высказывания, добавление или исправление какого-либо существенного, по мнению говорящего, признака обсуждаемого предмета [Матвеева, 2010, *297*]. Публицисты активно используют это стилистическое средство с целью расстановки приоритетов, привлечения внимания, подчеркивания некоторых деталей, акцентирования на условии, причине, обосновании, цели, результате, следствии, противоречии и т.п. Тем самым усиливается воздействие на читателя или высвечивается оценочная составляющая – обязательные характеристики публицистического стиля.

Парцеллированные структуры встречаются в анализируемых произведениях во всех типах СПП со значением обусловленности, наиболее часто – в причинных конструкциях, где автор после сообщения о факте, событии высказывает его подтверждение, объяснение, обоснование (часто субъективное). Следующий пример служит демонстрацией синтаксического и семантического потенциала союза *ибо*: *И никто не скажет им: не кощунствуйте, господа!* ***Ибо*** *видеть в религии подспорье для финансов – это и есть кощунство*[17]. Говоря о синтаксических возможностях, мы имеем в виду введение союзом *ибо* придаточного предложения, отделенного от главной части восклицательным знаком. С точки зрения семантики здесь следует отметить отнесенность союза *ибо* к высокому, книжному стилю, что и оказалось востребованным в статье религиозной тематики. См. еще пример из той же статьи: *Но Европу и это не волнует,* ***ибо*** *она прежде всех возненавидела и отвергла своего Бога…*[18].

Отметим также, что в современном развивающемся онлайн-проекте Национального корпуса русского языка *ибо* характеризуется как устаревший или относящийся к высокому стилю. При этом отмечается: «впрочем, *ибо,* как и многие другие устаревшие союзы, достаточно широко распространен в современном газетном языке (39 вхождений на миллион в Газетном подкорпусе» [Апресян, Пекелис, 2012].

Как уже говорилось выше, задачей публицистического стиля является информирование читателя с целью воздействия, пробуждения эмоций, чувств, побуждения к участию, соучастию, действию. В результате данного исследования можно сделать следующие выводы.

Использование устаревших союзов в публицистике является стилистически оправданным. Журналисты обращаются к таким средствам связи для передачи чужой речи с целью маркировки высокого стиля, придания исторического, диалектного колорита, шутливого или иронического оттенка.

---

[17] Кураев А. Трудное восхождение // Новый мир. 1993. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/6/akuraev.html (дата обращения: 15.06.2019).
[18] Там же.

Малопродуктивные устаревшие союзы используются, главным образом, в их основном историческом / этимологическом значении, в то же время наблюдается расширение поля их значений в диалектах и разговорной речи.

Исторически нормой стилистически неразобщенного современного русского литературного языка в его кодифицированной форме считается органическое сочетание элементов книжности и разговорности. На наш взгляд, такое сращение, своего рода лингвистический симбиоз, наиболее выпукло проявляется в публицистике, о чем свидетельствует вполне уместное использование авторами древнерусской лексики в целях стилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка: учебное пособие для пед. интов и филол. факультетов ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1977. 352 с.

Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012. URL: http://rusgram.ru (дата обращения: 30.12.2019).

Беднарская Л.Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. 391 с.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1965. 555 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 11.05.2019).

Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд., доп. и перераб. Киев: РАДЯНСЬКА ШКОЛА, 1958. 488 с.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 5-е изд. М.: Тип.Т Рис., 1881. 394 с.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник. URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01 (дата обращения: 12.07.2019).

Виноградов В.В. Русский язык : Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Галкина Н.П. Причинный союз *ибо*: устаревший или незаслуженно забытый? // Актуальные вопросы современного языкознания и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: теория и практика. Кострома: Военная академия радиационной, химической и биологической защиты, 2020. С. 83–92.

Галкина Н.П. Типология строительных средств условных сложноподчиненных предложений в произведениях естественнонаучного цикла // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013а. Т. 19, № 1. С. 55–58.

Галкина Н.П. Функционально-стилистическая адаптация причинных союзов в научном стиле русского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013б. Т. 19, № 3. С. 144–146.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.

Глинкина Л.А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка: ок. 7000 единиц: более 500 ил. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. 432 с.

ИГРЯ – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / под ред. В.И. Борковского. М.: Наука, 1979. 464 с.

Кульпина Е.Р. Полифункциональные союзы в русских говорах Карелии // Рябининские чтения-2003 / отв. ред. Т.Г. Иванова [и др.]. Петрозаводск, 2003. URL: https://kizhi.karelia.ru/library/authors/kulpina-er (дата обращения: 13.09.2019).

Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: учебное пособие для гос. ун-тов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 596 с.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/ Д: Феникс, 2010. 562 с.

ПКОРГ – Проект корпусного описания русской грамматики. URL: http://rusgram.ru (дата обращения: 23.12.2019).

Русская грамматика. В 2 т. Т. II: Синтаксис / Е.А. Брызгунова [и др.]; гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 714 с.

Русский язык. URL: https://rus.stackexchange.com/questions/ (дата обращения: 29.09.2019).

РЯНО – Русский язык в научном освещении. 2011. № 1(23). С. 295.

РЯНО – Русский язык в научном освещении. 2012. № 1(23). С. 297.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.

ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Формановская Н.И. Современный русский язык. Сложноподчиненное предложение: уч.-метод. пособие для студ. факультетов журналистики гос. ун-тов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 74 с.

Цинь Лидун. Развитие средств гипотаксиса в русском литературном языке послепушкинского периода (на примере условных союзов пьес А.Н. Островского) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы тринадцатой Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. Августа Борисовича Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области (г. Владимир, 24–26 сентября) / отв. ред. М.В. Пименова. Владимир: ВлГу, ООО Издательство «Транзит-ИКС», 2019. С. 447–452.

ЧСЯО – Частотный словарь языка Островского // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530–658.

Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 317 с.

N.P. Galkina
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Nuclear, Biological, Chemical Defence Military Academy
named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko
Kostroma, Russia

The Role and Place of Archaic Conjunctions in Modern Journalism

The article analyses the use of Russian archaic subordinate conjunctions «кабы», «коли», «дабы», «бо», «ибо» in modern journalistic texts concerning the relevance of their use. The research is carried out as a part of the study devoted to the expression of conditionality relationships through complex sentences in the

bookish style, a journalistic one, in particular. The sources used in the study consist of printed and online books, as well as periodicals and magazines publishing analytical articles, essays, reports, and interviews on issues of public interest.

The author assumes that the choice of atypical linguistic means should be considered as an indicator of the language flexibility, its settings for the most accurate expression of meaning and a specific communication situation. By the analysis of concrete examples, it is shown that the use of archaic conjunctions correlates with the basic functions of a journalistic style (informational, educational, evaluative, incentive, influencing ones), thereby its use is stylistically justified. Journalists resort to these means of conjunction to convey someone's speech with the aim of marking a high style, adding a historical, dialectic connotation, a playful or ironic tone.

It is noted that unproductive archaic conjunctions are primarily used in their main etymological meaning, while the field of their meanings in dialects and colloquial speech is expanding. In this way, an organic combination of the elements of bookishness and colloquiality is historically inherent in the Russian literary language, which is most clearly manifested in journalism.

Attention is drawn to the fact that the study of archaic vocabulary and the appropriateness of its use is of interest with regard to developing and preserving the richness and variability of the language, especially in modern conditions of standardization, simplification, and unification of languages in general and the Russian language in particular.

Key words: *journalism; connotation of meaning; stylistic device; origin of the conjunction; Old Russian; colloquial speech; dialect.*

REFERENCES

Apresyan V. Yu., Pekelis O. Ye. Subordinate Conjunctions. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar [Podchinitelnye soyuzy. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki na pravakh rukopisi]. On the rights of the manuscript. Moscow. 2012. *Available at*: http://rusgram.ru (accessed 30 December 2019).

A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language [Bolshoi Tolkovy Slovar Russkogo Yazyka]. Ed. by S.A. Kuznetsov. *Available at*: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (accessed 11 May 2019).

Bednarskaya L.D. A Complex Sentence in the Language of Russian Lyric Poetry of the 19th–20th Centuries [Slozhnoye predlozhenie v yazyke russkoi liriki XIX–XX stolety]. Orel, Orel State University Publ. 2012. 391 p. (in Russian).

Borkovsky V.I., Kuznetsov P.S. Historical Grammar of the Russian Language [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka]. Moscow, Nauka. 1965. 555 p. (in Russian).

Bulakhovsky L.A. Historical Commentary on the Russian Literary Language [Istorichesky kommentary k russkomu literaturnomu yazyku]. 5th revised edition. Kiev, «RADYANSK SCHOOL» Publishing House. 1958. 488 p. (in Russian).

Bulakhovsky L.A. Russian Literary Language of the First Half of the XIXth Century [Russky literaturny yazyk pervoi poloviny XIX veka]. Moscow, Uchpedgiz. 1954. 468 p. (in Russian).

Buslayev F.I. Historical Grammar of the Russian Language [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka]. 5th edition. Moscow, Tip.T RIS. 1881. 394 p. (in Russian).

Formanovskaya N.I. The Modern Russian Language. Complex Sentence: Academic Method. Manual for students of Journalism Faculty of state universities [Sovremenny russky yazyk. Slozhnopodchinennoye predlozhenie: uch.-metod. posobie dlya stud. fak. zhurnalistiki gos. un-tov.]. Moscow, Publishing House of Moscow University. 1966. 74 p. (in Russian).

Frequency Dictionary of Ostrovsky's Language [Chastotny slovar' yazyka Ostrovskogo]. A.N. Ostrovsky. Encyclopedia [A.N. Ostrovsky. Entsiklopediya]. Editor-in chief and compiler: I.A. Ovchinina. Kostromaizdat; Shuya, FSBEI HPE «ShGPU», 2012. pp. 530–658 (in Russian).

Galkina N.P. A Causal Conjunction «ibo»: Archaic or Unfairly Ignored? [Prichinny soyuz ibo: ustarevshy ili nezasluzhenno zabyty?]. Actual Issues of Modern Linguistics and Trends in the Teaching of Foreign Languages in a Non-linguistic University: Theory and Practice [Aktual'nye voprosy sovremennogo yazykoznaniya i tendentsii prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze: teoriya i praktika]. Kostroma: Military Academy of Nuclear, Biological and Chemical Defence, 2020. pp. 83–92 (in Russian).

Galkina N.P. Functional and Stylistic Adaptation of Causal Conjunctions in the Scientific Style of the Russian language [Funktsional'no-stilisticheskaya adaptatsiya prichinnykh soyuzov v nauchnom stile russkogo yazyka]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2013b, no 3, vol. 19, pp. 144–146. (in Russian).

Galkina N.P. Typology of Construction Tools for Conditional Complex Sentences in the Works of the Natural Science Cycle [Tipologiya stroitel'nykh sredstv uslovnykh slozhnopodchinyonnykh predlozheny v proizvedeniyakh estestvennonauchnogo tsikla]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2013a, no. 1, Vol. 19, pp. 55–58 (in Russian).

Glinkina L.A. Illustrated Dictionary of Forgotten and Difficult Words of the Russian Language: approx. 7000 units: more than 500 illustations [Illyustrirovanny tolkovy slovar' zabytykh i trudnykh slov russkogo yazyka: ok. 7000 edinits: bolee 500 il.]. Moscow, Mir Entsiklopedy Avanta+. 2008. 432 p. (in Russian).

Gvozdev A.N. Essays on the Stylistics of the Russian Language [Ocherki po stilistike russkogo yazyka]. 3rd ed. Moscow, Prosveshchenie. 1965. 408 p. (in Russian).

Historical Grammar of the Russian Language. Syntax. Complex Sentence [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoye predlozhenie]. Ed. by academitian V.I. Borkovskoi. Moscow, Nauka. 1979. 464 p. (in Russian).

Kulpina Ye.R. Polyfunctional Unions in Russian Dialects of Karelia [Polifunktsionalnye soyuzy v russkikh govorakh Karelii]. Ryabinin readings [Ryabininskie chteniya]. Ed. by T.G. Ivanova [and others]. Petrozavodsk. 2003. *Available at*: https://kizhi.karelia.ru/library/authors/kulpina-er (accessed 13 September 2019).

Lomtev T.P. Essays on the Historical Syntax of the Russian Language: manual for state universities [Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka: uch. posobie dlya gos. un-tov.]. Moscow, Publishing House of Moscow University. 1956. 596 p. (in Russian).

Matveyeva T.V. A Complete Dictionary of Linguistic Terms [Polny slovar' lingvisticheskikh terminov]. Rostov-on-Don, Feniks. 2010. 562 p. (in Russian).

On the Use of «bo» instead of «potomu chto» [Ob upotreblenii «bo» vmesto «potomu chto»]. The Russian Language [Russky yazyk]. *Available at*: https://rus.stackexchange.com/questions/ (accessed 29 September 2019).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 Words and Phraseological Expressions [Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheny]. 4th enlarged ed. Moscow, OOO «A TEMP». 2006. 944 p. (in Russian).

Qin Lidong. The Development of Hypotaxis Tools in the Russian Literary Language of the Post-Pushkin Period (on the Example of Conditional Conjunctions of plays by A.N. Ostrovsky [Razvitie sredstv gipotaksisa v russkom literaturnom yazyke poslepushkinskogo perioda (na primere uslovnykh soyuzov p'yes A.N. Ostrovskogo)]. Yazykovye kategorii i edinitsy: sintagmatichesky aspekt. Materialy trinadtsatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu prof. Avgusta Borisovicha Kopeliovicha i 100-letiyu pedagogicheskogo obrazovaniya vo Vladi-

mirskoi oblasti (g. Vladimir, 24–26 sentyabrya) [Language Categories and Units: Syntagmatic Aspect. Materials of the Thirteenth International Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of prof. August Borisovich Kopelovich and the 100th Anniversary of Pedagogical Education in the Vladimir region (Vladimir, September 24–26)]. Eitor-in-chief: M.V. Pimenova. Vladimir, VSU, OOO «Tranzit-IKS», 2019, pp. 447–452(in Russian).

Russian Grammar in 2 Volumes. Vol. 2. Sytax [Russkaya grammatika v 2 t. T. II. Sintaksis]. Editor-in-chief: N.Yu. Shvedova, ed. by Ye.A. Bryzgunov, K.V. Gabuchan [and others]. Moscow, Nauka. 1982. 714 p. (in Russian).

Russky yazyk v nauchnom osveshchenii, 2011, no. 23. 295 p. (in Russian).

Russky yazyk v nauchnom osveshchenii, 2012, no. 1(23). 297 p. (in Russian).

Shapiro A.B. Essays on the Syntax of Russian Dialects. The Sentence Structure [Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov. Stroyenie predlozheniya]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1953. 317 p.(inRussian).

Solganik G.Ya. Text Stylistics [Stilistika teksta]. 3rd ed. Moscow, Flinta, Nauka. 2001. 256 p. (in Russian).

Stetsenko A.N. The Historical Syntax of the Russian Language: A Textbook for Pedagogigal Universities and Filological Faculties of Universities [Istorichesky sintaksis russkogo yazyka: Uchebnoye posobie dlya ped. in-tov i filol. fak. un-tov]. 2nd revised and enlarged edition. Moscow, «Vysshaya Shkola». 1977. 352 p. (in Russian).

The Project of Corps Description of Russian Grammar [Proyekt korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki]. *Available at*: http://rusgram.ru (accessed 2 December 2019) (in Russian).

Valgina N.S. Syntax of the Modern Russian Language: a textbook [Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik]. *Available at*: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01 (accessed 07 December 2019).

Vinogradov V.V. The Russian Language: Grammar. Doctrine of the Word [Russky yazyk: Grammat. uchenie o slove]. Moscow; Leningrad, Uchpedgiz. 1947. 784 p. (in Russian).

ЗАРУБЕЖНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.А. Гончарова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-102-117

ТЕКСТОВЫЕ И ДИСКУРСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА

Ключевые слова: *политический плакат; текст; вербальный текст; невербальный текст; поликодовость; дискурс; персуазивность; агональность; институциональность; полисубъектность; коммуникативная тактика.*

Объектом научного анализа в статье является поликодовый текст политического плаката, изучаемый на материале плакатов современных политических партий ФРГ, предметом исследования – его дискурсные параметры, связанные с принадлежностью рассматриваемого типа текста к социально-политической коммуникации, такие как персуазивность, агональность, институциональность и полисубъектность. Интерпретация вербальных и невербальных маркеров этих дискурсных параметров осуществляется в проекции на ведущие коммуникативно-прагматические тактики, используемые при создании структуры текста политического плаката как средства социально-массовой агитации и пропаганды.

Плакат как таковой и политический плакат как одна из его жанрово-стилистических разновидностей дают лингвистам интересный материал для изучения того, как в предельно лаконичной и в то же время синкретической текстовой форме реализуются базовые формально-смысловые категории текста и какие коммуникативно-прагматические стратегии и тактики, а также речевые и невербальные приемы нацелены на их реализацию в текстовой структуре плаката. Кроме того, политическому плакату свойственны дискурсные характеристики и контекстуальные проекции, свидетельствующие о принадлежности этого типа текста к определенному виду социальной коммуникации, которые до сих пор специально не изучались в научной лингвистической литературе. Цель настоящего исследования состоит в анализе подобных характеристик на материале плакатов современных политических партий ФРГ.

Краткие сведения из истории (политического) плаката. Если отталкиваться от словарной дефиниции плаката (от франц. *plaquer* – налеплять, приклеивать): «крупноформатное (листовое) издание (обычно в виде рисунка, изображения, сопровождаемого кратким текстом), выполняющее задачи агитации и пропаганды, информации, рекламы, инструктажа или обучения» [СИН, 1994, *467*], то исторические корни этого типа текста можно обнаружить уже в Античности. Тогда это были объявления, размещавшиеся на колоннах и столбах в местах скопления людей, которые извещали о значительных событиях городской жизни, будучи тем самым информационным элементом городской среды. Длительное время плакат использовался именно в этой функции – сообщения новой фактической информации массовому адресату.

Со 2-й половины XIX века плакат переживает своеобразный бум в Западной Европе, особенно во Франции. Благодаря проявленному к нему интересу со стороны художников он (в первую очередь в виде театральных плакатов-афиш или рекламных плакатов) обогащает свой визуальный язык и социально-коммуникативные функции за счет оригинальных орнаментальных и фигурных изображений, потеснивших доминантные позиции вербальной части текста и превративших плакат в индивидуально-авторское произведение искусства (ср.: [Ван Мэни, 2010; Ходус, 2011]). К наиболее известным авторам плакатов этого достаточно длительного временного периода относятся французский график и декоратор Жюль Шере, постимпрессионист Анри де Тулуз-Лотрек, представитель чешского модерна Альфонс Муха, немецкого экспрессионизма Фритц Блейль, воплощавшие в преобладающем иконическом пространстве плаката и оригинальных графических модификациях его вербальной части основные черты своего индивидуального художественно-изобразительного стиля.

Как социально-политический персуазивный текст плакат начинает использоваться в начале XX века в связи с необходимостью проведения агитационных мероприятий в ходе Первой мировой войны, впервые появившись в этой функции у французского художника и графика Теофиля-Александра Стейнлена. Затем – в ходе эпохальных революционных и военных событий мировой истории – плакат укрепляет свои социально-функциональные позиции, постепенно становясь главным средством массовой агитации и политической пропаганды. Свойственный плакату «шершавый», то есть негладкий и колючий, язык, о котором говорил поэт Владимир Маяковский, сам активно работавший в этом жанре с 1919 по 1930 год, позволяет этому яркому по форме – с совмещением вербальной и иконической части – одновременно информационному, рекламному и агитационно-пропагандистскому тексту персуазивно охватывать все большее число потенциальных адресатов из разных социальных слоев.

Классификация текстов плаката. В наши дни словом «плакат» обозначается целый класс поликодовых текстов массовой коммуникации, в который как минимум входят плакат-объявление, рекламный (социальный и коммерческий) плакат, политический плакат, военный плакат и др. С одной стороны, все тексты данного класса имеют ряд общих дифференциальных признаков, отличающих их от других классов текстов: регламентированный сжатый текстовый объем (один разворот крупного типографского листа); двойственная природа адресанта (социального института, инициирующего появление плаката и регулирующего процесс его создания, а также непосредственного исполнителя заказа – плакатиста); аттрактивность формы передачи текстовой информации (визуальная привлекательность); апеллятивность (обращенность к потенциальному массовому адресату); безусловная персуазивность (экспрессивное воздействие на духовную и практическую сферы деятельности человека); креолизованный способ передачи информации, в основе которого лежит сочетание вербальных и невербальных средств.

С другой стороны, внутри этого класса текстов происходит автономизация отдельных видов плаката на основе определенных различий в характере сопровождающей их коммуникативно-прагматической ситуации; в плане содержания и выражения текста, в первую очередь, в способе количественного и качественно-функционального представления, сочетания и взаимодействия вербальной и невербальной частей текста; в способах актуализации универсальных коммуникативно-прагматических стратегий – персуазивности и апеллятивности; в характере выполняемых социально-коммуникативных функций.

Плакат-объявление служит во все времена источником массовой информации по поводу какого-то актуального (чаще всего культурного и/или социально-политического) фактического события, поэтому он относится к ряду информационных текстов, в которых интенция сообщения содержательно-фактуальной информации (см.: [Гальперин, 2005, *26–28*]) превалирует по отношению к персуазивному целеполаганию. Тексты плакатов коммерческой и социальной рекламы относятся к общему для них «рекламному дискурсу», призванному удовлетворять потребительские запросы населения, имея в качестве общей прагматической установки интенцию персуазивного воздействия на массовое сознание адресата. Но при этом коммерческая реклама нацелена на побуждение реципиента к принятию решения о покупке какого-либо продукта или использовании рекламируемой услуги, а социальная реклама – на регулирование его социальных практических действий и в конечном счете его образа жизни (ср.: [Любке, 2017, *15–16*]). Специфика военного плаката, который может быть отнесен и к политическим плакатам, состоит в реализации информацион-

но-психологического воздействия на массового адресата в концептуально-дискурсивном дихотомическом поле «Свой – Чужой» [Кругликова, 2005].

Дискурсивно обусловленные признаки текста современного немецкого политического плаката. Политический плакат – это агитационно-пропагандистский текст, существующий в дискурсивном пространстве (массовой) политической коммуникации, поэтому его основные характеристики обусловлены базовыми параметрами политического дискурса. Так, неоднократно упоминаемая выше *персуазивность*, являясь универсальной коммуникативно-прагматической стратегией политического дискурса, регулирующей речевую деятельность и речевое поведение его участников, а также прагматику создаваемых ими текстов [Цуциева, 2018, *53–61*], принадлежит к текстообразующим признакам политического плаката, который призван в этой сфере общественной жизни влиять на социально-политическое мировоззрение массового реципиента и призывать его к участию в политической коммуникации и определенным практическим действиям (участию в политических выборах, принятию определенной политической идеологии и вступлению в какую-либо политическую партию, участию в массовых политических демонстрациях и др.).

Приведем примеры.

Пример 1. Социал-демократическая партия Германии СПД (SPD) традиционно использует на своих плакатах красный фон, на котором вербальный текст обычно написан белыми заглавными буквами. Подобный цветовой контраст усиливает аттрактивность и экспрессивность визуального воздействия текста:

WARUM EUROPA?
WEIL WIR
GEMEINSAM
STÄRKER SIND
ALS ALLEIN

Zeit für mehr Gerechtigkeit SPD

Вербальная часть плакатного текста представляет собой квазидиалогическое вопросно-ответное единство, имитирующее вопрос потенциального реципиента и (коллективный) ответ на него партии. Обращает на себя внимание графическое визуальное разделение этого ответа на синтагмы, смысловыми центрами которых являются ключевые слова *wir, gemeinsam, stärker, (als) allein*. Тем самым в поверхностной структуре высказывания «ступенчато» актуализируются основные идеи лозунга: «солидарность» и «единство». Эти же идеи выражены в конечном слогане партии, представляющем собой односоставное номинативное предложение *Zeit für mehr Gerechtigkeit*. Функционально-смысловая аккумуляция описанных средств выражения и изображения обеспечивает персуазивное воз-

действие плаката на адресата с целью его привлечения на сторону партии, борющейся за объединение Европы, справедливость и равноправие в отношениях между странами и людьми.

Следующая отличительная черта политического дискурса, *агональность*, указывает на состязательный характер речевого поведения субъектов политического дискурса, вовлекаемых в разные (активные и пассивно-наблюдательные) ситуации борьбы за власть. Эта коммуникативная стратегия также находит эксплицитное и имплицитное выражение в композиции и структуре текста политического плаката, что демонстрирует следующий пример.

Пример 2. Относительно молодая социалистическая партия «Левые» (Die Linke) часто использует традиционный красный цвет социалистов в качестве цветового фона для вербального текста плакатов, но контурные границы этого фона имеют здесь ломаные линии, что, вероятно, можно считать визуальным изображением оппозионности и бунтарского характера «Левых», борющихся, как декларируется в политической программе партии, за преодоление капитализма. На одном из партийных плакатов видим написанный на этом фоне белым шрифтом вербальный текст:

~~KEINE~~ LUST
AUF ~~WEITERSO~~:
DIE LINKE.

В предельно компримированной синтаксической конструкции с отрицанием за счет метонимического употребления субстантивированного наречия *weiterso* констатируется основная идея политического курса партии: нежелание сохранить (в обществе и политике) все «как прежде». В ней же имплицитно выражается намек на то, что именно эта партия, а никакая другая, борется за социальные перемены в Германии (коммуникативная стратегия агональности / состязательности). С помощью графического вычеркивания жирной черной чертой двух слов в предложении (*keine, weiterso*) достигается переосмысление высказывания до имплицитного апеллятива к потенциальному массовому адресату встать на сторону этой партии: *Lust auf: Die Linke*.

Пример 3. В другом плакате этой же партии агональность политического дискурса находит эксплицитное выражение:

M E N S C H

ENTSCHIEDEN
GEGEN RECHTE
HETZE
DIE LINKE.

Слово *Mensch* напечатано более крупным кеглем на неровной строке с «танцующими» буквами и с использованием цветового спектра радуги, что можно считать цветовой символической метафорой, изображающей многообразие форм существования человека, а также случаем актуализации «визуализированной интертекстуальности» (см.: [Чернявская, 2009, *209–210*]). Благодаря подобному приему, повышающему и аттрактивность текста, происходит смысловое обогащение вербальной/-ых единиц/-ы с помощью визуального (цветового) кода, что можно считать весьма распространенным тактическим шагом в композиционной организации текста политического плаката. Весь последующий вербальный текст расположен на традиционном для «Левых» красном фоне с ломаными боковыми контурами. Он представляет собой синтактико-грамматически редуцированное высказывание-эмфазу с содержанием: «Партия Левых решительно <борется> против правого экстремизма» (нем. *Die Linke <kämpft> entschieden gegen rechte Hetze*), в котором сформулирован один из главных принципов партии в ее политической борьбе. Контекстуальное взаимодействие всех названных вербальных и невербальных элементов создает синергетический эффект персуазивного (убеждающего и эмоционально-экспрессивного) воздействия плаката.

Институциональность как одна из конструктивных примет политического дискурса имеет две стороны, которые находят свое отражение и в текстах политических плакатов. С одной стороны, общение в этом дискурсивном пространстве предполагает принадлежность (профессиональных) политиков к определенным политическим институтам, в первую очередь партиям и политическим движениям, с которыми связаны – также институционально уполномоченные – массмедийные органы (печатные, телевизионные, радио-сообщества), которые образуют «массмедийный политический дискурс», и широкая сеть институционализированных посредников (политтехнологов, политологов, избирательных органов и др.). Каждый политический институт имеет социально узаконенные идеологические и поведенческие стереотипы, а также конвенциональные статусно-ролевые отношения. С другой стороны, основная цель любого политического института состоит в привлечении на свои идеологические позиции массового адресата, не принадлежащего к политическим институтам (избирателя, читателя газеты, телезрителя, радиослушателя и т.д.) [Цуциева, 2018, *33–40*].

Социальный слой политтехнологов находится между двумя антропоцентрическими полюсами политического дискурса: профессиональными политиками и массовым адресатом политического воздействия. Политтехнологи выполняют в политической коммуникации роль субъектов-посредников, содержанием и целью деятельности которых является разработка политических технологий, то есть планирование и «программирование» политических процессов на основе имеющихся у них профессио-

нальных (социологических, политологических, журналистских и др.) знаний [Плотникова, 2008, *138–144*]. Оказывая влияние на протекание этих процессов, политтехнологи принимают участие в речевой политической коммуникации и создании партийных текстовых продуктов (политических речей, партийных документов, средств агитации и пропаганды и др.).

Политические плакаты в связи с вышесказанным можно рассматривать как агитационно-пропагандистские тексты, создаваемые по поручению представителей партии (коллегиальный прямой адресант информации текста и его косвенный автор) и при содействии политтехнологов («соавтор» адресанта информации) неким профессиональным исполнителем-плакатистом, который, в свою очередь, играет роль посредника в коммуникации между этими двумя институциональными персонами и массовым адресатом, не принадлежащим к какому-то конкретному политическому институту. Можно говорить о том, что одна из специфических коммуникативно-прагматических особенностей плаката как агитационно-пропагандистского текста политического общения состоит в том, что в процессе его создания имеется дискурсивная фаза стратегического и тактического (предтекстового) планирования и прогнозирования (реакции потенциального реципиента), которая предусматривает согласование планов содержания и выражения текста плаката между тремя участниками речевого дискурса. «Образ автора» текста политического плаката, следовательно, имеет полисубъектную трехчастную семантико-прагматическую структуру (политический институт – политтехнолог – плакатист), а *полисубъектность* также принадлежит к характерным признакам политического дискурса.

Прагматическое осознание особенностей общения с социально-политически неопределенным потенциальным реципиентом, а также стремление к максимальному экспрессивному воздействию на него с целью оказания влияния на его социально-политические взгляды стимулируют институциональных адресантов информации и непосредственного технического исполнителя текста плаката к применению действенных коммуникативных тактик убеждения и эмоционально-экспрессивного воздействия, а также максимально доходчивых и выразительных вербальных и невербальных средств, которые участвуют в реализации этих тактик. При этом, как правило, в основе создания текста политического плаката лежит не одна какая-то тактика, а их комплекс.

Коммуникативно-прагматические тактики и вербально-невербальные приемы создания текста плаката. Первое место среди коммуникативно-прагматических тактик создания текстов современного немецкого плаката занимает *тактика привлечения внимания*, или *повышения аттрактивности текста*, в реализации которой ведущая роль принадлежит стилистическим приемам контраста. В первую очередь, логическим отношением противоположности в политическом плакате связаны

сведенный до возможного минимума размер всего текста, помещающегося на одном типографском листе, а также синтаксических конструкций внутри него и компримированный, но при этом значительный объем информации. Из этой противоположности рождается другой вид контраста: минимум времени, требуемого на синхронное восприятие текста, и максимум «оседания» в памяти, дополнительным психологическим основанием для которого становятся такие ряды противоположностей в визуальном оформлении плаката, как контрастный цветовой / световой фон, мелкий – крупный шрифт, заглавные – строчные буквы. В вербальной части текста достаточно часто используются риторические фигуры контраста (антитезы, хиазмы и др.). Это особенно характерно, например, для плакатов партии «Альтернатива для Германии» АдГ (нем. Alternative für Deutschland, Afd), известной своими радикальными популистскими заявлениями в области миграционной политики Германии. Ср.: *«'Burkas'? Wir stehen auf Bikinis»; «'Der Islam?' Passt nicht zu unserer Küche»; «Asylchaos stoppen! Grenzen sichern!»*.

Далее следует назвать *коммуникативную тактику диалогизации*, то есть приемы эксплицитного или имплицитного включения образа потенциального адресата в структуру текста плаката. При этом под адресатом политического плаката обычно имеется в виду усредненный «простой человек», коммуникативные и оценочные позиции которого учитываются в содержании и форме его текста [Бойко, 2011, *11*]. В агитационно-пропагандистских текстах политического дискурса демократических государств нашего времени, к которым относится и ФРГ, тактика диалогизации выходит на передний план по сравнению с тактикой «лобового» императива, широко использовавшейся до и во время Второй мировой войны, хотя прагматика любого плаката, как остроумно заметил в свое время немецкий исследователь этого класса текстов Т. Кениг, – «энергетический императив», то есть «… стремление к достижению максимального успеха при минимальной затрате сил» [Кениг, 1925, *59*]. Тем не менее в границах общей прагматической императивной, а если быть точнее, персуазивной установки современные профессиональные немецкие политики предпочитают использовать тактические приемы общения «на равных», без прямого психологического давления на субъектов социально-политического общения, что объясняется, среди прочего, манифестацией роли принципов толерантности в социальном взаимодействии людей на государственно-правовом уровне в таких официальных документах, как Конституция ФРГ, Всеобщий закон о равном обращении и Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО, являющаяся дополнением к Декларации прав человека ООН.

В коммуникативно-прагматическом плане тактика диалогизации реализуется посредством имитации естественного речевого общения создателей политического плаката с потенциальным массовым реципиентом,

ориентированной на характер уличной коммуникации (ср.: [Кругликова, 2005, *11*]). Создание прагматического эффекта диалога достигается с помощью стилизации общего модуса формулирования в тоне устного общения – с использованием прямых и косвенных обращений к адресату, разговорной лексики, вопросов и восклицаний, частых лексических и синтаксических редукций и т. д.

Так, например, для большинства своих предвыборных плакатов 2017 года партия АдГ избирает в качестве центральной текстообразующей конструкции синтаксическую модель вопросно-ответного диалогического единства: *«'Traditionell?' Uns gefällt's»; «'Bunte Vielfalt?' Haben wir schon»; «'Neue Deutsche?' Machen wir selber»*. Односоставные риторические вопросы в инициирующей реплике квазидиалога опираются на ключевые концепты, актуальные и активно обсуждаемые в современном немецком обществе (*Tradition, soziale Mannigfaltigkeit, Migration*), лексически модифицируя их в духе слоганов других партий (имплицитно выраженная агональность). В ответах на вопросы, репликах-реакциях формулируются в устно-разговорной форме идеологические максимы партии AfD от 1-го лица множественного числа *wir*. Семантика этого местоимения допускает (за счет отсутствия эксплицитно выраженного антецедента) манипулятивно-популистское отнесение к авторизованному субъекту «простого человека», а в его лице выражение мнения всех граждан Германии.

Следует отметить, что в плакатах, имеющих форму устного диалога, часто наблюдается подобное манипулятивное использование местоимения *wir*. Во-первых, для прагматического вовлечения потенциального реципиента в категорию «своих», что можно рассматривать как типичный случай речевой актуализации базовой концептуальной оппозиции политического дискурса «свой – чужой» (ср.: [Иссерс, 2012, *45*]). Во-вторых, поливалентная семантика этого личного местоимения 1-го лица позволяет ввести в текст в качестве (коллективного) субъекта речи и действия саму партию, а также основные моменты ее политической позиции.

В серии предвыборных плакатов 2016 года партии «Зеленых» (нем. «die Grünen») местоимение *wir* и его притяжательные аналоги используются в каждом плакате. Такие высказывания, как «*Wir erhalten was uns erhält*»; «*Wir bauen auf Familien*»; «*Wir bewegen das Land*»; «*Unser Erfolg ist erneuerbar*»; «*Wissen ist unser Kapital*»; «*Innovation ist unsere Natur*», прокламируют центральные социально-политические установки партии и в то же время содержат косвенную апелляцию к избирателям по типу: «Мы добьемся этого вместе с вами» (что особенно очевидно в высказываниях: «*Wir bewegen das Land*»; «*Unser Erfolg ist erneuerbar*»). Помимо этого, в предвыборных плакатах 2015 года Гамбургского отделения этой партии наблюдается частое применение предложной местоименной группы *mit dir*, с помощью которой косвенно выражается как бы уже не вуалирован-

ный, а персональный косвенный призыв к каждому отдельному избирателю поддержать «Зеленых»: *«Mit dir bleibt Hamburg grün»; «Mit dir küssen wir Hamburgs Hochschulen wach»; «Mit dir bleibt Hamburg frei und bunt».*

Три последних примера демонстрируют еще одну заметную тактическую установку современных немецких плакатов: семантико-прагматическое обыгрывание средств образности, многозначности слов, омонимии, паронимии, что может рассматриваться в совокупности с сопровождающими высказывание иконическими образами и соответствующим цветовым фоном как реализация *тактики театрализации* плакатного изображения и выражения, а также как проявление лингвокреативности их создателей. В первом примере прилагательное *grün* употреблено в двояком смысле: как обозначение зеленого цвета в природе («С тобой Гамбург останется зеленым городом») и метонимического обозначения партии («С тобой в Гамбурге победят ‘Зеленые’»). Во втором примере в образном значении использован прецедентный глагол *wach küssen*: «Вместе с тобой мы выведем из спячки (реформируем) вузы Гамбурга». В третьем примере прилагательное *bunt* выступает в функции метафорического символа для обозначения людей разного цвета кожи и разной сексуальной ориентации. При этом на всех плакатах присутствуют креативно изображенные на зеленом фоне информационные мотивы, «инсценирующие» вербальный текст: (1) абрис городских строений, смоделированный из также зеленых растений; (2) старинный фолиант в кожаном переплете с надписью «Studium», застегнутый толстой серебряной пряжкой и обвитый цветущим шиповником, как королевство спящей принцессы из сказки «Dornröschen»; (3) три пестро окрашенных мохнатых щенка. Реализация тактики театральности с помощью подобных и иных приемов обеспечивает включение эффекта новизны, а также неожиданности (в том числе и эстетических) впечатлений в процесс восприятия плаката потенциальным реципиентом.

На плакатах одного из кандидатов СПД в 2015 году активно используется прием метонимического отождествления кандидата с городом, где он баллотировался, что также можно считать реализацией коммуникативной тактики театрализации плакатного сообщения. Все плакаты этой серии можно разделить на две группы. В первой из них вербальная часть текста состоит из повторяющейся синтаксической модели «субстантивированное обозначение положительного качества кандидата + глагол *zählen* (с семантикой ’иметь значение’)»: *«Verantwortung zählt»*; *«Erfahrung zählt»*; *«Zusammenhalt zählt»*, причем слово – обозначение достоинств кандидата выделено красной рамкой. Этот текст сопровождается экспликацией его фамилии в одном ряду с названием города: *«Müller, Berlin».* Невербальная часть текста представлена фотографией кандидата на фоне Берлина. В другой группе плакатов из этой же серии в вербальной части текста присутствует только назывная конструкция *«Müller, Berlin».* Регулярное синхронное прочтение двух антропонимов (лич-

ного имени и топонима) внушает реципиенту иллюзию их тесной консеквентной связи, невозможности существования одного без другого, а следовательно, косвенно призывает берлинцев отдать голос за этого кандидата, если они любят свой город. Важно отметить, что отсутствие вербальных аргументативных тезисов во втором случае компенсируется инсценированными фотоизображениями – либо счастливой семьи, либо трудоустроенных рабочих, либо женщины в исламской одежде, общающихся с кандидатом. Каждый снимок имеет «говорящий» смысловой подтекст, являясь символическим иконическим олицетворением одного из предвыборных программных положений кандидата и всей партии.

К показательным примерам использования приема театральности и проявления лингвокреативности можно отнести предвыборные плакаты партии СПД 2017 года в земле Северной Рейн-Вестфалии. Все они имеют общую композиционную модель. На заднем плане находится фотография: 1) смеющихся детей на качелях; 2) молодой женщины с собакой на коленях, работающей за компьютером; 3) тренера, показывающего указательным жестом на что-то впереди группе детей, и т.д.), а на переднем плане – изобретательные хештеги, напечатанные заглавными буквами, соответственно.

1. *#NRWIR SICHERN ZUKUNFT*
2. *#NRWIR SCHAFFEN ARBEIT*
3. *#NRWIR HALTEN ZUSAMMEN*

В правом нижнем углу каждого плаката в красном квадрате вертикально расположены аббревиатуры названия земли Северной Рейн-Вестфалии NRW и Социал-демократической партии Германии SPD. В номинации грамматического субъекта хештега контаминированы аббревиатура *NRW* и местоимение *WIR*, что семантически и графически символизирует единство населения Северной Рейн-Вестфалии и СДГ. Таким образом в семантико-прагматическом пространстве плаката актуализируется не только «визуализированная интертекстуальность», то есть информационное и персуазивное взаимодействие иконической и вербальной частей текста, но и «визуализированная интердискурсивность» («игра» плакатного дискурса с интернет-дискурсом), становящаяся видимой для реципиента благодаря интертекстуальным сигналам, в данном случае – октоторпу #, типичному для общения в социальных сетях, где он, как известно, вводит обычно ключевые слова, значимые для содержания и поддержания интернет-контактов. Введение вводного знака хештега в текст плаката можно считать и сигналом того, что партия СДГ старается идти «в ногу» со временем, ориентируясь на молодое поколение, активно участвующее в интернет-коммуникации.

Все вышеприведенные примеры можно считать иллюстрацией и следующей коммуникативной тактики, типичной для политических плакатов предвыборных кампаний: *тактики положительной (само-)презентации, или тактики создания (собственного) положительного имиджа*. К приемам актуализации этой тактики можно отнести: а) употребление лексики мелиоративного характера как выражение оценки характерологических и функциональных качеств политического кандидата – представителя партии, которая призвана вызывать у реципиента положительные ассоциации и с остальными ее членами; б) присутствие в семантике этой лексики «социального» компонента (например, *Zusammenhalt, Verantwortung*); в) синтаксические модели, подчеркивающие очевидность / эвидентность называемого качества кандидата (например, *Erfahrung zählt*); г) дополняющие вербальный текст фотографии, часто изображающие при этом конкретные динамические ситуации с участием кандидата, посредством которых как бы реально и в то же время «театрально» демонстрируются разные виды его полезной социальной деятельности; д) цитирование фрагментов предвыборной программы кандидата, как это происходит на предвыборных плакатах кандидата от Христианско-демократической партии (CDU) Дитриха Верзиха в Гамбурге: *«Mehr tun für Sicherheit und Sauberkeit», «Mehr tun gegen Staus und für fließenden Verkehr», «Mehr tun für Wirtschaft und Wissenschaft»*. Вынесение на первое место в предложении инфинитивного сочетания (*mehr tun*) не только повышает персуазивный потенциал предвыборных тезисов политика, но и обеспечивает риторическую императивную апелляцию к жителям Гамбурга с призывом к действию, которая контекстуально поддерживается высказыванием *«Hamburg kann mehr»* в нижней позиции каждого плаката.

Тактика создания (собственного) положительного имиджа в современных немецких политических плакатах реализуется, как правило, в сочетании *с тактикой (риторической) императивной апелляции*, поскольку, несмотря на превалирование тактики диалогизации над императивом, часто выражающимся в них опосредованно, что уже отмечалось выше, нельзя говорить о полном отсутствии в этих плакатах тактических императивных приемов. Согласно классификации текстов по доминантной текстовой функции К. Бринкера, политические плакаты относятся к классу апеллятивных текстов [Brinker, 2001, *37, 112*], так как они всегда – прямо или косвенно – нацелены на «усиление душевных побуждений, влекущих за собой действие» [Кениг, 1925, *47*]. Их отличает, однако, от многих других текстов внутри этого класса элиминирование в структуре текста адресата [Комлева, 2014, *136–137; 259–276*], поскольку, как неоднократно отмечалось ранее, плакат всегда апеллирует к «безличному» массовому адресату, что расширяет границы персуазивного воздействия этого типа текста. Прагматически значимой отличительной чертой политического плаката

как апеллятивного текста с элиминированным адресатом можно считать его структурирование в логике поликодового аргумента. В нем форма глагольного императива, призыва к определенному социально-практическому действию, является выводом для аргумента, или довода, представленного в вербальной части текста, взаимодействующей с ее иконической «инсценировкой» в фотоизображениях или рисунках. Характерным для политических плакатов можно считать и то, что они содержат, как всякая реклама, аргументы не рационального, а риторического типа: «оценочные суждения, обращения к чувствам, авторитету и т.п.» [Голоднов, 2010, *91*].

Рассмотрим примеры. Плакаты партии «Зеленых» 2016 года, посвященные ее кандидату Винфриду Кретчманну, представляют собой крупные фотографии персонажа на фоне зеленых деревьев с вербальной констатацией в форме односоставных назывных предложений его достоинств: *«Dem Land verpflichtet», «Leidenschaft für die Sache», «Verantwortung und Ausmaß», «Menschlich und mutig handeln»* и эмфатическим призывом-апелляцией к избирателям: *«GRÜN wählen für Kretschmann».* Императивный вывод является прагматическим ядром всего текста, завершающим его структуру, в котором адресату внушается мысль о необходимости голосовать за партию, достойным представителем которой является «рекламируемый» кандидат с эвидентными положительными качествами, аргументирующими призыв. Примечательно в стилистическом плане и использование прилагательного *GRÜN*, напечатанного заглавными буквами, которое можно считать метонимическим символом не только партии, но и ее политической программы по защите окружающей среды.

* * *

Коммуникативно-прагматическая и лингвостилистическая интерпретация современных немецких политических плакатов позволяет выделить целый ряд вербальных и невербальных характеристик, а также особенностей их синергетического взаимодействия в текстовой структуре, свидетельствующих о принадлежности рассматриваемого типа плаката к коммуникативно-социальной сфере политического общения. В поликодовом текстовом пространстве политического плаката находят свое эксплицитное и имплицитное выражение такие черты политического дискурса, как персуазивность, агональность / состязательность, институциональность, полисубъектность, которые обусловливают и в то же время дополняют конструктивные особенности этого агитационно-пропагандистского текста массовой публичной коммуникации. В основе появления и функционирования прототипических текстовых признаков (современного немецкого) политического плаката лежит совокупность определенных коммуникативно-прагматических тактик и композиционно-стилевых приемов, обеспечивающих высокую степень персуазивного воздействия этого типа текста на массового адресата.

ЛИТЕРАТУРА

Бойко А.А. Художественная практика авторского политического плаката в России середины 1980 – начала 1990 годов: автореф. дис. … канд. искусствоведения. СПб., 2011. 30 с.

Ван Мэни. Художественно-коммуникативные особенности современного плаката: новейшие концепции и тенденции развития в зарубежной практике: автореф. дис. … канд. искусствоведения. СПб., 2010. 32 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. (Лингвистическое наследие XX века). 144 с.

Голоднов А.В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). СПб.: Астерион, 2010. 244 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 6-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 304 с.

Кениг Т. Реклама и плакат как орудие пропаганды / пер. с нем. А.Н. Егоркова. Л.: Время, 1925. 284 с.

Комлева Е.В. Апеллятивность и текст (на материале современного немецкого языка). СПб.: Реноме, 2014. 354 с.

Кругликова Н.П. Языковые средства плаката: семантический и прагматический аспекты (на материале британских и американских плакатов первой и второй мировых войн): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 26 с.

Любке В.Е. Реализация персуазивной стратегии аргументирования в социальном рекламном дискурсе современной Германии: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2017. 26 с.

Плотникова С.Н. «Дискурсивное оружие»: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть // Вестник Иркутского гос. лингв. университета. 2008. № 2. С. 138–144.

СИН – Словарь иностранных слов. Ок. 20 000 слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.

Ходус Е.Ю. Политический плакат Франции как креолизованный текст // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 76. С. 118–124.

Цуциева М.Г. Дискурсивные параметры языковой личности политика. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. 422 с.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Brinker K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 2001, 2003. 168 S.

Ye.A. Goncharova
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University
Saint Petersburg, Russia

Textual and Discourse Characteristics of a Contemporary German Political Poster

The research object is a polycode text of a political poster studied on the material taken from posters used by contemporary political parties of the Fed-

eral Republic of Germany. The subject of research includes discourse parameters associated with the belonging of the text type under study to the socio-political communication such as persuasion, agonality, institutionality, and polysubjectness. The interpretation of verbal and non-verbal markers of these discourse parameters is carried out through the leading communicative and pragmatic tactics used in creating a text structure of a political poster as a means of social mass campaigning and propaganda.

Key words: *political poster; text; verbal text; non-verbal text; polycode system; discourse; persuasion; agonality; institutionality; polysubjectness; communicative tactics.*

REFERENCES

Boiko A.A. The Artistic Practice of the author's Political Poster in Russia in the mid-1980s and early 1990s [Khudozhestvennaya praktika avtorskogo politicheskogo plakata v Rossii serediny 1980-nachala 1990 godov]. Abstract of the dis. … of cand. of art. St. Petersburg. 2011. 30 p. (in Russian).

Chernyavskaya V.Ye. Linguistics of the Text: Polycode, Intertextuality, Interdiscursiveness [Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost']. Moscow, «LIBROKOM» Publishing House. 2009. 248 p. (in Russian).

Galperin I.R. Text as an Object of Linguistic Research [Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya.] Issue 3, stereotype edition. (Linguistic Heritage of the 20th Century [Lingvisticheskoe nasledie XX veka]). Moscow, Editorial URSS. 2005. 144 p. (in Russian).

Golodnov A.V. Persuasive Communication: Strategies and Tactics of Influence (Based on the Material of Modern German-Language Advertising) [Persuazivnaya kommunikatsiya: strategii i taktiki vozdeistviya (na materiale sovremennoi nemetskoyazychnoi reklamy)]. St. Petersburg, Asterion. 2010. 244 p. (in Russian).

Issers O.S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi]. Enlarged Issue 6. Moscow, LKI Publishing House. 2012. 304 p. (in Russian).

Kenig T. Advertising and Poster as a Propaganda Weapon [Reklama i plakat kak orudie propagandy]. Translation from German by A.N. Yegorkova. Leningrad, Vremya. 1925. 284 p. (in Russian).

Khodus E.Yu. Political Poster of France as a Creolized Text [Politichesky plakat Frantsii kak kreolizovanny tekst]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 76, pp.118–124 (in Russian).

Komleva Ye.V. Appellativeness and Text (Based on the Material of Modern German) [Apellyativnost' i tekst (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)]. St. Petersburg, Renome. 2014. 354 p. (in Russian).

Kruglikova N.P. Language Means of the Poster: Semantic and Pragmatic Aspects (Based on the Material of British and American Posters of the First and Second World Wars) [Jasykovye sredstva plakata: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty (na materiale britanskih i amerikanskih plakatov pervoj i vtoroj mirovyh vojn)]. Abstract of diss. … of cand. of phil. sciences. SPb, 2005. 26 s.

Lyubke V.Ye. Implementation of a Persuasive Argumentation Strategy in Social Advertising Discourse in Modern Germany [Realizatsiya persuazivnoi strategii argumentirovaniya v sotsial'nom reklamnom diskurse sovremennoi Germanii]. Abstract of diss. … of cand. of phil. sciences. St. Petersburg. 2017. 26 p. (in Russian).

Plotnikova S.N. «Discursive Weapons»: The Role of Political Discourse Technologies in the Struggle for Power [«Diskursivnoye oruzhie»: rol' tekhnology politicheskogo diskursa v bor'be za vlast']. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2008, no. 2. pp. 138–144 (in Russian).

Tsutsieva M.G. Discursive Parameters of the Politician's Linguistic Personality [Diskursivnye parametry yazykovoi lichnosti politika]. St. Petersburg, POLITEH-PRESS. 2018. 422 p. (in Russian).

Van Meni. Artistic and Communicative Features of a Modern Poster: The Latest Concepts and Development Trends in Foreign Practice [Khudozhestvenno-kommunikativnye osobennosti sovremennogo plakata: noveishie kontseptsii i tendentsii razvitiya v zarubezhnoi praktike]. Abstract of the dis. … of cand. of art. St. Petersburg. 2010. 32 p. (in Russian).

The Dictionary of Foreign Words [SIN: Slovar' inostrannkh slov]. About 20 000 words. St. Petersburg, Duet. 1994. 752 p. (in Russian).

Brinker K. Linguistic Text Analysis: An Introduction to Basic Concepts and Methods [Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden]. Berlin, Erich Schmidt. 2001, 2003. 168 p. (in German).

Р.В. Гуревич

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.112.2.09

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-117-127

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН Г. КАНТА «ОСТАНОВКА В ПУТИ» (HERMANN KANT. DER AUFENTHALT): ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

Ключевые слова: *автобиография; автобиографический роман; реальный биографический факт; аутентичный; художественная деталь.*

Тема автобиографического роман Г. Канта «Остановка в пути» (Hermann Kant. Der Aufenthalt, 1976) – духовное перерождение военнопленного, солдата гитлеровской армии. В статье раскрывается взаимодействие двух компонентов романа – фикционального и реального при изображении этого сложного психологического процесса. Анализ трех глав (X, XV, VI) показывает различные формы эстетической «переработки» аутентичного материала. В главе X автор «собирает» собственные эмоциональные впечатления, пережитые им в разные периоды жизни, и «привязывает» их к ситуации главного героя, находящегося в одиночной камере тюрьмы. В главе XV он «добавляет» к реальным автобиографическим фактам важную художественную деталь – школьный пенал еврейской девочки, убитой нацистами. В главе VI Кант мастерски использует временную и повествовательную дистанцию: герой оценивает решающий эпизод своей юности – разговор с русской женщиной-врачом – с точки зрения зрелого человека, вспоминающего о своей жизни.

На внутренних клапанах суперобложки немецкого издания этого романа Канта напечатано воображаемое интервью с автором:

– Это автобиографический роман?

– Это роман.

– Вы не пережили того, о чем рассказываете?

– Ну почему же, пережил в процессе писания.

– Стало быть, все вольно вымышлено?

– Я бы ответил, если бы знал, что такое вольный вымысел.

– Почему вы обращаетесь к таким отдаленным вещам, как война и плен?

– Для меня они не отдаленные…[1].

XX век – эпоха невиданных общественных катаклизмов: Первая и Вторая мировые войны, революции, освободительные движения. Эти невиданные по масштабу события всколыхнули огромные людские массы, привели к падению империй, определили новый ход общественного развития. Пропустить сквозь себя подобные масштабные события, «обжить» их всей полнотой личности – когнитивно и эмоционально, дать оценку, принять или не принять – таков пафос литературы «поколения переживших». Несомненно, такая литература не могла не нести следы жизни самих авторов, совпавших своими автобиографиями с движением времени. Сюда уходят корни того всплеска интереса к автобиографическому жанру в немецкоязычном литературном и культурном ареале, ареале, находившемся в XX столетии в эпицентре всех социально-политических движений. Начиная с 1940-х годов поток такой литературы возрастал и достиг своего апогея в 1970-х годах. Причину подобного поворота к жанрам, фиксирующим воспоминания, исследователи не без основания видят во внутреннем развитии самой литературной словесности, в кризисе так называемой сюжетной художественной литературы, в воздействии философии модернизма, которая концентрируется на идеях индивидуализма, на поведении свободной автономной личности. Несомненно, это обстоятельство обусловило интерес художников слова к собственному внутреннему миру, способствовало развитию жанров мнемонической прозы, главным признаком которой является эгоцентризм. В данном контексте эгоцентризм понимается как сфокусированность внимания автора на языковом выделении некоего «Я», превращающего его в смысло- и текстообразующий фактор автобиографического повествования [Гончарова, 1998, *235*].

Такое общее лингвокультурологическое определение не вызывает возражений. Однако его применение к немецкому литературному ландшафту нуждается в определенном уточнении. В научных исследованиях [Стиль и текст, 2018, *29*] постоянно подчеркивается, что сложность интер-

[1] Цит. по: Симонов К. Несколько вступительных слов // Кант Г. Остановка в пути. М.: Радуга, 1987. С. 8.

претации эгоцентризма как ведущей текстообразующей категории мнемонического (основанного на воспоминании) текста состоит в том, что сам жанр мемуарного литературного повествования многомерен и неоднороден; он представлен разнообразными видами художественных текстов: литературная автобиография, дневники, эпистолярные тексты, мемуары. В свою очередь, указанные виды имеют подгруппы, подвиды. Это прямо касается и литературной автобиографии, которая по уже установившейся традиции подразделяется: 1) на литературную автобиографию, где автор, представленный на титульном листе, рассказывает о своем собственном жизненном пути; 2) на автобиографические романы и повести, использующие повествователя, выступающего в двух ипостасях: в повествовании (как его субъект) и в рассказываемой истории (как объект). Такие произведения представляют жизненную историю не автора, заявленного на обложке, а некое «Я» какого-то героя, ведущего свое повествование. В подобных произведениях сообщение порождается на скрещивании документальности (аутентичности) и ее художественного осмысления (фикциональности).

Этот последний вид произведения является предметом исследования данной статьи. Цель – раскрыть соотношение автобиографического (реального) факта и его художественно-эстетического переживания и отображения. Ведь автор, по словам французского исследователя Ф. Лежена, как личность пишущая и публикующая, всегда находится в неустойчивом положении, постоянно балансируя между не-текстом (реальностью) и текстом [Lejen, 1994, *24*].

Задача статьи – показать механизм взаимодействия данных двух констант автобиографического романа и проанализировать мотивы, побуждающие художника делать выбор в пользу того или иного фактора. Материалом исследования служит автобиографический роман Германа Канта «Остановка в пути» [Kant, 1986]. Это выдающееся произведение не только немецкой, но и шире – европейской литературы, в центре которого стоит процесс перевоспитания немецкого солдата, военнопленного, его выход из состояния «одичания», из плена нацистской идеологии и обретения новых гуманистических ценностей. Книга описывает историю солдата Марка Нибура, призванного в конце войны (январь 1945), прослужившего четыре недели, попавшего в плен к русским, затем переданного полякам. При переброске военнопленных из одного лагеря в другой какая-то польская женщина принимает его за того, кто в Люблине убил ее дочь. Марк никогда не был в Люблине, но не может это доказать. Так он становится военным преступником. Далее следуют допросы, холод, голод, тяжелые работы, одиночная камера, общая камера сначала с польскими уголовниками, а затем с немецкими военными преступниками. Однако ошибочная случайность, трагическое недоразумение постепенно становятся спусковым механизмом, приводящим в движение весь мыслительный аппарат наивного парнишки с севера Германии, всю эмоциональную и волевую си-

стему его организма. Вопиющая несправедливость заставляет его не только ежеминутно думать об элементарной борьбе за выживание. Сталкиваясь с самыми разными людьми, он постоянно размышляет над превратностями своей судьбы и, как губка, впитывает самые разнообразные впечатления. Так он постепенно прозревает для осознания страшной истины, а она заключается в том, что случайностью, перевернувшей всю его судьбу, было не то, что его приняли за убийцу, а совершенно иное – то, что в данном конкретном случае он не имел возможности сделать это и не стал прямым убийцей, хотя потенциально по всем параметрам был готов, как солдат гитлеровской армии. Однако к обретению понимания он подходит, проделав свое собственное расследование, проведя его честно, безбоязненно, не дрогнув и не отступив от любых неудобных вопросов, избегая сентиментального сочувствия к самому себе, не делая скидки на смягчающие обстоятельства. Г. Кант мастерски выстраивает точный механизм постижения истины, позволяющий проследить подлинное движение человеческой личности, изменение человека.

«Остановка в пути» – роман эгоцентрический, история, вытекающая из психологического восприятия всего того, что происходит вокруг личности и героя, имеющего опору только в самом себе. Ведь его «местопребывание», «место обитания» (таково, кстати, одно из значений немецкого слова «Der Aufenhalt»), в котором происходит его самоопределение, самоидентификация, – тюрьма, тюремные камеры. Книга, как и большинство произведений Канта, написана на автобиографическом материале. Писатель не раз говорил, что все его главные герои, включая автора, родственники[2]. В отношении героя в этом романе он высказался еще более определенно: Марк Нибур ему ближе, чем все остальные, по душевным переживаниям, по чувству одиночества, по кризису идентичности.

Роман Канта повторяет основные черты биографии автора. Кант, как и его Марк Нибур, родился в 1926 году на севере Германии, оба носят знаменитые фамилии, оба короткое время участвовали в военных действиях, оба были в польском плену (1945–1949), содержались в одной и той же тюрьме; привлекались к работам, описанным в романе. Пленение польскими крестьянами М. Нибура повторяет почти дословно эпизод, происходивший с самим Кантом и описанный им в эссе «Жизнеописание, часть вторая».

Однако история Марка Нибура – не автобиографическое описание жизни Г. Канта. Отличие автобиографического романа, написанного от первого лица, маркируется уже фамилией героя. Фамилия – не случайная деталь, она является важнейшим, по мысли Л. Гинзбург, знаком, сигналом, переводящим читателя из документальной прозы в регистр художественного осмысления фактологического материала. Здесь важна установка самого писателя, художника, декларирующего свободу действия [Гинзбург, 1979, *11*].

[2]См.: Ответственность – одно из главных понятий в жизни: беседа П. Топера с Г. Кантом // Кант Герман. Рассказы и размышления: пер. с нем. М.: Радуга, 1984, С. 313–314.

Этот вопрос был принципиальным для Канта. Он хотел уйти от автобиографии и своей овеянной славой великого философа фамилии, но оставить необходимую «ниточку» связи. Потому он так долго искал для персонажа достаточно известную северонемецкую фамилию, позднее в плену обратившую на себя внимание образованного советского врача, направившего его в госпиталь и спасшего ему, как и в жизни, отмороженную ногу. Он остановился на фамилии Бертольда Нибура, известного историка Античности и государственного деятеля (1776–1831). Точно так же, руководствуясь развитием сюжета, судьбой Марка, трудностями в идентификации личности, писатель сделал местом его рождения местечко Марне на севере Германии, находившееся в зоне оккупации союзников. Более сложный характер носят попытки отмерить точную дозу в соотношении автобиографического правдоподобия и художественного вымысла в конкретных эпизодах. Кант неоднократно заявлял, что вряд ли смог бы разобраться, сам ли он придумал то, что там написано, слышал ли это от других или сам пережил, а может, добавил кто-нибудь четвертый. «Я предполагаю, что чаще всего имеет место именно этот последний случай» [Кант, 1984, *326*]. Высказанные писателем соображения, на наш взгляд, точно отражают творческую природу Канта.

В рамках данной статьи мы будем придерживаться намеченной им схемы и не станем останавливаться на эпизодах, представляющих плод блестящего вымысла автора. К таким относится, например, снискавшая самые большие похвалы критиков прогулка Марка с усталым польским лейтенантом по разбомбленной Варшаве. Разберем другие, демонстрирующие специфику «перетекания» биографически аутентичного в фикционально-художественное. Показателен эпизод главы X романа, где речь идет о первой, самой тяжелой зиме героя-повествователя в польской тюрьме, в одиночной камере. Этот эпизод анализирует в своих воспоминаниях сам Кант, показывая, как увиденное и пережитое, находящееся в творческой копилке автора, выливается в полнокровную, живую сцену, написанную как бы под напором непосредственных переживаний. Простодушный восемнадцатилетний паренек Марк настолько ошарашен обрушившимися на него событиями (плен, обвинение в убийстве), что не может ни понять, ни эмоционально пережить свое новое бытие. Он способен вычленять лишь отдельные эпизоды: постоянный страх, неутихающее чувство голода, леденящий холод, жуткое чувство покинутости и одиночества, жажда человеческого тепла и любви, попытка любыми путями вырваться из леденящего душу плена. Но еще он наделен живым умом и фантазией. Пытаясь оградить себя от стужи и холода в одиночке, он вызывает в памяти другой холод, во время которого ему было тепло и радостно. Так возникает одна из самых поэтичных сцен – встреча Марка и девочки Гритье в зимний студеный день. Они встретились в начале войны в самых прозаических обстоятельствах – в очереди на мельнице за куриным кормом, выдававшимся по талонам (карточкам). Они из разных социальных

слоев: она дочь директора школы, посещавшая гимназию, он из бедной семьи. Они никогда не разговаривали друг с другом. Но жуткий холод заставил Марка перешагнуть все барьеры, протиснуться к Гритье, стоявшей между двух теток, и завести с незнакомкой, которая будто только этого и ждала, разговор. Случилось чудо: на колюще-ледяном ветру они прижались друг к другу и ничто не могло помешать юным Ромео и Джульетте из Марно ощутить тепло друг друга. Ему предстояло еще пять километров везти санки с пятьюдесятью килограммами корма. И вот тогда, увязая в сугробах, с трудом передвигая ноги по бесконечной снежной равнине, Марк почувствовал бесконечное одиночество: он один-одинешенек и только аэростаты в морозном небе. Но в этом снежном краю в его мечтах осталась одна живая душа, Гритье, подоспевшая, чтобы увидеть его мужественную погибель [Кант, 1987, *148–149*].

На первый взгляд, сцена создана художником на одном непосредственном воздействии автобиографических (фактологических) воспоминаний. В действительности, по словам самого Канта, это типичный пример, как обычно работает писатель с мнемоническим материалом. Вот что он пишет в своих воспоминаниях о писательской «кухне». Местом действия этого «морозного» варианта Ромео и Джульетты является мельница. В реальной жизни он лишь однажды вез куриный корм, но не с мельницы, а из банковских бараков. Все происходило не в Марне (он вообще там в своей жизни провел всего два часа), а в Пархиме (Мекленбург), куда семья писателя переехала в начале войны. Аэростаты он видел в Гамбурге, что и побудило семью переехать в более безопасное место. Пронизывающий до костей холод он испытал спустя десятилетия в Берлине на похоронах известного издателя Э. Ровольта, а ближайшим соседом, пытавшимся согреться около него, был известный писатель В. Бредель. Чувство покинутости и вселенского одиночества он пережил однажды в отрочестве во время страшной грозы. Но все эти ощущения и чувства, «застрявшие» в переживаниях, как нельзя лучше пригодились ему для описания истории Марка Нибура в одиночке варшавской тюрьмы. Это, подчеркивает Кант, обычная работа беллетриста, писателя. Он никогда не был знаком с Гритье, никогда не вспоминал какую-то мельницу в мекленбургском захолустье, пока она ему не понадобилась, но уже как мельница в Марне, когда он сочинял для своего коченеющего от холода и голода Марка историю пробуждения первой страсти. Отсюда кантовский парадокс: «Писатель живет невнимательно, иначе он не сможет писать; он может писать, так как он живет внимательно» [Kant, 2003, *68*].

Таким образом, и сам эпизод из романа, и комментарий автора показывают, как работают память и творческая фантазия автора в создании автобиографического романа: художник перегруппировывает свои когнитивные способности и эмоциональные переживания и дает им новую жизнь, привязывая к фигуре конкретного героя.

По-иному используется мнемоническая основа в той сцене романа, где описывается разбор разрушенной стены в варшавском гетто, на территории которого находилась тюрьма Марка (глава XV). Обратимся вначале к автобиографии Канта. Известно, что военнопленный Кант был в той же тюрьме, что и его герой Марк, и многократно участвовал в очистке территории от оставшихся руин. Кант со знанием дела описывает ощущения Марка: его ужас и страх при покачивании стены шестиэтажного дома на ветру, изумление, когда от удара долота в ближайший шов кладки огромный обломок расшатался и рухнул вниз, радость, когда он наловчился обращаться с молотком и долотом и одновременно сидеть на закопченном зубце стены, вообще не пользуясь руками. Он наделяет Марка своей живостью ума и способностью примерять на себя разные ситуации. Немного освоившись на «верхотуре», тот ощутил восхитительное чувство свободы от сокамерников, польских уголовников, и использовал новую ситуацию, чтобы «додумать», как же он попал в такую переделку. Так автор готовит своего героя к эпизоду, играющему в дальнейшем роль спускового механизма для следующего этапа в его развитии: он находит в стене крышку от ящика с грифелями от школьного пенала. Его хозяйкой была какая-то девочка, ее имя еще можно было различить в виньетке из розочек: Ядвига Серп, и год 1934. Сокамерник Марка объясняет ему, что, по-видимому, еврейская девочка жила со своей семьей в этом доме, уничтоженном в 1944 году нацистами. Марк, никогда раньше не размышлявший о тех, кто жил на территории гетто, и почти ничего не знавший о евреях, начинает думать о том, что здесь жили обычные люди; девочка, такая же, как Гритье из Марне; жили, пока не пришли такие, как он, и не умертвили их. Так Марк делает еще один шаг в осознании своей вины.

Кант обладает памятью очень цепкой, мельчайшие детали он передает через точные оттенки. Но, вспоминая о бесчисленных руинах стен, разобранных им, он всегда подчеркивал, что крышки от грифельного ящика никогда не находил. Ее нашел его герой Марк; она оказалась необходимой для того, чтобы поставить вопрос о его невиновности в конкретном убийстве в Люблине в более широкий социально-политический контекст, необходимый для осознания им своей вины. «Стена» приобретает после этой находки поэтическое, художественное значение. Отличие фактологического (автобиографического) от фикционально-поэтического содержит замечание и самого автора: «Кант разбирает развалины, а Нибур нашел пенал» [Кант, 1984, *327*].

Особое место среди эпизодов, являющихся сплавом фактологического (автобиографического) материала и его поэтической обработки, занимают сцены, связанные с русским доктором, женщиной, капитаном Красной армии, лечившей его в госпитале. И в реальности писателя Канта, и в романе повествователь (рассказчик) рассматривает эту встречу как нечто значительное. Однако реальная значимость и ее поэтологическое осмысление существенно различаются.

В романе маленькая «чернявая» еврейка-врач упоминается трижды – во II, III и VI главах. Первые две главы включают ее в развитие сюжета: лечение героя в госпитале, появление капитана в палате во время нападения бандитов. Глава VI находится не в простом соподчинении с прежними эпизодами – она как бы обеспечивает протяженность и глубину развития всей истории: если первые две главы раскрывают среду обитания героя, «барахтающегося» в плену тягот, то глава VI, составляя смысловое единство с двумя другими, намечает перспективу его существования. Повествователь (рассказчик) сам подчеркивает необыденность этого эпизода. Речь идет о последнем посещении врачом Марка Нибура перед тем, как она ушла из его жизни. В тот июльский день врач-капитан еще раз зашла в палату, села на табурет перед его кроватью и, спросив о самочувствии (у него было сильное головокружение), завела беседу на общие темы, помогая ему покинуть состояние плена и болезни, «выбраться на волю или по меньшей мере в сферу раскованности, естественности» [Кант, 1987, *73*]. Предметом их беседы стало слово «немец», вроде бы обычное слово, но как много оно значило в ее устах: немец – это немецкий язык и Лютер. Немец – это немецкий язык и язык Гитлера. Немец – это книгопечатание и Нюрнбергский (расовый) закон, Ульмский собор и разбомбленные церкви Роттердама, Роберт Кох и эвтаназия и т.д. Слово «немец» можно произносить, понял он, на тысячу ладов, с тысячью оттенками в зависимости от того, какой этап в истории связан с этим словом и на какой стороне находишься ты сам. Оценивая задним числом свои немногочисленные разговоры с маленькой женщиной-врачом, он впоследствии, вспоминая, настаивал, что она изменила его жизнь: «Да, я уверен, изменила. Словно бы с той поры во мне что-то лежит наготове, иной раз оно хоть и ворчит, но в нужную минуту не подведет, пробудится и заставит меня вернуться к суждению, которое я уже изложил, заставить пересмотреть его, подвергнуть испытанию, и, глядь, довольно-таки часто я обнаруживаю, что в случаях, когда все, казалось бы, обдумал, возможны и иные точки зрения…» [Там же, *84*]. Сцены с маленькой «чернявой» доктором-капитаном несут, как видно, стержневую идейную нагрузку, они подготавливают известный эпизод с пеналом девочки из гетто Ядвиги Серп, где герой начинает осознавать «неслучайность» своего обвинения в убийстве.

Как же добивается писатель поэтической убедительности художественного высказывания, имеющего в основе фактологический материал? Это один из самых сложных, на наш взгляд, пассажей романа, позволяющих проследить процесс «перетекания» фактологического в поэтическое. Вначале отметим, что сцена последнего разговора с врачом, как никакая другая, подана через восприятие не восемнадцатилетнего испуганного военнопленного – она видится спустя десятилетия зрелому, много пожившему и осмыслившему человеку, воскрешающему в своей памяти и чувствах пережитое. Через большое количество отсылок, отступлений возникает живость, насыщенность и естественность диалога, какой трудно было бы

предположить в 1945 году. За счет отступлений много повидавшего и перечувствовавшего повествователя возникает временная сеть, захватывающая огромное пространство, дающее возможность понять значение этой встречи для Марка.

Другим приемом Канта, придающим художественную весомость тексту, является то, что он описывает событие не прямо «изнутри», а как бы по касательной: не событие, а его ауру, флюиды, то, что происходит позднее, когда круги, расходясь, захватывают все большее пространство. Так художник избегает прямолинейности и упрощения изображения внутреннего переворота героя.

Кант – мастер игры со словом и художник, безукоризненно владеющий сменой повествовательной и временной перспективы; он направляет действие то на переживания восемнадцатилетнего юноши, то на чувства, вспоминающего сорокалетнего. Вся сцена диалога постоянно перебивается временными перемещениями, повествователь воскрешает ее, вызывая в памяти наиболее яркие моменты: характерную позу говорящей с ним женщины, ее лицо, ее жесты, ее манеру говорить: «...мысленным взором я и сейчас вижу, как она сидит, покачиваясь на табуретке <…> она вообще вся тонкая и сидит на табурете так, как сажают художники свою модель, на одной точке <…> а ее взгляд направлен на меня снизу вверх» [Там же, *74*]. Временная и повествовательная перспектива делают возможным принятие еще одной художественной условности; «магический кристалл» времени, сквозь который повествователь воспринимает теперь важнейшую встречу своей жизни, снимает языковой барьер, несомненно существовавший тогда между молодыми людьми. Поток времени смывает все границы между ними: он, простой паренек из немецкого северного захолустья, понимает все тонкости хитросплетения немецкой истории и культуры, раскрытые ему врачом-капитаном. Опытной рукой мастера Кант «снимает» эти сомнения, когда устами уже зрелого повествователя комментирует решающее событие своей юности. Оглядываясь назад на юность, он говорит, что не *слышал* ее – он все «прочел по губам этой женщины и что было написано на ее лице, когда она попыталась произнести слова Deutscher – немец – с верной интонацией, остается чистой догадкой, дополненной задним числом различными предположениями и игрой ума» [Там же, *75*]. Кант сознательно возводит некую грань, отделяющую конкретную, фактическую реальность от ее последующего временного и эмоционального преображения и переосмысления, включающего разные способы освоения: приближение, удаление, оптическое увеличение или уменьшение деталей. Иногда «дымка времени» превращает пережитое почти в сновидение. Перед ним снова и снова возникает маленькая женщина-капитан, сидящая «в какой-то парящей позе»: она сидит, «словно бы невесомо паря в воздухе и смотрит куда-то мимо него» [Там же, *74*]. Во время этой безмолвной речи «ее губы шевелятся, точно вода под легким дуновением ветерка», а он сам, следя за этой немой проверкой слова «немец», мог бы, хотя это утверждение весьма зыбкое, сказать, в каком пункте немецкой истории она в

тот или иной миг пребывает [Там же, *74–76*]. В мерцающем свете временной дистанции повествователь, бросающий из далекого будущего взгляд на переломное событие юности, начинает сомневаться, была ли «немая» беседа с врачихой, запавшая ему в душу, единственной или «эта безмолвная речь была обобщением всех тех разговоров, которыми она пичкала его» [Там же, *76*].

Данное замечание повествователя несет, на наш взгляд, глубокий смысл. Конечно, в конкретной беседе, описанной им, он мог получить важные для него сведения, дающие любознательному уму пищу для размышления. Можно допустить, что это была та самая женщина-врач, которая снимала, как он пишет, гнойные повязки – спасла его ноги и в то же время «освободила его от кое-каких взглядов, словно это были застарелые бинты на ранах» [Там же, *79*]. Однако глубина и систематичность получаемой им информации дает возможность предположить, что речь идет о других «врачевателях» тела и души военнопленного Канта и его alter ego Марка Нибура. Роман посвящен Эдде Тенненбаум и Юстине Серп, учительницам в антифашистской школе варшавского лагеря немецких военнопленных. О них Кант всю свою жизнь хранил благодарную память и постоянно упоминал их как оказавших на него решающее идейно-воспитательное влияние. Думается, что «чернявая» врач-капитан является обобщенным образом всех тех, кто помогал немецкому военнопленному Канту выйти из состояния «одичалости». Этот образ воплощает все самое светлое, что было у него в то горькое время плена. Такой вывод подкрепляется словами повествователя: «ведь откуда мне знать, на самом деле было все это с врачихой и с тональностью, в которой она беззвучно произносила слово “немец” – воображение всегда играло значительную роль в моей жизни, особенно в то время, когда моя жизнь во многих ее значительных частях не слишком-то ясно просматривалась» [Там же, *82*].

Таким образом, роман Г. Канта черпает многое из автобиографии писателя. Однако его повествователь, Марк Нибур, не Герман Кант. Он живет в созданном писателем художественном пространстве, совершает поступки, диктуемые обстоятельствами данного условного пространства. Кант эстетически перерабатывает реальные факты своей собственной жизни и превращает их в художественные детали, чтобы достигнуть основной цели – создать убедительное, образное, поэтическое изображение внутреннего перерождения героя.

ЛИТЕРАТУРА

Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.

Гончарова Е.А. Эгоцентризм как принцип построения литературного текста // Studia Linguistika XIII: языковая картина в зеркале семантики, прагматики и перевода: сб. ст. Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998.

Кант Г. Остановка в пути: пер. с нем. М.: Радуга, 1987.

Кант Г. Рассказы и размышления: пер. с нем. М.: Радуга, 1984.

Стиль и текст: научная монография / Л.М. Нюбина [и др.]; под ред. Л.М. Нюбиной. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018.

Kant H. Abspann. Erinnerung an meine Gegenwart. Berlin, Aufbau, Taschenbuch Verlag, 2003.

Kant H. Der Aufenhalt. Leipzig: Philipp Reclam, 1986.
Lejen P. Der autobiographische Pakt. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994.

R.V. Gurevich
Doctor of Philological Sciences,
Professor,
The German Language Department,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

H. Kant's Autobiographical Novel «The Stay» («Der Aufenthalt», 1976): Fiction and Reality

The theme of Kant's autobiographical novel «The Stay» (Der Aufenthalt, 1976) is the spiritual rebirth of German prisoner of war, a soldier of the Hitlerite army. The article reveals the interaction of two components found in the novel: the fictional and the real ones in depicting this complex psychological process. The analysis of the chapters (X, XV, VI) shows various forms of artistic – aesthetic processing of authentic autobiographical material. In Chapter X the author «collects» his own emotional impressions, experienced by him in different periods of his life (such as cold, loneliness, hunger) and «ties» them to the situation of the main character sitting in a lonely cell in a prison. In Chapter XV he «adds» to real autobiographical facts an important artistic detail – a school pencil case of a Jewish girl killed by Nazis. In Chapter VI Kant makes a masterful use of temporal and narrative distance: the hero estimates the decisive episode of his youth – a conversation with a Russian woman-doctor from the viewpoint of a mature person recalling his life.

Key words: *autobiography; autobiography novel; real biographical fact; authentic; literary detail.*

REFERENCES

Ginzburg L.Ya. About Literary Hero [O literaturnomgeroye] Leningrad, Sovetsky Pisatel'. 1979 (in Russian).

Goncharova Ye.A. Egocentrism as a Principal of Constructing a Literary Text [Egotsentrizm kak printsip postroeniya literaturnogo teksta]. StudiaLingustika XIII: A Linguistic Picture in the Mirror of Semantics, Pragmatics and Translation: a collection of articles [StudiaLinguistika XIII: yazykovayakartina v zerkalesemantiki, pragmatiki i perevoda: sb. st]. Leningrad, The Herzen State Pedagogical University. 1998 (in Russian).

Kant H. Stories and Reflections [Rasskazy i razmyshleniya]. Moscow, Raduga. 1984 (in Russian).

Kant H. The Stay [Ostanovka v puti]. Moscow, Raduga. 1987 (in Russian).

Style and Text: Scientific Monograph [Stil'i tekst: nauchnayamonografiya]. Smolensk, Smolensk State University. 2018 (in Russian).

Kant H. Memories of My Present [Abspann. Erinnerung an meine Gegenwart]. Berlin, Aufbau, Taschenbuch Verlag. 2003 (in German).

Kant H. The Stay [Der Aufenhalt]. Leipzig, Philipp Reclam. 1986 (in German).

Lejen Ph. The Autobiographical Pact [Der autobiographische Pakt]. Frankfurt/M.: Suhrkamp. 1994 (in German).

А.Ю. Абрютина, А.В. Пономарева
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Россия

УДК 81'342

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-128-143

НЕМЕЦКО-АНГЛИЙСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА (на материале речи немцев, изучающих английский язык как иностранный)

Ключевые слова: *Received Pronunciation; Hochdeutsch; фонетика; фонетические нормы; гласный; аллофон*.

Рост популярности контрастивной фонологии как отрасли языкознания связан в первую очередь с распространением двуязычия и мультилингвизма. Глобализация предполагает владение несколькими языками, при изучении которых прежде всего рассматривается фонетический уровень. Цель представленной работы заключается в описании наиболее вероятных последствий интерференции при артикуляции гласных звуков в англоязычной речи немцев, изучающих английский как иностранный. В статье сравниваются монофтонги, дифтонги и трифтонги, рассматриваются возможные вариации при артикуляции звуков, а также процессы редукции, элизии и субституции. Описательный и сравнительный методы выступали в работе как основные, однако для определения отклонений от нормы и характера изменения артикуляции применялся также инструментальный метод. В работе были выявлены тенденции в артикуляции английских звуков немцами, а также причина основных трудностей для изучающих фонетические нормы RP после немецкого как родного языка, а именно качественное и количественное несовпадение аллофонов. Достижение поставленной цели свидетельствует о теоретической значимости данной работы, а именно о возможности дальнейшего проведения обстоятельных исследований в области социофонетики и фоностилистики.

В любом исследовании, целью которого является сравнение двух и более языков, необходимо в первую очередь выделять «целевой язык». Важность этого процесса проявляется в тех случаях, когда в языке сочетаются различные нормы, как, например, в ситуации с английским языком. В связи с тем, что изучение британского варианта английского является приоритетным в отечественных и зарубежных учебных заведениях, а также по причине наиболее стандартизированного и описанного варианта произношения, в качестве объекта изучения данной работы рассматривалась речь информантов, характер использования ими Received Pronunciation (далее –

RP, Британское нормативное произношение). Соответствием RP в немецком языке можно назвать Hochdeutsch (литературный немецкий язык), однако в кругах лингвистов имеются большие разногласия относительно его статуса. Предмет представленного исследования – реализация наиболее проблемных в плане артикуляции гласных, с которыми сталкиваются носители немецкого языка, изучающие английский как иностранный (родной язык информантов (немецкий) в рамках данной работы будет далее обозначаться как L1, а иностранный (английский) – L2).

Цель настоящего исследования – обнаружить и описать наиболее вероятные ошибки при артикуляции гласных звуков в речи немцев, изучающих английский как иностранный. Для достижения цели в исследовании были поставлены следующие задачи:

1) подобрать информантов для проведения анализа речи и последующего составления языкового корпуса исследования;

2) провести анализ артикуляции монофтонгов, дифтонгов и трифтонгов в речи респондентов;

3) выявить причины возникновения основных трудностей для немцев, изучающих фонетические нормы RP;

4) определить основные тенденции изменения характера произношения английских звуков.

С учетом характера исследования метод дисциплинарного анализа, а также описательный и сравнительный методы были выбраны как основные, позволяющие получить необходимые результаты. Аудитивный метод использовался с целью выявить изменения интенсивности звуков и частоты тона при артикуляции. Кроме того, дополнительно был применен инструментальный анализ (посредством программы CoolEdit), верифицирующий и подтверждющий результаты аудитивного метода.

Материалом исследования послужили образцы речи 23 респондентов в количестве 220 записей, полученных в результате структурированного интервью с вопросами, требующими развернутого ответа, предположительно известного информантам. Суммарная длительность записанной звучащей речи составляет 704 минуты. Английский язык изучался информантами в немецких вузах как первый иностранный. Социальная роль и статус участников исследования совпадают: на момент исследования они являлись студентами в возрасте 20–35 лет, представителями одной социальной группы. Социолингвистический анализ не выделяется в данной работе как один из методов, поскольку выборка определенных социальных параметров информантов не входила в задачи исследования. Тем не менее для актуальности дальнейшего рассмотрения затрагиваемой проблематики было бы важно оценить степень влияния возрастного и гендерного факторов на характер артикуляции гласных звуков L2.

Представленная работа затрагивает несколько областей лингвистики. В первую очередь, к ним следует отнести методику преподавания пер-

вого иностранного языка. Эту отрасль научного знания следует называть одной из наиболее важных в языкознании не только с точки зрения обучения определенному языку, но и при рассмотрении мультилингвизма как фонетического, психолингвистического и социокультурного феномена. Уже существующие работы в области интерференции английской и немецкой фонетики можно разделить на исследования методики преподавания иностранного языка и труды, посвященные изучению влияния родного языка на восприятие L2. Дескриптивная оценка языковой компетенции представлена в трудах лишь отдельных исследователей (Э. Гермера [Germer, 1977] и Г. Паское [Pascoe, 1987]).

Отдельное внимание следует обратить на то, что принято понимать под термином «интерференция». На сегодняшний день существует множество определений, начиная с предложенного У. Вайнрайхом, закрепившим понятие в науке. Их объединяет следующее: под интерференцией (в языковых нормах) принято понимать процесс сближения и влияния языков друг на друга, который наиболее ярко проявляется у билингвов в процессе переключения кодов с одного языка на другой.

Другой значимой отраслью языкознания является контрастивная лингвистика, которая включает в себя различные аспекты. Для нас интерес в первую очередь представляют исследования в области фонетики и фонологии, связанные с анализом вокализма немецкого и английского языков. Такие работы в последние годы приобрели популярность среди зарубежных исследовательских центров и институтов, однако для отечественной лингвистики по-прежнему представляют значительную актуальность и новизну, что можно связать с интенсивной глобализацией и ростом количества людей, изучающих несколько иностранных языков.

Не менее важными при сравнении немецкой и английской фонетики являются работы, описывающие особенности отдельно взятых языковых вариантов. При их комплексном рассмотрении становится очевидно, что количество работ, посвященных нормам и фонетическим девиациям в английском языке, превышает и без того немалое число трудов по проблемам немецкой звучащей речи. В качестве основного источника сведений о немецкой фонетической системе и норме Hochdeutsch в данном исследовании выступали труды К. Колера [Kohler, 1995]. Что касается английского языка, то описание RP неразрывно связывают с именем А.С. Джимсона [Gimson, 1994]. Благодаря переработке труда А.С. Джимсона А. Краттендером появилась возможность опираться на первоисточник с учетом внесенных в него актуальных языковых фактов, возникших в процессе становления фонетических норм современного английского языка.

В представленном исследовании было принято решение рассматривать реализацию в речи графем гласных, однако, перед тем как переходить непосредственно к описанию полученных результатов, следует рассмот-

реть материалы, результаты которых послужили основой для дальнейшего описания особенностей артикуляции звуков.

Г. Шерер и А. Воллманн в своей работе «*Englische Phonetik und Phonologie*» представляют контрастивный анализ артикуляции немецких и английских гласных (рис. 1). Заполненные точки соответствуют RP, в то время как незаполненные – Hochdeutsch. При создании рисунка авторы использовали международные фонетические символы. Разделение на центральные и периферийные аллофоны – отдельный пункт исследования [Scherer, 1986].

Учитывая возможные погрешности оборудования, на котором производилась оценка артикуляции звуков и свойственных им характеристик, такие позиционные параметры могут быть весьма приблизительными, как и вокальная трапеция в целом. Согласно авторам, при анализе материала также учитывается автоматическое рассеивание звука. Важным при этом является то, что изображенные позиции могут сформировать представление об интер- и интралингвистических пропорциях. Например, рассмотрение этих пропорций показывает, что вариации гласных в английском языке значительно чаще являются открытыми, чем в немецком. В рамках сравнительно-акустического анализа английского, немецкого, французского и испанского языков Г. Шерер и А. Воллманн описали тенденцию, характерную для всех гласных английского языка: «*The vocalic system of English is more open (low) than those of the three target languages. Its close vowels are less close. Its center of gravity is lower. And its low vowels are more extreme (close to cardinal vowels) than its high vowels, which is not the case with the target languages*» [Scherer, 1986, *214*] («Система гласных английского является более открытой (низкой), чем у трех других целевых языков. Его закрытые гласные менее закрыты. Центр тождественности расположен ниже. Низкие гласные глубже и ближе к кардинальным, чем высокие, что не соответствует сравниваемым языкам»).

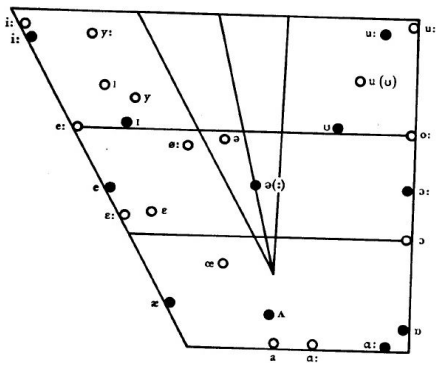

Рис. 1

Таким образом, в немецком языке ощутима тенденция к передним, относительно закрытым гласным. Наравне с более сильным уровнем от-

крытости английских гласных заметна большая степень открытия челюсти. Подобное наблюдение могло бы стать указанием на то, что фактическая реализация звуков может быть связана с нормами артикуляции, которые едва ли можно подробнее описать с помощью диакритики (соответственно, по уровням аллофонов). Вероятно, это связано с тем, что английские округленные гласные, которые по своему количеству уступают немецкому языку, значительно меньше лабиализуются при произношении. Стоит отметить, что эта тенденция обычно не учитывается на уровне аллофонов.

Вне лабораторных условий возможным представляется рассмотрение качественных и количественных вариаций. Задача данной работы – показать, где и как реализуются существующие варианты гласных в немецком и английском языках.

Следует отметить, что при анализе использовались обозначения звуков, предложенные International Phonetic Alphabet (Международный фонетический алфавит), а также транскрипционные знаки, введенные в исследовании С. Бирзак [Biersack, 2002]. Для понимания различий все аллофоны будут сопровождаться вышеназванными диакритическими значками (подобно тому, как отмечаются вторичные кардинальные гласные). Даже в тех случаях, когда отсутствовала необходимость в использовании дополнительных обозначений, их можно считать оправданными: традиционные методы транскрибирования следует сохранять для лучшего определения характеристик произносимой лексической единицы. Ниже приводится описание рассмотренных в ходе настоящего исследования звуков, а именно монофтонгов (гласных фонем, реализованных графемами I, E, Ä, A, O, Ö, U, Ü, а также звука шва и некоторых других центральных аллофонов), дифтонгов и трифтонгов.

Вариации реализации графемы I. В качестве центральных аллофонов английского языка необходимо выделить [i̞ː], [i̝] и [ɪ]; немецкого – [i̞ː], [i] и [ɪ] (с учетом того, что немецкие аллофоны более открыты).

Английский звук [i̞ː] встречается в речи немцев в первую очередь в ударных позициях. При этом он не всегда будет реализоваться как чистый монофтонг, намного чаще – как периферийные аллофоны [ɪi] и [ij], в результате чего *bee* может произноситься как [bij]. Подобные «скользящие» движения не имеют эквивалента в немецком языке.

Английский аллофон [i̝] артикулируется в конечных безударных позициях. Эту реализацию нередко называют «*happY tensing*», поскольку она фактически соответствует графеме <-y>. Особенность заключается в том, что этот феномен является своего рода следствием развития звукового состава RP. Если ранее, в течение многих десятилетий, *happy* произносилось как [hæ'pɪ̞], то сегодня все чаще встречается вариант [hæ'pi̝]. Поскольку в рамках данной работы [i̝] рассматривается как центральный аллофон,

можно столкнуться с проблемой, важной для всей фонетической системы, которой не свойственна субституция [ɪ̯] с количественной точки зрения либо которая должна изменять фонемному принципу и ставить его в парадигматическую оппозицию фонетической реальности.

Другая возможность определения [i̯] как центрального аллофона заключалась, по мнению А.С. Джимсона, в зафиксированном сокращении долготы гласных перед глухими взрывными [Gimson, 1994]. Однако количество эмпирического материала нельзя назвать достаточным, чтобы объяснить применение в этой позиции именно [i̯]. По этой причине его можно относить в категорию периферийных аллофонов, так как частотность его употребления в данной позиции возрастает. Немного другая ситуация при рассмотрении немецкого [i]. В случае с этим звуком не возникают сомнения относительно его статуса центрального аллофона по причине присущих ему определенных позиций артикуляции. Однозначными являются и ограничения в образцах речи немцев, связанные с самим звуком: [i] встречается только в безударных позициях (например, *viel* ['fɪ:l] и *vielleicht* ['fɪ:laɪçt]).

Реализация английского [ɪ̯] до сих пор может встречаться в позиции конечного гласного, наравне с [i̯], несмотря на тенденцию к центральной и закрытой позиции, незначительно отличной от немецкого [ɪ].

Не относится к аспекту реализации тот факт, что при использовании RP в безударных не финальных позициях [ɪ̯] нередко подвергают субституции и артикулируют вместо него [ə]. Соответственно, существуют параллельно варианты произношения ряда слов, среди которых, напр., *useless*: ['juslɪs]/['jusləs], *elephant*: ['elɪfənt]/['eləfənt] и другие. В немецком языке такой феномен в ходе анализа зафиксирован не был.

Вариации реализации графем E и Ä. Соответствующие центральные аллофоны английского языка – [e̯] и [æ'], немецкого – [e], [e:], [ɛ] и [ɛ:].

Данное исследование показало, что английский звук [e̯] является однозначно более открытым, чем немецкий [e:]. Подобную параллель можно провести при сравнении [i] и центрального аллофона [e]. Его описывают как среднее между кардинальными [e] и [ɛ], с тенденцией к переходу в [ɛ] перед [ɹ], поскольку в этой позиции звук приобретает черты периферийного аллофона. Немецкое [e:], соответствующее [e], напротив, совпадает с кардинальными гласными.

Фактически в немецком языке можно наблюдать противоположную тенденцию: пока английские аллофоны «стремятся» к более открытой артикуляции, существующие в немецком вариации графемы Ä, то есть [ɛ:], становятся закрытыми. Все в большем количестве немецких диалектов можно наблюдать сходство звука с [e:] (например, ['me:tçən] вместо

['mɛ:tçən]). Постепенное уменьшение различий может служить причиной того, что у носителей немецкого языка возникнет интерференция и будут трудности с корректным использованием английской фонетической системы, поскольку в этом языке достаточно часто реализуется открытый звук [æ] – *pet* [peṭ] и *pat* [pæ't].

Наравне с необычной для немецкого языка степенью открытости, звук [æ] имеет качественную и количественную особенность. Традиционно [æ] описывают как краткий гласный. Несмотря на это, ряд исследователей констатируют тот факт, что данный звук произносится несколько дольше, чем другие, которые также называют краткими, а перед звонкими согласными приближается по звучанию к долгим гласным [Biersack, 2002]. Следовательно, данный центральный аллофон следовало бы описывать как полудолгий. В качественном аспекте внимания заслуживает вопрос его формирования, поскольку при артикуляции [æ'], по сравнению с немецкими [ɛ] и [ɛ:], характерно сильное напряжение мышц гортани и языка. Они являются частью основных артикуляционных позиций и не могут значительно влиять на уровни аллофонов. Данный звук является, по нашему мнению, самым проблемным для изучающих английский язык.

Вариации реализации графемы А. Среди центральных аллофонов английского языка называют [ʌ] и [ɑ:], немецкого – [a] и [a:].

Английский [ʌ] произносится в результате открытия подбородка и нейтральной позиции губ. С качественной точки зрения звук описывается как средний, несколько поднятый кардинальный [a]. По этой причине нельзя говорить о значительных различиях между [ʌ] и немецкими [a] и [a:], которые также являются средними. Что касается субституции гласных, носители немецкого языка используют вариации до [œ] в случае, если графема или фонема, предполагающая [ʌ], им неизвестна.

В результате инструментального анализа было выявлено, что английский звук [ɑ:] произносится при таком же положении ротового аппарата, как и при артикуляции [ʌ]; различие заключается в высоте их подъема. Положение языка будет значительно отличаться от немецкого [ä:], который некоторые фонологи предлагают как альтернативу [a:].

Вариации реализации графемы О. В английском языке центральными аллофонами являются [ɒ] и [ɔ̹:], в немецком – [o], [o:] и [ɔ].

Английский звук [ɔ̹:] в качественном аспекте расположен между немецкими [o:] и [ɔ], но с меньшим округлением губ. Как показывает тенденция развития вокализма RP, [ɔ̹:] нередко используется вместо [ɔə] и [ʊə], особенно в словах, историческое развитие которых привело к выпа-

дению r, например *sure*. Поскольку существующий в немецком языке краткий аллофон [ɔ] не может реализовываться в финальной позиции, для респондентов, принимающих участие в исследовании и изучающих английский как L2, было непривычно артикулировать данный звук.

Соответствующим вторичным кардинальным гласным немецкого языка можно назвать английский аллофон [ɒ], однако необходимо учитывать, что он является самым задним из всех рассматриваемых немецких звуков. Существование этой вариации можно назвать спецификой RP. В других вариантах английского языка (например, американском английском) отмечается только лабиализованный звук [ɑ:] либо альтернативный [ɔ:], встречающийся в шотландском варианте, например: RP – *bomb* [bɒm], GenAm (General American, американский английский) – *bomb* [bɑ:m].

Вариации реализации графемы U. Центральными аллофонами немецкого языка считают [u], [u:] и [ʊ], в английском – [ʊ̟] и [ʊ̟:].

Данное исследование показало, что английский звук [ʊ̟] и немецкий [ʊ] различаются только степенью открытия челюсти. Параллель к [ʊ̟] имеет только периферийный аллофон [ɤ̞] (например, в случае с *good*: [gɤ̞d] и [gʊd̟]), эквивалент которому в немецком языке не встречается.

В ударном слоге немецкое [u:] может произноситься как [i:], а в безударном [u] нередко выступает как [i]. Параллельно с [ʊ̟:] в RP может существовать [ʊ̈], но в финальной позиции наиболее часто используется [ʊu]: так, в слове *shoe* допустимы две реализации – [ʃu:] и [ʃʊu]. Перед [ɫ] обычно произносится вариант [ʊ̟:], который приобретает черты монофтонга. Эквивалентный дифтонгу [ʊu] аллофон в немецком языке в процессе изучения источников и написания данной работы выявлен не был.

Вариации реализации графем Ö и Ü. В немецком языке существуют центральные аллофоны [ø], [ø:], [œ], [ʏ], [y] и [y:]. Фонетическая система английского языка не обладает лабиализованными гласными переднего ряда, что отразилось в речи немцев, использующих вышеперечисленные звуки в некоторых лексемах, в виде интерференции.

Звук шва и другие центральные аллофоны. В данную категорию следует отнести центральные аллофоны немецкого языка [ə], [ɐ] и английского [ə], [ɜ:].

Шва [ə] будет формироваться в обоих языках практически идентично. При этом [ə] в немецком языке (как минимум при его рассмотрении в качестве центрального аллофона) можно назвать результатом редукции [e], в то время как в английском все безударные гласные реализуются посред-

ством данного звука. Еще одно различие заключается в так называемой «учебной» шва немецкого языка – [ɐ], которая всегда будет подвергаться субституции перед [ʁ] в финальной позиции. Если данному звуку предшествует [ə] – возникает элизия (нем. *bitter* [bɪtʰɐ]), если какой-либо другой гласный – появляется дифтонг (нем. *hier* [hiːɐ]). В английском языке такая позиция приведет к выпадению звука, передаваемого на письме графемой R, и последующей редукции шва (англ. *bitter* [bɪtə]).

Английский [ɜː] не имеет абсолютного аналога в немецком языке. От звука [ə] он отличается долготой и возможностью артикуляции в ударной позиции. Традиционное разделение символов основано на том, что [ɜ] в безударном слоге не становится автоматически эквивалентным [ə] (например, заметны различия в произношении *foreword* ['fɔːwɜːd] и *forward* ['fɔːwəd]). Несмотря на то, что оба могут употребляться в ударном слоге, не допускается реализация [ɜː] как [ɐ].

Дифтонги. В английском языке существует восемь центральных аллофонов, пять из которых являются дифтонгами финальной позиции ([eˈɪ], [aˈɪ], [ɔˈɪ], [əˈʊ], [aˈə]), а три – центральной ([ɪˈə], [eˈə], [ʊˈə]). В немецком языке реализуются три центральных дифтонга – [ɔɪ], [aʊ], [aɪ]; [ə] как составная часть дифтонга в фонетике немецкого языка не используется.

Для понимания приведенной ниже цитаты следует сделать некоторое отступление. В отечественных фонетических школах лингвисты десятилетиями используют устоявшиеся наименования звуков (например, долгие и краткие, глотализированные и геминизированные и т.д.) и их классификацию, упуская из виду зарубежные нововведения в фонетике. Понятия «фортис» и «ленис», рассматриваемые еще с 1957 года исследователями М. Халле, Г. Хагсом и Дж. Рэдли в США, не стали исключением. По нашему мнению, их отсутствие в отечественных трудах лишает фонетистов возможности всесторонне рассмотреть интересующую проблематику в рамках выбранной ими темы. Фортисы и ленисы характеризуются не только степенью напряженности, но и звонкостью артикуляции, аспирацией, глоттализацией, долготой, веляризацией и долготой соседних звуков. При этом звук может представлять собой как фортис, так и ленис, что обозначено в таблице в труде Д. Сильвемана «*On the phonetic and cognitive nature of alveolar stop allophony in American English*» на примере аллофонов /t/ и /d/ (см. табл. 1) [Silverman, 2004, *71*].

Таблица 1

Аллофоны американского варианта английского языка /t/ и /d/

Позиция в слове	Ленис			Фортис		
	звук	пример		звук	пример	
Инициальная	[d̥]	[ˈd̥ăk̚]	dock	[tʰ]	[ˈtʰăp̚]	top
Финальная		[ˈnad̥]	nod	[V̆t̚]	[ˈnăt̚]	knot
				[Vˀt̚]	[ˈnăˀt̚]	
				[Vʔ]	[ˈnăʔ]	
Начальная в ударном слоге	[d]	[əˈdăpt]	adopt	[tʰ]	[əˈtʰăp̚]	atop
Безударная позиция	[Vɾ]	[ˈaɾɹ̩]*	odder	[ɾ]	[ˈăɾɹ̩]	otter
	[V̆ɾ]	[ˈ ăɾɹ̩]				
После [s]*				[t]	[ˈstăp̚]	stop

* в зависимости от диалекта /t/ и /d/ могут не нейтрализоваться посредством колебания, при этом различие проявляется за счет долготы предыдущего гласного.

**различие между /t/ и /d/ после [s] стирается.

Динамическое различие между дифтонгами двух языков описывали Г. Шерер и А. Воллманн: «*Germanische Diphthonge sind fallend, d.h. der erste Vokal hat mehr Nachdruck als der zweite. Er ist im Deutschen kurz, im Englischen gedehnt. Die Dehnung ist vor einer Lenis größer (side [saɪd]), vor einer Fortis geringer (sight [saɪt])*» [Scherer, 1986, *168*]. (Немецкие дифтонги являются нисходящими, то есть первый гласный принимает ударение в большей мере, чем второй. В немецком он краткий, в английском – долгий. Долгота перед ленисами увеличивается (side [saɪd]), а перед фортисами уменьшается (sight [saɪt])). Согласно авторам, различие между восходящими и нисходящими дифтонгами заключается в увеличении долготы артикуляции определенной составляющей, имеющей «слоговую ценность». В нисходящих дифтонгах вторая часть не является ударной, а в восходящих – первая часть.

Согласно этому разделению немецкие и английские дифтонги практически идентичны (исключение составляют только [ɪə] и [ʊə]). Однако различия в долготе и, соответственно, интенсивности между первым и вторым компонентами дифтонга можно назвать, согласно результатам данной работы, весомым различием между языками. Они, как уже упоминалось, являются причиной того, что дифтонг [aʊ] будет по-разному звучать в англ. *House* [haˈʊs] и нем. *Haus* [haʊs]. Употребляемый диакритический знак, обозначающий «полудолгий» гласный звук, может показывать заметные различия в артикуляции. Отметим, что в приведенной выше цитате Г. Шерера и А. Воллманна авторам удалось показать различия в долготе среди английских

дифтонгов посредством рассмотрения отношения между первым и вторым компонентами. Как и в случае с монофтонгами, влияние на произношение оказывает последующий глухой либо звонкий гласный.

Важнейшим аспектом качественных вариаций английских дифтонгов является возможность выбирать «точку начала» артикуляции. Сложностью при изучении английского как L2 может оказаться произношение дифтонга [ə'ʊ] с середины звука либо прерывание [ɪ'ə], [e'ə], [ʊ'ə] в центре. Данный феномен описан в труде А.С. Джимсона «Gimson's Pronunciation of English» [Gimson, 1994].

Другие варианты периферийных аллофонов можно классифицировать по группам и анализировать с учетом схожих составляющих. Так, например, [ɪ] как второй компонент в некоторых образцах речи респондентов мог подвергаться аферезе перед [ɫ] в результате изменения положения речевого аппарата. Параллельно со стандартными вариантами произношения слов с упомянутыми дифтонгами существуют и допустимые вариации (например, *teil* [teɪl]/[teːᵊɫ]). Характер артикуляции [ɪ'ə] и [ʊ'ə] является достаточно близким, и при смещении начальной точки дифтонга в немецкой звучащей речи возникает опасность их совмещения. При этом [a'ʊ] будет варьироваться только в зависимости от ряда, не имея какого-либо отношения к подъему, в то время как [ə'ʊ] может перенимать характер монофтонга: например, [ə] в словах *window* ['wɪn̩də] и *pillow* ['pɪl̩ə], вместо привычных форм ['wɪn̩də'ʊ] и ['pɪl̩ə'ʊ]. Центральные дифтонги [ɪ'ə] и [ʊ'ə], как уже говорилось, являются исключением: они могут проявлять себя в качестве обычных дифтонгов с ударением на первый компонент ([hɪ'ə]), но в безударной позиции нередко выступают как восходящие. Другая особенность относится к дифтонгу [ʊ'ə], поскольку эта форма в ряде слов может замещаться монофтонгом [ɔ̝ː] ([ʃɔ̝ː]). Несмотря на то, что субституция в данном случае не является частым явлением, она допустима согласно нормам RP. К группе центральных дифтонгов принадлежит восходящий [e'ə], который также подвергается субституции монофтонгом [ɛ̝ː] – *care* [ke'ə]/[kɛ̝ː]. Как и в случае с другими отсутствующими в немецком языке звуками, его артикуляция может стать проблемной для лиц, изучающих язык.

Обычно именно количество английских дифтонгов приводит к интерференции, а именно к продуктивным и перцептивным трудностям у носителей немецкого языка. Одно из практических правил фонологии говорит о том, что только звуки родного языка могут легко восприниматься в иностранном. Дифтонги и некоторые монофтонги, в которых в первую

очередь преобладают «скользящие движения» (например, [i̯:] и [u̯:]), являются наиболее проблемными для немцев из всего состава английских звуков. Н.С. Трубецкой сделал важные замечания в этой области. Он рассматривал разделение английских монофтонгов на краткие и долгие как основополагающее в фонологии, но на тот момент недостаточно систематизированное, и отмечал, что английское понятие «качества» – центральное составляющее этого разделения – не является ничем иным, как проявлением просодической связи типа «оппозиция». По его мнению, «“кратким” является гласный, который при его произношении прерывается следующим согласным; “долгим” является гласный с беспрепятственной полной артикуляцией. Из описания Джоунза следует, что среди гласных с полной артикуляцией только a: и ə: не имеют дифтонгических вариантов» [Трубецкой, 1960]. Исследователь продолжает свою мысль, утверждая, что «в современном английском языке нельзя обнаружить принципиальной разницы между “истинными” дифтонгами и “долгими монофтонгами” (кроме /a:/ и /ə:/): и те, и другие являются гласными фонемами с полной артикуляцией и подвижным раствором» [Там же].

Ряд других работ (например, исследования С. Бирзак [Biersack, 2002] и Г. Паское [Pascoe, 1987]), рассматривающих использование английского языка в качестве L2 после родного немецкого (количество дифтонгов которого составляет менее половины от английского состава гласных), подтверждает тезис Н.С. Трубецкого: «*Besonders verwickelte Probleme ergeben sich bei den Diphthongen der englischen Sprache*» («Особенно сложные проблемы возникают с дифтонгами английского языка») [Трубецкой, 1960].

Трифтонги. Как показало настоящее исследование, все английские дифтонги финальной позиции могут преобразовываться в трифтонги посредством [ə]: [aˈɪə] в *tire*, [eˈɪə] в *slayer*, [ɔˈɪə] в *employer*, [aˈʊə] в *flower* и [əˈʊə] в слове *slower*. Они могут возникать как в пределах одной морфемы, так и на границе морфем.

Когда трифтонг встречается в одной морфеме, может начаться постепенная редукция. Первым шагом является элизия центрального элемента с увеличением долготы периферийного. Этот феномен обычно называют «*smoothing*». Его результатом становится возникновение таких форм, как *tire* [ta:ə] и *slayer* [sle:ə]. По этой причине при сокращении [əˈʊə] будет обычно оставаться только долгий шва, в результате чего при транскрибировании будет употребляться [ɜ:] – *slayer* [slɜ:]. Вторым шагом в случае с некоторыми гласными будет выступать монофтонгизация: [aˈɪə]→[a:ə]→[a:]. Этот процесс также возможен с трифтонгом [eˈɪə]. Примеры можно часто заметить на границе слов, учитывая современную тен-

денцию к сокращению и выпадению центрального элемента: *way up* чаще произносится как [weɪ̯:ʌp], чем [we'ɪ ʌp]. Эти процессы редукции могут служить доказательством того, что центральный элемент английских трифтонгов находится в слабой позиции.

В немецком языке трифтонги появляются в первую очередь как результат слияния дифтонга и [ɐ]. Трифтонг может располагаться в пределах одной морфемы или на границе морфем, но не на границе слов. Это ограничение возникает автоматически, как следствие присущих немецкому языку твердых приступов: для определения различий следует сравнить английскую фразу *Buy a house* [ba:ə'ha'ʊs] с немецкой *Bau am Haus* [ˌbaʊʔam'haʊs]. Описание немецких трифтонгов на данный момент нельзя назвать полностью завершенным, что делает эту тему актуальной для дальнейшего изучения. По мнению С. Бирзак, в немецком языке присутствует тенденция к сдвигу скользящих элементов: *Säue* ['zɔɪə]→['zɔɪjə], *Bauer* ['baʊɐ]→['baʊwɐ]. Кроме того, можно назвать вероятной элизию центрального элемента трифтонга, как и в английском языке [Biersack, 2002].

Реализация центральных гласных и дифтонгов наглядно представлена в таблице 2, иллюстрирующей особенности вокализма немецкого и английского языков в сравнении.

Таблица 2

Сравнительная характеристика гласных

Англ.	iɪ̯:	-	ɪɪ̯	-	-	ʌ	ɑ:	-	eɪ̯	-	-	ə	æ'	-
Нем.	iɪ̯	i	ɪ	a:	a	-	-	e:	e	ɛ:	ɛ	ə	-	ɐ

Англ.	-	-	-	ɜ:	ʊɪ̯	-	-	-	uɪ̯:	-	ɒ	-	-	ɔɪ̯	-
Нем.	ʏ	y	y:	-	ʊ	ø:	ø	œ	u:	u	-	o	o:	-	ɔ

Англ.	e'ə	e'ɪ	a'ɪ	a'ʊ	ɔ'ɪ	ə'ʊ	ɪ'ə	ʊ'ə	
Нем.	-	-	aɪ	aʊ	ɔɪ	-	-	-	

В ходе формирования данной таблицы учитывались не только результаты настоящего исследования, но и опыт предыдущих трудов в области контрастивной фонологии [Петренко, 2019; Biersack, 2002; Kohler, 1995; Pascoe, 1986].

В ходе проведения контрастивного анализа и описания наиболее частых ошибок при артикуляции гласных звуков в речи немцев, изучающих английский как иностранный, было выявлено следующее:

1) причиной основных трудностей для изучающих фонетические нормы RP после немецкого как родного языка является качественное и количественное несовпадение аллофонов;

2) при произношении английских дифтонгов носителями немецкого языка нередко (у 8 из 23 информантов) возникает монофтонгизация звуков;

3) речи представителей экспериментальной группы было свойственно изменение долготы и, соответственно, интенсивности артикуляции английских дифтонгов (зафиксированно 157 случаев);

4) из всего состава английских звуков наиболее проблемными для артикуляции в речи студентов оказались дифтонги и некоторые монофтонги ([i̯ː] и [u̯ː], [æ']);

5) для речи носителей немецкого языка характерна тенденция лабиализации английских звуков (проявлялась в некоторой степени у всех 23 участников исследования).

Подобные исследования являются ключевыми для последующего развития контрастивной фонологии, понимания причин интерференции в области вокализма и последующего уменьшения ее проявлений. Перспективы дальнейшей работы в данной отрасли включают моделирование образовательных программ с учетом полученных результатов, что позволит уменьшить проявления интерференции между немецким и английским языками. Совместное рассмотрение проблем контрастивной лингвистики и методики преподавания иностранных языков является, по нашему мнению, одним из наиболее актуальных направлений развития языкознания в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

Петренко Д.А., Абрютина А.Ю. Особенности ассимиляции, редукции и просодии (на материале английского и немецкого языков) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5(71), № 1. С. 183–190.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.

Biersack S. Systematische Aussprachefehler deutscher Muttersprachler im Englischen – Eine phonetisch-phonologische Bestandsaufnahme // Forschungsberichte des Instituts für Phonetik und Sprachliche Kommunikation der Universität München (FIPKM), № 39. München, 2002. S. 37–130.

Germer E. Deutsche Mundart und englische Aussprache. Berlin: Cornelsen-Velhagen & Clasing, 1977. 80 S.

Gimson A.C. Gimson's Pronunciation of English. Revised by Alan Cruttenden. London: Arnold, 1994. 360 S.

Kohler K. Einführung in die Phonetik des Deutschen. 2. neubearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt, 1995. 249 S.

Pascoe G. Die Aussprache des Englischen an bayerischen Schulen: Untersuchungen an Gymnasien, Realschulen und Hauptschulen. München: Profil, 1987. 587 S.

Scherer G., Wollmann. A. Englische Phonetik und Phonologie. Berlin: Erich Schmidt, 1986. 375 S.

Silverman D., On the phonetic and cognitive nature of alveolar stop allophony in American English // Cognitive Linguistics. 2004. 15(1). P. 69–93.

A.Yu. Abryutina
Master Student,
Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics,
Institute of Foreign Philology,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

A.V. Ponomareva
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of German Philology,
Institute of Foreign Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

German-English Interference in the Field of Vocalism (Based on the Speech of Germans who Study English as a Foreign Language)

The growing popularity of contrastive phonology as a branch of linguistics is seen now, in particular, due to the spread of bilingualism and multilingualism. Globalization involves the ability to speak several languages, in the study of which the phonetic level is primarily considered. The purpose of this work is to examine and describe the most likely consequences arising from interference in the articulation of vowel sounds in the English-language speech of Germans who study English as a foreign language.

The article deals with monophthongs, diphthongs, and triphthongs, discusses possible variations in the articulation of sounds, as well as the processes of reduction, elision, and substitution. Descriptive and comparative methods are the leading ones in the work, however, the instrumental method is also used to determine deviations from the norm and the nature of changes in articulation.

The paper identifies a number of trends in the articulation of English sounds by Germans and reveals the reasons of the main difficulties which students face while studying phonetic norms of RP and speaking German as their native language, i.e. the qualitative and quantitative mismatch of allophones. The achievement of this goal testifies to the theoretical significance of this work, namely, the possibility of further detailed research in the field of sociophonetics and phonostylistics.

Key words: *Received Pronunciation; High German (Hochdeutsch); phonetics; phonetic norms; vowel; allophone.*

REFERENCES

Petrenko D.A., Abryutina A.Yu. Features of Assimilation, Reduction and Prosody (Based on the Material of English as a Second Language) [Osobennosti assimilyatsii reduktsii i prosodii (na materiale angliiskogo i nemetskogo iazykov)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2019, no. 1, Issue 5 (71), pp. 183–190 (in Russian).

Trubetskoi N.S. Basis of Phonology [Osnovy fonologii]. Moscow, The Foreign Languages Publishing House. 1960. 372 p. (in Russian).

Biersack S. Systematic Pronunciation Mistakes of German Native Speakers in English – A Phonetic-Phonological Inventory [Systematische Aussprachefehler deutscher Muttersprachler im Englischen – Eine phonetisch-phonologische Bestandsaufnahme]. München, *Research reports of Phonetic and Phonology Institute of München University (FIPKM)*, 2002, no. 39, pp. 37–130 (in German).

Germer E. German Dialect and English Pronunciation [Deutsche Mundart und englische Aussprache]. Berlin, *Cornelsen-Velhagen & Clasing*. 1977. 80 p. (in German).

Gimson A.C. Gimson's Pronunciation of English. Revised by Alan Cruttenden. London, Arnold. 1994. 360 p. (in English).

Kohler K. Introduction to the Phonetics of German [Einführung in die Phonetik des Deutschen]. 2nd revised edition. Berlin, Erich Schmidt. 1995. 249 p. (in German).

Pascoe G. The Pronunciation of English at Bavarian Schools: Examinations at Grammar Schools, Secondary Schools and Hauptschulen [Die Aussprache des Englischen an bayerischen Schulen: Untersuchungen an Gymnasien, Realschulen und Hauptschulen]. München, Profil. 1987. 587 p. (in German).

Scherer G. English Phonetics and Phonology [Englische Phonetik und Phonologie]. Berlin, Erich Schmidt. 1986. 375 p. (in German).

Silverman D. On the Phonetic and Cognitive Nature of Alveolar Stop Allophony in American English. San Jose State University, *Cognitive Linguistics*, 2004, no. 15, pp. 69–93 (in English).

О.Д. Колокольникова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.111

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-143-155

ОСНОВА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОБЕРТА БРИДЖЕСА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ

Ключевые слова: *метафора; концептосфера; частотное ядро; концепт-источник; концепт-цель; Роберт Бриджес.*

Метафорическая система автора является важной чертой индивидуального стиля. Исследования метафоры позволяют получить представление об особенностях ментальной картины мира автора или его концептосферы. В данной работе рассматривается метафорическая система в позднем творчестве Роберта Бриджеса, поэта-лауреата, выда-

ющегося представителя английской поэзии конца XIX – начала XX веков. В статье основное внимание уделяется наиболее частотным концептам-целям и концептам-источникам, то есть феноменам, которые привлекли наибольший интерес поэта и, по его мнению, нуждаются в переосмыслении, и концептам, интуитивно более понятным с точки зрения автора.

В результате анализа метафоры в стихотворных произведениях Бриджеса мы получили данные о специфике концептосферы, реализованной в поздней лирике автора, а также выявили и описали наиболее частотные концепты в позиции цели и в позиции источника. На основе полученных данных произведено сравнение особенностей метафорической интерпретации в поздней и ранней лирике автора, выявлены схожие черты и различия, сделаны выводы об изменениях в авторской картине мира.

Исследованием различных аспектов идиостиля в разное время занимались многие отечественные лингвисты, такие как В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров, Ю.М. Тынянов и некоторые другие.

В данном исследовании под индивидуальным стилем подразумевается «типичный для какого-либо писателя набор приемов использования средств языка» [Словарь-справочник, 1976]. При анализе индивидуального авторского стиля из различных характерных для него параметров языка можно вычленить ряд устойчивых признаков, которые однозначно определяют индивидуальный стиль и противопоставляют его идиостилям других писателей, а также признаки, отражающие развитие стиля [Андреев, 2010; 2008].

Исследование индивидуального стиля авторов показывает ментальную картину мира создателя текста, позволяет изучить специфику восприятия мира определенным автором и обнаружить в его сознании ментальные структуры по их представленности в произведениях [Андреев, 2012].

Выделяют разные приемы и методы описания индивидуального стиля, но проблема изменений, происходящих в течение жизни в совокупности языковых средств автора и в манере их сочетания, является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике.

Метафорическая система автора считается одной из наиболее важных черт индивидуального стиля. Метафоризация, по данным недавних лингвистических исследований, обладает непосредственной связью со спецификой внутреннего мира и понятийной системой создателя текста. Как неотъемлемая часть человеческого познания метафора обеспечивает процесс восприятия, мышления и жизнедеятельности общества [Лакофф, Джонсон, 2004, *25*]. Метафора имеет тесную связь с событиями жизни ее создателя и, следовательно, может показать особенности авторской концептосферы [Там же, *156*].

В широком смысле слова под метафорой понимается то или иное соотнесение или сравнение неоднородных в общепринятом понимании концептов, произведенное при помощи выразительных средств языка. Из этого

следует, что в авторскую концептосферу включены концепты, посредством которых образуются метафорические модели – двусоставные структуры, в одной части которых находится то, что сопоставляется (концепт-цель), а в другой части расположено то, с чем происходит сравнение (концепт-источник) [Там же]. Привлечение данного подхода позволяет эксплицитно оценить авторские предпочтения, реализующиеся как частотность репрезентации концептов в тексте, и получить количественные, то есть объективные, проверяемые и сопоставимые данные о стиле. Это, в свою очередь, позволит создать базу для решения дальнейших вопросов атрибуции, периодизации и других практических задач [Андреев, 2016; 2019].

Целью данного исследования является анализ концептосферы, представленной в поздней лирике яркого представителя поэзии Англии конца XIX – начала XX века, поэта-лауреата Роберта Бриджеса. Основное внимание в данной работе мы уделили наиболее частотным концептам-целям и концептам-источникам, то есть явлениям, привлекшим наибольшее внимание автора и нуждающимся, на его взгляд, в переосмысливании, и феноменам, подсознательно более простым, по мнению поэта [Андреев, 2012]. Выборка из поздних лирических сборников Роберта Бриджеса, таких как «October and other poems» [Bridges, 1913] и «Poetical works of Robert Bridges» [Bridges, 1920], является материалом исследования. Объем выборки составил 100% из обоих сборников.

В приведенных в исследовании примерах концепт-цель выделяется курсивом, а концепт-источник – подчеркивается.

В текстах второго периода творчества Бриджеса наиболее представленными в позиции цели являются концепты Психическая сфера, Пространство, Орган и Социальное.

Наиболее частотным в функции цели выступает концепт Психическая сфера. Он является мегаконцептом, включающим в себя совокупность концептов, представляющих различные чувства, состояния, психические явления и процессы умственной деятельности. Объединенные по подобию, данные концепты считаются за один элемент концептуальной системы.

В соответствии с полученными нами данными можно заключить, что абсолютным лидером по частотности среди концептов-источников является мегаконцепт Существа. Остальная часть частотного ядра концептов-источников включает Психическую сферу, Социальное и Пространство.

Таким образом, Психическая сфера, Пространство и Социальное являются наиболее частотными элементами концептосферы как в позиции цели, так и в позиции источника. Активность концепта Психическая сфера в позиции цели и в позиции источника практически совпадает. Концепт Пространство в позиции цели более чем в четыре раза активнее, чем в позиции источника. Концепт Социальное в позиции цели в два раза активнее, чем в позиции источника.

Данные факты, по-видимому, говорят о том, что в фокусе внимания Бриджеса в поздней лирике по-прежнему находится внутренний мир человека: автор уделяет большое внимание чувствам и переживаниям своих героев. Высокая активность концепта Пространство объясняется тем, что в произведениях второго периода Бриджес часто использует географические наименования, а именно названия стран, вовлеченных в Первую мировую войну, в том числе родину автора. Например, England, Britain, France, Germany, China, Scotia. Кроме того, Бриджес описывает географические особенности и природу не только Англии, но и вышеупомянутых стран. Военные действия, в которых участвовали Англия и ряд европейских стран, оказали сильное влияние на творчество автора. В данный период Бриджес создал достаточно много патриотических стихов, призванных поднять дух английского народа. В связи с этим сильно возросла и активность концепта Социальное: *Peace* shall come as a flood upon all mankind («Christmas Eve, 1917»); Who rallied at *War's* far-thundering call <…> When England stood with her back to the wall («To Australia»); England in her far nothern sea <…> Fashion'd the jewel of *Liberty* («England to India»).

Концепт Существа по-прежнему является лидирующим в позиции источника и не входит в частотное ядро концептов-целей, а остальные концепты, составляющие частотное ядро концептов-целей (Орган, Свет, Время, Растения), не входят в частотное ядро концептов-источников.

Рассмотрим особенности лексической репрезентации макроконцепта Психическая сфера в позиции цели. В него включены такие концепты, как Чувства, Состояния, Ментальная сфера. Людские чувства занимают центральную позицию в данной системе.

Концепт Психическая сфера реализуется обширным кругом лексики: названиями различных чувств (love, hate, spite, desire, distress, sorrow, greed, terror), состояний (faith, suffering, passion, patience, hope, sloth, fatigue, incertainty), эмоций (joy, pleasure, dismay), мыслительных актов (plan, thought, dreams, ideas). В качестве лексических репрезентантов автор использует лексику и с положительной (faith, dreams, pleasure), и с отрицательной коннотацией (sorrow, distress, fatigue), причем превалируют чувства и состояния человека с негативным модусом. Тенденция к реализации слов с отрицательной коннотацией в качестве цели в метафорической модели коррелирует с общей пессимистической тональностью поздней лирики Бриджеса. Она, в свою очередь, вероятнее всего вызвана социальной напряженностью в стране. Поэт пишет о людских страданиях и призывает Англию отстаивать свою честь: And *Hate* with gasping mouth <…> Contented as mankind longeth to be («Hell and Hate»); Much *suffering* shall cleanse thee («Wake up, England»).

Лидирующим репрезентантом концепта Психическая сфера, как и в первом периоде, является слово *любовь* (love): The lady who led my boyish

love («Hell and Hate»); When my *love* of beauty <…> is met by beauty's love («The Flowering Tree»); Each to *Love's* cradle his own gift («England to India»).

Вторым по частотности лексическим репрезентантом выступает абсолютный антоним слова love – лексема hate: And *Hate* with grasping mouth <…> Not merry as children are («Hell and Hate»); And *Hate* with a grasping mouth <…> Striving to seize two children fair («So Sweet Love Seemed»).

В своих произведениях Бриджес противопоставляет любовь и ненависть и олицетворяет их. Например, в произведении «Hell and Hate» автор называет ненависть и злобу двумя демонами, а веру – ангелом, который охраняет человеческую любовь:

Two demons thrust their arms out over the world,
Hell with a ruddy torch of fire,
And *Hate* with gasping mouth
<…>
Then knew I the Angel *Faith*,
Who was guarding human Love.
(«Hell and Hate»)

В целом в своей поздней лирике автор часто одушевляет явления психической сферы: Hell (ад), Hate (ненависть), Love (любовь), Faith (вера).

Следующим по частотности лексическим репрезентантом является hope (надежда): All the world's *hope* lay («Poor Child»); Doth fair *hope* your toil requite («To Percy Buck»); Soon in his heart new *hopes* awoke («The Excellent Way»).

В мегаконцепте Психическая сфера после наименований различных чувств на втором месте по частотности, как и в первом периоде, находятся элементы ментальной сферы. В поздней лирике автора наиболее частотными репрезентантами ментальной сферы являются слова mind и thought:

Footsteps of eternal *mind* («October»); A bloom of the *mind* («A Vignette»); Where *thought* is lost in going free <…> prisoned but by infinity («The Excellent Way); An answering *thought* within me springeth («A Vignette»).

Кроме того, в число наиболее частотных репрезентантов концепта Психическая сфера входит слово spirit:

A *spirit* whose eyes are possest («In Still Midsummer Night»); The *spirit* that watcheth in me even in my sleep («To Those Floyed»).

Роберт Бриджес придает большое значение внутреннему миру человека, его чувствам, эмоциям и переживаниям. Об этом, возможно, свидетельствует то, что многие репрезентанты концепта Психическая сфера автор пишет с большой буквы:

Who was guarding human *Love* («Hell and Hate»);

And *Hate* with a grasping mouth («Hell and Hate»);

Various as Nature is man's *Mind* («England to India»).

Таким образом, лидером в позиции цели в метафорической модели является мегаконцепт Психическая сфера, к которому относятся психические состояния и человеческие чувства (hate, hope, love, pleasure, greed, desire, sorrow), и элементы ментальной деятельности (ideas, thought, dreams). Лексема love занимает лидирующую позицию среди репрезентантов и появляется в 18% случаев, далее следуют hate (10%), mind (9%), thought (8%), spirit (7%). Словарные единицы с отрицательной коннотацией появляются более чем в половине образов (58%).

В большинстве случаев концепт Психическая сфера сопоставляется с концептом Существа в функции источника, в то время как этот концепт обычно представлен не существительными, а глаголами, выражающими привычные действия для людей и животных: My *spirit* giving («A Vignette»); What mystery of the heart can so surprise <…> The *mirth* and music of thy brimming eyes («Millicent»). Концепт-источник, сочетающийся с концептом Психическая сфера в позиции цели, редко представлен существительными и прилагательными.

Таким образом, Бриджес наделяет человеческие чувства и мысли собственной активностью, способностью встречаться, бороться, бежать, вести, охранять, освежать, кормить, утешать, почитать и т.п.

Кроме того, Психическая сфера представлена среди наиболее активных концептов не только в левой, но и в правой части образов. Как и в первом периоде, в функции концепта-цели Психическая сфера занимает лидирующую позицию, а в функции концепта-источника стоит на втором месте по частотности, являясь вторым лидирующим концептом после концепта Существа.

Наиболее распространены следующие метафорические модели:

– Психическая сфера – Пространство: Came on the path of God's *desire* («England to India);

– Психическая сфера – Строение: A wall of *terror* in a night of cold («Melancholia»);

– Психическая сфера – Социальное: In the vision of Beauty, and the *Spirit's* law («To the United States of America»);

– Психическая сфера – Психическая сфера: And *Hate* with gasping mouth <…> Happy were both, of peaceful mien («Hell and Hate»).

Концепт Психическая сфера также достаточно часто сочетается с концептами Орган, Экзистенция и Свет в позиции источника.

Специфика образного мира автора может проявляться не только в наиболее распространенных, но и в неожиданных метафорах, в которых осуществляется метафорический перенос структуры и характеристик не с конкретного концепта на абстрактный, а в обратном направлении – с абстрактного на конкретный, особенно если последний хорошо знаком читателю.

Описанные образы встречаются в единичных случаях, однако по ним можно судить о масштабе интереса автора к окружающему миру – использовав привычные образы его концептуализации, он не останавливается на этом и сопоставляет природные феномены с более сложными для восприятия абстрактными сущностями. Так, во втором периоде творчества автора концепт Психическая сфера сопоставляется с Тканью, Едой, Природой, Контейнером, Миром, Временем, Орудием и Водой. Такие модели образов являются уникальными и встречаются в текстах раннего периода творчества Бриджеса только один раз.

Интересно, что концепт Психическая сфера находится в частотном ядре как в позиции цели, так и в позиции источника. Однако в позиции цели данный концепт используется автором чаще.

Следующий ранг частотности в качестве интерпретируемого поэтом элемента концептосферы занимает концепт Пространство, поднявшейся в списке на три позиции.

Повышение активности данного концепта, возможно, объясняется тем, что во втором периоде творчества Бриджеса произошли изменения в тематике произведений автора. Данный поворот может являться причиной и объяснять рост частотности другого элемента концептосферы – концепта Социальное. Во время Первой мировой войны Бриджес проявлял интерес к социально-политическим вопросам и посвятил многие из своих работ проблемам сопротивления Англии ее противникам, а также придания силы и веры в светлое будущее английскому народу. В результате анализа, действительно, было установлено, что лидирующими лексемами, репрезентирующими в данном периоде концепт Пространство, являются такие слова, как Britain, England, Italy, France, Germany, China, Scotia. Если в ранней лирике автора данный концепт осмыслялся главным образом как небесное пространство и земные ландшафты, то теперь – как определенная страна.

Концепт Пространство реализуется как с помощью лексики, обозначающей земное пространство (England, land, landscape, country), так и посредством лексики, описывающей пространство небесное (sky, space, clouds). Соотношение земного и небесного пространства склоняется в пользу земного (82% и 17% соответственно). Лидирующим по частотности репрезентантом является слово England (Англия), составляющее 35% всех репрезентантов: When *England* stood with her back to the wall («To Australia»); That crown *England* so far («Christmas Eve, 1913»).

Вторым по частотности репрезентантом является лексема land (земля): *Land*, whence Freedom far and lone <…> mother, weep not for my death («Britannia Victrix»); *Land* of the Lily and mystic Vine («England to India»).

Спектр лексики, репрезентирующей земное пространство, значительно шире, чем спектр слов, описывающих пространство небесное. Как указывалось выше, автор зачастую использует лексику, обозначающую

названия стран и географических реалий (England, Britain, France, Germany, China, Scotia, Trafalgar Square, Orkneys, Hellas, Floyd). Вследствие этого концепт Пространство земное репрезентирован в основном лексикой, обозначающей открытые крупные земные пространства в горизонтальном измерении, имеющие эксплицитно выраженные границы (England, France, country, city и т.п.).

Концепт Пространство небесное репрезентирован по большей части словами sky (небо), Hell (ад) и Heaven (рай):

To soft lakes of blue *sky* («The Flowering Tree»);

Hell with a ruddy torch of fire <…> Not merry as children are («Hell and Hate»);

Those native notions that the *Heavens* declare («Democritus»).

Ведущий способ метафоризации этого концепта – одушевление. Самой частотной метафорической моделью, как и в первом периоде творчества автора, является Пространство – Существа: Stand *England* for honour («Wake up, England»); Whom *England* called and bade («Lord Kitchener»).

Аналогично следующей по частотности является метафорическая модель Пространство – Психическая сфера: *Hell* with a ruddy torchoffire <…> Happy were bouth, of peaceful mien («Hell and Hate»); By the lone *Orkneys* at the set of sun («Lord Kitchener»).

Также достаточно распространенной является метафорическая модель Пространство – Орган: Whom *England* called and bade «Set my arm free» («Lord Kitchener»); The stubborn thews and ageless heart of *Floyd* («To Thos. Floyd»).

Примечательно, что в каждой метафорической модели Пространство – Орган Бриджес олицетворяет Англию, представляя страну живым организмом и приписывая ей наличие сердца, рук и спины.

Несколько раз в поздней лирике автора встречается метафорическая модель Пространство – Социальное: *Land*, whence Freedom far and lone <…> for thy love forgave thy sin («Britannia Victrix»); *England* has buried her sins with her fathers' bones («Christmas Eve, 1917»).

Концепт Пространство сочетается со многими концептами, однако уникальными, встречающимися в текстах поздней лирики Роберта Бриджеса всего один или два раза, являются метафорические модели, в которых Пространство сопоставляется со Стихией, Предметом, Растениями, Информацией, Светом и Звуком.

Интересно, что в отличие от ранних произведений Бриджеса, где концепт Пространство, входящий в частотное ядро концептов целей и использующийся чрезвычайно редко в качестве источника, в поздней лирике автора повышает свою активность и входит в частотное ядро как концептов-целей, так и источников.

Лексическая репрезентация данного концепта достаточно разнообразна, однако земное пространство репрезентируется намного более широким рядом лексики. В первом периоде творчества автора пространство небесное было более представленным, чем земное. Во втором периоде фокус внимания автора смещается на пространство земное. Это объяснятся тем, что автор пишет о намного более приземленных и насущных вещах, нежные чувства и переживания человека практически выходят из зоны внимания Бриджеса. Так как концепт Пространство земное в поздней лирике автора репрезентирован в основном названиями стран и географических объектов, данный концепт, в отличие от произведений первого периода, представлен по большей части земным пространством искусственного происхождения, имеющим эксплицитно выраженные границы. Самым распространенным остается сопоставление Пространство – Существа. Как известно, выделяют два противоположных яруса бытия: связанный с земной жизнью – нижний и верхний, или небесный. Однако разница в соотношении земного и небесного пространства достаточно велика, поэтому в текстах с большей вероятностью можно ожидать, что объекты будут расположены на поверхности земли.

Концепт Орган занимает следующую позицию в списке лидирующих концептов-целей в метафоризации. Интересно, что в системе репрезентирующих его лексем заложена скорее «наивная», а не энциклопедическая картина мира, поскольку именно обыденная картина мира отражается в большей части создаваемых в обществе образов [Павлович, 1995; Чудинов, 2001]. Вследствие этого слова hair, face, thews и другие похожие лексемы, которые с научной точки зрения не являются наименованиями человеческих органов, при данном подходе можно отнести к концепту Орган. Помимо этого, Орган репрезентирован лексикой, называющей такие части тела, как heart, eyes, hand, ear.

Самым частотным репрезентантом, лидирующим с большим отрывом (67%), как и в первом периоде, остается человеческое сердце (heart): So if my *heart* of pain («The Philosopher and his Mistress»); The *heart* of Britain roameth, the Chivalry of the sea («The Chivalry of the sea»).

Вторым по частотности лексическим репрезентантом, как и в ранней лирике, являются глаза (eyes): With intelligences agape and *eyes* aglow («Flycatchers»); With thine *eyes* of trust («Poor Child»).

Многократное использование лексем heart и eyes говорит о том, что автору все еще интересны внутренний мир человека, его душевные стремления и порывы. Роберт Бриджес пытается отразить внутреннее состояние своих персонажей, показать их намерения, мечты, чувства. Так, описывая физическую сторону человека, писатель расширяет метафорическое познание внутренней сущности индивидуума.

Как в ранней, так и в поздней лирике автора модель Орган – Существо является наиболее активной: And her *hair* on her shoulders fallen <…> Nested its luminous brown («Hell and Hate»); Save their *hell-heart* who stab man's hope to live («To the President of the USA»).

Второй по частотности, как и в первом периоде, является модель Орган – Психическая сфера: O *hearts* so loving, eager and bold («To Australia»); When my *heart* was lonely («Poor Child»); And ever young my *heart* and gay («Vivamus»).

Несколько раз в своих произведениях автор использует модель Орган – Вода: And floods her *heart* with love («Gay Marigold»); My *heart* over flowing («A Vignette»); Netted in her floating *hair* («In Still Midsummer Night»).

Редкой и интересной метафорической моделью является Орган – Информация. Она встречается в поздней лирике Р. Бриджеса всего два раза: O *hearts* so loving <…> whose praise hath claim to be written on the sky («To Australia»); What mystery of the *heart* can so surprise («Millicent»).

Уникальными являются метафорические модели, в которых Бриджес отождествляет концепт Орган с Огнем, Контейнером, Звуком и Временем.

Концепт Орган входит в частотное ядро в позиции цели, но не относится к частотному ядру в позиции источника. Более того, в позиции цели в ранней лирике концепт Орган практически в три раза активнее, чем в поздней.

Концепт Социальное реализуется с помощью чрезвычайно разнообразной лексики, относящейся к эстетической категории (beauty, art) и религии (salvation), обозначающей деятельность человека (toil), военные и общественные события (war, battle, siege, chaos), репутацию (fame), испорченность общественных нравов (filth, wrong), общечеловеческие ценности (Peace, Freedom, Liberity, Strength, wisdom, fortune, esteem), объединенную по какому-либо признаку группу людей (nation, race, tribe), человеческую судьбу (Fate), дом (home).

Наиболее частотными репрезентантами являются beauty (красота), Peace (мир) и Freedom (свобода): Not love or *beauty* or youth from earth is fled («Melancholia»); Is met by *beauty's* love («The Flowering Tree»); *Peace* shall come as a flood upon all mankind («Christmas Eve, 1917»);

To fight for *Freedom* that never shall die («To Australia»).

То, что наиболее частотным репрезентантом является красота (beauty), коррелирует с мнением критиков. Именно она являлась неиссякаемым источником вдохновения Брижеса [Stanford, 1969]. Как отмечает английский писатель и критик Дональд Стэнфорд, любимой темой Роберта Бриджеса являлось поклонение красоте [Ibid.]. Например, в произведении «The Flowering Tree» Бриджес сравнивает себя с героем греческих мифов

Эндимионом, знаменитым своей красотой юношей, который спал под лунным светом:

Rather – Endymion –
would I sleep in the sun
Neath the trees divinely
with day's azure above
With my love of Beauty
is met by *beauty's* love.
(«The Flowering Tree»).

В отличие от мифического Эндимиона герой стихотворения засыпает на солнце, и ему снится, что он лежит под цветущим деревом, где, по словам поэта, «его любовь к красоте встречается с любовью красоты».

Несколько раз репрезентантами концепта Социальное являются слова toil (труд), wrong (зло, заблуждение), chaos (хаос): Doth fair hope your *toil* requite («To Percy Buck»); Now there is fiecer war, worse filth and *wrong* <…> If thou didst sow good seed, is this the yield? («Christmas Eve, 1917»); The Earth thro' stress of ice and fire <…> redeeming *Chaos*, to compose («England to India»).

Самой распространенной метафорической моделью является Социальное – Существа: That while the *nation* slept was springing unseen *(*«Christmas Eve, 1917»); That England roused to rage should *wrong* with wrong repay («Our Prisoners of War in Germany»). Концепт Существа зачастую репрезентируется глаголами.

Следующей по распространенности является модель Социальное – Психическая сфера: Doth *beauty* win her praise and truth her right («To Percy Buck»); Bore the *siege* of torturing fears («Matres Dolorosae»).

Интересно, что довольно распространена модель Социальное – Растения:

Each *tribe* and *race* is as a flower («England to India»); Thy full brightening buds of *strength* («Britannia Victrix»).

Модели образов, в которых концепт Социальное сочетается с концептами Мир, Предмет, Звук, Драгоценность, Информация, Социальное и Экзистенция, являются уникальными и встречаются в произведениях поздней лирики Бриджеса только один раз.

В ранней лирике автора концепт Социальное не входит в частотное ядро ни концептов-целей, ни концептов-источников. Во втором периоде творчества Бриджеса активность концепта Социальное сильно возрастает, он входит в частотное ядро как концептов-целей, так и источников. Более того, в позиции цели концепт Социальное в два раза активнее, чем в позиции источника.

Таким образом, в художественном мире автора на смену природным стихиям выходят общественные и психические феномены, вместо

природной реальности на первый план выходит реальность социальная. Меняется палитра образов поэта, вопрос о соотношении человека и мира в позднем творчестве решается как вопрос о соотношении личности и среды.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В.С. Динамика стиля Э.А. По (на материале лирики) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 72. С. 168–174.

Андреев В.С. Методы количественного исследования стиля в лингвистике: многомерный подход // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 3(11). С. 100–110.

Андреев В.С. Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов американских поэтов-романтиков): дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2012.

Андреев С.Н. Репрезентация художественного пространства в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: статика – динамика // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 79–85.

Андреев С.Н. Распределение адъективных и генитивных определений в прозе // Квантитативная лингвистика. 2019. № 6. С. 4–13.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: РАН ИРЯ, 1995.

Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.

Bridges R.S. Poetical works of Robert Bridges: excluding the eight dramas. London: Oxford University Press, 1913. 486 p.

Bridges R.S. October and other poems with occasional verses on the war. London: William Heinemann, 1920. 64 p.

Stanford D.E. Classicism and the Modern Poet // The Southern Review n.s. 1969. No. 5. P. 475–500.

O.D. Kolokolnikova
Postgraduate Student,
Department of the Foreign Languages,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Basis of Robert Bridges' Metaphoric System in his Late Lyrics

The author's metaphorical system is an important feature of an individual style. The metaphor studies provide information of peculiarities of the author's concepts sphere or his mental picture of the world. The article considers the metaphorical system features in the late lyrics of Robert Bridges, the poet-laureate, a prominent representative of the English poetry of the late 19th – early 20th centuries. The article focuses on the most frequent concept-targets and concept-sources, namely those phenomena that have attracted the writer's

greatest attention and, to his mind, need to be rethought and concepts that are more intuitively clear in the author's opinion.

As a result of the metaphor analys of the poems by Robert Bridges, the information about the peculiarities of the author's concepts sphere realized in his late lyrics has been received and the frequency core among the concept-sources and concept-targets has been identified and described. On the basis of the obtained data, the article has compared the peculiarities of the metaphoric interpretation in R. Bridges' late and early lyrics, identified similar features and differences, as well as made conclusions about changes in the author's mental picture of the world.

Key words: *metaphor; sphere of concepts; frequency core; concept-source; concept-target; Robert Bridges.*

REFERENCES

Andreyev S.N. Distribution of Adjectival and Genitive Attributes in Prose [Raspredelenie ad"ektivnykh i genitivnykh opredeleny v proze]. *Kvantitativnaya lingvistika*, 2019, no. 6, pp. 4–13 (in Russian).

Andreyev S.N. Static vs. Dynamic Representation of the Poetic Space in «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin [Reprezentatsiya khudozhestvennogo prostranstva v romane A.S. Pushkina «Yevgeny Onegin»: statika – dinamika]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2016, no. 24, pp. 79–85 (in Russian).

Andreyev V.S. E.A. Poe's Style in Dynamics (on the Material of Lyrics) [Dinamika stilya E.A. Po (na materiale liriki)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 2008, no. 72, pp. 168–174 (in Russian).

Andreyev V.S. Language Model of Development of Individual Style (Based on the Material of Poetic Texts by American Romantic Poets) [Yazykovaya model' razvitiya individual'nogo stilya (na materiale stikhotvornykh tekstov amerikanskikh poetov-romantikov)]: diss. … of doctor of phil. sciences. Smolensk. 2012. 391 p. (in Russian).

Andreyev V.S. Methods of Quantitative Study of Style in Linguistics: Multivariate Approach [Metody kolichestvennogo issledovaniya stilya v lingvistike: mnogomerny podkhod]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 3(11), pp. 100–110 (in Russian).

Chudinov A.P. Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000) [Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoye issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000)]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ. 2001. 238 p. (in Russian).

Dictionary of Linguistic Terms [Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov]. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie. 1976. 544 p. (in Russian)

Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live by [Metafory, kotorymi my zhivem]. Moscow, Editorial URSS. 2004. 256 p. (in Russian).

Pavlovich N.V. The Language of Images: Image Paradigms in Russian Poetic Language [Yazyk obrazov: paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke]. Moscow, The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 1995. 491 p. (in Russian).

Bridges R.S. Poetical Works of Robert Bridges: Excluding the Eight Dramas. London, Oxford University Press. 1913. 486 p. (in English).

Bridges R.S. October and Other Poems with Occasional Verses on the War. London, William Heinemann. 1920. 64 p. (in English).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Ю.В. Красовская, Д.Н. Христенко

Ярославский государственный медицинский университет
Ярославль, Россия

УДК 947:352/353

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-156-174

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В 1917 ГОДУ: ПРОТИВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И БОЛЬШЕВИКОВ (на материалах Костромской и Ярославской губерний)

Ключевые слова: *городское самоуправление; Городовое положение; городские думы; муниципалитеты; социалистические партии; меньшевики; большевики; эсеры; кадеты; октябристы; продовольственный вопрос; городское хозяйство; общественный порядок; Временное правительство; Советы; городская милиция.*

В статье рассматриваются деятельность органов городского самоуправления в межреволюционный период и их взаимоотношения с Временным правительством и большевистскими Советами на примере Ярославской и Костромской губерний. В результате демократических выборов в городских думах большинство получили представители умеренных социалистических партий – меньшевики и эсеры. На основе анализа архивных источников авторы исследуют способы и методы работы органов городского самоуправления, социалистических по своему составу, в условиях всестороннего кризиса. В обеих губерниях муниципалитеты оказались не способны справиться ни с одной из злободневных проблем, таких как дефицит продовольствия, поддержание общественного порядка, функционирование городского хозяйства. Лейтмотивами работы гласных стали политическая борьба и противостояние между представителями различных фракций по вопросам, далеким от непосредственной сферы их действия. Своей деятельностью, а в иных случаях и пассивностью, они фактически выступали сначала против Временного правительства, а затем и против Советов. Неспособность оправдать возлагавшиеся на них надежды в разрешении ключевых проблем стала причиной потери авторитета в глазах горожан и советской власти. В результате городские думы оказались не нужны ни тем, ни другим.

К 1917 году система городского самоуправления в России существовала уже более 100 лет, пройдя за это время определенную эволюцию в связи с изменением социально-политических условий в стране. Главным законодательным актом, определявшим функции городских дум, являлось Городовое положение 1892 года, которое включало в себя и некоторые дискриминационные нормы. Среди них можно выделить недостаточное использование принципа разделения распорядительной и исполнительной власти, ограниченный круг избирателей, отсутствие самостоятельности в финансовой сфере.

После Февральской революции 1917 года начался процесс ликвидации действовавшей системы российской имперской государственности. Одной из основных задач, вставших перед нашей страной в это время, являлось складывание новой структуры управления государством, неотъемлемой составной частью которой было местное самоуправление. Этому способствовало и введение впервые за историю России демократического избирательного права для горожан по закону от 15 апреля 1917 года «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», в котором закреплялся принцип всеобщего, равного, тайного и прямого голосования. Отныне в выборах могли участвовать все граждане, достигшие 20-летнего возраста, без различия пола, вероисповедания, национальности, проживавшие в городе или находившиеся на военной службе. Текст закона был опубликован уже на следующий день, что подтверждало серьезность положения дел с местным самоуправлением в стране [Судавцов, 2009, *141–142*].

Достаточно наглядно ситуацию можно исследовать на примере городов Костромской и Ярославской губерний. Острота предвыборной борьбы, развернувшейся в то время, свидетельствует, что жители Ярославской и Костромской губерний связывали свои надежды на решение волновавших их проблем с новыми демократическими думами. При этом абсолютное большинство по результатам выборов получили члены социалистических партий, а представители либералов – кадетов, наоборот, потерпели поражение. Уже во время предвыборной кампании 1917 года агитаторы партии «Народная свобода» нередко жаловались на агрессивное поведение со стороны потенциальных избирателей. В частности, из Рыбинска доносили, что «наблюдались случаи, когда толпа пыталась расправиться с агитаторами-кадетами» [Голос, 1917, 10 августа]. Костромские кадеты сетовали на то, что «толпа или равнодушна или честит нас буржуями» [Народная свобода, 1917, 24 июня]. Для большинства избирателей в Ярославской и Костромской губерниях были неясны различия между муниципальной и общероссийской программой партий. Поэтому, по утверждению Х.М. Астрахана, «повсеместно население выбирало не гласных дум, а партийные

программы и притом не муниципальные, а общеполитические…» [Астрахан, 1987, *135*].

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на значительную политизированность общества, большая часть населения весьма смутно представляла различия между политическими партиями и их программами. Эта ситуация характерна не только для Ярославской и Костромской губерний, но и для всей России [Мамаев, 2010, *131–132*]. Кроме того, летом 1917 года на местах, особенно в уездных городах, партийные организации часто находились еще на стадии формирования, реально действовали лишь кадеты, эсеры, меньшевики и большевики. В результате большинство списков кандидатов в гласные формировалось не по партийному принципу, кандидаты выдвигались от различных союзов или групп граждан, большевики же зачастую объединялись с разными партиями. Лишь в губернских и крупных уездных городах было несколько партийных списков: в Ярославле – четыре партийных (кадеты, РСДРП(м), эсеры и большевики) из девяти заявленных списков, в Костроме – три партийных (кадеты, социал-демократы, эсеры) из восьми списков, в Ростове – два (кадеты, социал-демократы) из пяти, в Рыбинске – один (кадеты) из пяти. Только в Ярославле меньшевики и большевики выдвинули самостоятельные списки. В Костроме и Рыбинске в предвыборной кампании они объединились, так как большинству избирателей их разногласия не были понятны. Во многих уездных городах не предлагалось ни одного партийного списка, например в Угличе, Макарьеве, Ветлуге, Чухломе [ГАНИКО, ф. 383, оп. 1, д. 26а, *347, 375, 380*; Труд и борьба, 1917, 12 августа].

По итогам летних выборов представители умеренных социалистических партий (меньшевики и эсеры) заняли абсолютное большинство мест в городских думах Верхневолжского региона. В Ярославле за них отдало голос 65,5% всех пришедших к избирательным участкам, то есть 24 789 человек. Большевики, баллотировавшиеся отдельным списком, фактически потерпели поражение. Несмотря на нарастание революционных настроений в обществе, их радикальную программу поддержала лишь малая часть населения, поскольку люди явно устали от политических потрясений. Кадеты, в свою очередь, также проиграли выборы и составили абсолютное меньшинство в новых демократических думах. В Ярославской городской думе они получили всего 11 мест, в то время как умеренные социалисты (эсеры и меньшевики) – 69 мест, а большевики – 12. В Рыбинске – втором по значению городе Ярославской губернии – кадетам досталось 7 мест, большевикам – 6, а 44 места получили умеренные социалисты (меньшевики, эсеры, члены партии Бунд и др.). Аналогичная ситуация была и в уездных городах. Например, в Ростове из 40 депутатов кадетов было лишь 7 человек. В Костромской городской думе кадеты получили также всего 11 мест, в то время как социалистические партии, включая больше-

виков, – 63 места (подсчеты произведены на основании следующих источников: [ГАНИКО, ф. 383, оп. 1, 26а, *373*; Голос, 1917, 1 августа]).

Фактический провал кадетов на местных выборах одновременно означал и поражение коалиционного Временного правительства, которое попросту не контролировало власть на местах. Более того, умеренные социалистические партии, оказавшиеся у руля местного самоуправления, фактически встали в оппозицию Временному правительству, тем самым еще больше ослабляя его власть, подрывая авторитет и престиж в глазах населения.

Как свидетельствуют последовавшие события, в своем большинстве новые депутаты не имели ни четкой программы действий, ни опыта хозяйственной работы, ни каких-либо специальных знаний. Кризис, в условиях которого они приступили к работе, не оставлял времени на изучение даже базовых основ коммунального хозяйства. Однако вопреки логике и здравому смыслу доминантой в работе муниципалитетов после летних выборов 1917 года стали политические противоречия и дискуссии между представителями различных партий и объединений, а не хозяйственные вопросы. Как отмечает А.В. Мамаев, расхождение между реальностью, требующей немедленного решения насущных вопросов уставших от войны горожан, и политическими спорами в залах заседаний гласных стало характерной чертой городских дум [Мамаев, 2010, *116*]. В данном случае в муниципалитетах исследуемых губерний ситуация развивалась аналогично общероссийской. Например, большевистская фракция приняла решение не приносить присягу на верность Временному правительству на торжественном заседании Ярославской думы 10 августа, ограничившись обещанием «по совести исполнять обязанности гласного» [ГАЯО, ф. 509, оп. 1, д. 1877, *326*]. Приоритет партийных интересов не скрывался и самими гласными. Так, городской голова Ярославля на вопрос кадетов о программе деятельности управы заявил, что она «предрешена партийным составом членов управы, а конкретные мероприятия будут разрабатываться в комиссиях» [Труд и борьба, 1917, 26 августа]. Поводом для политических дискуссий становилось все что угодно, включая просто факт принадлежности оратора к той или иной партии. Например, большевики в Ярославской думе при выборе членов комиссий голосовали против кадетов [Голос, 1917, 29 августа], вопреки рациональным аргументам, что последние обладают и необходимыми знаниями, и практическим опытом работы.

Встречные обвинения и взаимные пререкания кадетов и социалистов стали обыденным явлением выступлений большинства гласных. Наиболее явственно это было заметно в политизированных думах крупных губернских городов. Ярким примером нежелания гласных заняться хозяйственной деятельностью и трансформации городских дум в арену политических сражений является следующий эпизод. Лидер фракции «Народная свобода» Кизнер Ярославской думы на заседании 26 августа обвинил

большевиков в поражении армии на Северном фронте в результате большевистского братания с немецкими солдатами. В ответ гласный-большевик Н.Ф. Доброхотов призвал публично осудить кадетов. Когда же большинство гласных выступило против этого предложения, большевики покинули заседание, которое в итоге было прекращено из-за отсутствия кворума [Голос, 1917, 29 августа].

Высшей остроты политические противоречия в Ярославском муниципалитете достигли накануне выборов представителей на Демократическое совещание в Петрограде. Гласный кадет Горелов от имени своей фракции объявил: в связи с тем, что данное совещание созывается не правительством, а «безответственными организациями», представители «Партии народной свободы» от голосования воздерживаются. В итоге на совещание были делегированы эсер Богачев и меньшевик Суворов [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *11*]. Результатом выявившихся непреодолимых противоречий стал окончательный раскол в рядах гласных городских дум. Эсеро-меньшевистское большинство пришло к выводу, что коалиция с кадетами себя не оправдала и что «буржуазия в настоящее время стала на путь контрреволюции, поэтому власть должна перейти в руки революционной организованной демократии». В знак протеста 10 сентября 1917 года представители «Народной свободы» покинули зал заседаний [Там же, *12–14*]. Однако удаление «контрреволюционных буржуазных элементов» не остановило политические споры, а только изменило их направление. Развернувшаяся дискуссия между меньшевиками и большевиками после поддержки первых эсерами завершилась победой меньшевистской программы [Там же, *14*]. Превратив городские думы в политическую трибуну, социалистическое большинство свело к минимуму выполнение возложенных на них Временным правительством обязанностей, тем самым фактически встав в оппозицию к центральной власти.

Постоянный приоритет политики над хозяйственными функциями в органах городского самоуправления стал главной причиной их непродуктивной работы. Кроме того, недостаток финансов существенно ограничивал возможности деятельности муниципалитетов. Обсуждение реформы системы финансов муниципалитетов Временным правительством затянулось, что усугубило дефицит бюджетов городских дум, вызванный войной и инфляцией [Мамаев, 2017, *32–36*]. Однако даже тот скромный потенциал, который предоставляла центральная власть в финансовой сфере, не использовался из-за крайне неэффективного механизма принятия решений. Первым шагом в урегулировании любой, даже элементарной, проблемы становилось создание соответствующей комиссии. Так, за одно заседание 26 августа в Ярославской городской думе было сформировано 24 комиссии [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *138–140*]. При этом их компетенции и функции по-прежнему оставались расплывчатыми и неопределенными, а мно-

гие важные направления деятельности органов городского самоуправления оказывались заброшены. Например, многие уездные городские думы не предусмотрели специальных комиссий по вопросам общественного порядка или продовольствия, хотя эти проблемы были попросту вопиющими. Однако гласные посчитали неотложным учреждение комиссии по внезапной ревизии кассы городской управы и огородничеству [ГАЯО, ф. 512, оп. 1, д. 1185, *90*], а также формирование комиссии для образования фонда на покрытие расходов по покупке скота для поставки в армию и т.п. [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5257, *74*].

Трагикомичный оттенок описанным событиям придавал тот факт, что все это происходило в условиях постоянно осложнявшейся ситуации с продовольствием, к осени 1917 года достигшей крайней степени. Вопреки чаяниям населения, демократические думы не предприняли никаких решительных действий по ликвидации дефицита продуктов питания. Их попытки изменить ситуацию имели мало практического смысла. Например, муниципалитет г. Данилова запретил переработку картофельной муки в патоку [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5244, *43*] по примеру Ярославской думы, наложившей запрет на производство мороженого для сохранения молока. Следующим способом ликвидировать угрозу голода стали привычные просьбы о помощи, адресованные Временному правительству. Обращения к центральной власти были тем более оправданны, что к концу лета во Временном правительстве также большинство составляли социалисты [Новицкая, 2017, *38–39*]. Однако традиционный сложившийся механизм действий – делегации в правительство и губернский продовольственный комитет, ходатайства – оказался неэффективным в кризисной ситуации [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5244, *43*; д. 5257, *72*; ф. 512, оп. 1, д. 1185, *87*]. Исключение составили лишь действия Любимской городской думы, которая попыталась «произвести закупку продовольствия частным образом» [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5245, *21*], что нарушало закон Временного правительства «О передаче хлеба в распоряжение государства» от 25 марта 1917 года.

Итогом политики бездеятельности органов городского местного самоуправления стало обострение ситуации с продовольствием до предела. Фактически своей хозяйственной некомпетентностью социалистические партии, ставшие во главе муниципалитетов, вольно или невольно подрывали и без того хрупкую стабильность в стране, ставя под сомнение способность Временного правительства, на которое население возлагало главную ответственность, справиться с расширяющимся кризисом. В городах России, включая Верхневолжские губернии, начались беспорядки и голодные бунты. Костромской комиссар Козлов 21 августа 1917 года рапортовал в Министерство внутренних дел о начавшихся в городе обысках продовольственных лавок и частных домов [ГАРФ, ф. 1791, оп. 2, д. 194, *129*]. Аналогичные события происходили и в Ярославле: 22–24 сентября рабо-

чие Ярославской большой мануфактуры, объединившись с солдатами, организовали массовые проверки лавок, складов и жилых помещений зажиточных горожан в поисках спрятанного продовольствия [Ярославль. Очерки по истории города, 1954, *323–324*].

Отклик городских дум обоих губернских городов на продовольственные беспорядки был идентичным. Они оценили погромы как результат «агитации темных безответственных сил» [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *18*], которые «пытались воспользоваться продовольственными затруднениями» [Северный рабочий, 1917, 23 августа]. Но способа прекратить или трансформировать стихийные обыски в ненасильственную форму Ярославский и Костромской муниципалитеты не нашли. Они оказались бессильны перед напором голодных масс. Единственное, что предложили гласные в качестве борьбы с беспорядками, было «моральное воздействие», то есть уговоры и разъяснения. Кадеты и в Ярославском, и в Костромском муниципалитетах упорно настаивали на применении военной силы для прекращения беспорядков [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *18*; Северный рабочий, 1917, 25 августа]. Но социалистическое большинство гласных не поддержало это слишком смелое для них предложение.

Логичным в данном случае является вопрос: какие превентивные меры органы Ярославского и Костромского городского самоуправления были готовы принять для предупреждения аналогичных инцидентов в будущем? Официально выразив неодобрение реквизициям и несанкционированным обыскам, думы, однако, фактически признали их допустимость и правомерность. Костромской муниципалитет постановил довести до конца начавшуюся в городе поверку запасов, «высказав пожелание, чтобы эта поверка была ускорена и комиссии, производящие осмотр… были упорядочены», а результаты поверки следовало опубликовать [Северный рабочий, 1917, 25 августа]. Городская дума Ярославля также приняла постановление, в котором одобрялось учреждение комиссии из представителей общественных организаций и давалось поручение продовольственной комиссии при Ярославской большой мануфактуре обследовать положение рабочих [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *18*].

В конце августа, оказавшись перед угрозой погромов, Ярославский муниципалитет начал распределение продовольствия и предметов первой необходимости, инициировал создание сети городских лавок с целью улучшения техники торговли и т.п. Подобные мероприятия, по мысли гласных-социалистов, должны были устранить причины недовольства. Но при этом даже издание обязательных постановлений рассматривалось ими в качестве исключительной меры, «потому что она по существу является ограничением гражданской свободы населения» [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 131, *113–114*]. Столь нерешительный подход был изначально обречен на неудачу.

Поддержав по существу происходящие в городе обыски, городские думы признали свое бессилие. Городской голова Костромы В.И. Воробьев открыто признавал: «С точки зрения стратегии мы поступили правильно. С точки зрения государственности мы поступили незаконно и произвольно. Если мы допустили такое насилие… мы не демократия, мы анархия… надо устранить первопричину всех осложнений и волнений – недостаток продовольствия и угрозу голода» [Северный рабочий, 1917, 26 августа]. На наш взгляд, стратегией социалистических партий стало самосохранение, поскольку во время продовольственных волнений четко обозначилась их неспособность руководить и управлять народными массами. Социалисты, испытывая чувства неуверенности и страха, явно пасовали перед голодной толпой.

Не поддержав предложение кадетов о применении военной силы для наведения порядка, они, тщетно пытаясь выиграть какие-то политические очки, лишь подрывали власть Временного правительства и тем самым еще сильнее усугубляли кризис в стране.

Трансформация городских дум в политическую трибуну означала, что их функции как властного органа были отброшены на второй план. В условиях общей хозяйственной разрухи на местах это служило дополнительным катализатором центробежных устремлений, расшатывавших систему государственной власти.

Другая проблема, требовавшая незамедлительного решения органами городского самоуправления в конце лета – начале осени 1917 года, – охрана общественной безопасности и порядка. Милиция оказалась неспособна предупредить или остановить криминальные происшествия. Газеты регулярно писали об участившихся грабежах и разбоях, красочно изображая в статьях, как «кражи совершаются зачастую недалеко от “недремлющего ока” блюстителей охраны» [Голос, 1917, 1 октября].

Единственным действенным предложением управы, которое могло уменьшить количество преступлений, было создание добровольной дружины в помощь милиции [ГАЯО, ф. 509, оп. 3, д. 28, *1–2*]. Но бесконечные переработки инструкции, согласование в различных комиссиях привели к тому, что ее просто не успели учредить. Неудачей умеренных социалистов активно воспользовались большевики, которые к октябрю 1917 года уже организовали в Ярославле отряды Красной гвардии [ЦДНИ, р. 1026, оп. 1, д. 138, *10*]. Следовательно, социалистические городские думы не смогли выполнить даже свою базовую функцию – поддержание общественного порядка в городах. Область коммунального хозяйства являлась не менее, если не более, сложной сферой деятельности. Ярославской городской думой были сделаны некоторые шаги в направлении изменения механизма работы коммунального хозяйства. Она приняла два постановления с целью улучшения санитарного состояния города. В этих постановлениях домо-

владельцам предписывалось в обязательном порядке за свой счет отремонтировать и утеплить сдаваемые в наем квартиры, а также осуществлять очистку выгребных ям. Постановление об очистке нечистот, или «местный санитарный закон», по выражению газеты «Труд и борьба» [Труд и борьба, 1917, 17 сентября], выгодным образом выделяется на фоне других: в нем прописаны и продуманный механизм исполнения, и система штрафов для нарушителей. Например, в случае отказа частных ассенизаторов очищать выгребные ямы управа могла лишать их возможности заниматься этим промыслом [ГАЯО, ф. 509, оп. 1, д. 1908, *81, 85*].

Стоит отметить, что в условиях нарастающего кризиса социалистическое большинство Ярославской думы рассматривало постановление об очистке нечистот как политический документ. «Это постановление ни в коем случае не могло быть проведено прежней домовладельческой думой, так как касалось оно их имущественных интересов и могло быть принято лишь думой, заботящейся об интересах всего населения… Население на этом примере может понять громадную разницу между прошлой и теперешней Думой…» – так оценивала местная газета решение думы [Труд и борьба, 1917, 17 сентября]. Однако чище в Ярославле не стало, поскольку захват власти большевиками в октябре 1917 года вновь отодвинул проблемы городского хозяйства на второй план.

Отсутствие реальных результатов приводило к потере интереса и апатии в рядах депутатов. Типичными явлениями в городских думах в конце лета – осенью 1917 года стали отсутствие кворума, отказ от обязанностей члена управы или звания гласного, фактический саботаж [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5244, *41–43, 58, 83, 95, 161–171*; ф. 512, оп. 1, д. 1185, *68–87*; ф. 509, оп. 5, д. 131, *81–84*; оп. 6, д. 10, *1–2*]. Весьма показательным случаем является постановление жилищной комиссии Ярославской думы от 28 августа, на заседании которой планировалось принять столь необходимые в условиях сложной криминальной обстановки проекты о создании квартальных и уличных комитетов для охраны города: «Выслушав проекты, тов. Жулев предлагает закрыть заседание, ввиду необходимости присутствия всех членов на заседании Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. – Предложение принимается» [ГАЯО, ф. 509, оп. 1, д. 1890, *7*].

Общая ситуация в стране лишь способствовала углублению кризиса. Массовое закрытие фабрик и заводов, нарастание забастовочного движения, все время увеличивающееся количество захватов земель, продовольственные бунты, отказ воинских частей отправляться на фронт – на фоне всего этого абсолютная неспособность коалиционного Временного правительства справиться с всесторонним кризисом вызывала всеобщее разочарование. Настроенные на захват власти большевики последовательно готовились к вооруженному восстанию, в том числе и на местном

уровне, где открыто создавали отряды Красной гвардии и вооруженных рабочих [Очерки истории Ярославской организации КПСС, 1985, *163*].

Тем не менее известие о свержении Временного правительства стало полной неожиданностью как для населения провинциальных городов Верхневолжского региона, так и для гласных муниципалитетов. Новость была настолько поразительной, что даже традиционно медлительные думы откликнулись на нее мгновенно.

26 октября 1917 года, когда телеграф доставил «сенсационное сообщение», на экстренном заседании Ярославской городской думы произошел жесткий конфликт между фракциями умеренных социалистических партий и кадетов. Хотя все они до этого единогласно осудили действия большевиков, расценив восстание в Петрограде как контрреволюционное, его первопричины представители кадетов и социалистов трактовали абсолютно по-разному. Первые считали, что эсеры и меньшевики сотрудничали с большевиками и тем самым косвенно помогали в подготовке восстания. Социалисты, в свою очередь, указывали на то, что кадеты «накануне восстания Корнилова… красным сукном устилали ему дорогу», что также способствовало победе большевиков. В итоге на голосование и в Костромской, и в Ярославской думах было поставлено две резолюции: эсеро-меньшевистская и кадетская. Победила резолюция социалистов, которая призвала «все революционные и общественные организации, всех граждан в этот грозный час духовно сплотиться вокруг нее для защиты Революции и идеи народовластия». Следовательно, Ярославская городская дума уже в первые дни после переворота заняла крайне радикальную позицию, попытавшись стать антибольшевистским центром [Козляков, 1996, *63–90*]. Спустя четыре дня, 30 октября, думская комиссия по обеспечению общественной безопасности в городе постановила создать городской «Комитет спасения Родины и Революции» [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *35*].

Несколько по-другому развивалось заседание Костромской городской думы. Хотя влияние в ней фракции РСДРП(б) было существенным, призыв гласного-большевика Растопчина к объединению всех «для борьбы за закрепление новой власти» был отклонен. Костромская дума 2 ноября 1917 года принимает эсеро-меньшевистскую резолюцию о создании революционного фронта против большевистского контрреволюционного переворота. Однако, несмотря на нависшую угрозу гражданской войны, представители партий не смогли преодолеть политические разногласия, которые и стали доминирующим фактором в определении дальнейших действий. Фракция «Партии народной Свободы» выдвинула свою резолюцию, которая по смыслу совпадала с социалистической, но была отвергнута только по причине партийной принадлежности авторов [Там же, *731*].

Отношение уездных дум Ярославской и Костромской губерний к событиям в стране после 25 октября 1917 года весьма характерно. Анализ

документов показывает, что все они возмущались переворотом, обозначив свою позицию против «захвата власти так называемыми большевиками» (Пошехонская дума) [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5251, *21*], и выражали «свой протест кучке безответственных людей, ведущих родину к гибели…» (Угличская городская дума) [Там же, *90*]. Были организованы комитеты по образцу Ярославского «Комитета спасения Родины и Революции», но с иными названиями. Например, дума Пошехонья сформировала «Комитет борьбы с анархией», Даниловская – «Комитет охраны Государственной безопасности и порядка» и т.п. [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5243, *59*; д. 5251, *20*]. Но, когда устойчивость Советской власти перестала вызывать сомнения, городские думы отказались от активной борьбы и перешли на позицию пассивного сопротивления. Советы, в свою очередь, пытались на первых порах использовать органы городского самоуправления для решения насущных задач, так как своих эффективных органов создать не успели [Даноян, 2013, *136*]. Помимо желания избежать кровопролития, перед органами городского самоуправления встали неотложные задачи, от решения которых фактически и зависело их будущее. Проблема дефицита продовольствия не только не была решена, но и еще сильнее обострилась. Угроза голодной зимы воспринималась как абсолютно реальная. Правительственный инспектор милиции А.Д. Урусов в докладной записке в Управление по делам милиции от 13 октября сообщал: «В населении Ярославской губернии, как и в других местах России, утрачена вера и надежда на чей-либо авторитет. Весь интерес сосредоточен в продовольственном вопросе» [ГАРФ, ф. 1791, оп. 2, д. 14, *184*]. Именно способность обеспечить продовольствием и стала ключевым фактором для большинства горожан Верхневолжского региона в выборе между Временным правительством и Советской властью.

Из содержания доклада городского головы г. Данилова следовало: «…толпа определенно заявила городскому самоуправлению, что если оно не удовлетворит продовольственные нужды, то население вынуждено будет обратиться к большевикам» [ГАЯО, ф. 485, оп. 4, д. 2556, *48*]. В Нерехте Костромской губернии рабочие избили члена Продовольственного бюро городской управы А.И. Чарового, так как он не выдал им муку, предназначенную для других жителей города [ГАКО, ф. 1288, оп. 1, д. 167, *31*].

Предпринимаемые действия городских дум не давали результата, они оказались не в состоянии наладить стабильное снабжение продуктами питания. Это, в свою очередь, еще быстрее подрывало их слабеющий авторитет, оставляя надежду уставшему от потрясений населению лишь на новую советскую власть, которая обещала решить все проблемы быстро и справедливо.

Восстановление безопасности и общественного порядка в городах в конце октября 1917 года стало не менее важной задачей, чем обеспечение

продовольствием. После самовольного захвата хранилища со спиртом в Ярославле город, как горько констатировал гласный-кадет Лопатин, оказался «в руках вооруженных и не всегда трезвых солдат» [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *36*]. В Ростове и Рыбинске солдаты также пытались ограбить виноводочные склады. [Протокол общего собрания комитета спасения Родины и революции 23–24 ноября 1917 года, 1996, *82*]. Городской милиции было нечего противопоставить солдатской массе с оружием в руках. Ярославская управа в качестве единственной меры борьбы с погромами смогла выставить лишь полсотни конных милиционеров, «которые разъезжают по городу и рассеивают собирающиеся толпы…» [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *36*]. Даже действуя совместно с добровольной пожарной командой, милиционеры не смогли восстановить порядок в городе. В ночь на 15 ноября Красная гвардия заняла помещения городского управления и районных частей милиции и разоружила ее [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 131, *185*]. В ответ собрание думы приняло совершенно безвольное решение о том, что служащие городской милиции должны «нести всю текущую работу в пределах фактической возможности». В реальности это означало прекращение деятельности ярославской милиции.

Аналогичная схема в отношении органов правопорядка муниципалитетов действовала и в остальных уездных городах. Например, в г. Пошехонье чрезвычайное собрание думы 5 ноября объявляет о создании дружины самозащиты и ночной охраны города [ГАЯО, ф. 137, оп. 1, д. 5251, *20*]. Но уже 10 ноября ее разоружил вооруженный отряд большевиков, который и стал контролировать положение в городе [Протокол общего собрания комитета спасения родины и революции 23–24 ноября 1917 года, 1996, *82*]. Таким образом, основополагающие проблемы (обеспечение продовольствием и личная безопасность горожан) городские думы в послеоктябрьские дни разрешить не смогли, оставшись без какой-либо, даже моральной, поддержки населения. В свою очередь, неспособность органов городского самоуправления осуществлять свои базовые функции делала необязательным их существование с точки зрения как горожан, так и новой советской власти.

Информация о роспуске 5 и 16 ноября Петроградской и Московских городских дум [Грунт, 1976, *291*; Кручковская, 1986, *112*] еще более обострила тревогу гласных Верхневолжского региона за свою судьбу. Хотя в залах заседаний дум ораторы периодически призывали к созыву Учредительного собрания, эмоционально протестовали «против действий насильников» и выражали готовность «лучше погибнуть в борьбе, чем умирать медленной смертью» [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 131, *186*], решительных действий против советской власти ни один муниципалитет не предпринял.

Реакция городских дум на деятельность советской власти в этот период, наоборот, становится крайне аккуратной. Например, утверждая постановление о поддержке протеста редакции газеты «Голос» против ее закрытия,

Ярославская дума в то же время отказывается спорить с членами военно-революционного комитета, инициировавшими данное постановление [ГАЯО, ф. 509, оп. 5, д. 130, *41*]. Показательно, что в журнале заседания решение не обосновывается, но из контекста прений очевидно нежелание гласных обострять отношения с Советом и «вызывать огонь на себя».

В уездных муниципалитетах депутаты выражали свою позицию более откровенно. Неохотно выполняя требования новой власти отменить запланированную манифестацию, гласные Юрьевецкой городской думы открыто признавали, что в ином случае «Дума будет разогнана» [ГАКО, ф. 1288, оп. 1, д. 167, *88*]. Пожалуй, последней попыткой органов городского самоуправления спасти себя и сохранить свои полномочия была идея созыва съезда земств и городов Северного края и Верхней Волги. Но следует обратить внимание на то, что она была предложена не муниципалитетами, а ярославским «Комитетом спасения Родины и Революции» [Козляков, 1996, *68*]. Однако съезд так и не был созван, поскольку Комитет достаточно быстро прекратил свое существование [Там же, *70*], а ни одна из городских дум не пожелала взять на себя функции организатора.

Позиция пассивного нейтралитета привела к двоякому результату. С одной стороны, большевистские Советы рабочих и солдатских депутатов Ярославской и Костромской губерний не приступили к уничтожению системы городского самоуправления в первые же месяцы после прихода к власти. С другой – они подчинили себе нерешительные муниципалитеты, настаивая на выполнении своих требований. Гласные были вынуждены послушно исполнять решения новой власти, несмотря на безоговорочное неприятие деятельности РСДРП(б). Реальных сил у городского самоуправления в распоряжении не было, а поддержку среди населения они полностью утратили.

В результате Советы все чаще оставляли без внимания редкие резолюции муниципалитетов, выражавших несогласие с их действиями. В ответ на протест Ярославской думы против ареста гласных Дюшена и Равича председатель большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов Закгейм официально уведомил городскую управу что «для задержания и домашнего ареста… комитет имеет веские основания, почему протест Думы принимается к сведению, а решение Военно-Революционного Комитета остается непоколебимым» [ГАЯО, ф. 509, оп. 1, д. 1877, *441*]. Бесполезность протестных резолюций гласные полностью осознавали. Утверждения о том, что Совет «…с Думой считаться не будет…» и «…может быть недолог наш век», стали обыденными на думских заседаниях [ГАКО, ф. 1288, оп. 1, д. 167, *76*]. Окончательно убедившись в своем превосходстве, Советы запустили процесс полной ликвидации системы городского общественного самоуправления.

Юридическим обоснованием стало опубликование 24 января 1918 года соответствующего положения комиссариата внутренних дел «О за-

мене земского и городского самоуправлений Советами» [Триумфальное шествие Советской власти, 1963, 2, *390*]. Примечательно, что в некоторых уездных городах Советы распустили городские думы еще до опубликования декрета. Например, 10 декабря 1917 года Любимский уездный съезд Советов принял решение о передаче функций земского и городского самоуправления соответствующим отделам Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [Козлов, Резвый, 1957, *149–150*], а Ростовский совет принял такое же решение 18 декабря [Ковалев, 1970, *62*]. Любимская и Ростовская думы подчинились решениям большевистских Советов без каких-либо попыток защитить свои права и права избирателей. Ростовская дума обнародовала решение о прекращении своей деятельности и подчеркнула, что отныне она снимает «с себя всякую ответственность за действия новой власти…» (цит. по: [Галкин, 1930, *63–64*]).

Начиная с февраля 1918 года процесс принял необратимый характер. В Ярославле городская управа перестала существовать 3 февраля 1918 года [Установление Советской власти в Ярославской губернии, 1957, *471*]. Причем прекращение работы исполнительного органа городского общественного самоуправления произошло де-факто, без каких-либо специальных постановлений по этому поводу со стороны думы. 27 марта 1918 года Костромской губернский съезд Советов также принял постановление об организации советской власти, в соответствии с которым городские думы со всем принадлежащим им имуществом, аппаратом и учреждениями переходили в распоряжение Советов [Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии, 1957, *264*]. Костромская городская дума действовала по примеру Ярославской: она просто прекратила свою деятельность, но не принимала официального решения о самоликвидации.

Уездные городские думы Костромской губернии не только не пытались сохранить свое право на существование, но и в некоторых случаях сами инициировали передачу своих функций советским органам власти. Так, городской голова Судиславля сообщал губернскому комиссару о выполнении его циркулярного положения от «20 марта с.г. (в документе дата приводится по старому стилю. В данном случае речь идет о дате 2 апреля. – *Ю. К., Д. Х.*)… об организации Советской власти», согласно которому дума 9 апреля приняла решение о созыве собрания граждан города 14 апреля с указанной целью [ГАКО, ф. 1288, оп. 1, д. 173, *2*]. В результате к концу июня 1918 года и в Ярославской, и в Костромской губерниях городские думы были ликвидированы полностью.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что в 1917 году местное самоуправление, во многом по собственной вине, оказалось в критической и трагической ситуации. Получившие власть по итогам выборов умеренные социалистические партии (эсеры и меньшевики) выступили как против Временного правительства, последовательно отказываясь поддер-

жать программу действий кадетов, так и против большевиков в Октябре 1917 года, заявив об узурпации последними власти. Фактически социалистические по своему составу городские думы образца 1917 года повторили судьбу знаменитого буриданова осла, который, как известно, сдох от голода, поскольку не смог выбрать, какую из двух охапок сена ему съесть. Городские думы не поддержали ни Временное правительство, ни большевиков и так и не решили ни одной хозяйственной проблемы. Вместо этого они погрязли в партийных разногласиях и раздорах, которые стали основной приметой их деятельности. В итоге к осени 1917 года авторитет органов местного городского самоуправления катастрофически упал в глазах избирателей и самих гласных.

Захват власти большевиками в октябре 1917 года городские думы Костромской и Ярославской губерний решительно признали противоречащим интересам России, оценив его как самовольный и неправомочный акт. Но, оказавшись без поддержки населения и убедившись в прочности нового строя, муниципалитеты отказались от борьбы с Советами и попытались занять пассивно-нейтральную позицию в напрасной попытке сохранить себя как орган самоуправления. Однако городские думы как политический институт, не способный решить поставленные перед ним задачи, оказались не нужны ни советской власти, ни избирателям. Ликвидация системы городского общественного самоуправления в стране не встретила решительного сопротивления даже самих гласных. В Костромской и Ярославской губерниях городские думы безоговорочно подчинились постановлениям соответствующих большевистских Советов о роспуске. Более того, в отдельных случаях они стали инициаторами самоликвидации. В результате система городского самоуправления в России, функционировавшая более ста лет, по итогам Октябрьской революции 1917 года была полностью уничтожена.

ЛИТЕРАТУРА

Астрахан Х.М. Партийность населения России накануне Октября (По материалам выборов в городские Думы в мае – октябре 1917 г.) // История СССР. 1987. № 6. С. 134–155.

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 1288. Оп. 1. Д. 167.

Галкин В.А. Октябрьская революция в Ростовском уезде. Ростов, 1930. 83 с.

Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 383. Оп. 1. Д. 26а.

ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 14.

ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 194.

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 137. Оп. 1. Д. 5244.

ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5245.

ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5251.

ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5257.

ГАЯО. Ф. 485. Оп. 4. Д. 2556.

ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1877.

ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1890.

ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1908.
ГАЯО. Ф. 509. Оп. 3. Д. 28.
ГАЯО. Ф. 509. Оп. 5. Д. 130.
ГАЯО. Ф. 509. Оп. 5. Д. 131.
ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1185.
Голос. 1917. 1 августа.
Голос. 1917. 10 августа.
Голос. 1917. 29 августа.
Голос. 1917. 1 октября.
Грунт А.Я. Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. 387 с.
Даноян В. Местное городское самоуправление в России в 1917 г. в исследованиях современников // Власть. 2013. № 3. С. 134–136.
Ковалев И.А. Ростов Ярославский. М., 1970. 141 с.
Козлов П., Резвый Н. Борьба за власть в Ярославской губернии. Ярославль, 1957. 259 с.
Козляков В.Н. «На грубое насилие мы ответим демонстрацией солидарности…» (Ярославский «Комитет спасения Родины и Революции» в 1917 году) // Ярославская старина. 1996. Вып. 3. С. 63–90.
Кручковская В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. 139 с.
Мамаев А.В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917–1918 гг. (на материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний): дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 358 с.
Мамаев А.В. Проблема реформирования муниципальных финансов в условиях революции 1917 г.: дискуссии и практические шаги // Экономическая история. 2017. № 2. С. 29–43.
Народная свобода. 1917. 24 июня.
Новицкая Т.Е. Октябрь 1917 года: случайность или необходимость // Вестник Московского государственного университета. Серия 11: Право. 2017. № 2. С. 34–48.
Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль, 1985. 319 с.
Протокол общего собрания Комитета спасения Родины и Революции 23–24 ноября 1917 года // Ярославская старина. 1996. Вып. 3. С. 82.
Северный рабочий. 1917. 23 августа.
Северный рабочий. 1917. 25 августа.
Северный рабочий. 1917. 26 августа.
Судавцов Д.Н. Разработка Временным правительством России правовых основ реформирования местного самоуправления // Социология власти. 2009. № 8. С. 139–146.
Триумфальное шествие Советской власти: документы и материалы. М., 1963. Ч. 2. 495 с.
Труд и борьба. 1917. 26 августа.
Труд и борьба. 1917. 17 сентября.
Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии: сборник документов (март 1917 – сентябрь 1918 г.г.). Кострома, 1957. 426 с.
Установление Советской власти в Ярославской губернии: сборник документов и материалов. Ярославль, 1957. 298 с.
Центр документации новейшей истории (ЦДНИ). Р. 1026. Оп. 1. Д. 138.
Ярославль. Очерки по истории города (XI в. – октябрь 1917 г.) / П. Андреев [и др.]. Ярославль, 1954. 338 с.

U.V. Krasovskaya
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
History and Philosophy Department,
Yaroslavl State Medical University
Yaroslavl, Russia

D.N. Khristenko
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
History and Philosophy Department,
Yaroslavl State Medical University
Yaroslavl, Russia

Municipal Government in 1917: against the Provisional Government and the Bolsheviks (Based on Materials of Yaroslavl and Kostroma Governorates)

The article discusses activities of municipal government in the inter-revolutionary period and their relationship with the Provisional Government and the Bolshevik's Soviets on the example of Yaroslavl and Kostroma Governorates. As a result of democratic elections in the city councils, the majority included representatives of moderate socialist parties such as the Mensheviks and the Socialist Revolutionaries. Based on the analysis of archival sources, the authors investigate the ways and methods of the urban socialist self-government's activities in the context of a comprehensive crisis. In both governorates, municipalities were unable to solve any of the pressing problems vital to the population like food shortages, public order, and the functioning of the urban economy. Their main concern was the political struggle and confrontation between representatives of various factions on issues far from the area of their direct responsibility. By their activity, and in other cases by inaction, they firstly acted actually against the Provisional Government, and then against the Soviets. The inability to justify hopes in resolving key problems caused the loss of credibility in the eyes of the citizens and the Soviet government. As a result, the city councils became unnecessary to both of them.

Key words: *municipal government; City Legislation; city councils; municipalities; socialist parties; Mensheviks; Bolsheviks; Socialist Revolutionaries; Cadets; Octobrists; food issue; urban economy; public order; Provisional Government; Soviets; city police.*

REFERENCES

Andreyev P., Genkin L., Druzhinin P., Kozlov P. Yaroslavl. Essays on the City History (11th Century – October 1917) [Ocherki po istorii goroda (XI v. – oktyabr' 1917 g.)]. Yaroslavl. 1954. 338 p. (in Russian).

Astrakhan Kh.M. Political Parties Membership of the Population of Russia on the Eve of October (Based on the Materials of the Elections to the Cities Dumas in May–October 1917

[Partiynost' naseleniya Rossii nakanune Oktyabrya (Po materialam vyborov v gorodskie Dumy v mae-oktyabre 1917 g.)]. *Istoriya SSSR*, 1987, no. 6, pp. 134–155 (in Russian).

Center for Documentation of Contemporary History [Tsentr dokumentatsii noveyshei istorii (TSDNI)]. Fund 1026. List 1. Record 138 (in Russian).

Danoyan V. Local Municipal Government in Russia in 1917 in the Research of Contemporaries [Mestnoye gorodskoye samoupravlenie v Rossii v 1917g. v issledovaniyakh sovremennikov]. *Vlast'*, 2013, no. 3, pp. 134–136 (in Russian).

Essays on the History of the Yaroslavl Organization of CPSU [Ocherki istorii Yaroslavskoi organizatsii KPSS]. Yaroslavl. 1985. 319 p. (in Russian).

Galkin V.A. October Revolution in the Rostov District [Oktyabr'skaya revolyutsiya v Rostovskom uezde]. Rostov. 1930. 83 p. (in Russian).

Golos, August 1, 1917 (in Russian).

Golos, August 10, 1917 (in Russian).

Golos, August 29, 1917 (in Russian).

Golos, October 1, 1917 (in Russian).

Grunt A.Ya. Moscow, 1917. Revolution and Counter-Revolution [Moskva, 1917. Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya]. Moscow. 1976. 387 p. (in Russian).

Kovalev I.A. Rostov in the Yaroslavl Region [Rostov Yaroslavsky]. Moscow. 1970. 141 p. (in Russian).

Kozlov P., Rezvy N. Struggle for Power in the Yaroslavl Province [Bor'ba za vlast' v Yaroslavskoi gubernii]. Yaroslav. 1957. 259 p. (in Russian).

Kozlyakov V.N. «We Will Respond with a Demonstration of Solidarity to Blatant Violence» (Yaroslavl' «Committee for the Salvation of the Motherland and Revolution» in 1917) [«Na gruboye nasilie my otvetim demonstratsiei solidarnosti…» (Yaroslavsky «Komitet spaseniya Rodiny i Revolyutsii» v 1917 godu)]. *Yaroslavskaya starina*, 1996, no. 3, pp. 63–90 (in Russian).

Kruchkovskaya V.M. The Central Duma of Petrograd in 1917 [Tsentral'naya gorodskaya duma Petrograda v 1917 godu]. Leningrad. 1986. 139 p. (in Russian).

Mamayev A.V. The Problem of Municipal Finance's Reform during Russian Revolution of 1917: Discussions and Practical Steps [Problema reformirovaniya munitsipal'nykh finansov v usloviyakh revolyutsii 1917 g.: diskussii i prakticheskie shagi]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2017, no. 2, pp. 29–43 (in Russian).

Mamayv A.V. Self-government of Russian Cities in the Conditions of the Revolutionary Process. 1917–1918 (Based on the Materials of the Cities of Moscow, Tula, Vyatka Governorates) [Samoupravlenie gorodov Rossii v usloviyakh revolyutsionnogo protsessa. 1917–1918 gg. (na materialakh gorodov Moskovskoi, Tul'skoi, Vyatskoi guberny): diss. … of cand. of historical sciences. Moscow. 2010. 358 p. (in Russian).

Narodnaya svoboda, June 24, 1917 (in Russian).

Novitskaya T.Ye. October 1917: An Accident or Necessity [Oktyabr' 1917 goda: sluchainost' ili neobkhodimost']. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, *Seriya 11: Pravo*, 2017, no. 2, pp. 34–48 (in Russian).

Proceedings of the General Meeting of the Committee for the Salvation of the Motherland and the Revolution on November 23–24, 1917 [Protokol obshchego sobraniya komiteta spaseniya rodiny i revolyutsii 23–24 noyabrya 1917 goda]. *Yaroslavskaya starina*, no. 3, 1996, p. 82 (in Russian).

Severny rabochy, August 23, 1917 (in Russian).

Severny rabochy, August 25, 1917 (in Russian).

Severny rabochy, August 26, 1917 (in Russian).

State Archive of Modern History of the Kostroma Region [Gosudarstvenny arkhiv noveishei istorii Kostromskoi oblasti (GANIKO)]. Fund 383. List 1. Record 26a (in Russian).

State Archive of Russian Federation [Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GARF)]. Fund 1791. List 2. Record 14 (in Russian).

State Archive of Russian Federation [Gosudarstvenny arkhiv Rossiyskoi Federatsii (GARF)]. Fund 1791. List 2. Record 194 (in Russian).

State Archive of the Kostroma Region [Gosudarstvenny arkhiv Kostomskoi oblasti (GAKO)]. Fund 1288. List 1. Record 167 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 137. List 1. Record 5244 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 137. List 1. Record 5245 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 137. List 1. Record 5251 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 137. List 1. Record 5257 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 485. List 4. Record 5256 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 509. List 1. Record 1877 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 509. List 1. Record 1890 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 509. List 1. Record 1908 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 509. List 3. Record 28 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 509. List 5. Record 130 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 509. List 5. Record 131 (in Russian).

State Archive of the Yaroslavl Region [Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoi oblasti (GAYAO)]. Fund 512. List 1. Record 1185 (in Russian).

Sudavtsov D.N. Development of the Legal Framework for Reforming Local Self-Government by the Provisional Government of Russia [Razrabotka Vremennym pravitel'stvom Rossii pravovykh osnov reformirovaniya mestnogo samoupravleniya]. *Sotsiologiya vlasti*, 2009, no. 8, pp. 139–146 (in Russian).

The Establishment of Soviet Power in Kostroma and the Kostroma Province. Collection of Documents (March 1917–September 1918) [Ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Kostrome i Kostromskoi gubernii. Sbornik dokumentov (mart 1917 – sentyabr' 1918g.g.)]. Kostroma. 1957. 426 p. (in Russian).

The Establishment of Soviet Power in the Yaroslavl Province. Collection of Documents and Materials [Ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Yaroslavskoi gubernii. Sbornik dokumentov i materialov]. Yaroslavl. 1957. 298 p. (in Russian).

Triumphal Procession of Soviet Power: Documents and Materials [Triumfal'noye shestvie Sovetskoi vlasti: Dokumenty i materialy]. Moscow. 1963. Part 2. 495 p. (in Russian).

Trud i bor'ba, September 17, 1917 (in Russian).

Trud i bor'ba, September 26, 1917 (in Russian).

Д.А. Ивочкин

Смоленская православная духовная семинария
Смоленск, Россия

УДК 908.470

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-175-186

ЕПИСКОП СМОЛЕНСКИЙ И ДОРОГОБУЖСКИЙ СЕРАФИМ (ПРОТОПОПОВ) В ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: *Смоленская епархия; епископ Серафим (Протопопов); храмостроительство; просветительская деятельность; епархиальное женское духовное училище.*

Статья раскрывает вклад в развитие Смоленской епархии епископа Серафима (Протопопова), управлявшего ею в 1869–1874 годах. Деятельность преосвященного Серафима осуществлялась по нескольким направлениям: храмостроительство, изучение истории епархии, забота о просвещении представителей духовного сословия. Благодаря трудам епископа Серафима на Смоленщине в указанный период появились новые храмы, учреждена специальная комиссия по устройству общей ризницы, осуществлена реализация образовательного устава для епархиальных женских училищ. Статья также позволит детализировать жизнеописание епископа Серафима, показать этапы его служения с учетом церковных и социальных обстоятельств, в которых проходила его деятельность. Выявлен поливекторный характер деятельности (социальный, субъектно-созидательный, религиозно-подвижнический, духовно-просветительский, культурно-образовательный) епископа Смоленского и Дорогобужского Серафима (Протопопова); раскрыты функции этой деятельности. Во время работы над статьей применены комплексный подход, общенаучный диалектический метод изучения и анализа общественных явлений, включающий принципы объективности, историзма и системности. В качестве вспомогательного оказался востребован биографический метод для выявления субъективного, личностного фактора деятельности епископа Серафима (Протопопова). Полученные результаты позволят объективнее представить историю не только Смоленской епархии, но и в целом Русской православной церкви.

В настоящее время большое внимание уделяется исследованиям жизни и деятельности епархиальных архиереев Русской православной церкви. В основном это диссертационные работы светских и церковных историков [Фролова, 2010; Исидор (Тупикин), 2018]. Исследования митрополита Исидора (Тупикина) и епископа Серафима освещают деятельность епископов Смоленской епархии. Однако труды указанных авторов посвя-

щены лишь двум архиереям Смоленщины – епископу Иоанну (Соколову) и архиепископу Серафиму (Остроумову) [Серафим (Амельченков), 2017; Исидор (Тупикин), 2019; Biskup Serafin (Amielczenkow), 2019]. Целостных и комплексных исследований, анализирующих служение других смоленских епископов, в краевой историографии практически нет, за исключением публикации об архиепископе Тимофее (Кетлерове) автора данной статьи [Рафаил (Ивочкин), 2017б, *51–76*]. Таким образом, задача настоящего исследования – восполнить существующий пробел и дать характеристику, определить основные векторы деятельности архиерея Смоленской епархии, внесшего значительный вклад в различные стороны жизни управляемой им епархии во второй половине XIX века.

Епископ Серафим (в миру Симеон Иванович Протопопов) родился в 1818 году в семье московского священника. По окончании Московской духовной семинарии с 1840 года обучался в Московской духовной академии. 12 декабря 1844 года, после окончания академии со степенью магистра, С.И. Протопопов был назначен преподавателем Казанской духовной академии. 15 ноября 1845 года – бакалавр академии. 8 ноября 1847 года пострижен в монашество, 19 ноября рукоположен в сан иеродиакона, 20 ноября – иеромонаха [Мануил (Лемешевский), *569*].

С 11 июля 1851 года иеромонах Серафим – профессор Казанской духовной академии. 8 июня 1852 года возведен в сан архимандрита. 27 июня 1854 года архимандрит Серафим назначен инспектором Казанской духовной семинарии, редактором журнала «Православный собеседник» и членом цензурного комитета.

Будучи инспектором, архимандрит Серафим отличался большой строгостью. За придирчивость и мелочные нападки студенты прозвали его Пилой, однако уважали за то, что он старался приготовить хорошее питание, качественное белье и одежду для семинаристов [Мануил (Лемешевский), 2003, *570*].

11 октября 1855 года отец Серафим переведен на должность ректора Симбирской духовной семинарии, 9 июня 1856 года перемещен на ту же должность в Тверь.

31 декабря 1857 года назначен настоятелем Тверского Отроча монастыря.

10 апреля 1866 года архимандрит Серафим хиротонисан в сан епископа Старорусского, викария Новгородской епархии [Сперанский, 1899, *675*].

14 апреля 1869 года епископ Серафим назначен на самостоятельную Смоленскую кафедру. Известие о назначении нового архиерея пришло в Смоленск 25 апреля, в Вербное воскресенье. Прибыл владыка в епархию 3 мая. По его предварительной просьбе не было организовано торжественной официальной встречи. Со станции епископ Серафим направился в домовый архиерейский храм, а затем в свои покои [Прибытие, 1869, *385*].

На следующий день, 4 мая, преосвященному в его покоях представились ректор семинарии, секретарь и члены консистории. Затем епископ Серафим отправился в Малый Богоявленский кафедральный собор, где его торжественно встретило все духовенство Смоленска. Здесь кафедральный протоиерей Павел Жданов произнес речь, в которой отметил несколько совпадений в жизни нового владыки с событиями из жизни его предшественников – епископа Парфения (Сапковского) и архиепископа Тимофея (Кетлерова), а также Серафима (Глаголевского), ставшего впоследствии митрополитом Санкт-Петербургским.

«<…> Еще радуемся, яко от святого и великого Новгорода приходишь к нам, отец наш. <…> О тебе же просим и молим Господа, да пребудеши с нами столько, сколько пребывали здесь святители – Парфений и Тимофей – незабвенные Смоленские святители, кои оба пришли во град сей от одного с тобой града, а последний из них и встречаем был в храме сем в день Входа Господня в Иерусалим, то есть, в тот самый день, когда и ты в первый раз духовно вошел в молитвенное со смоленской паствой общение.

Над всеми же сими, дерзаем радоваться перед Богом и о самом имени твоем – с одной стороны возводящем нас к высшим Силам небесным, окружающим престол Вседержителя, а с другой – воспоминающем любимое и родное Смоленску имя тезоименитого тебе – бывшего архипастыря смоленского, впоследствии и Первосвятителя Российской Церкви» [Жданов, 1869, *386, 388*].

После слова протоиерея П. Жданова епископ Серафим приложился к иконам и преподал пастве первое архиерейское благословение. 4 мая в сослужении ректора семинарии, настоятеля Троицкого монастыря и соборного духовенства владыка совершил литургию и поприветствовал смолян вступительным словом. Затем епископ посетил некоторых жителей Смоленска [Прибытие, 1869, *386*].

Епископ Серафим оставил в Смоленске по себе память как об отличном администраторе. Его деятельность в епархии строилась по следующим направлениям: 1) храмостроительство; 2) просветительская работа; 3) забота о состоянии женского епархиального духовного училища.

За годы управления Смоленской епархией преосвященным Серафимом на ее территории было выстроено 12 церквей, из них 5 каменных и 7 деревянных [Рафаил (Ивочкин), 2017а, *74–122*].

Владыка Серафим впервые в истории Смоленской епархии предпринял попытку организовать для градского духовенства единую ризницу. По его благословению 31 января 1872 года была учреждена специальная комиссия по устройству общей градской ризницы. Комиссия посетила все храмы Смоленска и выяснила, сколько в каждую церковь необходимо риз и стихарей. Затем была подготовлена смета на пошив облачений, итог которой составил 3369 руб. 95 коп. [ГАСО, ф. 219, оп. 1, д. 34, *28–29*]. По

просьбе архиерея духовенство Смоленска стало жертвовать деньги на ризницу. Уже через месяц после учреждения комиссии настоятели Авраамиева и Троицкого мужских монастырей, игуменья Вознесенской женской обители и градский благочинный передали члену комиссии кафедральному протоиерею Иоанну Ефремову 1209 руб. 23 коп., что составило почти половину требуемой суммы [ГАСО, ф. 219, оп. 1, д. 35, *7–7 об.*]. К сожалению, из-за отсутствия документов нельзя точно определить, чем закончилась попытка преосвященного Серафима устроить общую ризницу.

Как знаток и любитель истории, владыка Серафим большое внимание уделял изучению старинных письменных памятников о епархии. С этой целью он требовал от священнослужителей составления церковных летописей. Для разбора архивных дел консистории архиерей учредил особую комиссию, состоявшую из преподавателей семинарии и градского духовенства. Разбор архива проводился по специально разработанному плану, в хронологическом порядке и в строгой системе. Работы комиссии направлялись на просмотр епископу Серафиму, а затем публиковались в епархиальных ведомостях [Сперанский, 1899, *676*]. Например, в октябре 1873 года епископ Серафим запросил у настоятеля градской Нижне-Никольской церкви священника Иоанна Басова составленную летопись указанного храма [ГАСО, ф. 219, оп. 1, д. 36, *9, 13, 16–16 об.*].

Из анализа архивных документов следует, что духовенство не обладало достаточными методическими навыками для составления приходских летописей. Поэтому при преосвященном Серафиме на страницах епархиальной периодической печати были опубликованы методические рекомендации «Заметки для руководства и соображений при составлении описей», ставшие основой приходского летописания во второй половине XIX века [Заметки, 1873, *140*]. Кроме того, в это же время в епархиальных ведомостях были напечатаны объемные работы И.П. Сперанского «Материалы для церковных летописей по Смоленской епархии», А. Смирнова «Очерк истории Смоленского училища девиц духовного звания», 10 статей с описанием истории 9 сел и 1 монастыря Смоленщины [Рафаил (Ивочкин), 2016, *13*]. Необходимо подчеркнуть, что епископ Серафим материально поддерживал авторов исторических исследований. Так, вышеназванный А. Смирнов за свою работу о женском училище был щедро награжден архиереем [Сперанский, 1899, *676*]. Таким образом, труды смоленских историков, поощряемых архиереем, стали фундаментом для других ученых, в том числе современных. Можно сказать, что стимулирование публикаций по истории края послужило не только образованию читающей публики, но и самообразованию авторов, способствовало их вхождению в ряды провинциальной интеллигенции. В первую очередь это относится к сельскому духовенству, составлявшему и публиковавшему церковно-приходские летописи.

Большое внимание епископ Серафим уделял епархиальному женскому духовному училищу. Оно пользовалось его благоволением не только во время управления Смоленской епархией, но и позднее, когда владыка занимал Самарскую кафедру. По завещанию архипастыря после его смерти в 1891 году Совет училища принял капитал в размере 6300 руб. Согласно воле почившего, Совет постановил хранить деньги неприкосновенно, а на проценты учредить четыре стипендии имени епископа Серафима для воспитанниц-сирот, исключительно дочерей умерших священников Смоленской епархии [Отчет, 1892, *144*].

Незадолго до вступления епископа Серафима на Смоленскую кафедру Святейший Синод издал устав для епархиальных женских училищ. Этот документ вводил новый порядок управления, содержал вновь утвержденные учебные программы, определял права воспитанниц, окончивших полный курс училищ. Ввиду очевидной пользы нового устава владыка Серафим вскоре по прибытии в Смоленск стал его активно применять в стенах епархиального женского училища. Ознакомившись с порядками в учебном заведении, архиерей пришел к выводу, что для соответствия новому уставу необходимо многое изменить. В первую очередь перемены коснулись совета училища. Епископ Серафим узнал, что до него вся деятельность совета заключалась в представлении епархиальному начальству ведомостей о наличии денежных средств и двух-трех экономических журналов, на основании чего невозможно было составить мнение о деятельности училища. Поэтому на одном из журналов совета в 1869 году владыка написал следующее:

«Желалось бы, чтобы деятельность Совета не ограничивалась представлением одних месячных ведомостей, так как бесконтрольное управление общественным заведением нигде не дозволяется и дозволено быть не может. Предлагаю Совету ежемесячно доносить мне о состоянии училища, а именно: все ли классы были заняты наставниками в определенное время и если не все, то какие и кем не были заняты и почему, все ли воспитанницы находились в классах, не было ли между ними больных и кто именно и в какое время, не было ли особенных каких-либо происшествий в училище, выходящих из ряда обыкновенных и т.п.» [Сперанский, 1899, *677*].

Резолюция епископа оказалась действенной: Совет стал внимательнее относиться к своим обязанностям, существовавшие упущения стали повторяться реже. Затем, согласно требованию устава, владыка занялся приведением в должный порядок учебной части. 21 сентября 1870 года он возложил обязанности инспектора училища на А. Смирнова (смотрителя мужского духовного училища), а с 1 сентября 1871 года заменил назначенную епископом Иоанном смотрительницу Ю. Крылову на Варвару Павловну Островзорову, известную архиерею «своим образованием и педагогическим тактом» [Сперанский, 1899, *677*].

Чтобы исполнить требования устава и оказать содействие успешному развитию воспитанниц, епископ Серафим стал постепенно включать в учебный план дисциплины, положенные по уставу, не исключая таких предметов, как космография, физика, французский и латинский языки (архиерей сам прекрасно владел древними и новыми языками). Желая дать как можно больше знаний ученицам, владыка организовал при училище физический кабинет, пополнил библиотеку. На приобретение пособий, приборов и книг епископ выделил значительные суммы из собственных средств. По просьбе архиерея большую помощь училищу оказала почетная попечительница графиня Елизавета Егоровна Ламберт [Сперанский, 1899, *678–679*].

Немалому успеху в работе училища способствовали регулярное посещение преосвященным Серафимом занятий, непосредственное его наблюдение за преподаванием и «довольно щедрое с его стороны материальное вознаграждение преподавателям» [Сперанский, 1899, *679*]. Кроме того, классные надзирательницы усилили контроль за качеством подготовки учениц. По благословению епископа они слушали все объяснения наставников на уроках, а затем вечером повторяли пройденное со всеми воспитанницами подведомых им классов. В конце занятий классные дамы занимались со слабыми ученицами. Результатом было постепенное уменьшение числа малоуспешных воспитанниц. В 1874 году по случаю 25-летия училища смоленское градское духовенство так написало в приветственном адресе епископу Серафиму:

«В настоящее время училище наше и по курсу наук, и по успехам воспитанниц, словом – во всех отношениях, имеет полное право занять почетное место в ряду подобных ему заведений» [Сперанский, 1899, *679*].

Оценку состояния учебного процесса дала одна из воспитанниц училища, принимавшая участие в юбилейных торжествах:

«Ныне обширно и подробно уясняются нам религиозно-нравственные наши обязанности, пред нами раскрывается прошедшая судьба Церкви Христовой, нам известна как прошедшая, так и настоящая жизнь человечества во всех ее проявлениях, не чужды для нас и грозные и величественные явления физической природы – мы понимаем их. Не бессмысленно смотрим мы и на прекрасное небо, поражающее нас своим величием, усеянное мириадами звезд разной величины и разного названия – хоть отчасти мы теперь знакомы и с этой небесной книгою» [Сперанский, 1899, *679*].

Большое внимание епископ Серафим уделял приучению воспитанниц к ведению домашнего хозяйства и обучению рукоделию. По распоряжению владыки преподавательницы рукоделия были обязаны перед каждым экзаменом представлять ему подробный отчет: чему и как научены ученицы все вместе и каждая по отдельности. Во время экзаменов архипастырь присутствовал на испытаниях по ведению хозяйства и рукоделию.

Относительно домоводства епископ требовал от воспитанниц основательных знаний по технологии приготовления тех или иных блюд, а при экзамене по рукоделию архиерей не ограничивался лишь рассмотрением представленных работ, но заставлял объяснить каждую из них и показать ее производство в своем присутствии [Сперанский, 1899, *680*].

Заботы епископа Серафима о духовном женском училище не ограничивались только учебной частью. Большое внимание он уделял материальному благосостоянию этого учебного заведения. При владыке Серафиме были значительно улучшены быт и содержание воспитанниц. Чтобы средства училища расходовались целесообразнее, архиерей вменил совету в обязанность составлять на каждый учебный год подробную приходо-расходную смету, чего прежде не делалось. Благодаря благотворителям, привлеченным преосвященным Серафимом, с каждым годом увеличивались материальные средства училища. Среди жертвователей – великая княжна Мария Александровна, графиня Е.Е. Ламберт, вдова статского советника Мария Андреевна Юревич [Мицюк, 2013, *281*]. Графиня Ламберт по просьбе епископа была готова всегда прийти на помощь училищу, как только «замечался недостаток, так или иначе старалась исправить его» [Сперанский, 1899, *681*].

Пример архиерея положительно влиял на местное духовенство: сборы священнослужителей в пользу училища при преосвященном Серафиме начали увеличиваться. Быт учебного заведения улучшался, возросло число воспитанниц. В училище стали отдавать детей не только духовные лица, но и представители других сословий. Это привело к тому, что стены училища не могли вместить всех желающих в нем обучаться. Епископ Серафим решился преодолеть данное затруднение. Его мотив – предоставить епархиальному духовенству больше возможностей образовывать своих дочерей. Владыка решил перестроить старое училищное здание и пристроить к нему помещение, в котором, кроме шести классных комнат, можно было поместить общежитие для 140 воспитанниц. На расширение училища израсходовали 11 000 руб., 5000 из которых выделил Святейший Синод, а 6000 собрало духовенство епархии. Строительство началось в 1873 году, окончено к 1 сентября 1874 года [Сперанский, 1899, *682*; Шперк, 1899, *71*; Мицюк, 2013, *284*].

В 1874 году по благословению владыки Серафима были изданы слова и поучения основателя училища архиепископа Тимофея (Кетлерова). Цель указанной публикации – оказание материальной помощи училищу для расширения его помещений, так как все средства от реализации книги епископ благословил употребить на улучшение материальной базы учебного заведения. Консистория разослала по епархии 650 экземпляров книги по цене 2 руб. 50 коп., причем в указе было подчеркнуто, что желающие могут «по усердию» приобрести книгу дороже. Все средства от ее реализа-

ции рекомендовано направлять непосредственно в совет училища [ГАСО, ф. 219, оп. 1, д. 23, *56–56 об.*].

Знаменательным событием в жизни епархиального женского училища при епископе Серафиме стало посещение 4 ноября 1869 года учебного заведения великой княжной Марией Александровной, возвращавшейся из поездки в Крым, а также великими князьями Сергеем Александровичем и Павлом Александровичем. Августейшая покровительница внимательно осмотрела классы, кабинеты, столовую, комнаты учениц, интересовалась качеством питания. Мария Александровна беседовала с девочками, интересовалась их успехами. Великая княжна «выразила пред всеми свое удовольствие по поводу найденного ею в училище» [Краткий очерк, 1874, *694*].

Подводя итог сказанному о деятельности епископа Серафима на пользу духовного училища, необходимо отметить, что благодаря владыке данное учебное заведение достигло высокого образовательного уровня, укрепило материальную часть. По замечанию И.П. Сперанского, «не употреби он должного старания об улучшении учебной части и не расширь здания, училищу девиц духовного звания еще долго не пришлось бы думать о полном преобразовании своем из трехклассного в шестиклассное, а вместе и дочерям духовенства еще не скоро удалось бы получать вполне законченное образование и пользоваться ныне им предоставленными правами. Заслуги в этом отношении Преосвященного Серафима для Смоленской епархии имеют чрезвычайно большое значение. О них смоленское духовенство должно всегда вспоминать с полной благодарностью» [Сперанский, 1899, *682*].

По своим личным качествам епископ Серафим был очень добр, сердечен, справедлив. Владыка старался прийти на помощь каждому человеку.

«Его общение с другими может служить образцом благородства. Ум, энергия, полезный труд, серьезное отношение к делу всегда находили в нем соучастника и покровителя, а также просвещенного руководителя. <…> Епископ Серафим по своим личным качествам, образованию, твердости характера и непреклонности воззрений и убеждений был одним из выдающихся иерархов Русской Церкви» [Мануил (Лемешевский), 2003, *570*].

2 октября 1874 года епископ Серафим был назначен в Рижскую епархию. Умер он в 1891 году епископом Самарским и Ставропольским [Мануил (Лемешевский), 2003, *569*].

Пять лет длилось служение епископа Серафима на Смоленской земле. Несмотря на небольшой срок пребывания владыки в Смоленске, в памяти и сердцах современников остался яркий образ архипастыря, христиански простого в личной жизни, искренне радеющего о своей пастве, сострадательного к заблудшим, пекущегося о судьбе Отечества, непрестанно заботящегося о духовном просвещении и образовании народа, талантливого проповедника, молитвенника.

Анализ жизнедеятельности епископа Смоленского и Дорогобужского Серафима (Протопопова) позволил выявить поливекторный, многофункциональный, социально ориентированный характер его деятельности. Основными функциями можно считать развитие организационной структуры религиозной деятельности, увеличение числа храмовых объектов, духовно-нравственную функцию. Все это органично связано с основными векторами деятельности: социальным, субъектно-созидательным, религиозно-подвижническим, духовно-просветительским, культурно-образовательным.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 219. Оп. 1. Д. 23.

ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 34.

ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 35.

ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 36.

Жданов П., протоиерей. Речь Преосвященнейшему Серафиму, епископу Смоленскому и Дорогобужскому, произнесенная 3-го мая 1869 года в Смоленском кафедральном Богоявленском соборе, при вступлении Его Преосвященства на Смоленскую паству // Смоленские епархиальные ведомости. 1869. № 10. Отдел неофиц. С. 386–388.

Заметки для руководства и соображений при составлении описей // Смоленские епархиальные ведомости. 1873. № 4. Отдел неофиц. С. 140.

Исидор (Тупикин), митрополит. Жизнь и деятельность епископа Смоленского и Дорогобужского Иоанна (Соколова): дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2018.

Исидор (Тупикин), митрополит. Епископ Смоленский и Дорогобужский Иоанн (Соколов): жизнь и труды. М., 2019.

Краткий очерк истории Смоленского училища девиц духовного звания // Смоленские епархиальные ведомости. 1874. № 19. Отдел неофиц. С. 693–733.

Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи (992–1892). Т. II. М., 2003.

Мицюк Н.А. Женщины российской провинции XIX – начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013.

Отчет о состоянии Смоленского епархиального женского училища за 1890–91 учебный год // Смоленские епархиальные ведомости. 1892. № 3. Отдел офиц. С. 109–120.

Прибытие в Смоленск Преосвященнейшего Серафима // Смоленские епархиальные ведомости. 1869. № 10. Отдел неофиц. С. 385.

Рафаил (Ивочкин), иеромонах. «Смоленские епархиальные ведомости» как источник по истории Смоленской епархии (1865–1918). Смоленск, 2016.

Рафаил (Ивочкин), иеромонах. Православные храмы Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Смоленск, 2017.

Рафаил (Ивочкин), иеромонах. Архиепископ Смоленский и Дорогобужский Тимофей: к 235-летию со дня рождения и 155-летию со дня преставления // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 2017. № 2(91). С. 51–76.

Серафим (Амельченков), епископ. Пастырство священномученика Серафима (Остроумова), архиепископа Смоленского в Польше и России. Смоленск, 2017.

Сперанский И.П. Деятели Смоленского края на пользу Церкви, общественной благотворительности, науки и народного образования // Смоленские епархиальные ведомости. 1899. № 13. Отдел неофиц. С. 675–683.

Фролова Э.В. Деятельность архиереев и духовной консистории в системе епархиального управления Русской Православной Церкви (на материалах Владимиро-Суздальской епархии. 1744 – февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010.

Шперк Ф.Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии. Смоленск, 1899.

Biskup Serafin (Amielczenkow). Polski i rosyjski wymiar duszpasterstwa świętego męczennika Serafina (Ostroumowa), arcybiskupa smoleńskiego. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2019.

D.A. Ivochkin
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Theology,
Head of the Department of Theological
and Church-Historical Disciplines,
Smolensk Orthodox Theological Seminary
of the Smolensk Diocese of the Russian Orthodox Church
Smolensk, Russia

Bishop of Smolensk and Dorogobuzh Seraphim (Protopopov) in the History of the Smolensk Diocese in the Second Half of the XIX Century

The article reveals Bishop Seraphim's (Protopopov) contribution to the development of the Smolensk diocese ruled under his control in the 1869–1874s. The activity of Bishop Seraphim was carried out in several areas such as temple-building, studying the history of the diocese, concern for education of the clergy's representatives. Due to Bishop Seraphim's activities, new churches appeared in the Smolensk region during the stated period, a special commission was established to arrange the common sacristy, and the educational charter for diocesan women's schools was implemented.

Moreover, the article allows the author to detail Bishop Seraphim's biography, to show the stages of his ministry considering the church and social circumstances in which his activities took place. In the course of the research, the author reveals the multivector nature of the activity (social, subjective-creative, religious ascetic, spiritual enlightenment, cultural and educational one) characterizing the Bishop of Smolensk and Dorogobuzh Seraphim (Protopopov). The work discloses functions of this activity.

The article applies an integrated approach, a general scientific dialectic method of studying and analyzing social phenomena, including the principles of objectivity, historicism and systematicity. As a supplementary approach, a biographical method is used to identify the subjective, personal factor in the activities of Bishop Seraphim (Protopopov). The results obtained make it possible to present more objectively not only the history of the Smolensk Diocese, but also the Russian Orthodox Church.

Key words: *Diocese of Smolensk; Bishop Seraphim (Protopopov); temple-building; educational activities; diocesan women's religious school.*

REFERENCES

A Brief Review of the History of the Smolensk School of Girls of Spiritual Rank [Kratkiy ocherk istorii Smolenskogo uchilishcha devits dukhovnogo zvaniya]. *Smolenskie yeparkhial'nye vedomosti*, 1874, no. 19, Department of Unofficials, pp. 693–733 (in Russian).

Arrival in Smolensk His Grace Seraphim [Pribytie v Smolensk Preosvyashchenneishego Serafima]. *Smolenskie yeparkhial'nye vedomosti*, 1869, no. 10, Department of Unofficials, p. 385 (in Russian).

Frolova E.V. The Activities of Bishops and the Clergy in the Diocesan Administration of the Russian Orthodox Church (Based on the Materials of the Vladimir-Suzdal Diocese. 1744 – February 1917) [Deyatel'nost' arkhiereyev i dukhovnoi konsistorii v sisteme yeparkhial'nogo upravleniya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (na materialakh Vladimiro-Suzdal'skoi yeparkhii. 1744 – fevral' 1917 g.)]: diss. ... cand. of hist. sciences. Ivanovo. 2010. (in Russian).

Isidore (Tupikin), Metropolitan. John (Sokolov), Bishop of Smolensk and Dorogobuzh: Life and Works [Yepiskop Smolensky i Dorogobuzhsky Ioann (Sokolov): zhizn' i trudy]. Moscow. 2019 (in Russian).

Isidore (Tupikin), Metropolitan. The Life and Work of John (Sokolov), Bishop of Smolensk and Dorogobuzh [Zhizn' i deyatel'nost' yepiskopa Smolenskogo i Dorogobuzhskogo Ioanna (Sokolova)]: diss. ... cand. of theology. Sergiev Posad. 2018 (in Russian).

Manuel (Lemeshevsky), Metropolitan. Russian Orthodox Hierarchs (992–1892) [Russkie pravoslavnye ierarkhi (992–1892)]. Vol. II. Moscow. 2003 (in Russian).

Mitsyuk N.A. Women of the Russian Province if the 19th – Early 20th Centuries: Upbringing, Education, Socio-Cultural Space and Everyday Life (Based on Materials of the Smolensk Governorate) [Zhenshchiny rossiyskoi provintsii XIX – XX nachala veka: vospitanie, obrazovanie, sotsiokul'turnoye prostranstvo i povsednevnaya zhizn' (na materialakh Smolenskoi gubernii)]. Smolensk. 2013 (in Russian).

Notes for Guidance and Considerations in Compiling Inventories [Zametki dlya rukovodstva i soobrazheny pri sostavlenii opisei]. *Smolenskie eparhial'nye vedomosti*, 1873, no. 4, Department of Unofficials, p. 140 (in Russian).

Raphael (Ivochkin), hieromonk. «Smolensk Diocesan Sheets» as a Source on the History of the Smolensk Diocese (1865–1918) [«Smolenskie yeparkhial'nye vedomosti» kak istochnik po istorii Smolenskoi yeparkhii (1865–1918)]. Smolensk. 2016. (in Russian).

Raphael (Ivochkin), hieromonk. Archbishop Timofey of Smolensk and Dorogobuzh: on the 235th Anniversary of the Birth and 155th Anniversary of the Repose [Arhiepiskop Smolensky i Dorogobuzhsky Timofei: k 235-letiyu so dnya rozhdeniya i 155-letiyu so dnya prestavleniya]. Smolensk. *Smolenskie eparkhial'nye vedomosti*, 2017, no. 2 (91), pp. 51–76 (in Russian).

Raphael (Ivochkin), hieromonk. Orthodox Churches of the Smolensk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries [Pravoslavnye khramy Smolenskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.] Smolensk. 2017. (in Russian).

Report on the Status of the Smolensk Diocesan School for the 1890–91 Academic Year [Otchet o sostoyanii Smolenskogo yeparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha za 1890–91 uchebny god]. *Smolenskie yeparkhial'nye vedomosti*, 1892, no. 3, Department of Unofficials, pp. 109–120 (in Russian).

Seraphim (Amelchenkov), bishop. Shepherding of the Holy Martyr Seraphim (Ostroumov), Archbishop of Smolensk in Poland and Russia [Pastyrstvo svyashchennomuchenika Serafima (Ostroumova), arkhiepiskopa Smolenskogo v Pol'she i Rossii]. Smolensk. 2017. (in Russian).

Shperk F.F. A Brief Historical Outline of Public Education in the Smolensk Governatore [Kratky istorichesky ocherk narodnogo obrazovaniya v Smolenskoi gubernii]. Smolensk. 1899. (in Russian).

Speransky I.P. Figures of the Smolensk Territory for the Benefit of the Church, Public Charity, Science and Public Education [Deyateli Smolenskogo kraya na pol'zu Tserkvi, obshchestvennoi blagotvoritel'nosti, nauki i narodnogo obrazovaniya]. *Smolenskie yeparkhial'nye vedomosti*, 1899, no. 13, Department of Unofficials, pp. 675–683 (in Russian).

State Archives of the Smolensk Region [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 219. List 1. Record 23 (in Russian).

State Archives of the Smolensk Region [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 219. List 1. Record 34 (in Russian).

State Archives of the Smolensk Region [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 219. List 1. Record 35 (in Russian).

State Archives of the Smolensk Region [Gosudarstvenny arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 219. List 1. Record 36 (in Russian).

Zhdanov P., archpriest. Speech by His Grace Seraphim, Bishop of Smolensk and Dorogobuzh, delivered on May 3, 1869 in the Smolensk Epiphany Cathedral, at the accession of His Grace to the flock of Smolensk [Rech' Preosvyashchenneishemu Serafimu, yepiskopu Smolenskomu i Dorogobuzhskomu, proiznesennaya 3-go maya 1869 goda v Smolenskom kafedral'nom Bogoyavlenskom sobore, pri vstuplenii Yego Preosvyashchenstva na Smolenskuyu pastvu]. *Smolenskie yeparhial'nye vedomosti*, 1869, no. 10, Department of Unofficials, pp. 386–388 (in Russian).

Bishop Serafin (Amielchenko) Polish and Russian Dimension of the Pastoral Care of the Holy Martyr Serafin (Ostroumowa), Archbishop of Smolensk [Polski i rosyski wymiar duszpasterstwa świętego męczennika Serafina (Ostroumowa), arcybiskupa smoleńskiego, Warszawska Metropolia Prawosławna]. Warsaw, Warsaw Orthodox Metropolis. 2019. (in Polish).

И.И. Родионов

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 93/94

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-186-198

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЦЕНТРЫ БЕЛОРУСОВЕДЕНИЯ. ЦЕНТР М. ОСТРОГОРСКОГО В ЛОНДОНЕ[1]

Ключевые слова: *зарубежное белорусоведение; Великобритания; Центр М. Острогорского; The Journal of Byelorussian Studies.*

В статье анализируется деятельность Центра М. Острогорского – одной из наиболее активных белорусских организаций Великобритании в настоящее время. В основу исследования положен анализ публикаций «The Journal of Byelorussian Studies» и курса Острогорской академии «Ве-

[1]Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

ликое княжество Литовское в европейской и белорусской истории». История создания «Журнала белорусских исследований» (The Journal of Byelorussian Studies) восходит к середине 1960-х годов. Инициатором создания журнала стало Англо-белорусское общество. Первый номер ежегодника вышел в 1965 году. В целом журнал имел филологическую (лингвистическую) направленность. Общая тематика статей белорусской истории за первый период существования журнала носила случайный характер, без общей целевой редакторской установки и самой философии исторической проблематики журнала: например, описание отдельных номеров газеты «Наша Нива» сменяется статьями о роли Великого княжества Литовского, повседневной жизни дворян, представленной в мемуарах, влиянии белорусских мастеров на московскую архитектуру и т.п. В большинстве тематически «разбросанных» исторических публикаций журнала со всей очевидностью проступает одна линия – национальная. Журнал вновь стал издаваться с 2013 года благодаря объединению усилий Центра Острогорского и Англо-белорусского общества. На его страницах публикуются статьи по белорусской литературе, лингвистике, истории и искусству, на темы международных отношений, гражданского общества, а также рецензии на книги, что подчеркивает его научную составляющую. Современная версия журнала содержит большее число статей по исторической тематике в сравнении с изданием второй половины XX века. Публикации современного журнала затрагивают такие темы, как Великое княжество Литовское, раннесоветский период 1920–1930-х годов и белорусизация, Западная Белоруссия в составе Польши, период Второй мировой войны, сталинизм, персоналии и т.д.

Зарубежное белорусоведение, в том числе и историческое, все еще остается малоизученным направлением в современной историографии. Отдельными аспектами британского белорусоведения занимаются ученые Гродненского университета Д.В. Карев и А.Д. Дудько [Карев, 2016; 2017; Дудько, 2016; 2018; 2020]. В их публикациях основное внимание уделяется влиянию на данное направление британской белорусской диаспоры и различных общественных объединений (например, Англо-белорусского общества) [Дудько, 2018, *43*]. При этом в большей степени белорусские исследователи анализируют работы британских филологов, а не историков [Дудько, Кодин, 2017]. В настоящее время одной из наиболее активных белорусских организаций в Великобритании является Центр М. Острогорского в Лондоне.

Центр был создан в 2008 году Ярославом Кривым[2]. Изначально и по 2014 год он назывался «Центр переходных исследований». В 2014 году

[2] Ярослав Кривой (1980 г.р.) – выпускник Школы права Гарвардского университета, старший научный сотрудник в области международного экономического права и дирек-

Центр был назван в честь Моисея Яковлевича Острогорского (1854–1921), белорусского, как полагают организаторы, политолога, политика и историка, который внес значительный вклад в изучение правовых и политических систем периода перехода от автократии к демократии. Острогорский считается одним из основателей политической социологии на Западе. Его идеи о партиях нашли свое отражение в главной работе ученого «Демократия и политические партии», впервые изданной в Париже в 1903 году [Острогорский, 1997]. В этом труде Острогорский показал, что быстрый переход от традиционного общества к демократии создает возможность нового авторитаризма – демократического цезаризма, использующего демократические формы для утверждения антиправового режима [Острогорский, 1997, *5*].

Центр Острогорского – это некоммерческая организация, которая ставит своей задачей анализ проблем постсоветской Белоруссии (внешняя политика, система управления, экономика), одновременно занимаясь и политической пропагандой. Так, например, в отчете о работе Центра за 2013–2014 годы зафиксировано, что «Центр нацелен на продвижение реформ и мышления, способствующих повышению конкурентоспособности экономики, повышению эффективности управления и интеграции белорусских ученых и аналитиков в общеевропейские и глобальные СМИ и сети ученых».

Основные направления работы Центра – это регулярные дайджесты белорусской экономики, гражданской, общественной деятельности, внешней политики и безопасности; статьи по вопросам внутренней и внешней политики Белоруссии, в частности об отношениях с Россией и Европейским Союзом; создание доступной для поиска базы данных научных работ, выполненных различными аналитическими центрами [The Ostrogorski Centre Annual report, 2013–2014, *1, 3*].

Центр сотрудничает с несколькими белорусскими и зарубежными институтами, включая Белорусский государственный университет, Белорусский исследовательский совет, Польское радио для зарубежья, радио «Свобода» [The Ostrogorski Centre Annual report, 2015, *4*]. Партнерами Центра являются также Белорусский научно-просветительский центр, Британская Ассоциация славянских и восточноевропейских исследований, Белорусская библиотека и музей Франциска Скорины, Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университетского колледжа (UCL) [The Ostrogorski Centre Annual report, 2015, *12*]. В 2015 году Центр открыл свой филиал в Минске.

Начиная с 2015 года, когда Центр организовал первую ежегодную лондонскую лекцию по белорусским исследованиям «Истоки современной Беларуси: идентичность, нация и политика в Европейском пограничье»,

тор Форума инвестиционных договоров в Британском институте международного и сравнительного права (BIICL).

прочитанную профессором Андерсом Рудлингом в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университетского колледжа при поддержке Ассоциации белорусов Великобритании, в его работе все больше внимания стало уделяться вопросам белорусской истории. В марте 2016 года в Лондоне совместно с указанной школой лондонского колледжа, библиотекой им. Ф. Скорины и англо-белорусским обществом проведена конференция «Исследования по Белоруссии в XXI веке» («Belarusian Studies in the 21st Century»), на которой представили свои доклады 20 исследователей из Великобритании, Германии, США, Канады, Польши, Франции [The Ostrogorski Centre Annual report, 2016, *11*].

В 2017 году Центром Острогорского совместно с Лондонским университетским колледжем, Белорусской библиотекой и музеем им. Ф. Скорины была организована вторая лондонская конференция по белорусским исследованиям. В ней приняли участие ученые из Белоруссии, Великобритании, Японии, Германии, США и других стран. На панельных площадках конференции обсуждались творчество и наследие Франциска Скорины, проблемы белорусской национальной идентичности, белорусская внешняя и сравнительная политика, общественно-политические движения, язык и литература [The Ostrogorski Centre Annual report, 2017, *11*]. Весной 2018 года состоялась третья из этой серии конференция [The Ostrogorski Centre Annual report, 2018, *11*]. 29–30 марта 2019 года прошла четвертая конференция. На этой конференции с лекцией о белорусском национализме в 2010 году и результатах «мягкой белорусизации» выступила профессор из Франции Анаис Марин. В конференции 2019 года приняли участие докладчики из Белоруссии, Чехии, Венгрии, Франции, Польши и Великобритании в количестве 16 человек [Belarus digest, 2019]. 21–22 февраля 2020 года прошла пятая конференция, на которой доклад на тему «Литва и другие уроки белорусской истории» представил британский историк, профессор Норман Дэвис [Belarus digest, 2020].

При поддержке Центра Острогорского издается «Журнал белорусских исследований» (The Journal of Byelorussian Studies), история создания которого восходит к середине 1960-х годов. Инициатором создания журнала стало Англо-белорусское общество. Первый номер ежегодника вышел в 1965 году. В предисловии к нему профессор Оксфордского университета Р. Оти отмечал, что тема истории Белоруссии была малоизученной и журнал должен был способствовать развитию белорусоведческих исследований на Западе [Дудько, 2018, *52*]. В издаваемом в 1965–1988 годах журнале публиковались материалы (статьи, рецензии, хроники событий), которые в основном готовили представители белорусской эмиграции в Лондоне и британские слависты, исследовавшие культуру Великого княжества Литовского и Белоруссии: А. Макмиллин, Дж. Дингли, А. Надсон, Г. Пикарда и др. Спонсорами издания выступали Англо-белорусское об-

щество и Белорусская библиотека-музей им. Ф. Скорины [Дудько, 2018, *52*]. Большая часть текстов в журнале издавалась на английском языке, а тираж колебался от 500 до 800 экземпляров. После 1988 года журнал не выходил на протяжении 25 лет и был восстановлен только в 2013 году [Дудько, 2018, *53*].

На сайте журнала опубликовано 19 номеров, выпущенных в первый период его существования (с 1965 по 1988 год; нет журналов за 1979, 1983, 1985–1987 годы). В это время появлялись статьи на разные темы (филология, лингвистика, история, история религии, очерки о религиозных деятелях и др.), но в целом журнал имел филологическую (лингвистическую) направленность. В номере журнала могло быть 2–3 статьи по истории. Преобладали статьи британских авторов (38%), за ними шли авторы из США (12%) и из Польши (9%), из Канады и Израиля (6%), из Германии, Австрии и Австралии (по 2%).

Общая тематика статей по белорусской истории за первый период существования журнала носила случайный характер, без общей целевой редакторской установки и самой философии исторической проблематики журнала: например, описание отдельных номеров газеты «Наша Нива» чередуется со статьями о роли Великого княжества Литовского, повседневной жизни дворян, представленной в мемуарах, о влиянии белорусских мастеров на московскую архитектуру; персоналии (К. Калиновский, М. Богданович и др.) соседствуют с историями городов (Бобруйск, Слуцк); история Белоруссии периода Российской империи (представительство в Государственной думе) – с историей поместий (Радзивиллов) и т.д. Тем не менее в большинстве тематически «разбросанных» исторических публикаций журнала со всей очевидностью проступает одна линия – национальная. Представим некоторые публиковавшиеся на страницах журнала статьи, посвященные разным периодам и событиям белорусской истории.

Так, в самом первом номере 1965 года превозносится как лидер именно белорусского национального восстания 1863–1864 годов Кастусь Калиновский. Л. Хорошко, автор публикации «Кастусь Калиновский: лидер национального восстания в Белоруссии, 1863–64 гг.» довольно подробно рассматривает его биографию [Horosko, 1965]. По мнению автора, он стремился освободить Белоруссию от Российской империи [Horosko, 1965, *31*]. Для пропаганды идеи восстания среди населения Калиновский создал в 1861 году в Гродно тайное общество и организовал выпуск газеты «Мужицкая правда», большая часть которой была посвящена разоблачению фактов о разграблении деревень русскими войсками, а также о защите старой белорусской униатской веры [Horosko, 1965, *32*]. Польских корней и движущих сил восстания автор не усматривает.

В 1971 году Я. Запрудник в своей статье «Борьба за белорусскую автономию в первой Государственной думе» выводит на первое место в борьбе

за национальную независимость белорусов молодую партию «Белорусская социалистическая Громада», которая бойкотировала выборы в I Государственную думу, прошедшие «в атмосфере растерянности и национальной напряженности» [Zaprudnik, 1971, *290*]. Именно эта партия, по мнению Запрудника, была единственным организатором белорусского национального элемента на тот момент. Да, призыв к бойкоту выборов в первую Государственную думу (февраль-март 1906 года) в Белоруссии ни к чему не привел [Zaprudnik, 1971, *291*]. Однако сама идея автономии, считает автор, стала лозунгом польских депутатов из западных губерний. Эту идею поддержали и некоторые из белорусских депутатов [Zaprudnik, 1971, *304*].

Журнал вновь стал издаваться с 2013 года благодаря объединению усилий Центра Острогорского и Англо-белорусского общества. На его страницах публикуются статьи по белорусской литературе, лингвистике, международным отношениям, гражданскому обществу, истории и искусству, а также рецензии на книги, что подчеркивает его научную составляющую. Современная версия журнала содержит большее в сравнении с изданием второй половины XX века число статей по исторической тематике (от 3 до 5 статей по истории, 1–2 статьи по политике, 2 рецензии на книги, отчет о работе англо-белорусского общества). Публикации современного журнала затрагивают такие темы, как Великое княжество Литовское, раннесоветский период 1920–1930-х годов и белорусизация, Западная Белоруссия в составе Польши, период Второй мировой войны, сталинизм, персоналии (вновь К. Калиновский и другие) и т.д. Большая часть зарубежных авторов – обладатели докторских научных степеней. В современном журнале преобладают авторы из Белоруссии (23%), Великобритании (18%), Германии (15%), по 8% авторов из Польши, Чехии, Швеции, Канады, из США – 6%, по 3% – из Венгрии и России.

Чаще других на страницах журнала публикуются работы и доклады шведско-американского историка, специалиста по истории белорусского и украинского национализма П.А. Рудлинга. В 2014 году П.А. Рудлинг в соавторстве с польским коллегой Д. Михалуком в статье «От Великого княжества Литовского до Белорусской народной республики» исследовали развитие белорусского национализма в период немецкой оккупации белорусских земель в 1915–1919 годах [Michaluk, Rudling, 2014]. Авторы в целом повторяют уже и самими не раз написанное: в первые десятилетия XX века белорусская национальная идентичность находилась в зачаточном состоянии, националистическая агитация была ограничена небольшой элитой, политическая ситуация отражала состояние широко распространенной нищеты и экономической отсталости. Российское правительство оставило в наследство низкий уровень образования, малочисленность школ и повсеместную неграмотность. Накануне Первой мировой войны белорусский национализм оставался слабым [Michaluk, Rudling, 2014, *4*]. По мнению

авторов, начало Первой мировой войны привело к насильственной «национализации» народов, населявших пограничные земли Российской империи, в том числе и Белоруссию [Michaluk, Rudling, 2014, *6*]. В период между 1915 и 1918 годами восточная и западная части Белоруссии развивались относительно по-разному. На западе немецкие власти поощряли формирование национального самосознания, которое националистическая элита пыталась использовать в своих интересах. На востоке же велась обширная русская национализирующая пропаганда [Michaluk, Rudling, 2014, *7*].

Д. Михалук и П.А. Рудлинг утверждают, что немецкая оккупация Белоруссии была мягкой, а власти относительно терпимыми – они даже поддерживали местную культуру на оккупированных восточных территориях [Michaluk, Rudling, 2014, *8*]. Братья Антон и Иван Луцкевичи стали играть ведущую роль в Белорусском национальном комитете, работая с 1915 по 1917 год над восстановлением Великого княжества Литовского в форме конфедерации [Michaluk, Rudling, 2014, *11*]. В целом, в оценке авторов, немецкая оккупация способствовала национальному возрождению Белоруссии. 1 января 1919 года большевики провозгласили создание Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) в Смоленске как конкурента БНР и как советского буфера против Польши. Началась новая страница в истории Белоруссии.

П.А. Рудлинг вновь появляется на страницах журнала в 2015 году, но уже как автор лекции «Истоки современной Беларуси: идентичность, нация и политика в Европейском пограничье» [Rudling, 2018]. Здесь он прослеживает развитие белорусской национальной идеи с XVIII века до современной Беларуси. Он утверждает, что белорусский национализм был одним из самых последних национализмов, появившихся в Европе [Rudling, 2018, *116*], возникнув только между 60 и 80-ми годами XIX века после украинского национализма. Предшественниками современного этнического белорусского национализма были концепции западноруссизма (единство и близость трех славянских народов) и краевая идеология (из традиций ВКЛ и Речи Посполитой). Обе концепции внесли свой вклад в развитие современного белорусского этнического национализма. Главным катализатором организованного белорусского национализма стала немецкая оккупация периода Первой мировой войны [Rudling, 2018, *120*]. Немецкая оккупационная администрация рассматривала белорусский национализм как потенциально полезный инструмент противодействия польскому национализму. Они основали школы и театры, печатали газету на белорусском языке, получившую значительное распространение. Начиная с появления первой белорусской газеты и вплоть до Рижского договора это был также период роста белорусского национального самосознания и активности, считает автор. Белорусский национализм оставался маргинальным и спорным явлением с ограниченным количеством популярных

последователей, в подавляющем большинстве сельского неграмотного населения с расплывчатыми представлениями о таких понятиях, как нации, национализм, народность, суверенитет и политическая организация [Rudling, 2018, *127*]. Рудлинг определял БНР и БССР как протогосударства, существование которых способствовало созданию белорусской государственности [Rudling, 2018, *127*]. В целом в номере за 2015 год были размещены статьи, написанные по итогам конференции, посвященной белорусскому национальному герою Кастусю Калиновскому, которую Центр Острогорского организовал совместно с Лондонским университетским колледжем и Англо-белорусским обществом [The Ostrogorski Centre Annual report, 2015, *3*].

В 2016 году А. Помецко опубликовал в журнале статью «Бандитизм в северо-восточных районах Второй Польской Республики в 1920-е годы» [Pomiecko, 2016]. В статье автор рассмотрел распространение бандитизма с начала до середины 1920-х годов в Виленском, Белостокском, Новогрудском и Полесском уездах [Pomiecko, 2016, *6*]. На примере атамана Ю. Мухи он попытался показать, как местные жители воспринимали бандитов. Автор пришел к выводу, что сочетание опыта военного времени и первых лет полонизации Западной Белоруссии создало почву для бандитизма [Pomiecko, 2016, *14*]. Бандитизм был проявлением крестьянских настроений [Pomiecko, 2016, *19*]. В этом же номере В. Лапуцка опубликовала статью «Преступники Второй мировой войны в белорусских интернет-СМИ: дела Антония Савонюка и Владимира Катрюка» [Laputska, 2016]. В статье автор стремилась описать дискурсы белорусских интернет-СМИ, связанных с делами двух нацистских преступников [Laputska, 2016, *69*].

В выпуске 2017 года особо следует отметить публикацию об американском политическом интересе к Белоруссии, подготовленную на основе документов Конгресса США. В статье Т. Кулакевич «Беларусь в документах Конгресса, 1873–1994 гг.» исследовано проявление американского внимания к Белоруссии, которое отражалось в отчетах Конгресса [Kulakevich, 2017]. Автор пишет о том, что начиная с 1873 года американские официальные лица постоянно обращали внимание на Белоруссию в связи с ее политическим статусом на международной арене и лоббированием диаспорой признания Белоруссии отдельной нацией. Однако, по мнению Кулакевич, из-за отсутствия «реальной независимости» Белоруссия в отчетах представлялась как «Северо-западная территория» в составе Российской империи, а затем и в составе Советского Союза [Kulakevich, 2017, *44*]. Только в начале 1950-х годов, когда послевоенные иммигранты стали активно представлять Белоруссию как «угнетенную» в составе СССР национальность, американское правительство стало уделять ей больше внимания.

В номере за 2018 год в основном публикуются статьи, связанные с советским периодом белорусской истории. Рассмотрим одну из них, по-

священную дискуссионному аспекту белорусской истории 1920-х годов – политике белорусизации. Историк из чешского Карлова университета А. Маркова, автор известной книги по политике белорусизации (Шлях да савецкай нацыі: палітыка беларусізацыі (1924–1929). Минск, 2016), в статье «Язык, идентичность и нация» [Markova, 2018] показала, что белорусизация означала реальную поддержку советской властью процессов национального строительства и формирования нации в БССР в межвоенный период. В Белоруссии она продолжалась с 1924 по 1929 год и включала в себя значительное и интенсивное продвижение белорусского языка во всех сферах: в государственном и партийном управлении, в системе образования, в академической сфере, прессе и т.д. [Markova, 2018, *26*]. И в то же время автор указывает, что эта политика должна была позволить продвигать власть и идеологию в этнически нерусских областях и республиках. По ее мнению, данная политика не была задумана как средство создания независимой БССР и не должна была способствовать пробуждению национальной идентичности [Markova, 2018, *27–29*].

Автор дает характеристику процессу формирования модели национальной идентичности, которая возникла и продвигалась в период белорусизации. Именно в это время, заключает Маркова, была сформирована новая концепция белорусской национальной истории, создателями которой стали Владимир Пичета, Вячеслав Игнатовский и другие белорусские историки. В ней указывалось на европейский характер истории Белоруссии и на независимость от соседних государств, в первую очередь от России. Полоцкое княжество начинает представляться как первое белорусское государство, а белорусская ветвь славянства – как обособленная и исключительная в сравнении с другими славянскими группами. По мнению автора, политика белорусизации не удалась из-за русификации большинства городского населения в БССР и полной зависимости республики от Москвы.

В 2017 году, уже за рамками публикаций «Журнала белорусской истории», на площадке Острогорской академии (Ostrogorski Academy) был представлен тематический курс «Великое княжество Литовское в европейской и белорусской истории» («Вялікае Княства Літоўскае ў еўрапейскай і беларускай гісторыі») [Краўцэвіч, 2017]. Создатель курса А.К. Кравцевич – белорусский археолог, доктор исторических наук. Кравцевич считает, что сегодня более корректной будет постановка вопроса не о влиянии, а о содействии ВКЛ в формировании современных белорусского и литовского народов [Краўцэвіч, 2017, *11*]. Согласно оценке Кравцевича, государственная организация ВКЛ объективно оказалась более благоприятной для традиционной культуры белорусов, и белорусские земли, составившие основную часть государства, были собраны в «едином государственном организме» уже в XIV веке. Поэтому ВКЛ было больше белорусским, чем литовским государством [Краўцэвіч, 2017, *14*]. Для белорусской культуры

период нахождения в ВКЛ явился настоящим «золотым веком» [Краўцэвіч, 2017, *29*].

Итак, лондонский Центр Острогорского, возобновив совместно с Англо-белорусским обществом издание «Журнала белорусской истории» и организуя международные научные конференции, семинары и лектории, оказывает определенное влияние на формирование новых методологических подходов и оценок в современной белорусской историографии. Вместе с тем его деятельность стимулирует интерес к изучению белорусской истории в Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

Дудько А.Д. Беларусь и белорусы в контексте британской славистики второй половины XX – начала XXI века: институциональный аспект (направления и проблематика исследований научных и университетских центров) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (Пинск, 21–22 октября 2016 г.). Пинск: ПГУ, 2016. С. 337–351.

Дудько А.Д., Кодин Е.В. Арнольд Макмиллин – британский исследователь белорусской литературы Нового и Новейшего времени // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4(40). С. 73–89.

Дудько А.Д. Генезис и формирование белорусоведения в Великобритании (вторая половина XX – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2018. 198 с.

Дудько А.Д. Белорусоведение в мире славистики Великобритании второй половины XX – начала XXI века (научные и университетские центры) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 55–61.

Карев Д.В., Дудько А.Д. Зарубежное белорусоведение XVI – начала XXI вв.: основные этапы и проблемы становления и развития. Гродно: ЮрСаПринт, 2016. 140 с.

Карев Д.В., Дудько А.Д. Зарождение научного белорусоведения в Великобритании и Польше (1918–1939 гг.) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч. конф. (Пинск, 24–25 ноября 2017 г.). Вып. 2. В 2 ч. Пинск: ПГУ, 2017. Ч. 2. С. 151–157.

Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 640 с.

Краўцэвіч А. Вялікае Княства Літоўскае ў еўрапейскай і беларускай гісторыі: навучальная праграма Акадэміі Астрагорскага. 2017. 49 с.

Belarus digest 2020 Belarusian Studies in the 21st Century conference. URL: https://belarusdigest.com/story/2020-belarusian-studies-in-the-21st-century-conference-call-for-papers/ (дата обращения: 27.05.2020).

Belarus digest Belarusian Studies in the 21st Century: 4th Conference and Annual Lecture in London. URL: https://belarusdigest.com/story/belarusian-studies-in-the-21st-century-4th-conference-and-annual-lecture-in-london/ (дата обращения: 27.05.2020).

Horosko L. Kastus Kalinouski: Leader of the National Uprising in Byelorussia, 1863–64 // The Journal of Byelorussian Studies. 1965. Vol. 1, no 1. P. 30–35.

Kulakevich T. Belarus in the Congressional Record 1873–1994 // The Journal of Byelorussian Studies. 2017. Vol. 8, no 2. P. 32–46.

Laputska V. World War II Criminals in Belarusian Internet Mass-Media: The Cases of Anthony Sawoniuk and Vladimir Katriuk // The Journal of Byelorussian Studies. 2016. Vol. 8, no 1. P. 50–77.

Markova A. Language, Identity, and Nation: The Special Case of Belarusian State- and Nation-Formation // The Journal of Byelorussian Studies. 2018. Vol. 8, no 3. P. 25–39.

Michaluk D., Rudling P.A. From the Grand Duchy of Lithuania to the Belarusian Democratic Republic: the Idea of Belarusian Statehood, 1915–1919 // The Journal of Byelorussian Studies. 2014. Vol. 7, no 2. P. 3–36.

Pomiecko A. Banditry in the North-Eastern Regions of the Second Polish Republic in the 1920s // The Journal of Byelorussian Studies. 2016. Vol. 8, no 1. P. 5–31.

Rudling P.A. The Beginnings of Modern Belarus: Identity, Nation, and Politics in a European Borderland // The Journal of Byelorussian Studies. 2018. Vol. 7, no 3. P. 115–127.

The Ostrogorski Centre Annual report 2013–2014. 12 p. URL: http://ostrogorski.org/files/Annual%20Report%202013-2014.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

The Ostrogorski Centre report 2015. 14 p. URL: http://ostrogorski.org/files/AnnualReport2015.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

The Ostrogorski Centre Annual report 2016. 17 p. URL: http://ostrogorski.org/files/AnnualReport2016.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

The Ostrogorski Centre Annual report 2017. 18 p. URL: http://ostrogorski.org/files/AnnualReport2017.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

The Ostrogorski Centre Annual report 2018. 18 p. URL: https://belarusdigest.com/wp-content/uploads/2019/04/Annual-Report-of-the-Ostrogorski-Centre-2018.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

Zaprudnik J. The Struggle for Byelorussia's Autonomy in the First Slate Duma (27 April/10 May – 7/20 June 1906) // The Journal of Byelorussian Studies. 1971. Vol. II, no 3. P. 289–307.

I.I. Rodionov
Postgraduate Student,
Department of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Foreign Centres of Belarusian Studies. The Ostrogorski Centre in London

The article analyzes the activities of the Ostrogorski Centre as one of the most active Belarusian organizations in the UK nowadays. The research is based on the analysis of the publications taken from The Journal of Byelorussian Studies and the course «The Grand Duchy of Lithuania in European and Belarusian History» offered by Ostrogorski Academy.

The history of the Journal of Byelorussian Studies dates back to the mid-1960s. The journal was initiated by the Anglo-Belarusian Society. The first issue of the Yearbook was published in 1965. The journal as a whole tended towards a philological (linguistic) orientation. The General theme of articles on historical Belarusian topics in the journal was firstly of random, fragmentary character, without a common editorial purpose and the philosophy of the journal historical issues: for example, the description of individual issues of «Nasha Niva» newspaper is replaced by articles about the role of the Grand Duchy of Lithua-

nia, the daily life of the nobles, presented in memoirs, the influence of Belarusian masters on Moscow architecture, etc. In the majority of the thematically «scattered» historical publications, one line clearly emerges – the national one.

The journal was published again in 2013 due to the joint efforts of Ostrogorski Centre and the Anglo-Belarusian Society. It has acquired a more scientific structure. It publishes articles on Belarusian literature, linguistics, international relations, civil society, history and art, as well as book reviews, which emphasizes its scientific component. The modern version of the journal contains a larger number of articles on historical topics in comparison with the publication of the second half of the 20th century. Publications of the modern journal deal with such topics as the Grand Duchy of Lithuania, the early Soviet period of the 1920–30s and belarusization, Western Belarus as a part of Poland, the period of the Second World War, Stalinism, personalities, etc.

Key words: *foreign Belorussian studies; Great Britain; Ostrogorski Centre; The Journal of Byelorussian Studies.*

REFERENCES

Dudko A.D. Belarus and Belarusians in the Context of British Slavistics of the Second Half of the 20th – the Beginning of the 21st Century: The Institutional Aspect (Directions and Problems of Research of Scientific and University Centers) [Belarus' i belorusy v kontekste britanskoi slavistiki vtoroi poloviny XX – nachale XXI veka: institutsional'ny aspekt (napravleniya i problematika issledovany nauchnykh i universitetskikh tsentrov)]. *Gosudarstva Tsentral'noi i Vostochnoi Yevropy v istoricheskoi perspektive: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-konf., Pinsk, 21–22 oktyabrya 2016 g.* [The States of Central and Eastern Europe in the Historical Perspective: Collection of Scientific Materials. – Scientific Conference, Pinsk, October 21–22, 2016]. Pinsk, PSU, 2016, pp. 337–351 (in Russian).

Dudko A.D. Belarusian Studies in the World of Slavic Studies in Great Britain of the Second Half of the 20th – the Beginning of the 21st Century: (Scientific and University Centers) [Belorusovedenie v mire slavistiki Velikobritanii vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka: (nauchnye i universitetskie centry)]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki*, 2020, no. 1, pp. 55–61 (in Russian).

Dudko A.D. Genesis and Formation of Belarusian Studies in Great Britain (The Second Half of the 20th – the Beginning of the 21st Century) [Genezis i formirovanie belorusovedeniya v Velikobritanii (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka]: diss. ... cand. of hist. sciences. Grodno. 2018. 198 p. (in Russian).

Dudko A.D., Kodin Ye.V. Arnold McMillin – a British Researcher of the Belarusian Literature of the Early Modern and Modern Historical Periods [Arnol'd Makmillin – britansky issledovatel' belorusskoi literatury Novogo i Noveishego vremeni]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017, no. 4(40), pp. 73–89 (in Russian).

Karev D.V., Dudko A.D. Foreign Belarusian Studies of the 16th – the Beginning of the 21st Centuries: The Main Stages and Problems of Formation and Development [Zarubezhnoye belorusovedenie XVI – nachala XXI vv: osnovnye etapy i problemy stanovleniya i razvitiya]. Grodno, YurSaPrint. 2016. 140 p. (in Russian).

Karev D.V., Dudko A.D. The Birth of Scientific Belarusian Studies in Great Britain and Poland (1918–1939) [Zarozhdenie nauchnogo belorusovedeniya v Velikobritanii i Pol'she (1918–1939 gg.)]. *Gosudarstva Tsentral'noi i Vostochnoi Yevropy v istoricheskoi perspektive.*

Vyp. 2: v 2 ch. CH. 2: sb. nauch. st. po materialam II Mezhdunar. nauch.-konf., Pinsk, 24–25 noyabrya 2017 g. [The States of Central and Eastern Europe in Historical Perspective. Issue 2: in 2 parts. Part. 2: collection of scientific articles on the materials of the II International Scientific Conference, Pinsk, November 24–25, 2017]. Pinsk, PSU, 2017. pp. 151–157 (in Russian).

Ostrogorsky M.Ya. Democracy and Political Parties [Demokratiya i politicheskie partii]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 1997. 640 p. (in Russian).

Belarus digest 2020 Belarusian Studies in the 21st Century Conference. *Available at*: https://belarusdigest.com/story/2020-belarusian-studies-in-the-21st-century-conference-call-for-papers/ (accessed 27 May 2020).

Belarus digest Belarusian Studies in the 21st Century: 4th Conference and Annual Lecture in London. *Available at*: https://belarusdigest.com/story/belarusian-studies-in-the-21st-century-4th-conference-and-annual-lecture-in-london/ (accessed 27 May 2020).

Horosko L. Kastus Kalinouski: Leader of the National Uprising in Byelorussia, 186–64. *The Journal of Byelorussian Studies*, 1965, no 1, Vol. 1, pp. 30–35 (in English).

Kravtsevich A. The Grand Duchy of Lithuania in European and Belarusian History: the curriculum of the Ostrogorsky Academy [Vyalikae Knyastva Litoўskae ў eўrapeiskay i belaruskay gistoryi: navuchal'naya pragrama Akademii Astragorskaga]. 2017. 49 p. (in Belarusian).

Kulakevich T. Belarus in the Congressional Record 1873–1994. *The Journal of Byelorussian Studies*, 2017, no. 2, Vol. 8, pp. 32–46 (in English).

Laputska V. World War II Criminals in Belarusian Internet Mass-Media: The Cases of Anthony Sawoniuk and Vladimir Katriuk. *The Journal of Byelorussian Studies*, 2016, no. 1, Vol. 8, pp. 50–77 (in English).

Markova A. Language, Identity, and Nation: The Special Case of Belarusian State- and Nation-Formation. *The Journal of Byelorussian Studies*, 2018, no. 3, Vol. 8, pp. 25–39 (in English).

Michaluk D., Rudling P.A. From the Grand Duchy of Lithuania to the Belarusian Democratic Republic: The Idea of Belarusian Statehood, 1915–1919. *The Journal of Byelorussian Studies*, 2014, no. 2, Vol. 7. pp. 3–36 (in English).

Pomiecko A. Banditry in the North-Eastern Regions of the Second Polish Republic in the 1920s. *The Journal of Byelorussian Studies*, 2016, no. 1, Vol. 8, pp. 5–31 (in English).

Rudling P.A. The Beginnings of Modern Belarus: Identity, Nation, and Politics in a European Borderland. *The Journal of Byelorussian Studies*, 2018, no. 3, Vol. 7, pp. 115–127 (in English).

The Ostrogorski Centre Annual report 2013–2014. 12 p. *Available at*: http://ostrogorski.org/files/Annual%20Report%202013-2014.pdf (accessed 15 May 2020).

The Ostrogorski Centre Annual report 2016. 17 p. *Available at*: http://ostrogorski.org/files/AnnualReport2016.pdf (accessed 15 May 2020).

The Ostrogorski Centre Annual report 2017. 18 p. *Available at*: http://ostrogorski.org/files/AnnualReport2017.pdf (accessed 15 May 2020).

The Ostrogorski Centre Annual report 2018. 18 p. *Available at*: https://belarusdigest.com/wp-content/uploads/2019/04/Annual-Report-of-the-Ostrogorski-Centre-2018.pdf (accessed 15 May 2020 г.).

The Ostrogorski Centre report 2015. 14 p. *Available at*: http://ostrogorski.org/files/AnnualReport2015.pdf (accessed 15 May 2020).

Zaprudnik J. The Struggle for Byelorussia's Autonomy in the First Slate Duma (27 April/10 May – 7/20 June 1906). *The Journal of Byelorussian Studies*, 1971, no. 3, Vol. II, pp. 289–307 (in English).

О.В. Кобец

Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма Смоленск, Россия

УДК 94 (470.332)

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217

«ПРИГОВОРЕННЫЕ К БЕЛОРУСИЗАЦИИ»: СМОЛЕНСКИЕ БЕЛОРУСЫ В 1920-е ГОДЫ (К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ)

Ключевые слова: *белорусизация; белорусы; численность населения; Смоленщина.*

В 1921 году на основе решений X съезда РКП(б) в стране начнется реализация национальной политики, получившей общее название «коренизация». В Белоруссии и в приграничных с республикой российских регионах она будет называться белорусизацией. Активная фаза данной политики продолжится вплоть до конца двадцатых годов XX столетия. Для жителей БССР она будет означать развитие белорусской культуры (школы, вузы с обучением на белорусском языке, белорусская литература, издание белорусских книг и т.д.), выдвижение белорусов на партийную, советскую, профессиональную и общественную работу, перевод партийного и государственного аппаратов и частей Красной армии на белорусский язык.

В течение первой половины 1920-х годов молодая белорусская республика существенно прирастает бывшими территориями России. В итоге этих преобразований между РСФСР и БССР появляется большое количество приграничных территорий, население которых в разное время было и российским, и белорусским. Именно этому российско-белорусскому и белорусско-российскому социуму будет наиболее трудно приспособиться к инициированной Москвой и объявленной Минском официальной государственной политике белорусизации.

Волею исторического развития Смоленская губерния оказалась как раз в числе тех российских территорий, которые так же, как и приграничные белорусские уезды, были «приговорены» к политике белорусизации на протяжении 1920-х годов.

Далеко не все белорусское население губернии с воодушевлением включилось в реализацию этой политики. Но, прежде чем говорить о том, так ли она была необходима и востребована проживавшими в Смоленской губернии белорусами, следует определиться с вопросом, какова была численность белорусской «прослойки» населения Смоленщины и какого количества смоленских белорусов должна была коснуться практика белорусизации.

Взятые в кавычки в названии статьи слова – это заимствование из работы Ю.А. Борисенка «На крутых поворотах белорусской истории», где автор говорит о том, что население Витебской и Гомельской губерний, находившихся в начале советской эпохи в составе РСФСР, было «приговорено» решениями Москвы к объединению с Белоруссией в ходе территориальных преобразований первой половины 1920-х годов и активно этому сопротивлялось, желая оставаться в составе РСФСР [Борисенок, 2013, *124*].

Предстоявшая активная фаза национального строительства советской Белоруссии была предначертана решениями X съезда РКП(б), проходившего в Москве в период с 8 по 16 марта 1921 года. Важность указания на конкретные даты определяется тем, что съезд партии обсуждал и принимал решения по национальному вопросу как раз накануне готовившегося к развязке заключительного акта по подписанию Рижского мирного договора между РСФСР, УССР и Польшей по итогам польско-советской войны 1919–1920 годов. В своем окончательном варианте договор будет подписан 21 марта того же 1921 года. Россия теряла большие территории: к Польше отходили западные белорусские и украинские земли, которые будут воссоединены с БССР и УССР только в сентябре 1939 года.

В такой ситуации Москва хорошо понимала, что Польша Пилсудского не откажется от провозглашенной ею ассимиляторской политики на получаемых белорусских и украинских землях. Потому решения съезда следует рассматривать как некий политически упреждающий шаг по национальному строительству на советских территориях Белоруссии и Украины. Ю.А. Борисенок заключает в этой связи: «Решение белорусского вопроса путем белорусизации начало реализовываться с 1921 года, когда стало окончательно ясно, что РСФСР не избежать достаточно длительного и беспокойного соседства с возрожденной II Речью Посполитой» [Борисенок, 2013, *95*].

10 марта с докладом о национальной политике на съезде выступил И.В. Сталин. Особо примечательны его заключительное слово и комментарий к записке, в которой один из делегатов съезда обвинил московские власти в искусственности вопроса о существовании белорусской нации. В России, говорил нарком по национальностям, имелось 22 окраины, разные по экономическому и культурному развитию. Нерусские национальности составляли 65 миллионов человек. Они отстали в своем развитии от центральной России. Поэтому задача партии – помочь им «развить у себя советскую государственность на родном языке». Да, везде были свои особенности: и в Туркестане, и в Азербайджане, и в Армении, и на Украине… и даже в Белоруссии, отмечал Сталин. Хотя в Белоруссии, в сравнении с другими регионами страны, национализм, «рассадником» которого выступала деревня, по сути себя никак не проявлял. И Сталин приводит в пример национализм украинский. Он есть. Это не выдумка. Он сильнее в украинской деревне, но неизбежно придет и в город. И в Белоруссии в том

числе: «Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы. Верно, что белорусские массы, пока что не очень живо, так сказать, не с очень большим интересом относятся к вопросу развития их национальной культуры, но, несомненно, что через несколько лет, по мере того как мы апеллируем к низам белорусским, будем говорить с ними на том языке, который им понятен прежде всего, – естественно, что через год-два-три вопрос о развитии национальной культуры на родном языке примет характер первостепенной важности, и поэтому я не согласен с автором записки, который говорит, что мы искусственно насаждаем белорусскую национальность» [Десятый съезд РКП(б), 1963, *213*].

В резолюции съезда «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» ставилась задача добиваться доверия угнетенных наций, развивать на их родном языке органы власти, общеобразовательные и профессионально-технические школы, культурно-просветительные учреждения, прессу и т.д. Через два года, в апреле 1923 года, XII съезд партии большевиков определит конкретные мероприятия в национальном вопросе: формирование органов власти национальных республик из числа местных жителей, владеющих родным языком, знающих быт, обычаи народов, которые обеспечили бы использование родного языка во всех государственных органах и учреждениях. Такой подход получил общее название – политика коренизации. На местах она будет называться по-разному: украинизация, белорусизация и т.д.

Вскоре Центральная национальная комиссия ЦИК БССР определит и содержание понятия «белорусизация». Под белорусизацией будет пониматься развитие белорусской культуры (школы, вузы с обучением на белорусском языке, белорусская литература, издание белорусских книг и т.д.), выдвижение белорусов на партийную, советскую, профессиональную и общественную работу, перевод партийного, государственного, профессионального, кооперативного аппаратов и частей Красной армии на белорусский язык [Практическое разрешение национального вопроса, 1927, *9*].

После того как на основе июльского 1923 года пленума ЦК компартии Белоруссии вторая сессия ЦИК БССР примет 15 июля 1924 года постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики», белорусизация станет в республике государственной политикой, для реализации которой будет создана специальная комиссия во главе с А.И. Хацкевичем.

Одновременно за счет приграничных российских губерний начнется активный процесс расширения территории Белорусской советской республики. В 1924 году во исполнение постановления ВЦИК СССР от 3 марта того же года Белоруссии были переданы территории с преобладающим бе-

лорусским населением – 16 уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. В результате этого укрупнения территория БССР увеличилась более чем в два раза, а численность населения – почти втрое и составила 4,2 миллиона человек. Второе «прирастание» территории БССР, хотя уже и в значительно меньших размерах, произойдет в 1926 году.

В итоге всех этих территориальных передвижек между РСФСР и БССР появилось большое количество приграничных территорий, население которых в разное время было и российским, и белорусским. Именно российско-белорусскому и белорусско-российскому социуму будет наиболее трудно приспособиться к инициированной Москвой и объявленной Минском официальной государственной политике белорусизации.

В первую очередь это относилось к Смоленщине.

Смоленская губерния на протяжении веков имела самое непосредственное отношение к Белоруссии. В апреле 1918 года Смоленск даже стал административным центром Западной области, в состав которой к тому времени входили Витебская, Могилевская и Минская губернии. 1 января 1919 года именно в Смоленске была провозглашена и Социалистическая Советская Республика Белоруссия. А с января 1919 года, после переезда белорусского правительства в освобожденный от немецких войск Минск, Смоленск окончательно вошел в состав России.

Таким образом, волею своего исторического развития Смоленская губерния оказалась как раз в числе тех российских территорий, которые, так же как и приграничные белорусские уезды, были «приговорены» к политике белорусизации на протяжении всех 1920-х годов.

Далеко не все белорусское население губернии с воодушевлением включилось в реализацию этой политики. Но, прежде чем говорить о том, так ли она была необходима и востребована проживавшими в Смоленской губернии белорусами, следует определиться с вопросом, какова была численность белорусской «прослойки» населения Смоленщины и какого количества смоленских белорусов должна была коснуться практика белорусизации.

Начнем с предыстории.

В 2011 году по инициативе председателя Смоленского отделения Русского географического общества профессора А.П. Катровского было осуществлено переиздание, причем в современной орфографии, работы Я.А. Соловьева «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии». В этом исследовании, опубликованном в далеком 1855 году, впервые детально описаны районы с преобладанием белорусского и великорусского населения Смоленской губернии, даны сравнительные характеристики двум соседним этносам.

Всего, по данным Я.А. Соловьева, в Смоленской губернии на 1 января 1853 года проживало 1 083 249 человек [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 1855, *93*]. Несколькими годами ранее всерос-

сийская перепись населения 1850–1851 годов (девятая ревизия), которая проводилась в течение целого года и считается наиболее достоверной, определила, что население Смоленской губернии – 1 069 650 человек [Девятая ревизия, 1857, *127*]. В последовавшем же за переписью описательном сборнике П.И. Кеппена дается отсылка на цифры Я.А. Соловьева по книге 1855 года, которые рассматриваются как более выверенные и достоверные [Девятая ревизия, 1857, *129–130*].

В этнографическом отношении, читаем у Я.А. Соловьева, Смоленская губерния делилась на две неравные части: «К первой принадлежит северо-восточный угол губернии, то есть уезды: Вяземский, Юхновский, Гжатский, Сычевский и Бельский с народонаселением великорусским. Все остальные уезды, стало быть, большая часть общего пространства губернии, населены жителями белорусского племени». Автор дает следующие цифры: Смоленский уезд – 76 115 человек, Рославльский – 102 071, Дорогобужский – 72 625, Ельнинский – 100 102, Духовщинский – 82 652, Поречский – 79 618, Краснинский – 62 427 человек белорусов [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 1855, *98*].

В целом население великорусских уездов составляло 507 639 человек, белорусских – 575 610 человек [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 1855, *98–99*]. Однако, считал автор, поскольку в белорусских уездах высшие сословия принадлежали к великорусскому племени, их следовало исключить из общей численности белорусов. За минусом этих 12 499 человек, которых следовало добавить к великороссам, получались итоговые цифры: великороссов в губернии – 532 009 человек, белорусов – 551 240 человек [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 1855, *100*]. В процентах получалось соответственно 49% и 51%.

Принять эти цифры как достоверно отражающие реальное положение дел, конечно, нельзя. Автор поступил здесь крайне «технически», разбивая все население губернии лишь на две большие этнические группы: великорусов и белорусов. В причисленных Соловьевым к непосредственно белорусским семи уездах губернии проживало, конечно, немало этнических белорусов. Однако преобладало в них всегда великорусское население. При этом преобладало существенно. Поэтому указанная численность белорусов в 551 тысячу никак не может соответствовать действительности.

Одновременно следует заметить, что автор данной очень скрупулезной работы на каких-то не нашедших в ней своего отражения основаниях вообще не упоминает смоленских евреев, «не замечает» поляков, цыган и представителей других малых народов, проживавших на Смоленщине. Нет в работе и ответа на другой не менее важный вопрос: а по какому принципу зачислялись жители в «рязряд» белорусов или великороссов – по языку, быту или по совокупности всех факторов?! В оправдание автора следует заметить, что основной целью книги все же являлась

детальная сельскохозяйственная статистика, а не деление губернии на этносы, что было сделано в ходе только что состоявшейся переписи населения 1850–1851 годов.

В середине XIX века создавалась этнографическая карта Российской империи. В Смоленской губернии белорусы занимали западную ее часть, составляя абсолютное большинство населения уездов: Смоленского – 82,6 тысячи человек (90,5%), Краснинского – 72,9 тысячи (95,4%), Рославльского – 108,2 тысячи (94,7%), Ельнинского – 89,2 тысячи (84,7%), Духовщинского – 67,1 тысячи (78,7%), Поречского – 69,0 тысяч (82,9%) и Дорогобужского – 47,8 тысячи (66,0%). Удельный вес белорусов во всей губернии – 46,7% [История белорусской государственности, 2019, *182–183*].

Авторы процитированного выше второго тома «Истории белорусской государственности» также сочли необходимым сделать отсылку к исследованию Я.А. Соловьева, правда, взяв у него лишь малую часть этнографической характеристики населения Смоленщины, отметив, что Соловьев «видел резкие различия между населением западной и восточной частей Смоленской губернии не только в языке, но и в материальной культуре: построении домов, орудиях труда, пище и особенно одежде» [История белорусской государственности, 2019, *7*]. И все, только это. А ведь более существенные детали у Я.А. Соловьева идут дальше.

Читаем: «Обозревая ту и другую часть Смоленской губернии, с первого взгляда представляются резкие различия в характере народонаселения: в жилищах, домашней утвари, пище, одежде; одним словом, во всем, что касается народного характера, домашнего быта и хозяйства крестьянина. В восточной части губернии видна удаль русского крестьянина, подчас соединенная с буйным разгулом жизни. Видна сметливость, которой так прославился русский человек. Во всем заметна деятельность, заботливость об участи своего семейства, изворотливость при отыскании средств к жизни. Все это исчезает в западной части губернии, населенной белорусскими крестьянами, с народным типом апатическим и вялым, с пренебрежением к удобствам жизни, с недостатком сметливости, наконец, с терпением и некоторого рода добродушием не по сознанию, а по лености. Этим самым, между прочим, объясняется, почему на больших дорогах в белорусских уездах лишь изредка попадаются деревни. Белорусский крестьянин прячется в поселках, между тем, как великорусский любит строиться на больших дорогах, где он, при своей деятельности и сметливости, нередко зарабатывает себе лишнюю копейку» [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 1855, *100*].

И далее: «Крестьянские строения в восточной части губернии по расположению красивее и удобнее, чем в западной. Там не редкость белая изба, между тем, как в белорусских уездах печи с трубами – редкое исключение. В домашней утвари заметно тоже различие. Полнота и относительное удоб-

ство, которое встречается в великорусских уездах, заменяется скудостью и неуклюжеством в западной части губернии. В пище белорусский крестьянин резко отличается от великорусского. Хлеб, смешанный с мякиной, или, по местному названию, “пушной хлеб”, последний будет употреблять только в голодное время и будет чувствовать всю тягость лишения; между тем, как у белорусского крестьянина пушной хлеб – обычная его пища. Но ничто так не бросается в глаза, как различия в одежде. Кафтан из цветного сукна, крашеная так же рубашка, черная шляпа или высокая московская в Гжатском уезде, или низкая тверская, едва заметная на голове, в Сычевском, почти везде сапоги, по крайней мере, у казенных крестьян, – все это необходимые принадлежности мужской одежды в восточных уездах. Женский костюм: синий сарафан, пестрый передник, у женщин кокошник, у девок повязка – во всяком случае, цветные. Напротив того, в белорусских уездах везде и во всем белый цвет. Белая рубашка, из белого некрашеного сукна кафтан, белый вяленый колпак вместо шляпы, большей частью лапти вместо сапог – составляют мужское одеяние. У женщин вместо сарафана особого покроя зипун, почти всегда из белого некрашеного холста, особого также рода белая суконная юбка “андарок”. На голове белая повязка, в праздничные дни с красными узорчатыми концами, которые сзади доходят до полспины. Девки, в особенности зажиточные, к этой повязке прикрепляют по обеим сторонам головы цветы, перья и тому подобные украшения. Такой костюм белорусских женщин придает им вид крайне неуклюжий» [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 1855, *101*].

Неким примирением в этнографическом различии звучит следующая общая оценка: «Гостеприимством и радушием отличаются оба племени. Честностью не могут похвалиться смоленские крестьяне, с той только разницей, что белорусский крестьянин не сумеет так обмануть, как обманет великорусский» [Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, 1855, *152*].

Почти через 50 лет, в 1897 году, будет проведена первая всероссийская перепись населения. По данным переписи, всего в стране насчитывалось 126 411 736 человек населения. Из них в Европейской России проживало 94 215 415 человек. В Смоленской губернии – 1 551 068 человек. Из них в городах – 118 886 человек [Население империи по переписи 28-го января 1897 года, 1897, *15, 28*]. Общий прирост населения за полвека составил, как видим, почти полмиллиона человек. В два раза выросло и население городов.

В части национальностей вопрос в переписи ставился не об этнической принадлежности жителей, а об их родном языке. Результаты учета такого языкового признака дали существенное снижение численности белорусов даже в исконно белорусских губерниях: в Могилевской губернии «оказалось» 82,4% белорусов, в Минской – 76,0%, в Витебской – 52,9%, в

Виленской – 56,0%, в Гродненской – 44,0%. На Смоленщине же белорусский язык был родным лишь для 90% жителей Краснинского уезда, в остальных доля белорусскоязычных этнических белорусов значительно уменьшилась. Всего в Смоленской губернии в конце XIX века белорусов по языку оказалось 100 700 человек, или 6,6%. Это, в оценках современных белорусских историков, было в 8 раз меньше, чем в середине XIX века [История белорусской государственности, 2019, *185*].

Очевидно, что причиной было не физическое сокращение самого белорусского этноса, в том числе и на Смоленщине, а желание приписать себя к великорусской нации, в ареале проживания которой за это время развернулось грандиозное индустриальное строительство, предоставлявшее широкие возможности обустройства белорусского крестьянства в новых промышленных центрах России. «Техническая» запись себя в великороссы по языковому признаку и «стыдливое» самоотстранение от белорусского языка выглядят в такой ситуации вполне логично и объяснимо.

На основе первой всероссийской переписи будет подготовлено и опубликовано много материалов по разным «узким» аспектам полученных статистических данных. Одним из них стал изданный в 1905 году справочный том под редакцией заведующего разработкой переписи Н.А. Тройницкого (выпуск 7) «Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков». В нем население губерний представлено по национальностям на основе выбранных самими жителями империи своих родных языков. И здесь белорусы как бы растворяются в русском населении. Их численность представлена в довольно своеобразной манере: вначале называется общая численность населения, затем из нее вычленяется население русское, и только в скобках после этого дается цифра непосредственно белорусов. Получается, что белорусы как бы изначально включены в состав русского населения империи.

Например, две бывшие российские губернии, потом окончательно перешедшие к Белоруссии, и губерния Смоленская. *Витебская губерния*. Всего населения – 1 489 246 человек. Русские – 987 020 человек (белорусы – 788 599 человек). *Могилевская губерния.* Всего населения – 1 686 760. Русские – 1 451 496 человек (белорусы – 1 389 782 человека). *Смоленская губерния.* Всего населения – 1 525 279 человек. А далее указана только одна позиция: русские – 1 500 006 человек. То есть получается, что белорусов на Смоленщине как бы и нет вовсе! Но кто тогда «заполняет» разницу в 25 с лишним тысяч человек?! И только в разделе о городском населении в дополнение к русским указаны 7 тысяч с небольшим евреев и 4,6 тысячи поляков [Наличное население обоего пола по уездам, 1905, *1–4*].

Во второй части седьмого выпуска дано национальное деление населения по уездам. И здесь принцип остается тем же. Например. *Витеб-*

ская губерния. Витебский уезд – русских 126 519 (белорусов – 90 708). Велижский уезд – русских 87 109 (белорусов – 85 796). *Могилевская губерния*. Горецкий уезд – русских 105 685 (белорусов – 104 619). Мстиславский уезд – русских 85 642 (белорусов – 84 155). *Смоленская губерния.* Здесь так же, как и при межгубернском сравнении, белорусов нет вообще. Только в самом Смоленске к русским (134 948 человек) добавлены евреи (4487 человек) и поляки (3783 человека), в Рославльском уезде к 184 351 человеку русского населения добавлены 2358 евреев, а в Краснинском уезде с русскими (100 900 человек) указаны малороссы – 92 006 человек. В остальных уездах губернии – только русское население [Наличное население обоего пола по уездам, 1905, *11, 17, 28*].

На этом фоне своеобразным вызовом вышеперечисленным статистическим данным выступает фундаментальное исследование выдающегося белорусского ученого Е.Ф. Карского.

В конце XIX века в Петербурге в среде студенческой молодежи и интеллигенции – выходцев из Северо-Западного края – начинали все отчетливее вырисовываться идеи белорусского национализма. Своеобразным ответом на это явление стала этнографическая экспедиция по многим губерниям страны, предпринятая в 1903 году филологом Е.Ф. Карским. По итогам экспедиции был издан главный труд ученого – трехтомник «Белоруссы», заслуживший впоследствии название «энциклопедии белорусоведения».

В уже цитируемой нами работе Ю.А. Борисенка находим красивый пассаж автора о данной экспедиции Карского: «Белорусскую нацию и язык в самом начале XX века спасли 500 рублей, выделенных князем Петром Дмитриевичем Святополк-Мирским, будущим министром внутренних дел, а в ту пору виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором. Именно на эти деньги известный филолог и этнограф, 42-летний профессор Варшавского университета Ефимий Федорович Карский объехал в 1903-м белорусские земли, поставив себе крайне сложную задачу: “Определение этнографической границы белорусской народности и языка с соседними великорусскими и малоросскими племенами и наречиями, а также с народностями польской, литовской и латышской...” Своей цели будущий академик и автор капитального труда “Белорусы” достиг блистательно и оперативно: составленная им “Этнографическая карта белорусского племени” стала серьезным аргументом против многочисленных скептиков к западу и востоку. Последние начисто отрицали само существование белорусов и их языка» [Борисенок, 2013, *91*].

В первом томе «Белоруссов», изданном в Варшаве в 1903 году, Е.Ф. Карский немного расширяет характеристику белорусского племени, данную Я.А. Соловьевым еще в далеком 1855 году. Читаем: «В Орловской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской губерниях белоруссам

приходится соседить с великоруссами, больше с южновеликоруссами. Как известно, белорусская речь имеет много общего с южновеликорусскими говорами, так что здесь опять представляется немало трудностей при разграничении тех и других. Тут прежде всего следует различать белоруссов по образу жизни: они селятся в местностях лесистых и болотистых; великоруссы поэтому и называют их полехами, а местность их Полесьем. Водораздельные леса стали одинаково племенною границею здесь (в Орловской, Калужской и Смоленской губ.) на востоке Белоруссии, как не перестают быть межою подобные же густые леса на юге, востоке, севере обширного Белорусского края с племенами малорусскими, литовскими, латышскими и опять великорусскими» [Карский, 1903, *13–14*].

Далее автор детально описывает поуездные и даже волостные границы расселения белорусского племени. Перечисляются 72 уезда Российской империи, где «звучит белорусская речь», и делается заключение: «Принимая условно, что все говорящие на белорусском наречии белоруссы, мы будем считать указанные границы в то же время пределами белорусского племени» [Карский, 1903, *21*].

Описание Смоленской губернии представлено следующим образом: «...граница белорусского племени идет по меже между уездами Дорогобужским и Бельским, с одной стороны, и Юхновским, Вяземским и Сычевским – с другой; при чем большая часть губернии населена белорусским племенем и лишь четыре восточные уезда (Юхновский, Вяземский, Сычевский и Гжатский) принадлежат южновеликорусскому наречию. Вообще, к востоку от Смоленска по железным дорогам (которых здесь много) белорусская речь уступает место великорусской, как это удалось наблюсти мне лично» [Карский, 1903, *16*].

Не будучи демографом, Е.Ф. Карский не занимался подсчетами белорусского населения в территориальных границах созданной им этнографической карты, он исходил из официальной статистики. Отправной точкой в этом вопросе для него стал «Обзор Смоленской губернии за 1901 год». В данном издании в белорусских уездах губернии, за исключением городского населения, показано 920 042 человека. «Если прибавить сюда за два года прироста населения (1,51%) – 27 784, – заключает исследователь, – то получим белоруссов в Смоленской губернии 947 826 человек. Это число довольно близко к действительности, так как и в городах есть белоруссы, но, с другой стороны, и великоруссы имеются по селам в белорусском районе, особенно около железных дорог. Эта цифра не далеко будет от той, которою определялось число белоруссов в Смол.[енской] губ.[ернии] в 1860 г. (1 122 000)... Число белоруссов в Смол.[енской] губ.[ернии], конечно понемногу уменьшается» [Карский, 1903, *187–188*].

Здесь не совсем понятно, откуда у Карского численность белорусов в Смоленской губернии «выросла» к началу XX столетия до цифры, превышающей один миллион сто тысяч человек, когда по всероссийской переписи населения 1850–1851 годов (девятая ревизия) все население губернии было немногим более одного миллиона человек, а общая численность белорусов даже по механизму подсчета Я.А. Соловьева составляла чуть более 551 тысячи человек. Если же взять в расчет указанный Карским «Обзор...» за 1901 год, в котором общая численность населения губернии дается в 1 752 317 человек [Обзор Смоленской губернии за 1901 год, 1902, *22*], то белорусов в Смоленской губернии получится 54% от общей численности населения! Это даже больше, чем в работе Я.А. Соловьева 1855 года!

В то же время общероссийские статистические ежегодники последующих лет в своих таблицах в разделах о национальном составе губернии вообще не имеют графы «белорусы». Возьмем некие рубежные даты. В 1914 году в Смоленской губернии население составляло 1 944 600 человек, русские давали 98,4% общей численности [Статистический ежегодник России 1914 г., 1915, *63*]. В 1916 году – 1 997 200 человек, русских также было 98,4% [Статистический ежегодник России 1916 г., 1916, *52*]. В статистических формах имеются графы «евреи», «поляки» и другие. Белорусов нет вообще! Похоже, повторяется ситуация с уже упоминавшимся нами седьмым выпуском под редакцией Н.А. Тройницкого, комментирующим разные аспекты переписи 1897 года, когда белорусы включались в раздел русского населения. С существенной при этом разницей: в начале XX века самой численности белорусов нет ни в скобках, ни без таковых. Их просто нет.

Существенное преобладание «российской» идентичности над «белорусской» в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях показала и первая советская перепись населения 1920 года [Борисенок, 2013, *123*].

В Смоленской губернии, по данным переписи 1920 года (в границах 1925 года после указанных нами ранее территориальных изменений 1924 года), из 2 083 465 человек всего населения великороссы составляли 2 011 993 человека (96,56%), белорусы – 54 700 (2,62%), латыши – 5423 (0,26%), евреи – 5149 (0,25%), поляки – 2844 (0,14%), литовцы – 1058 (0,05%), малороссы – 978 (0,05%), немцы – 246 (0,01%) [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4748, *24*]. Среди уездов самая большая численность была в Смоленском – 13 972 человека (3,41%) [ГАСО, ф. Р-161, оп. 1, д. 2182, *24*].

Как видим, общее число смоленских белорусов стало в 10 раз меньше, чем указано в известной работе Я.А. Соловьева середины XIX века. Объяснение, очевидно, следующее. Во всероссийской переписи августа 1920 года особое внимание уделялось именно национальному вопросу (по итогам выявлен этнографический состав населения регионов и страны в целом), а также профессиональным занятиям граждан. Обязательно уточнялись участие в войнах, физические увечья, психическое здоровье. Таким

образом, анализировалось влияние войны на состояние работающей части населения.

В личном листке опрашиваемого в вопросе № 4 было два пункта: первый – «К какой национальности себя относит» и второй – «Родной язык».

Надо полагать, что большинство белорусов в августе 1920 года, когда полным ходом шли военные действия под Варшавой, захотели вдруг стать великорусами. Ведь опросный лист давал, например, возможность записать себя в русский этнос, при этом одновременно оставив за собой родной белорусский язык. Отсюда такое «катастрофическое» снижение численности белорусов в губернии.

Тем не менее белорусы продолжали пока оставаться второй по численности группой населения губернии. При этом какого-либо особого внимания к белорусской проблематике в губернии никогда не ощущалось. Местное население в значительной степени воспринимало белорусов как часть русского народа, говорящую на «несколько особом русском языке».

2 июля 1923 года под эгидой бюро национальных меньшинств губернского отдела народного образования и его белорусской секции состоялось межведомственное губернское совещание комиссий «по вопросу БЕЛОРУСОВ». Докладчиком была известный краевед, профессор Смоленского государственного университета Е.Н. Клетнова. Первым обсуждался вопрос о численности белорусов в губернии. Он звучал так: «Какой процент, в каких уездах имеется белорусское население в Смоленской губ.[ернии]»? В резолютивной части совещания читаем: «Белорусского сельского населения во всей Смоленской губ.[ернии] за исключением Гжатского, Сычевского и части Вяземского уездов находится до 90%» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 3093, *22*]. Откуда такие цифры?! Ничем иным, как просто желанием подчеркнуть важность и значимость обсуждаемой проблемы, это не объясняется. Реальная статистика свидетельствовала о другом. Хотя с последующими выводами совещания о том, что белорусская самобытность имеет «громадную национально-культурную духовную обособленность», что перевод сельских школ на белорусский язык необходим, но «с выявлением воли самого населения в каждом отдельном случае» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 3093, *22*], следует бесспорно согласиться.

В докладе Смоленского губисполкома в Президиум ВЦИК СССР в январе 1925 года о работе с национальными меньшинствами были озвучены следующие цифры. Всего населения национальных меньшинств в губернии – 125 515 человек, из них в сельской местности проживало 69 228 человек, то есть 3,52% общей численности. Великороссов в губернии было 2 093 953 человека, а общая численность белорусов составляла 53 037 человек, или 2,62% от всего населения губернии, из которых в городах проживало 16 913 человек (отдельной цифры по сельской местности в докладе не указано) [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 667, *57, 57 об.*].

Существенное расхождение в цифрах в сравнении с вышеназванными находим в отчете губернского отдела народного образования о работе среди национальных меньшинств за период с октября 1925 по июнь 1926 года. В нем указывалось: всего в губернии 139 155 человек национальных меньшинств, из них в сельской местности проживало 78 870 человек, или 3,78%. Белорусов в сельской местности было 62 041 человек, то есть 2,97% от всего числа сельского населения. В городах численность белорусского населения составляла уже 18 235 человек, или 9,2% городского населения [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 962, *3*].

Здесь же представляется и отчет о работе совета по национальным меньшинствам Смоленского губоно. И за тот же период. Что в нем? Белорусского населения в губернии – «около 84 000, которое, главным образом, живет в Смоленском и Рославльском уездах. Точный учет белорусского населения будет проводиться только при общей переписи» [ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 667, *9*]. Хотя на следующей странице отчета следует повтор тех же цифр, что ушли во ВЦИК.

Согласно данным последней демографической переписи населения 1926 года, нацменьшинства Смоленской губернии насчитывали 78 773 человека, из которых 42 954 проживали в городах, а 35 819 – в сельской местности. Общая численность населения губернии – 1 292 712 человек. Процент нацменьшинств к общей цифре населения губернии составлял 3,5% [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4746, *67*]. Распределение по национальностям было следующим: евреи – всего 35 656 человек, из которых в деревнях проживало только 6007; белорусы – всего 20 408 человек, из них в деревне – 15 201; латыши – всего 7581, в деревне – 6152; поляки – 6038, в деревне – 2850; цыгане – 1801, в деревне – 1664 и др. [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4746, *67*].

Евреи в основном жили в местечках Смоленского и Рославльского уездов, а также в городах губернии. Поляки «всячески скрывали свое происхождение, опасаясь высылки в случае войны с Польшей». Латыши жили колониями по всей губернии: в Катынской, Демидовской, Холмовской, Издешковской, Стодолищенской, Пречистенской, Копыревщинской, Ярцевской, Слободской, Сафоновской, Чижевской волостях. Литовцы имелись только в одной волости – Любавичской (1388 человек). Цыгане вели кочевой образ жизни без определенного места жительства. «Труднее всего, – читаем в одном из документов этого периода, – поддается учету белорусское население. Оно живет в волостях Смоленского и Рославльского уездов, граничущих с Белорусской республикой: Любавичской, Руднянской, Монастырщинской, Петровичской, Шумячской и Хиславичской Рославльского уезда» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4746, *67*]. При этом следует иметь в виду, что территориальная наполняемость названных уездов была существенно шире современного районного деления Смоленщины. Например, в составе Смоленского уезда

находились современные районы Смоленской области (конечно, не совпадая территориально полностью) – Починковский, Руднянский, Краснинский, Кардымовский; Рославльский уезд охватывал Хиславичи, Шумячи и даже часть современной Брянщины (Сеща).

По уездам, включая их административные центры, более 15 тысяч сельского белорусского населения распределялись следующим образом: Смоленский уезд – 7504 человек, Ельнинский – 2262, Рославльский – 1914, Дорогобужский – 1126, Гжатский – 923, Вяземский – 660, Ярцевский – 367, Бельский – 133, Сычевский – 96. Не показывал наличие в своих волостях белорусов только один Демидовский уезд губернии [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4745, *19, 19 об.*].

Как видим, по переписи 1926 года, белорусы «передвинулись» на третье место, уступив второе еврейскому населению. Хотя, например, в губернском отделе народного образования с такими данными переписи в части белорусов не были согласны. В одном из его отчетов читаем: «Согласно переписи населения 1926 г. по Смоленской губернии белорусское население определяется в 20 400 душ. Однако по предположениям белкультработников эта цифра не соответствует действительности. Имеются факты, указывающие на то, что при последней переписи населения Смоленской губ.[ернии] зачастую белоруссы механически относились к великороссам (Монастырщинская вол.) или когда население двух соседних деревень по национальным обликам похожи одна на другую относились к двум национальностям (Любавичская вол.). Это явление объясняется тем, что местные работники, в частности, переписчики не учли и не учитывают политической важности данного вопроса и само население уже настолько обрусело, что оно не придает белоруссизации никакого значения» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4748, *278*].

Ю.А. Борисенок объясняет начавшееся с 1923 года неизбежное падение численности белорусского населения тем, что все решения о белорусско-российском пограничье основывались не на этнографических или социально-экономических соображениях, а на политической целесообразности [Борисенок, 2013, *125*]. И с такой оценкой трудно не согласиться. Но, как нам представляется, связано это было не только с территориальными реорганизациями. Да, конечно, передача в 1924 году в состав Могилевской губернии Мстиславского и Горецкого уездов Смоленской губернии сказалась на снижении численности белорусского населения на Смоленщине. Но никак не менее важным, а скорее, наоборот, более существенным основанием к наметившемуся снижению численности смоленских белорусов в середине 1920-х годов стало стремление последних активнее включаться в начавшиеся индустриально- и социально-модернизационные процессы, которые гораздо значительнее проявлялись как раз в российских, а не в белорусских регионах и

предоставляли существенно больше возможностей белорусскому крестьянству для их социального лифта.

Особенно это касалось подрастающего поколения. Основной формой практической белорусизации на Смоленщине станет не перевод на белорусский язык органов государственной власти, а создание белорусских школ с обучением в них на белорусском языке. Однако делалось это в значительной степени вопреки желаниям не только русской части населения, но и белорусских жителей губернии.

Само белорусское население, читаем в докладе, «относится к школе на родном языке безразлично, а нередко и враждебно». Родители вполне обоснованно считали, что для будущей жизни, а тем более в России, частью которой и являлась Смоленщина, детям нужен именно русский, а не белорусский язык. Даже та часть белорусского населения губернии, которая проживала на границе с Белоруссией и поддерживала экономические связи с этнической родиной, требовала от учителей, чтобы они «преподавали белорусский язык» (но не на белорусском языке вели все предметы. – *О.К.*) [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4748, *315 об.*].

Аналогичные оценки политики белорусизации звучали и в большом официальном докладе 1928 года о культработе среди белорусского населения Смоленской губернии: само белорусское население «уже настолько обрусело, что оно не придает белорусизации никакого значения», отношение населения к вопросам белорусизации «индеферентное» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4746, *278*].

Все это не могло не сказываться и на численности белорусского населения губернии. Она будет сокращаться на всем протяжении двадцатых годов XX столетия. При этом речь пойдет не о физическом сокращении численности белорусов, а об их самозачислении в состав российского этноса путем саморусификации и предпочтения родному белорусскому языку общесоюзного языка – русского.

Завершим наше повествование обращением к одному из самых авторитетных авторов по белорусской истории – основоположнику американского белорусоведения, создателю своего рода «настольной книги» для каждого белорусоведа «Белоруссия. Создание нации» Н.П. Вакару [Vakar, 1956].

Уже будучи в отставке, Н.П. Вакар в 1968 году публикует свою последнюю работу по Белоруссии – статью в сборнике по национальным меньшинствам в СССР под редакцией Эрика Голдхагена «Белорусский народ между государственностью и исчезновением» [Vakar, 1968, *218–229*]. Автора беспокоит то обстоятельство, что белорусский язык, даже являясь официальным языком Белорусской республики, все больше вытесняется русским. Все высшее образование основано на русском языке. На очереди средняя и начальная школы. Все школьные учебники издаются на русском языке. Писатели предпочитают публиковаться на русском языке. Вся печатная продукция

Белорусской академии наук – на русском языке. Русский язык становится главным не только в городах, но и в деревнях Белоруссии.

Вакар задается вопросом: почему белорусы, являясь третьей по численности языковой группой населения СССР, не сопротивляются такой систематической русификации? И сам же дает ответ: новая белорусская интеллигенция считает, что русский язык необходим и выгоден, при этом он «нисколько не делает их менее белорусами» в сравнении с теми, кто не говорит по-русски. Они не считают, что русский язык обязательно является угрозой белорусской независимости [Vakar, Nicholas, 1968, *222*].

А далее автор описывает свои беседы с молодым белорусом, который учился в США по обмену. Студент говорил так о себе и русском языке: для меня русский язык открыл весь мир мировой литературы и культуры; зная русский язык, я не стал менее белорусом, чем мой отец, который даже в руки не берет книги и газеты на русском языке. И далее основное: «Для нас русский – это язык Советского Союза, а не язык русских. Это мировой язык, такой же как английский и французский» [Vakar, Nicholas, 1968, *224*].

Как видим, оценки двух разных исторических эпох, 1920-х и 1960-х годов, непосредственно действующими лицами, то есть самими белорусами, полностью совпадают. Таковы уроки истории.

ЛИТЕРАТУРА

Борисенок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 352 с.

ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 667.

ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 962.

ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3093.

ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4745.

ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4746.

ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.

ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2182.

Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году Петра Кеппена действительного члена Императорской Академии наук. СПб., 1857. 306 с.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1963. 937 с.

История белорусской государственности. В 5 т. Т. 2: Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Н.В. Смехович [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2019. 433 с.

Карский Е.Ф. Белоруссы. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. 478 с.

Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 7 / под ред. Н.А. Тройницкого. 1905. 38 с.

Население империи по переписи 28-го января 1897 года. По уездам. Составлено Центральным Статистическим Комитетом на основании местных подсчетных ведомостей. СПб., 1897. 29 с.

Обзор Смоленской губернии за 1901 год. Смоленский губ. стат. комитет, 1902. 75 с.

Практическое разрешение Национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. I: Белоруссизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. Минск: Издание Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1927. 151 с.

Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнения гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 503 с.).

Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый). Петроград, 1915. 120 с.

Статистический ежегодник России 1916 г. (Год тринадцатый). М., 1916. 90 с.

Vakar N.P. Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. 297 p.

Vakar N.P. The Belorussian People Between Nationhood and Extinction // Ethnic Minorities in the Soviet Union / ed. by Erich Goldhagen. New York: F.A. Praeger, Inc., 1968. P. 218–229.

O.V. Kobets
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Postgraduate Department,
Smolensk State Academy of Physical Culture,
Sport and Tourism
Smolensk, Russia

«Sentenced to Belarusization»: Smolensk Belarusians in the 1920s (to the Question of Their Number)

In 1921, based on decisions of the 10th Congress of the RCP(b), the country would begin to implement a national policy that received the common name – korenization (nativization). In Belarus and in the Russian regions bordering the republic, it would be called belarusization. The active phase of this policy would continue until the end of the 1920s. For residents of the BSSR, it would mean the development of Belarusian culture (schools, universities in the Belarusian language, Belarusian literature, the publication of Belarusian books, etc.), the nomination of Belarusians for the party, Soviet, professional and public work, the transfer of party and state apparatus and parts of the Red Army to the Belarusian language.

During the first half of the 1920s, the young Belarusian republic would significantly grow in the former territories of Russia. As a result of these transformations, a large number of border territories appeared between the RSFSR and the BSSR, where, at different periods, the population included both Russian and Belarusian. It is Russian-Belarusian and Belarusian-Russian society that would have difficulties in adaptation to the official Belarusian state policy initiated by Moscow and declared by Minsk.

Due to its historical development, Smolensk Governorate was just one of those Russian territories that, like the Belarusian border counties, were «sentenced» to the policy of belarusization throughout the 1920s.

Not all of the Belarusian population of the governorate enthusiastically joined in the implementation of this policy. However, before talking about whether it was necessary and needed for the Belarusians living in Smolensk Governorate, one should first decide on the question, what was the size of this Belarusian «interlayer» of the population lived in the Smolensk region, and how many Smolensk Belarusians should be affected by belarusization.

Key words: *belarusization; Belarusians; population; Smolensk region.*

REFERENCES

Agricultural Statistics of the Smolensk Governorate [Sel'skokhozyaistvennaya statistika Smolenskoi gubernii]. Compiled by Jacob Solovyov, the head of the former Smolensk Detachment of the Equation of State Peasants in Money Fees, based on the information collected by this detachment. Moscow: dependent on Scient. Com. of Moscow State Property. 1855. 486 p. (Cit. by the edition: Agricultural statistics of the Smolensk Givernorate. Smolensk, Universum. 2011.503 p. (in Russian).

Actual Population of Both Sexes in the Counties and Indication of the Number of Persons with Predominant Native Languages [Nalichnoye naselenie oboyego pola po uyezdam, s ukazaniem chisla lits preobladayushchikh rodnykh yazykov]. The First General Population Census of the Russian Empire [Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoi imperii], 1897, Issue 7. Ed. by N.A. Troinitsky. 1905. 38 p. (in Russian).

Borisenok Yu.A. On the Sharp Turns of Belarusian History: Society and the State between Poland and Russia in the First Half of the 20th Century [Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: Obshhestvo i gosudarstvo mezhdu Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka]. Moscow, OOO «Rodina MEDIA». 2013. 352 p. (in Russian).

Karsky Ye.F. Belarusians. Volume 1: Introduction to the Study of a Language and Folk Literature [Belorussy. Tom 1. Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoi slovesnosti]. Warsaw. 1903. 478 p. (in Russian).

Practical Solution of the National Issue in the Belarusian Socialist Soviet Republic. Part I: Belarussization. Based on the Materials of the Central National Commission of the CEC of the BSSR [Prakticheskoye razreshenie Natsional'nogo voprosa v Belorusskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respublike. Chast' I: Belorussizatsiya. Po materialam Tsentral'noi Natsional'noi Komissii TSIK BSSR]. Minsk, Publishing House of Central National Comission the CEC of the BSSR. 1927. 151 p. (in Russian).

Review of the Smolensk Governorate in 1901 [Obzor Smolenskoi gubernii za 1901 god]. Smolensk Governorate Committee for Statistics. 1902. 75 p. (in Russian).

Smekhovich N.V. The History of the Belarusian Statehood. In 5 Volumes. Vol. 2: Belarusian Statehood in the Period of the Russian Empire (the End of the 18th – the Beginning of the 20th Century) [Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. V 5 t. T. 2. Belorusskaya gosudarstvennost' v period Rossiyskoi imperii (konets XVIII – nachalo XX v.) Minsk, Belaruskaya navuka. 2019. 433 p. (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 1. Record 667 (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund 13. List 1. Record 962 (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund P-19. List 1. Record 3093 (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund P-19. List 1. Record 4745 (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund P-19. List 1. Record 4746 (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund P-19. List 1. Record 4748 (in Russian).

State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvenny Arkhiv Smolenskoi oblasti (GASO)]. Fund P-161. List 1. Record 2182 (in Russian).

Statistical Yearbook of Russia, 1914. (Year Eleven) [Statistichesky yezhegodnik Rossii 1914 g. (God odinnadtsaty)]. Petrograd. 1915. 120 p. (in Russian).

Statistical Yearbook of Russia, 1916. (Year Thirteen) [Statistichesky yezhegodnik Rossii 1916 g. (God trinadtsaty)]. Mosscow. 1916. 90 p. (in Russian).

The Ninth Revision. A Study on the Number of Inhabitants in Russia in 1851 by Peter Köppen, a Full Member of the Imperial Academy of Sciences [Devyataya reviziya. Issledovanie o chisle zhitelei v Rossii v 1851 godu Petra Keppena deistvitel'nogo chlena Imperatorskoi Akademii nauk]. St. Petersburg. 1857. 306 p. (in Russian).

The Population of the Empire According to the Census of January 28, 1897. By counties. Compiled by the Central Statistical Committee on the Basis of Local Counting Lists [Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 goda. Po uyezdam. Sostavleno Tsentral'nym Statisticheskim Komitetom na osnovanii mestnykh podschetnykh vedomostei]. St. Petersburg. 1897. 29 p. (in Russian).

The Tenth Congress of the RCP (b). March, 1921. Stenographic Report [Desyaty s"yezd RKP (b). Mart 1921 goda. Stenograficheskiy otchet]. Moscow, State Publishing House of Political Literature. 1963. 937 p. (in Russian).

Vakar Nicholas P. Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Cambridge, Mass., Harvard University Press. 1956. 297 p. (in English).

Vakar Nicholas P. The Belorussian People Between Nationhood and Extinction. Ethnic Minorities in the Soviet Union. Ed. by Erich Goldhagen. New York, F.A. Praeger, Inc., 1968. pp. 218–229 (in English).

А.Д. Полугодин

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, Россия

УДК 94(470) «1941/1943»

DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-218-239

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ КАЛУЖСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД 1941–1943 ГОДОВ

Ключевые слова: *административный коллаборационизм; оккупация; Калужская область; бургомистр; партизаны; управа; военный комендант; староста; волостной старшина.*

В статье на основе привлечения многочисленного публицистического и архивного материала анализируются особенности развития административного коллаборационизма в различных районах современной Калужской области. Автор, используя методы сравнения, индукции, классификации и синтеза, приходит к выводу, что на становление коллаборации влиял характер оккупации, связанный со статусом определенной территории.

На первых порах оккупантами создавались самые необходимые для них институты первичной власти: старостаты в деревнях и бургомистерства в городах. Позднее при освоении оккупированной территории была сформирована система окружного, районного и волостного управления.

Исследование показало, что деятельность коллаборационной администрации носила противоречивый характер, ориентировалась как на прямое исполнение указаний германского командования, так и, в относительной степени, на удовлетворение запросов гражданского населения, если это не шло в ущерб интересам захватчиков.

Активный интерес исследователей к коллаборационизму возник после распада советской системы в связи с демократизацией общества и последующим открытием доступа к архивным материалам. В процессе их изучения историки смогли существенно продвинуться вперед, вследствие чего современная историография вопроса включает в себя как комплексные работы, так и узкотематические исследования [Варфоломеева, 2011; Молодова, 2008; 2010; Никифоров, 2008]. Однако стоит заметить, что проработка темы на примере Калужского региона не может похвастаться наличием полноценных специализированных работ, что придает исследованию актуальный характер. Несомненно, такие региональные специалисты, как А. Бауэр, И.С. Писаренко, И.Ю. Молодова [Бауэр, 2000; Писаренко, 2005; Молодова, 2008; Писаренко, 2004], внесли значительный вклад в

освещение некоторых проявлений коллаборации в регионе, но их обзоры содержат лишь общие положения, косвенно освещающие интересующую нас проблему. Поэтому, привлекая источники из фондов различных архивов, автор статьи ставит перед собой задачу дополнить существующую картину знаний.

Калужская область в нынешних границах была полностью оккупирована нацистами к концу октября 1941 года. Как и на многих соседних территориях, для управления значительным пространством оккупанты приступили к формированию органов русской администрации – институтов старост в деревнях и бургомистров в городах. Исходя из данных источников первичные организации «местной власти» – представительства старост и бургомистров, действительно, были организованы повсеместно в оккупированной зоне. Однако сам порядок их организации различался в зависимости от специфики оккупированного пространства. Как правило, на отдаленных от фронта территориях немцы создавали администрацию неторопливо, поэтапно, соблюдая некоторые организационные нюансы. В Спас-Деменском, Ульяновском, Людиновском, Хвастовичском районах проводились пусть и формальные, но все же выборы глав нижнего звена управления – старост, подыскивались проверенные кандидаты для занятия постов бургомистров. Исключения составляли населенные пункты, находящиеся на пересечении важных транспортных артерий или участков вблизи прифронтовых зон. Так, ряд жителей с. Брынь Думиничского района в своих воспоминаниях не указывали на наличие в селе старост или старшин, отмечая, что в 1941 году постоянными «гостями» были проходящие немецкие солдаты, останавливающиеся здесь на постой [Львов, 2010, *16*]. Зато в воспоминаниях брынчан повторного периода оккупации 1942 года складывалась иная картина. Прежде всего, захватчиками был значительно ужесточен порядок, к расквартированному немецкому гарнизону оккупанты добавили двух концевых старост, заправлявших большим селом. Подобная организация наблюдалась и в некоторых населенных пунктах Куйбышевского района.

Существенная особенность проявилась и в организации власти в крупных населенных пунктах. Из утверждений ряда советских и даже некоторых современных историков следует, что в каждом городе или селе располагались значительные немецкие гарнизоны, обеспечивающие тотальный контроль и охрану объектов [Бауэр, 2000, *24*]. Однако подобные тезисы можно подвергнуть критическому анализу.

В прифронтовых и стратегически важных местностях севера и востока края: Угодско-Заводском, Боровском, Малоярославецком, Тарусском районах – власть «администраторов» носила сугубо исполнительский, условный характер без малейшего намека на самостоятельность. Как правило, никакая инфраструктура не развивалась, а местные начальники были

настолько урезаны в полномочиях, что не могли предпринимать ничего серьезного. В лучшем случае люди обеспечивались работой за счет уцелевших местных предприятий и сельских хозяйств, не претендуя ни на что большее. Так, по воспоминаниям жителей оккупированного Малоярославца, поставленный бургомистр ничего не сделал для создания хоть какой-то инфраструктуры, а в ответ на жалобы граждан только давал обещания. Немцы полностью господствовали в городе и являлись абсолютными хозяевами положения [Писаренко и др., 2001, *43*]. Очевидец оккупации М.Н. Приходько вспоминала: «Есть было нечего, магазинов не было, базаров не было. В городе до прихода немцев было две бани. Одну из них они уничтожили, в другой – мылись сами. Для горожан же баня была закрыта. Гражданам строго запретили приближаться к вокзалу и железнодорожным путям… Недавно немцы пристрелили мальчика, который вздумал перейти через линию дороги. И, конечно, в городе не было кино, столовых, кафе...» [Белевский]. В д. Комарово Угодско-Заводского района командир дислоцированного в ней немецкого отряда заставлял старосту каждый день предоставлять рабочую силу для строительства оборонительных укреплений, а при поспешном отступлении солдаты вермахта безжалостно сожгли его дом, невзирая на статус бывшего прислужника [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 563, *11*].

Несколько иная ситуация сложилась в Тарусе. Город находился практически на стыке фронтовых позиций, в сложном для гитлеровцев районе, поэтому настоящая административная власть сосредоточилась здесь в руках военного коменданта. Однако оккупанты не успели полностью обосноваться на этой территории и тем самым создать строгую контролирующую систему, которая присмотрела бы и за гражданским управлением. В подтверждение этого факта можно привести эпизод с задержанием комендатурой советских подпольщиков Аксенова и Шумилина. Пойманные гитлеровцами диверсанты были приговорены к расстрелу, но в итоге из-за необъяснимой халатности конвоиров смогли перебить охрану и убежать [ГАТО, п. 5702, оп. 1, д. 136, *6*]. Неустойчивость гитлеровской власти в регионе отмечалась и в докладной записке начальника 4 отдела УНКВД Тульской области. В документе указывалось: «Диверсионные группы для осуществления своих задач успешно проходят линию фронта в Калужском, Детчинском, Тарусском районах» [ГАТО, п. 5702, оп. 1, д. 136, *10*].

Просачивающиеся через линию фронта отряды красноармейцев нападали на обозы, взрывали мосты, убивали вражеских солдат. Такое неустойчивое положение сводило на нет действия оккупантов по созданию полноценного аппарата управления. Очевидец оккупации Тарусы Э. Логинова вспоминала: «Район был наводнен немецкими войсками. За короткое время оккупации в 56 дней оккупанты наспех успели назначить старост и

квартальных в городе и деревнях». Их деятельность очевидцы оценивали по-разному. Жительница утверждала, что среди них были те, кто яро прислуживал врагу, но в общей массе старосты старались помочь людям, поскольку были из «своих» и назначались спонтанно. «Староста Вася Андреев предупредил нас о будущем угоне. Хороший был староста в с. Трубецкое, деревнях Шишкино и Бортники», – писала Логинова [Логинова, 2010, *161*]. О деятельности тарусской управы в источниках существенной информации не имеется. Видимо, местный бургомистр не очень хорошо запомнился людям или сами жители не считали его ключевой фигурой. В подтверждение этого тезиса позволительно привести пример, когда инициативные неравнодушные граждане, чтобы хоть как-то помочь скрывавшимся раненым красноармейцам, миновали гражданскую управу и направили обращение-просьбу прямиком немецкому коменданту, чтобы тот разрешил оказывать помощь гражданским посетителям госпиталя.

К концу декабря 1941 года Тарусский район был освобожден частями Красной армии, поэтому полностью развернуть административное устройство через функционирование агроведомств и волостных управ врагу не удалось.

Прифронтовой статус имел и город Боровск, где ситуация складывалась по схожему сценарию. Жители оккупированного города отмечали, что их городской голова являлся «малоприметным тихим человеком» и ничем существенным в оккупации не запомнился [Узяков, 1995, *37–38*]. Дальнейшее изучение автором материалов позволило найти необходимую информацию о бургомистре Боровска. Гражданин Г., бывший юрисконсульт Боровской фабрики, при немцах был назначен бургомистром города. В 1943 году попал в руки НКГБ и по приговору особого совещания был расстрелян 26 августа 1944 года. Впоследствии по причине выявления российской прокуратурой допущенных процессуальных нарушений лицо было реабилитировано. Видимо, степень вины этого человека не являлась достаточно высокой для того, чтобы и в наши дни оставить приговор без изменений. Всего же из 152 осужденных советской властью по Боровскому району лиц а) работали в органах местного самоуправления – 64 человека, в том числе в городской управе (бургомистр, члены и уполномоченные, писари, переводчики) – 17; были старостами улиц, квартальными, десятниками, писарями – 10; старостами деревень, председателями колхозов, десятниками – 37; б) работали на производстве (транспорт, электростанция, производства) – 37; в) вели антисоветскую пропагандистскую работу – 29; г) выявляли красноармейцев, коммунистов, комсомольцев, партизан – 10; д) занимались шпионажем и предательством (каким – не конкретизировано) – 9 и прочие – 3. Как видно, количество коллаборационистов являлось небольшим, что позволяет сделать заключение о незрелом его характере в регионе [Овчинников].

Несколько иначе дело обстояло в местностях, отдаленных от линии фронта. В Козельске управа начала функционировать довольно быстро. Уже к ноябрю 1941 года комплектование штата ее сотрудников достигло нормы [ГАКО, ф.р. 992, оп. 1, д. 2, *40*]. В эксплуатацию был введен ряд городских предприятий: электростанция, крахмальный завод, типография, лечебница, колбасный завод [ГАКО, ф.р. 992, оп. 1, д. 1, *18–20*]. В то тяжелое время наличие местной власти для граждан оказалось действительно полезным. Архивные источники содержат многочисленные заявления жителей на имя бургомистра города об обеспечении их работой [ГАКО, ф.р. 992, оп. 1, д. 2, *1–41*]. Имеется в наличии и информация об оплате труда работников на козельских предприятиях. Так, директор завода получал зарплату в размере до 800 руб., обычные работники довольствовались суммами в пределах 200–300 руб. [ГАКО, ф.р. 992, оп. 1, д. 1, *49*]. При управе были образованы многочисленные управленческие отделы, что позволяет сделать вывод о функционировании хозяйства в городе [ГАКО, ф.р. 992, оп. 1, д. 2, *37–39*]. Подобная ситуация отмечалась и в райцентре – городе Мосальске, где работники больницы, детдома, роддома стали получать определенную зарплату уже с ноября 1941 года [ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 1, *81, 88, 117*].

В другом отдаленном от фронта городе – Кирове немцы также приказали наладить производство нескольких важных промышленных предприятий [Писаренко, 1997, *68–71*; Бауэр, 2000, *24*]. Здесь изготавливались сани со спецящиками для перевозок раненых немецких солдат, была налажена работа чугунолитейного и фаянсового заводов, бани, парикмахерской. Как и в Козельске, имелась возможность быть обеспеченным работой и пайком в 400 г хлеба на человека [Бауэр, 2005, *55*]. Доверие оккупантов к гражданским властям позволило местному бургомистру Орехову, используя свое положение, оказывать активную помощь гражданам, в том числе функционировавшему на территории города подпольному госпиталю под руководством д-ра Гернбергера.

Скорее всего, такой «вольности» бургомистра способствовало сосредоточение внимания оккупантов не на контроле за населением, а на управлении промышленными сферами. Партизанское движение в тех местах только набирало обороты и поначалу не давало гитлеровцам поводов для расправ. Также нельзя списывать со счетов и факт непродолжительного для Кирова периода оккупации – всего 98 дней, что не позволило врагу показать себя во всей красе. Уже в начале 1942 года Киров был освобожден частями Красной армии.

Краевед А. Бауэр отмечал, что режим в Кирове отличался высокой степенью контроля и жестокости [Бауэр, 2000, *24*]. Однако эта версия не совпадает с показаниями свидетеля – солдата Красной армии, окруженца А. Хаскина [Бауэр, 2005, *53*]. Будучи на нелегальном положении в городе,

он уже после войны рассказывал, что в Кирове не имелось ни СД, ни представителей гестапо, а охрану города несли всего несколько десятков полицаев и небольшой отряд немцев, в основном пожилого возраста, в количестве 15–20 человек, поэтому каких-либо существенных репрессий в населенном центре гитлеровцами не проводилось. От себя он добавил: «Если бы в городе были немецкие спецорганы, то живым бы я оттуда не вышел».

Закрепившись на территории, немцы продолжили создавать звенья гражданского аппарата управления. В городах для обеспечения нужд армии и жителей организовывались районные представительства, подчиняющие себе окружные сельские участки в размерах бывших сельсоветов – волостей, возглавляемые старшинами. В многочисленных официальных донесениях разведки и послевоенных воспоминаниях мстителей часто упоминается стандартная фраза: «оккупантами повсеместно были назначены бургомистры в городах, старосты в деревнях и волостные старшины в сельсоветах», однако, как показывают реальные события, действительность оказывалась не всегда таковой. В частности, волостные управления сколачивались нацистами приблизительно через месяц после оккупации района, в период с конца ноября по начало декабря 1941 года, и прежде всего в спокойных местностях. Так, материалы Государственного архива Калужской области содержат данные о первых предписаниях начальников волостным старшинам в Хвастовичском, Людиновском, Спас-Деменском, Думиничском районах [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 490, *12*; ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 486, *6*; ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 178, *61*]. Ранняя дата, встречавшаяся автору, относится ко второй половине ноября 1941 года, когда хвастовичские партизаны устроили налет на одну из волостных управ [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 665, *13*]. В Мосальском районе образование волостного устройства также было задокументировано не позднее 25 ноября 1941 года [ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 11, *2*], к 8 декабря у бургомистра города уже имелся список всех нетрудоспособных граждан района по волостям [ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 6, *2–20*]. В небольшом по размерам Барятинском районе официально волостное устройство образовано не было. Управление территориями осуществлялось через распоряжения городского бургомистра, в прошлом ветеринара Грознова, различным начальникам восьми бывших сельсоветов. Управленцы получали указания от городской управы и подчинялись ей напрямую [ГАКО, ф.р. 1002, оп. 1, д. 1с., *168*]. К декабрю 1941 года на территории района числилось 22 агронома, курировавших сельскохозяйственную работу. На эту должность были назначены лица, ранее занимавшие места в аграрных секторах, а также бывшие учителя биологии. Из 22 агрономов шестеро являлись женщинами [ГАКО, ф.р. 1002, оп. 1, д. 1с., *171*].

В организации новой территориальной администрации Калужский регион отличается некоторыми интересными особенностями. В Мосальском и Юхновском районах управление волостями осуществлялось не через районного управителя, как обычно в большинстве случаев, а через городского бургомистра или его заместителя в лице начальника сельскохозяйственного отдела напрямую, минуя институт окружного ведомства – районного начальника [ГАКО, ф.р. 997, оп. 1, д. 1, *20*; ГАКО, ф.р. 997, оп. 1, д. 15]. В Спас-Деменске городской бургомистр Янсонт поначалу курировал работу только пригородной (Боловской) волости, а к осени 1942 года стал управителем города Спас-Деменска и всего Спас-Деменского района [ГАКО, ф.р. 994, оп. 1, д. 1, *271, 290*]. Видимо, такой порядок устройства объяснялся незначительными размерами упомянутых районов, а также слабой концентрацией в них промышленных предприятий, что позволяло бургомистрам совмещать ряд административных должностей.

Количество волостей по районам также не являлось определенным и очерчивалось прежними советскими рамками. Так, Людиновский район насчитывал 6 волостей, Мосальский – 24 небольшие волости, Юхновский – 7, а Спас-Деменский – 22 [ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 4, *61*; ГАКО, ф.р. 997, оп. 1, д. 2, *3*, *15*; ГАКО, ф.р. 994, оп. 1, д. 1, *51*].

В конце ноября – начале декабря 1941 года образовалось Калужское районное управление – земство, которое включало в себя сельскохозяйственный, финансовый, лесной, дорожный отделы, отдел статистики, отдел землеустройства, отдел образования, в которых работало 103 сотрудника. По воспоминаниям бывшего начальника Калужской земской управы В.Ф. Агафонова, «все места по отделам управы были заполнены в короткий срок – 4–5 дней. Общее число служащих насчитывало до 400 человек, и все являлись бывшими сослуживцами и иным техперсоналом, кто остался в городе» [Михеенков, 2013, *143–144*]. Состоялось совещание участковых агрономов, старшин, управляющих совхозами, директоров научных учреждений сельского и лесного хозяйств Калуги, Калужского района, на котором были поставлены первоочередные задачи для чиновников: «прекратить самовольное растаскивание инвентаря, сбруи, построек, скота, произвести учет, наладить работу, поправлять разрушения, собрать растасканное, привести в порядок хозяйство, наладить обмолот зерна, навести порядок с забоем скота для германской армии, произвести ремонт тракторов и сельскохозяйственной прицепной техники, засыпать и тщательно хранить семенной фонд и готовиться к весеннему севу». Одновременно начальнику районной управы дали понять, что в рамках его ответственности находится обеспечение города продовольствием и удовлетворение нужд германской армии.

Как правило, предоставляя коллаборационистам властные полномочия, оккупанты давали понять, кто главный в системе управления и чем русским чиновникам необходимо заниматься. Так, на запрос бургомистра Юхно-

ва что-то подкорректировать в законодательстве немецкий комендант в резкой форме ответил: «Я запрещаю издавать распоряжения, вносить какие-либо изменения в действующие законы и постановления. Вся власть и права принадлежат командующему армией. Только, когда приступит к работе гражданское управление, возможно, повторяю, возможно, будут проведены необходимые изменения» [ГАКО, ф.р. 997, оп. 1, д. 2, *13*].

С другой стороны, в отношении бургомистра Юхнова документы располагают сведениями о том, что он обладал серьезной властью над подчиненными. Например, в постановлении от 18 ноября 1941 года управа взяла на себя обязанность осуществлять судебную политику в отношении провинившихся граждан и чиновников. Припугнув германской комендатурой, бургомистр особо подчеркнул личную главенствующую роль в управлении городом [ГАКО, ф.р. 997, оп. 1, д. 1, *1 об.*]. В другом постановлении управы от 20 ноября 1941 года население района делилось на духовенство, крестьян, разночинцев. Все руководящие посты были закреплены исключительно за лицами, преданными немецкой власти. Существенная роль отводилась и представителям нацменьшинств – этническим немцам, состояние которых в документе определялось как «господствующее» [ГАКО, ф.р. 997, оп. 1, д. 1, *13*].

Однако, даже несмотря на такое рвение, процесс создания районного управления в Юхновском районе все же не прошел гладко. Первоначально включавший в себя 18 волостей, район для увеличения экономического потенциала к середине декабря 1941 года подвергся реструктуризации, ограничившись формированием 7 крупных волостных участков [ГАКО, ф.р. 997, оп. 1, д. 1, *3, 15*]. Подбором кадров на пост волостных старшин занималась городская управа.

Некоторая скоротечность при создании волостных институтов отмечалась и в Мосальском районе, где источниками подтверждено использование чиновниками гражданской власти старых наименований и бланков с советскими аббревиатурами. Например, некоторые старшины в донесениях называли свои участки еще по советской привычке – сельсоветы, а также использовали советские печати с аббревиатурой «РСФСР» [ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 11, *97*].

Бессистемность формирования аппарата администрации выражена в функционировании сухиничской управы. Поначалу гражданские властные полномочия в городе принадлежали бургомистру города Корендовскому, но к декабрю 1941 года оккупанты приступили к образованию экономических комендатур для системного учета оставшихся хозяйственных ресурсов. Все ранее изданные приказы Корендовского по поголовному забою скота германским сельскохозяйственным комендантом Роттом были немедленно отменены. Другая же часть приказов бургомистра – о сборе ржи, наоборот, осталась в действии [Партизанская борьба, 1962, *490*].

Не сразу сформировался системный аппарат и в Думиничском районе. Несмотря на то что он был полностью оккупирован к 5 октября 1941 года, гражданская власть начала функционировать только к декабрю 1941 года. Сначала в этих местах оккупанты сформировали институты бургомистерств и окрестных старостатов. Для охраны территории имелись местные карательные отряды в количестве 30–40 человек. К концу зимы приступили к работе и окружные коллаборационные ведомства в форме райуправ и контролирующих их экономических отделов [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 155, *1–1 об.*]. Так, приказ районного бургомистра Думиничской управы от 14 декабря 1941 года гласил: «Все старосты района обязаны подчиниться господину старшему лейтенанту. Со всеми вопросами нужно обращаться в комендатуру или райуправу. Все жители подчиняются старосте, который отвечает за всю деревню. Сведения старост должны поступать старшему агроному райуправы. Староста обязан каждую неделю предоставлять в райуправу сведения агроному» [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 155, *1–1 об.*].

По Боровскому, Угодско-Заводскому, Высокиничскому и Тарусскому районам организация окружных институтов (в частности, волостных ведомств) источниками не подтверждается. Очевидцы районного центра – города Боровска лишь вспоминали о назначении немцами особой категории старост – уличных и квартальных [ГАНИСО, ф. 8, оп. 2, д. 76, *91*]. Ограниченность сведений не позволяет нам в значительной степени рассмотреть функциональность и эффективность их работы. Известны лишь отдельные эпизоды осуществления ими своих функций. Например, жительница города Н.А. Манегина-Воронина вспоминала, что в функции ее репрессированного отца, уличного старосты, входило осуществление действий по разбору незначительных конфликтов между немцами и русскими гражданами в городе. «Когда мальчишки украдут что-то у немцев – надо выручать, не то могут расстрелять. Иногда у соседа отбирают корову или коз. Приходилось уговаривать немцев» [Манегина-Воронина]. А гражданка Сидорова писала даже о случаях наделения квартального старосты судебными полномочиями. Источники Смоленского архива свидетельствуют, что на весь город было 25 квартальных старост [ГАНИСО, ф. 8, оп. 2, д. 76, *91*].

Актуальным в рамках рассмотрения проблемы является анализ вопроса социальной принадлежности прислужников. Исследование автором источников архивов Калужской, Тульской, Смоленской областей, а также литературы позволило иначе взглянуть на сформированные в советское время выводы. В противовес ранее господствующей точке зрения о засилье в рядах врага идейных предателей [Когда бушуют грозы, 1970, *76*] можно выдвинуть совершенно иные предположения. Как показывает практика, в органах русской администрации могли присутствовать лица различного социального статуса. Среди них встречались бывшие торговцы,

бывшие партийные управленцы, представители этнических меньшинств. Вполне возможно и то обстоятельство, что многие из них могли иметь счеты с советской властью.

В пос. Перемышль на ключевую должность в управе был назначен некто Г., бывший член ВКП(б), который выдал оккупантам списки коммунистов. Сама же управа была небольшой и состояла из семи человек, в ее работе активное участие принимали бывшие советские функционеры. Советским чиновником в прошлом являлся и старшина поселка Перемышль – Л., усердно призывавший население сплотиться для борьбы с партизанами. Использование бывших партийных аппаратчиков немцами на должности управителей наблюдалось и в других случаях. В промышленном Дзержинском районе германский экономический комендант назначил к себе в подчинение начальников окрестных заводов для эффективного руководства местными предприятиями. Партийным прошлым был связан и старшина пос. Ульяново – некто Матюхин. В оккупационном аппарате встречались представители различных этнических групп. Например, бургомистр Малоярославца – фольксдойче Клебек, Спас-Деменской районной управы – латыш Янтсон и пос. Думиничи – фольксдойче Ницман.

Более подробные данные комплексно представлены в таблице 1.

Таблица 1

Установленные фамилии и социальное положение бургомистров районных центров оккупированной Калужской области

Фамилия	Населенный пункт	Сфера деятельности до оккупации
Грознов	Барятино	ветеринар
Корендовский	Сухиничи	эстонец, бывший нэпман
Клебек	Малоярославец	этнический немец, бывший нэпман, бывший работник железнодорожного отдела рабочего снабжения
Орехов	Киров	бывший начальник литейного цеха
Щербачев	Калуга	бухгалтер
Жуковский	Юхнов	капельмейстер духового оркестра
Янтсон	районный начальник и бургомистр Спас-Деменска	латыш
Иванов	Людиново	бывший нэпман
Дружинин	пос. Угодско-Заводской	волостной писарь, бывший осужденный советской властью за отказ выходить на работу
Калесников	Таруса	юрист
Багин	заместитель районного старшины Бабынино	бухгалтер
Матюхин	старшина Ульяновского района	бывший председатель колхоза

Леонов	старшина пос. Перемышль	бывший партийный функционер
Бондарев	бургомистр пос. Хвастовичи	сын торговца, бывший бухгалтер маслопрома

Сост по: [Когда бушуют грозы, 1970; Алексеев, 2011, *1*; Писаренко, 2005, *189*; Писаренко и др., 2001, *43*; Бауэр, 2005, *204*; Писаренко, 2004, *96*; Маркизова, 2003, *2 об.*; Гладков, 2000, *75*; ГАНИСО, ф. 8, оп. 2, д. 109, *36*; Солдатов, 1977, *27*; ГАНИСО, ф. 8, оп. 2, д. 76, *91*; Гущина, 2017].

Как видно из таблицы, практически все поставленные оккупантами бургомистры до оккупации представлялись людьми, успешно вписывавшимися в рамки общественных отношений советского общества, некоторые из них работали в экономической сфере или обладали организаторскими способностями. Факты такого неоднозначного подбора контингента позволяют сделать вывод об отсутствии у немцев определенных принципов, строго регламентирующих специфику кадрового подбора административного персонала[1]. Наиболее весомым, на наш взгляд, являлся критерий лояльности к местной власти, а также организаторские способности, что доказывает пребывание на ответственных должностных постах лиц, являвшихся организаторами.

В процессе исполнения обязанностей пособникам различного калибра помимо отношений с простыми гражданами приходилось вступать и в контакт с немцами. Интенсивность взаимодействия зависела от должностного положения определенного коллаборациониста. Как правило, наиболее тесный диалог вели представители крупных звеньев – бургомистры районных и городских управ – ввиду присутствия поблизости различных комендатур, наименее тесный – низовые институты старост и старшин. Германских служащих попросту не хватало на такое обширное пространство.

Изданная в начале военной кампании против СССР немецкая инструкция для военнослужащих предписывала всем солдатам и офицерам не вмешиваться в работу бургомистра, а также не препятствовать исполнению им своих обязанностей.

Все просьбы военнослужащих могли быть удовлетворены только через местное германское начальство в лице военного коменданта [ГАКО, ф.р. 970, оп. 3, д. 2, *4–5*]. В реальности же отношения «русских чиновников» с солдатами врага обстояли гораздо сложнее. В многочисленных обращениях граждан к старшинам и бургомистрам помимо обычных просьб обеспечить их работой имеется немало жалоб на произвол немецких солдат, расхищающих их имущество. В такие моменты гражданскому управлению ничего не оставалось, кроме как смириться, издержки пострадавшего в лучшем случае могли быть покрыты только за счет местных фондов.

[1]Не считая евреев и цыган.

Когда же лишних средств в наличии не имелось, вопрос жалобщика считался практически закрытым [ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 4, *9*; ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 8, *7*].

Бывали случаи, когда жаловались и сами ставленники вверх по инстанции. Так, в 1943 году накануне освобождения района бургомистр Боловской волости направил письмо-докладную бургомистру Спас-Деменского района с информацией о том, что план поставок выполнить не сможет, так как значительная доля скота изъята германскими солдатами [ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 4, *9*; ГАКО, ф.р. 993, оп. 1, д. 8, *7*]. Такую же жалобу на произвол отправил и старшина одной из волостей в райцентр – город Жиздру. Неудачей закончилась инициатива Калужской горуправы по налаживанию торговли в городе. Как выяснилось, голодное население, осознав сущность захватнической политики врага, проявило открытый саботаж указаний, и немцы отстранили от участия коллаборантов, полностью взяв под контроль управление жизнью города [Писаренко, 2004, *96*]. Просьба бургомистра выделить населению часть средств из собственных запасов была благополучно проигнорирована германским командованием. Саботаж германских указаний мог повлечь за собой и более жесткие последствия. Староста деревни Тростье Жиздринского района был посажен немцами в карцер за отказ рыть траншеи [Калужский край в XX веке, 2014, *303*]. В д. Гуличи Куйбышевского района немцы убили старосту, не обеспечившего сохранность германского военного имущества [Мурзинцев, 2006, *30*].

Другой силой, тесно вплетенной в отношения с коллаборационистами, являлись советские партизаны. На бургомистра и старосту гитлеровцы возлагали ответственность за создание спокойствия на подотчетной территории. Управитель был обязан вести учет населения, немедленно сообщать о чужаках и партизанах. Для этой цели старосте и старшине в подчинение передавались созданные полицейские силы. Исследование показывает, что в южных и западных районах края нацисты поначалу недостаточно серьезно относились к развитию партизанского дела, ввиду чего держали немногочисленные гарнизоны войск для охраны некоторых объектов. Объективно говоря, такая беспечность подвергала жизнь наместников серьезной опасности перед лицом нападения мстителей. Случаи первых атак отмечались уже к концу 1941 года. Так, перед самым Рождеством нацистский охранный отряд убыл из Жиздры в окрестную деревню Зикеево для празднования Рождества, оставив город без охраны. Такой беспечностью не могли не воспользоваться лесные мстители, которые немедленно совершили налет на населенный пункт. В ходе нападения был убит начальник полиции, несколько полицейских, а также похищен сейф с ценными бумагами и деньгами управы [Гладков, 2000, *130*]. Еще до этого был ранен бургомистр Хвастовичей Бондарев, на которого также совершили нападение партизаны. Примечательным является тот факт, что

значительных германских сил в поселке не было и полицейские главари лишь чудом избежали уничтожения. Значительный немецкий гарнизон был передислоцирован в поселок только к началу 1942 года [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 665, *18*]. Бессилие коллаборационной власти отражается и в примере с разгромом одного из волостных центров Спас-Деменского района, где полицейские не оказали мстителям сопротивления, а их начальник от собственного бессилия спрятался под кровать [Книга Памяти Калужской области, 2011, *310*].

С другой стороны, такая беспечность оккупантов в первое время позволяла мстителям весьма успешно использовать пособников в своих целях: беспрепятственно внедрять в оккупационные структуры своих людей или активно влиять на решения коллаборантов. Комиссар партизанского отряда, действовавшего на территории Ульяновского района, И. Солдатов вспоминал: «В октябре 1941 года немцы практически не появлялись в деревнях и поселках. Мы свободно передвигались и могли даже появиться в пос. Ульяново. В небольших населенных пунктах нам удавалось создать из местных жителей группы самообороны против полицаев и мародеров». Партизаны-ульяновцы объясняли такое положение дел спецификой района (удаленностью от основных магистралей) и скоротечным наступлением гитлеровцев на Москву, ввиду чего враг терял бдительность. Бургомистр-старшина пос. Ульяново Матюхин характеризовался свидетелями как неустойчивый пособник, выполняющий не только указания немцев, но и партизанские требования [Солдатов, 1977, *43, 76*; ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 576, 75]. После повторной оккупации села летом 1942 года немцы стали закручивать гайки и на этот пост поставили уже другого старшину, более лояльного к ним [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 628, *3*]. Факты использования старост для своих нужд также отмечали командиры Косеватского (Куйбышевского), Думиничского, Людиновского партизанских отрядов [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 576, *75*; ГАНИСО, ф. 8, оп. 1, д. 518, *16*].

Хорошо освещен пример внедрения во вражеский круг старосты Г. Зайцева. Знающий по опыту пребывания в германском плену во времена Первой мировой войны немецкий язык и обладающий искренними патриотическими чувствами, умением грамотно анализировать ситуацию, он являлся идеальным кандидатом для подпольной работы. Исполняя приказ партизан, Зайцев смог получить от бургомистра города Людиново Иванова должность старосты одного из населенных пунктов, а также возможность бывать в городе для лечения зубов. Собранные сведения партизанский староста успешно передавал в партизанский отряд [Гладков, 2000, *42*, *78, 147*].

Фиксируя факты первых нападений партизан на управы, учитывая осложнение обстановки после поражения собственных войск под Москвой, оккупанты начали уделять внимание практике надзора за населением, в том числе и в отношении пособников. Так, учитывая наличие под боком

партизанских отрядов, наносящих серьезный урон, с начала 1942 года под руководством немцев в Людиново началось формирование института русской тайной полиции, который занимался работой по выявлению партизан и присмотром за местными коллаборационистами. В некоторых городах региона активно укореняются карательные оккупационные органы: в Жиздре на ул. Кустарева, 11, расположилось представительство гестапо, в пос. Зикеево – служба СД [Ларин, 2013], в Спас-Деменске – жандармерия и гестапо. Многие жители Спас-Деменского района с горечью вспоминали, что в их районе от расправы никто не был застрахован. Гестаповцы убивали людей в Поповском лесу, где позднее советские органы обнаружили 907 трупов расстрелянных. Источники содержат информацию о перемещении в Хвастовичский и Жиздринский районы отдельных восточных батальонов для борьбы с партизанами, а также усиленном укреплении этих населенных пунктов. В Хвастовичском районе для антипартизанских целей была сформирована своя русская народная стража (РНС) из местных коллаборационистов Авдеевского сельсовета, а также образован 616 ост-батальон из военнопленных [Калужский край в XX веке, 2014, *307*].

С 1942 года нацисты проводят активные мероприятия по осуществлению проверки управленческого персонала, в ходе которых многие скрытые советские патриоты лишились жизни, что нанесло ущерб развитию подпольного движения. 17 апреля 1942 года был расстрелян староста д. Улемец Жиздринского района за активное содействие партизанам [Книга памяти о павших, 1997, *25*]. Подобная судьба постигла и старосту д. Ямное Куйбышевского района, жителей которой фашисты заподозрили в помощи разведчикам генерала Белова, выходящим из окружения [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 351, *1–5*]. В январе 1942 года карательными структурами оккупантов была пресечена работа подпольного комитета ст. Фаянсовая Кировского района, возглавляемого бургомистром П. Прокопчиным. Попавший в лапы врага патриот умер, не выдержав пыток, однако так и не выдал никого из подполья. В советских донесениях эпизод с уходом в леса партизанского старосты Зайцева описан в пафосном ключе: «В деревне Думлово жил колхозник Г. Зайцев. Его назначили старостой, но командир отряда попросил его помочь. Когда староста узнал, что около 150 гитлеровцев остановятся в его деревне на время, то собрал всех мужчин, сожгли строения, ушли в лес. Перед уходом они смогли нанести врагу существенный урон, перестреляв из старых ружей 26 человек» [ГАОО, ф.п. 52, оп. 2, д. 291, *77*]. На самом деле ситуация с переходом выглядела иначе. Получив указание от бургомистра провести карателей к партизанам, староста Г. Зайцев дважды обманул врага, заставив гитлеровцев пойти по ложному следу. Понимая, что близок к разоблачению, он принял решение немедленно уйти в лес, где продолжил борьбу в партизанском отряде. Стоит отметить, что мало соответствует действительности и версия о

пальбе из ружей, в ходе которой им было убито 26 немцев. Как известно, по указаниям оккупантов оружие сотрудникам местной власти разрешалось иметь при особом разрешении комендатуры и только в самых крайних случаях. Это делало старосту уязвимым как перед партизанами, так и перед карателями. Поэтому вполне логично, что такие действия выглядят очень уж фантастично. С другой стороны, проявив смелость и дерзость, умный староста не мог не понимать, что за пальбу все оставшиеся жители деревни были бы просто уничтожены. Не упомянут в донесении и факт гибели семьи старосты, который так и не успел обеспечить ей безопасность [Гладков, 2000, *147*].

Гораздо меньше повезло уряднику (старшему полицейскому) Гнездиловской волостной полиции И. Старикову, долгое время скрывавшему от немцев информацию о существовании на его земле подпольного госпиталя. Немецким карательным структурам удалось раскрыть истинное предназначение госпиталя, и патриот был расстрелян в 1942 году [ГАДНИКО, ф.п. 4573, оп. 1, д. 486, *6*]. Раненых же удалось в последний момент переправить к партизанам. В 1943 году была зачищена значительная часть аппарата управы Спас-Деменского района. В ходе мероприятия немцы расстреляли переводчика в комендатуре, а ряд начальников управы оперативно сместили с должностей [Фомкин, 2005, *2*]. На основе вышеизложенных фактов логичны рассуждения кировского краеведа А. Бауэра о том, что «если бы оккупация ряда районов продлилась дольше, многие подпольные патриотические мероприятия были бы сведены на нет, а крови пролилось гораздо больше».

Как мы видим, коллаборационизм на всей оккупированной территории края являлся распространенным, хотя и не массовым явлением. Всего по районам Калужской области к 31 декабря 1944 года за сотрудничество с оккупантами органами НКГБ было арестовано и предано суду 6272 человека, в том числе 152 агента немецких разведорганов. В Калуге данный показатель определяется в 650 человек, в Сухиничском районе – 647, в Дзержинском – 457, в Спас-Деменском – около 600. В период оккупации Боровского района за пособничество врагу были осуждены 152 жителя, из них 25 расстреляны. За принадлежность к семье изменника Родине 42 жительницы района с детьми сосланы в Красноярский край на пять лет. Однако стоит учитывать, что приводимые цифры (по Боровскому району) относятся к реабилитированным. Вместе с тем 114 человек из города и округи признаны не подлежащими реабилитации [По ком звонят боровские колокола]. Всего же из 1182,3 тысячи человек, проживающих до войны в области, к концу 1944 года за коллаборационизм и другие подобные преступления было привлечено около 0,53% довоенной численности населения [Суровые сороковые, 2015, *243*].

Таким образом, особенности коллаборационизма в Калужском крае определялись, прежде всего, экономическим потенциалом района, военным положением, а также длительностью оккупационного периода. Как правило, в местах, удаленных от линии фронта, коллаборационное устройство складывалось успешно, вследствие чего формирование аппарата местного самоуправления было завершено к концу 1941 года. В прифронтовых территориях оккупанты ограничились только созданием первичных институтов, сосредоточив абсолютную власть в руках военных комендантов, не позволяя пособникам хоть как-то проявить себя. Жесткое оккупационное управление обеспечивалось и в пунктах, имеющих важное экономическое и транспортное значение, где зачастую располагались германские военные и карательные ведомства, не позволявшие «русским управленцам» действовать в некоторой степени «самостоятельно» и даже патриотично.

С другой стороны, развитие в тылу партизанского движения и понимание нехватки собственных сил заставляло нацистов под различными предлогами привлекать на службу местных жителей, тем самым ускоряя образование пособнических институтов. Ввиду установленных особенностей коллаборационизм как явление не переставал существовать на всем протяжении периода оккупации Калужского края.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Г. Я снова память трогаю // Сельские зори (Барятино). 2011. 16 декабря.

Бауэр А. Кировский подпольный госпиталь. Калужская застава 3. Калуга: Изд-во Н.Ф. Бочкаревой, 2005. С. 200–207.

Бауэр А.А. Киров: город-труженик, город-воин: Кировский район в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Киров: Ист.-краевед. музей, 2000. 119 с.

Бауэр А.А. На Западном фронте: между Москвой и Смоленском: Кировский район Калужской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Калуга: Полиграф-информ, 2005. 430 с.

Белевский П. Из беседы с очевидцами оккупации // Известия. 1942. 4 января. URL: https://0gnev.livejournal.com/318077.html (дата обращения: 25.07.2019).

Варфоломеева М.И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере современной Белгородской области в 1941–1943 гг.) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. 2011. № 19(114). Вып. 20. С. 202–208.

ГАДНИКО. Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 178.

ГАДНИКО. Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 351.

ГАДНИКО. Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 486.

ГАДНИКО. Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 576.

ГАДНИКО. Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 628.

ГАДНИКО. Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 665.

ГАДНИКО. Ф.П. 4573.Оп. 1. Д. 490.

ГАДНИКО.Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 563.

ГАКО. Ф.Р. 1002. Оп. 1. Д. 1с.

ГАКО. Ф.Р. 992. Оп. 1. Д. 1.

ГАКО. Ф.Р. 992. Оп. 1. Д. 2.

ГАКО. Ф.Р. 993. Оп. 1. Д. 1.
ГАКО. Ф.Р. 993. Оп. 1. Д. 11.
ГАКО. Ф.Р. 993. Оп. 1. Д. 4.
ГАКО. Ф.Р. 993. Оп. 1. Д. 6.
ГАКО. Ф.Р. 993. Оп. 1. Д. 8.
ГАКО. Ф.Р. 994. Оп. 1. Д. 1.
ГАКО. Ф.Р. 997. Оп. 1. Д. 1.
ГАКО. Ф.Р. 997. Оп. 1. Д. 2.
ГАКО.Ф.Р. 997. Оп. 1. Д. 15.
ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 109.
ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 76.

Гладков Т. Звездная агентура. Материалы и свидетельства. Документальная повесть. Калуга: Золотая Аллея, 2000. 256 с.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф.П. 4573. Оп. 1. Д. 155.

Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.Р. 970. Оп. 3. Д. 2.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 518.

Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.П. 52. Оп. 2. Д. 291.

Государственный архив Тульской области (ГАТО). П. 5702. Оп. 1. Д. 136.

Гущина И.В. На страже безопасности страны. Калуга: Акватинта, 2017. 320 с.

Калужский край в XX веке: исторические очерки / И.Б. Белова [и др.]. Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2014. 416 с.

Книга Памяти Калужской области. Калужские рубежи / Т.В. Романова [и др.]. Т. XIX. Тула: Изд. ЗАО «Гриф и К», 2011. 436 с.

Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Калужская область / Т.В. Романова [и др.]. Т. 5. Калуга, 1997. 421 с.

Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне / В.Д. Белов [и др.]. Тула: Приок. кн. изд-во, 1970. 343 с.

Ларин В.Н. Книга памяти. Город Жиздра и Жиздринский район, 1941–1945. Издание Историко-краеведческого музея. Жиздра, 2013. 227 с.

Логинова Э.М. Тяжкие дни оккупации. Воспоминания // Книга о Тарусе (очерки и воспоминания). М.: Русское слово, 2010. С. 159–164.

Львов А.И. Брынь пережила две оккупации // Весть. 2010. 4 марта.

Манегина-Воронина Н.А. Воспоминания // По ком звонят боровские колокола. URL: http://www.borovsk-repression.ru/?article=2&id=44 (дата обращения: 25.07.2019).

Маркизова И. Воспоминания об оккупации // Юхновские вести. 2003. 4 марта.

Михеенков С. Остановить Гудериана. 50-я армия в сражениях за Тулу и Калугу. 1941–1942 гг. Калуга: Центрполиграф, 2013. 343 с.

Молодова И.Ю. Коллаборационизм на территории Калужской области в годы Великой Отечественной войны: агенты и пропагандисты: по материалам Госархива документов новейшей истории Калужской области // Калуга в шести веках: материалы 6-й городской краеведческой конференции (октябрь 2006 г.). Калуга: Полиграф-Информ, 2008. С. 87–93.

Молодова И.Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. 24 с.

Мурзинцев В.К. Калужане помнят войну. Калуга: Полиграф-Информ, 2006. 468 с.

Никифоров С.А. Проявления коллаборационизма на территории Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. (на примере Курской области) // Правда истории. Курск, 2008. Вып. 7. С. 170–190.

Овчинников В. Боровский район под немецкой оккупацией. URL: https://www.solonin.org/other_v-ovchinnikov-borovskiy-rayon (дата обращения: 18.03.2020).

Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943: Документы и материалы. Смоленск: Кн. изд-во, 1962. 520 с.

Писаренко И.С. Немецкая оккупация Барятинского, Думиничского и Сухиничского районов // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005. Калуга: Полиграф-Информ, 2005. С. 188–191.

Писаренко И.С. Партизанское движение в Калужском крае в годы Великой Отечественной войны // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 1997. Ч. 2. С. 68–71.

Писаренко И.С. Фашистская оккупация г. Калуги и оккупационный режим (октябрь-декабрь 1941 г.) // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 2004. С. 92–106.

Писаренко И.С., Вощенкова Н.С., Масленков А.Н. Малоярославецкий район в годы Великой Отечественной войны. Калуга, 2001. 169 с.

По ком звонят боровские колокола. URL: http://www.borovsk-repression.ru/ (дата обращения: 19.03.2020).

Солдатов И.И. Засада на большаке: (Записки партизана). Тула: Приок. кн. изд-во, 1977. 153 с.

Суровые сороковые… Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И.В. Кометчиков [и др.]. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2015. 272 с.

Узяков Р.А. Свидетельства очевидцев об оккупации п. Балабаново немецкими войсками и его освобождении в декабре 1941 г. (К 50-летию битвы под Москвой) // Боровский краевед / Боровский музей – фил. Калужского обл. краевед. музея. Боровск, 1995. С. 36–41.

Фомкин С.Т. Связь поколений // Новая жизнь (Спас-Деменск). 2005. 12 января.

A.D. Polugodin
Research Lecturer,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky;
Teacher of History and Social Science,
Secondary School No. 50
Kaluga, Russia

Administrative Collaborationism in the Occupied Districts of the Kaluga Region in the 1941–1943s

On the basis of numerous journalistic and archive material, the article analyzes features characterizing the development of administrative collaborationism in various areas of the Kaluga region. The author, using a comparison technique, induction, classification, and synthesis, comes to a conclusion that development of collaboration formation conditions has been influenced by the nature of occupation caused by a certain territory status.

At first, the invaders created the most necessary institutions of primary power for them such as chiefs and burgomasters in the cities. Later, during the

development of the occupied territory, a system of district, regional and volost administration was formed.

The study showed that the activities of the collaborative administration were controversial, they focused both on the direct execution of the German command's instructions, and relatively on satisfying the requests of the civilian population if these activities did not go to the detriment of the invaders' interests.

Key words: *administrative collaborationism; occupation; Kaluga region; burgomaster; guerrillas; council; military commandant; chief; volost foreman.*

REFERENCES

Alekseyev G. I Touch the Memory Again [Ya snova pamyat' trogayu]. *Selskie zory (Baryatino*), December 16, 2011 (in Russian).

Bauer A. Kirov Underground Hospital [Kirovsky podpolny gospital']. *Kaluzhskaya zastava*, no. 3. Kaluga. N.F. Bochkarev's Publishing House. 2005. pp. 200–207 (in Russian).

Bauer A.A. Kirov: A Working City, A Warrior City: Kirov in the Years of the Great Patriotic War of the 1941–1945 [Kirov: gorod – truzhenik, gorod – voin: Kirov. R-n v gody Vilikoi Otechestv. Voiny 1941–1945 gg.]. Kirov. Local History Museum. 2000. 119 p. (in Russian).

Bauer A.A. On the Western Front: Between Moscow and Smolensk: Kirovsky District of the Kaluga Region during the Great Patriotic War of the 1941–1945 [Na Zapadnom fronte: mezdu Moskvoi i Smolenskom: Kirovsky rayon Kaluzhskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.]. Kaluga: Poligraf-inform. 2005. 430 p. (in Russian).

Belevsky P. From a Conversation with an Eyewitnesses to the Occupation [Iz besedy s ochevidtsami okkupatsii]. Izvestiya, January 4, 1942. *Available at*: https://0gnev.livejournal.com/318077.html (accessed 25 July 2019).

Belov V.D., Gusev N.N. [and others]. When Thunderstorms Rage: the Kaluga Region in the Great Patriotic War [Kogda bushuyut grozy: Kaluzh. Obl. v Velikoi Otechestvennoi voyne]. Tula, Prioksk Publishing House. 1970. 343 p. (in Russian).

Belova I.B., Filimonov V.Ya. [and others]. Kaluga Territory in the 20th Century: Historical Essays [Kaluzhsky krai v XX veke: istoricheskie ocherki]. Kaluga, Kaluga State Institute for Modernization of Education. 2014. 416 p. (in Russian).

Fomkin S.T. Connection of Generations [Svyaz' pololeny]. *Novaya zhizn'* (Spas-Demensk), January 12, 2005 (in Russian).

For Whom the Borov Bells Ring [Po kom zvonyat borovskie kolokola]. *Available at*: http://www.borovsk-repression.ru/ (accessed 19 March 2020).

Gladkov T. Star Agency. Materials and Records. Documentary Narrative [Zvezdnaya agentura. Materialy i svidetelstva. Dokumentalnaya povest]. Kaluga, Zolotaya Alleya. 2000. 256 p. (in Russian).

Gushina I.V. On the Security Guard of the Country [Na strazhe Bezopasnosti strany]. Kaluga, Akvatinta. 2017. 320 p. (in Russian).

Kometchikov I.V. [and others]. Severe the Fortieth … Kaluzhsky Krai during the Great Patriotic War of the 1941–1945 [Surovye sorokovye… Kaluzhsky krai v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.]. Kaluga, Kaluga State Institute for Modernization of Education. 2015. 243 p. (in Russian).

Larin V.N. Memory book. The City of Zhizdra and the Zhizdrinsky District, 1941–1945 [Kniga pamyati. Gorod Zhizdra i Zhizdrinsky raion, 1941–1945.]. Zhizdra, Publishing House of Local History Museum of Zhizdra. 2013. 227 p. (in Russian).

Loginova E.M. The Hard Days of Occupation. Memoirs [Tyazhkie dni okkupatsii. Vospominaniya]. *Book about Tarus. (Essays and memoirs) [Kniga o Taruse. (Ocherki i vospominaniya)]*. Moscow, Russkoye Slovo. 2010. pp. 159–164 (in Russian).

Lvov A.I. Bryn Survived Two Occupations [Bryn perezhila dve okkupatsii]. *Vest'*, March 4, 2010 (in Russian).

Manegina-Voronina N.A. Memoirs [Vospominaniya]. For Whom the Borovsk Bells Ring [Po kom zvonyat borovskie kolokola]. *Available at*: http://www.borovsk repression.ru/?article=2&id=44 (accessed 25 July 2019).

Markizova I. Memories of the Occupation [Vospominaniya ob okkupatsii]. *Yuchnovskie vesti*, March 4, 2003 (in Russian).

Mikheyenkov S. Stop Guderian. 50th Army in the Battles for Tula and Kaluga. 1941–1942 [Ostanovit' Guderiana. 50 armiya v srazheniyakh za Tulu I Kalugu. 1941–1942 gg.] Kaluga: Centerpolygraph. 2013. 343 p. (in Russian).

Molodova I.Yu. Collaborationism in the Kaluga Region during the Great Patriotic War: Agents and Propagandists: Based on the Materials of the State Archive of Documents of Modern History of the Kaluga Region [Collaboratsionism na terrinorii Kaluzhskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: agenty i propagandisty po materialam Gosarkhiva dokumentov noveishei istorii Kaluzhskoi oblasti]. *Kaluga v shesti vekakh: materially 6 gorodskoi krayevedcheskoi konferentsii (oktyabr' 2006)* [Kaluga in six Centuries: materials of the 6th City Conference of Local History (October, 2006)]. Kaluga, Poligraf-Inform. 2008. pp. 87–93 (in Russian).

Molodova I.Yu. Nazi Occupation Regime in the Western Region of the RSFSR: Power and Population [Natsistsky okkupatsionny rezhim na territorii Zapadnogo regiona RSFSR: vlast i naselenie]: Abstract of the diss. … of cand. of historical sciences. Bryansk. 2010. 24 p. (in Russian).

Murzintsev V.K. People of Kaluga Remember the War [Kaluzhane pomnyat voinu]. Kaluga, Poligraf-Inform, 2006. 468 p. (in Russian).

Nikiforov S.A. Manifestations of Collaboration on the Territory of the Central Black Earth Region in the 1941–1943 (on the Example of the Kursk Region) [Proyavleniya collaboratsionisma na territorii Tsentralnogo Chernozem'ya v 1941–1943 gg. (na primere Kurskoi oblasti)]. Kursk, *Pravda istorii*, 2008, Issue 7, pp. 170–190 (in Russian).

Ovchinnikov V. Borovsk District under German Occupation [Borovsky rayon pod nemetskoi okkupatsiei]. *Available at*: https://www.solonin.org/other_v-ovchinnikov-borovskiy-rayon (accessed 18 March 2020).

Partisan Struggle against Nazi Invaders in the Smolensk Region. 1941–1943: Documents and Materials [Partisanskaya bor'ba s nemetsko-fashistskimi okkupantami na territorii Smolenshchiny. 1941–1943: Dokumenty i materialy]. Smolensk. 1962. 520 p. (in Russian).

Pisarenko I.S. Fascist Occupation of the City of Kaluga and the Occupation Regime (October–December, 1941) [Fashistskaya okkupatsiya g. Kalugi i okkupationny rezhim]. *Pesochensky istoriko-arkheologichesky sbornik*, 2004, no. 5, pp. 92–106 (in Russian).

Pisarenko I.S. German Occupation of the Baryatinsky, Duminichi and Sukhinichi districts [Nemetskaya okkupatsiya Baryatinskogo Duminichskogo i Sukhinichskogo raionov]. *Voprosy archeologii, istorii, kultury i prirody Verkhnego Poochya: Materialy XI Vserossiskoi nauchnoy konferentsii 5–7 aprelya 2005 g.* [Issues of Archeology, History, Culture and Nature of the Upper Poochye: Materials of the XI All-Russian Scientific Conference, April 5–7, 2005]. Kaluga, Poligraf-Inform. 2005. pp. 188–191 (in Russian).

Pisarenko I.S. Partisan Movement in the Kaluga Territory during the Great Patriotic War [Partisanskoye dvizhenie v Kaluzhskom kraye v gody Velikoi Otechestvennoi voyni]. *Pesochensky istoriko-arkheologichesky sbornik*, 1997, no. 3, Part 2, pp 68–71 (in Russian).

Pisarenko I.S., Voshchenkova N.S., Maslenkov A.N. Maloyaroslav District during the Great Patriotic War [Maloyaroslavetsky raion v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. Kaluga. 2001. 169 p. (in Russian).

Romanova T.V. [and others]. The Memorial Book of Those who Fell during the Great Patriotic War of the 1941–1945. The Kaluga region [Kniga pamyati pavshikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945. Kaluzhskaya oblast]. Vol. 5. Kaluga. 1997. 436 p. (in Russian).

Romanova T.V. The Memorial Book of the Kaluga Region. Kaluga Borders [Kniga pamyati Kaluzhskoi oblasti. Kaluzhskie rubezhi]. Vol. XIX. Tula, ZAO «Grif i K» Publ. 2011. 436 p. (in Russian).

Soldatov I.I. Ambush on the High Road: (Partisan Notes) [Zasada na bolshake: (zapiski partisana)]. Tula, Prioksk Publishing House. 1977. 153 p. (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [Gosudarstvenny arkhiv dokumentov noveishei istorii Kaluzhskoi Oblasti (GADNIKO)]. Fund P.4573. List 1. Record 155 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO]. Fund P.4573. List 1. Record 178 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO]. Fund P.4573. List 1. Record 351 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO)]. Fund P.4573. List 1. Record 486 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO)]. Fund P.4573. List 1. Record 490 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO)]. Fund P.4573. List 1. Record 563 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO)]. Fund P.4573. List 1. Record 576 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO)]. Fund P.4573. List 1. Record 628 (in Russian).

State Archive of Documents of Recent History of the Kaluga Region [GADNIKO)]. Fund P.4573. List 1. Record 665 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.1002. List 1. Record 1c (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.992. List 1. Record 1 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.992. List 1. Record 2 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.992. List 1. Record 2 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.993. List 1. Record 1 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.993. List 1. Record 4 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.993. List 1. Record 6 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.993. List 1. Record 8 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.993. List 1. Record 11 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.994. List 1. Record 1 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.997. List 1. Record 1 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [GAKO]. Fund R.997. List 1. Record 15 (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region [Gosudarstvenny arkhiv Kaluzhskoi oblasti (GAKO)]. Fund R.970. List 3. Record 2 (in Russian).

State Archive of Modern History of the Smolensk Region [GANISO]. Fund. 8. List 2. Record 76 (in Russian).

State Archive of Modern History of the Smolensk Region [GANISO]. Fund. 8. List 2. Record 109 (in Russian).

State Archive of Modern History of the Smolensk Region [Gosudarstvenny arkhiv noveyshei istorii Smolenskoi oblasti (GANISO)]. Fund. 8. List 1. Record 518 (in Russian).

State Archive of the Oryol Region [Gosudarstvenny arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO)]. Fund P.52. List 2. Record 291 (in Russian).

State Archive of the Tula Region [Gosudarstvenny arkhiv Tul'skoi oblasti (GATO)]. Fund P.5702. List 1. Record 136 (in Russian).

Uzyakov R.A. Eyewitnesses' Accounts of the Occupation of Balabanovo town by German Troops and its Liberation in December, 1941 (To the 50th Anniversary of the Battle of Moscow) [Svidetelstva ochevidtsev ob okkupatsii pos. Balabanovo i yego osvobozhdenii v dekabre 1941 g. (K 50 letiyu bitvy pod Moskvoy)]. Borovsky Local History Museum, a branch of Kaluga Regional Museum of Local Lore [Borovsky krayeved. Borovsky muzei – fil. Kaluzhskogo obl. krayeved. muzeya]. Borovsk. 1995. pp. 36–41 (in Russian).

Varfolomeyeva M.I. Collaborationism during the Great Patriotic War (on the Example of the Modern Belgorod Region in the 1941–1943) [Kollaboratsionism v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere sovremennoi Belgorodskoi oblasti v 1941–1943 gg)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta*, *Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika*, 2011, no. 19(114), Issue 20, pp. 202–208 (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.И. Федотов

Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

УДК 80+801.6+82-4

«БОГ СОХРАНЯЕТ ВСЕ; ОСОБЕННО – СЛОВА...» (Заметки на полях последней статьи С.И. Кормилова «Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского 1962 года о смерти и вечности»)

Ключевые слова: *С.И. Кормилов; Ахматова и Бродский; мотивы смерти и вечности; поэтические произведения Бродского 1962 года.*

Статья представляет собой своеобразный жанровый синтез мемориального эссе (некролога) и рецензии на последнюю публикацию выдающегося филолога, профессора Московского университета Сергея Ивановича Кормилова «Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского о смерти и вечности» (2020). Если Бродский и отрицал прямое влияние на него поэтического идиостиля Ахматовой, то от вдохновлявших уроков общения с ней, особенно в начале своего творческого пути, никогда не отрекался, охотно соглашаясь, что именно она «вырастила» и его самого, и его друзей Евгения Рейна, Анатолия Наймана и Дмитрия Бобышева. Это влияние, по мнению Кормилова, было не столько «эстетическим, сколько этическим». На основе скрупулезного анализа наиболее примечательных стихотворений, написанных Бродским в 1962 году, в которых отразились сопредельные мотивы смерти и вечности, исследователь устанавливает их не только типологическое, но и генетическое родство с, казалось бы, не слишком близкой молодому поэту поэзией Ахматовой. Обращение Кормилова в одной из последних своих статей к мотивам смерти и вечности, по мнению автора, было провиденциальным, подтверждающим наличие неизбежной обратной связи между поэтом, лирическим героем и проблематикой его творчества и, равным образом в той же последовательности, между исследователем и предметом его научных штудий.

Возвращаются все, кроме лучших друзей...
Вл. Высоцкий

1.

Бродский не любил выражение «ахматовские сироты» по многим причинам, прежде всего, наверное, потому, что оно принадлежало его заклятому другу-сопернику Дмитрию Бобышеву, написавшему после похорон Ахматовой траурную октаву на две рифмы «Все четверо» (1971):

Закрыв глаза, я выпил первым яд,
И, на кладбищенском кресте гвоздима,
душа прозрела; в череду утрат
заходят Ося, Толя, Женя, Дима
ахматовскими си́ротами в ряд.
Лишь прямо, друг на друга не глядят
четыре стихотворца-побратима.
Их дружба, как и жизнь, необратима.

А также потому, что понятие «смерти» в нем не перетекало в понятие «бессмертия», что невозможно представить себе «гвоздимую на кладбищенском кресте» бесплотную бессмертную душу, что кладбище – не то место, где время, остановившись, преображается в Вечность, что на самом деле «дружба, как и жизнь», оказалась не столь «необратимой», и, наконец, потому, что жалостливая огласовка «си́роты» искажала трагический пафос расставания с Анной Андреевной, которая так же, как и Бродский, воспринимала «бег времени» метафизически, не только в пределах, но и за пределами земного бытия.

Ср.:

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все также льется Божья милость
С непререкаемых высот...
(А. Ахматова. «Я не была здесь лет семьсот...») [Ахматова, 1965, *351*]

Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос –
Бог сохраняет все; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.
(И. Бродский. «На столетие Анны Ахматовой») [Бродский, 2011, 2, *129*]

Если Бродский и отрицал прямое влияние на него поэтического идиостиля Ахматовой[1], то от вдохновлявших уроков общения с ней, осо-

[1] Впервые, как известно, он встретился с Ахматовой в 1961 году, посетив ее вместе со своим другом Евгением Рейном в Комарове. Поехал, как он потом признавался в разговорах с Соломоном Волковым, без особого интереса к ее поэзии, поскольку был в ту пору увлечен совсем другими поэтами: Цветаевой и Мандельштамом. А когда Ахматова усомнилась, что ее стихи могут ему нравиться, он, по его словам, «взвился» и «заверещал, что ровно наоборот. Но до известной степени, – как он признался потом задним числом, – она была права». Ему в те первые разы, «...в общем, было как-то не до ее стихов», пока однажды в переполненной народом электричке, возвращаясь домой, он не испытал

бенно в начале своего творческого пути, никогда не отрекался, охотно соглашаясь, что именно она «вырастила» и его самого, и его друзей – «Толю, Женю, Диму», как и некоторых других, не упомянутых в стихотворении Бобышева (например, Михаила Мейлаха, Глеба Горбовского и Наталью Горбаневскую). Какие же уроки, общаясь с Анной Андреевной, он получил? Прежде всего, им были восприняты ее неподражаемая «сдержанность»[2], несуетность, стоицизм, высокое отношение к творчеству, манера поведения и поэтическая культура полувековой давности. Бродский усвоил все это так органично, так адекватно, что Лев Лосев имел полное право назвать его «реинкарнированным поэтом серебряного века» [Лосев, 2001].

Влияние Ахматовой на Бродского, по крайней мере в 1962 году, как справедливо указано в статье С.И. Кормилова, о которой далее пойдет речь, было не столько эстетическим, сколько этическим, поскольку он и в самом деле «чисто физически» ощущал, что встречается с гораздо лучшим, чем он сам, человеком, «с человеком, который одной интонацией тебя преображает» [Волков, 1992, *62*]. С другой стороны, проанализировав эссе Бродского «Муза плача», Лосев вычленил в нем три концептуально значимых тезиса, проливающих свет на то, какое место занимала Ахматова не только в душе, но также в жизненной и творческой стратегии поэта:

(1) «Поэзия – более, чем другие виды искусства, – есть способ воспитания чувств, и заучиваемые наизусть ахматовские строчки закаляли сердца и сознание читателей, чтобы выдержать пошлости новой эры»;

(2) ахматовская лирика окрашена «нотой контролируемого ужаса. Механизм, предназначенный сдерживать эмоции романтического характера, продемонстрировал свою состоятельность применительно и к смертельному страху»;

(3) «Поэт есть прирожденный демократ не только из-за шаткости его социального статуса, но в силу также того, что он служит всему народу, пользуется его языком».

[Бродский, MMI, *33, 34*; Лосев, 2001].

В одной из своих последних статей С.И. Кормилов пошел еще дальше: на основе скрупулезного анализа наиболее примечательных стихотворений, написанных Бродским в 1962 году, в которых отразились сопредельные мотивы смерти и вечности, он устанавливает их не только типологическое, но и генетическое родство с, казалось бы, не слишком близкой молодому поэту поэзией Ахматовой.

потрясение от зачина «Северной элегии» под номером 3: «Меня, как реку, / суровая эпоха повернула, / Мне повернули жизнь. В другое русло, / Мимо другого потекла она, / И я своих не знаю берегов» [Ахматова, 1965, *445*].

[2] «Она учит, по крайней мере, русского поэта одной вещи – а именно, сдержанности тона» (см.: [Рубинштейн, 2015]).

Как я уже упоминал в своей недавней мемуарной статье [Федотов, 2020], Сергей Кормилов во время вынужденного заточения в собственном доме по случаю пандемии коронавируса вместо того, чтобы предаваться депрессии, активно работал, написав за сравнительно небольшой период семь содержательных статей. В их числе оказалась статья «Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского о смерти и вечности» для намечавшейся в Смоленске онлайн-конференции, посвященной поэтике Иосифа Бродского. По моей просьбе он прислал ее мне для ознакомления. Я ответил ему близкой по проблематике статьей «Если река Гераклита – Нева (Мотив возвращения Бродского к юности на пути к зрелости)».

Мог ли я предположить, что это последнее послание моего друга мне придется комментировать, уже простившись с ним навсегда? Избранная им проблематика оказалась провиденциальной. Даром предвидения, нельзя не признать, обладают не только поэты, но и самые проницательные исследователи, особенно литературоведы. Им открывается не только то, что можно постигнуть посредством анализа и синтеза фактического материала, но и нечто априорное, как бы продиктованное свыше (как у той же Ахматовой: «Но вот уже послышались слова / И легких рифм сигнальные звоночки, – / Тогда я начинаю понимать, / И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь» [Ахматова, 1965, *293*] или «Ей говорю: “Ты ль Данту диктовала / Страницы Ада?” Отвечает: “Я”» [Ахматова, 1965, *254*]). В богословии такое прозрение принято называть пророчеством, в психологии – антиципацией.

Не приходится сомневаться, что С.И. Кормилов заинтересовался мотивами смерти и вечности в творчестве столь действительно очень разных поэтов, которых свела в Комарове судьба, далеко не случайно. Резко ухудшившееся состояние собственного здоровья на фоне пандемии, две недавние кончины в его семье – одна за другой – матери и младшего брата – все это в совокупности не могло не спровоцировать напряженных размышлений о смерти и вечности применительно уже к себе самому. Конечно, латинская пословица «Memento mori!», побуждающая жить полнокровной, интенсивной и в то же время осмотрительной жизнью, сознавая неизбежный конец земного бытия, актуальна практически для всех людей, имеющих склонность к экзистенциальной рефлексии, но особенно, бесспорно, для тех, кто испытывает проблемы со здоровьем.

Кормилов зарекомендовал себя как литературовед самого широкого профиля. Уверенно и профессионально ориентировался он и в теории, и в истории литературы (не только отечественной, но и зарубежных), и в литературной критике, и в литературном краеведении, и в методологии, и – особенно – в стиховедении... Проще перечислить дисциплины, в которых он считал себя некомпетентным. Но были у него и свои излюбленные, «заповедные» сферы приложения неистощимой творческой энергии, сферы, к

которым он был предрасположен, испытывал известную исследовательскую эмпатию. Среди них – вслед за лермонтоведением – привилегированное место занимало творчество Анны Ахматовой. Если книжку о Лермонтове он переиздавал четырежды и один раз в 2007 году участвовал в издании сборника его стихов, то небольшое, но весьма содержательное монографическое пособие «Поэтическое творчество Анны Ахматовой» выдержало три тиража: в 1998, 2000 и 2004 годах – и дважды с его предисловием и комментариями выходили ее поэтические сборники (в 2003 и 2008 годах).

Обращение к 1962 году было обусловлено тем, что оба поэта, познакомившись 7 августа 1961 года, примерно через полгода стали «тесно общаться» друг с другом, а также тем, что именно этот год, как констатировал солидарно с Лосевым Кормилов, оказался для Бродского годом «особенно интенсивного творчества», причем на качественно иной основе: от абстрактно-романтических мотивов, которым отдают дань практически все начинающие авторы, он перешел к «лирике повседневности», использованию «поэтических ресурсов просторечия» и осознанному стремлению «открывать метафизическую подоплеку в простом и обыденном» [Лосев, 2008, *61*]. В жанровом отношении явное предпочтение у него получила элегия, в тематическом – трагический мотив смерти.

Далее исследователь признает правоту утверждения друга и биографа поэта о том, что «на протяжении всей своей взрослой жизни Бродский писал стихи в ощутимом присутствии смерти» [Лосев, 2008, *268*], и дополняет его уточняющим умозаключением В.С. Баевского: «Поэтика Бродского служит стремлению преодолеть страх смерти и страх жизни» [Баевский, 1996, *273*]. Еще на слуху были строки из поэмы Р. Рождественского: «ведь кроме желания выжить / есть еще мужество жить!» («Реквием», 1960). Кто, как не Ахматова, мог служить живой иллюстрацией столь беспощадной жизненной диалектики.

Сопоставляя Бродского с Ахматовой, Кормилов настойчиво искал то, что Виктор Шкловский называл «тетивой натянутого лука», то есть несходство в сходном и сходство в несходном, особенно применительно к переживанию времени. Время в представлениях Бродского о мире столь же обратимо и проницаемо, как в «Реквиеме» и лирике Ахматовой. Так же, как и она, он свободно путешествует по нему, если не в обе стороны, то преимущественно в прошлое, очень редко и неохотно заглядывая в будущее (у Ахматовой «Поэма без героя» (см.: [Дементьев 2004]), у Бродского «Мрамор»).

По мнению Кормилова, Бродский по-оденовски считал Время превосходящим что бы то ни было, поглощающим в себя буквально все сущее, не только Пространство, но даже самого Создателя. Оно не очень-то жаловало его: «Да. Времени – о собственной судьбе / кричу все громче го-

лосом печальным. / Да. Говорю о времени себе, / но время мне ответствует молчаньем» [Бродский, MMI, *137*]. Поэт отдавал себе отчет в том, что вряд ли переживет XX век: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я» [Бродский, 2011, *131*].

Этому он тоже мог учиться у Ахматовой, нисколько ей не подражая. О смерти и кладбище (погосте, могиле) у нее очень много ранних стихов, не уходит эта тема и позднее (в «Реквиеме» есть прямое олицетворяющее стихотворное обращение «К смерти») и по-новому звучит в позднем творчестве («Приморский сонет», 1958; «Родная земля», 1961) [Кормилов, 2020] .

И в самом деле, в VIII части ахматовского «Реквиема» представлен жуткий, пронизанный леденящим душу «последним ужасом» монолог, обращенный непосредственно к Смерти: «Ты все равно придешь – зачем же не теперь?..».

Однако Ахматова, утверждает Кормилов, в отличие от своего младшего собрата научилась преодолевать неизбежное, противопоставляя полному уходу так называемую «временную смерть», то есть забвение:

Забудут? – вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.

А Муза и глохла, и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.
[Ахматова, 1992, 1, *207*]

По мнению исследователя, здесь, несомненно, содержится намек на библейскую притчу о брошенном в землю зерне, которое, истлев, даст «много плода» (Ин 12 : 4). Для Бродского, видимо, вопрос о забвении его как поэта никогда не стоял[3], для него более актуальным было забвение на любовном фронте, где возрождение в принципе невозможно.

В поэтическом лексиконе Бродского слово «смерть» одно из самых частотных. Стоит ли удивляться, что афоризм Энгельса «Жить – значит умирать» так глубоко впечатлил его, запал ему в память. Понятие «смер-

[3] Кормилов иллюстрирует этот тезис поздним стихотворением Бродского «Меня упрекали во всем, окромя погоды…», в котором поэт подводит итог своей жизни (недаром в автопереводе оно было озаглавлено «Taps» (то есть «Отбой»): «Меня упрекали во всем, окромя погоды, / и сам я грозил себе часто суровой мздой. / Но скоро, как говорят, я сниму погоны / и стану просто одной звездой. // Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба / и прятаться в облако, слыша гром, / не видя, как войско под натиском ширпотреба / бежит, преследуемо пером» [Бродский, 2011, 2, *227*]. В последних двух строках пародируется Маяковский («Домой!», «Во весь голос»).

ти» всегда было для него оборотной стороной понятия «жизни». Более того, Бродский никогда не разъединял их, полагая, что время подчиняет себе и поглощает пространство, а потому жизнь, в известном смысле, продолжается и после смерти. Об этом поэт обмолвился в диалогах с Соломоном Волковым, рассуждая об Ахматовой[4], и, весьма оригинально размышляя о потустороннем мире в «Письме Горацию», ничтоже сумняшеся констатировал: «где человек информирован лучше, как не в подземном мире?» [Бродский, 1990, VI, *381*] .

Со всем, видимо, можно смириться, кроме феномена небытия. Немыслимо трудно представить мир за вычетом себя самого. Не такие уж простаки субъективные идеалисты, допускающие существование мира лишь в восприятии того или иного субъекта. В результате смерть оборачивается у них полным исчезновением, аннигиляцией как субъекта, так и объекта, не только материи, но и духа. Поэтическое воображение, однако, милосерднее философской логики; оно чаще всего противится столь беспросветному обнулению. Кормилов соглашается с Лосевым в трактовке «традиционного мотива» продолжения «органической жизни после смерти автора» [Лосев, 2008, *272*], вплоть до «падали» и «зарытой в землю страсти». Мало того, не будучи ортодоксально верующим человеком, пусть и условно, на веру, он принимал античную концепцию двоемирия, то есть, в конечном итоге, продления бытия на «том свете», в царстве теней – Аиде, преобразившемся у Данте в Ад.

Что такое, в сущности, Вечность, как не навсегда остановленное мгновенье, абсолютное прекращение течения времени?

Ахматова вослед Пушкину[5], а Бродский вослед Ахматовой были готовы из небытия так же тепло и благожелательно обратиться к «племени младому, незнакомому», то есть к следующим поколениям, и загодя моделировали это обращение в своих многочисленных элегических произведениях. Но с еще большей охотой, как уже было отмечено, оба поэта обращали свои взоры вспять. И Ахматова, и Бродский запросто, накоротке общались с античными и библейскими предшественниками или их персонажами, как будто писали стихи и эссе не на бумаге, а на скрижалях Вечности.

---

[4] «Не слишком-то веря в существование того света и вечной жизни», он ловил себя на ощущении, «будто она следит откуда-то извне за нами, наблюдает как бы свыше: как она это делала при жизни... Не столько наблюдает, сколько хранит» [Волков, 1992, *100–101*].

[5] При анализе первого стихотворения 1962 года, в котором Бродский касается темы потустороннего, «Мой голос торопливый и неясный...», опираясь и на свой опыт лермонтоведа, Кормилов констатирует, что лирический герой, пока еще наивно неотделимый от личности автора, воображает личное забвение и воспоминание возлюбленной о нем умершем, по-лермонтовски способном фантастически чувствовать после смерти (такое сильное его чувство): «<…> и, может быть, забыв про все на свете, / в иной стране – прости! – в ином столетье / ты имя вдруг мое шепнешь беззлобно, / и я в могиле торопливо вздрогну» [Бродский, MMI, I, *159*].

Не меньший интерес для поэта имел и смежный со временем, смертью и бессмертием мотив вечности. Само представление о ней складывалось у него, может быть, даже не столько под влиянием творчества Ахматовой, сколько под обаянием ее личности, которая «уже одним только тоном голоса или поворотом головы превращала вас в хомо сапиенс» [Волков, 1992, *62*]. В лице Ахматовой молодой начинающий поэт, фигурально говоря, общался с Эпохой.

Из двух заявленных в заголовке кормиловской статьи мотивов – смерти и вечности – явный приоритет принадлежит первому. До второго, столь характерного для величественной Ахматовой, Бродский в 1962 году в полной мере еще не созрел. Молодой, горячий, «красивый, двадцатидвухлетний», он меньше всего был готов, как андерсеновский Кай, складывать из льдинок это зловещее непостижимое слово. Гораздо больше его занимало стремительное «мгновенье», которое он несколько раз, вслед за Фаустом, пытался остановить. Не случайно для этого он контрастно соединял самое малое с невообразимо огромным, в сущности, бесконечным: «Но переживи *миг*. / И переживи *век*» («Сонет», <?>); «Ты вдруг вошла навек в электропоезд, / увидела на миг закат и крыши...» («Стрельницкая элегия», 1960), «Забудь на миг свой торопливый век» («Шествие», 1961) (см. подробнее: [Федотов, 2017, *237–248*]). Ему еще предстояло уяснить, что умереть и уйти в вечность отнюдь не стилистические и не оксюморонные синонимы, поскольку Вечность начинается сразу, как только остановится мгновение, неважно, прекрасное или безобразное...

Бродский, по большому счету ощущавший себя наследником Ахматовой, строил, равняясь на нее, свою жизнь и, в конце концов, самого себя как личность, да, именно строил, словно художественное произведение.

То же самое можно сказать и о Кормилове. В интервью по поводу афоризмов и так называемых вечных ценностей, которое проходило в МГУ десять лет назад, он замечательно точно, с пронзительной искренностью сформулировал свое жизненное кредо:

«...представить себя несуществующим по-настоящему ни один человек не может. <…> Надо помнить о том, что жизнь быстротечна, конечна, и надо успеть от жизни много взять и, если ты не жмот, то и дать жизни побольше. Об этом писал в своем педагогическом романе “Эмиль” Жак Руссо. Он писал, что жизнь человека складывается не из количества прожитых лет, а из того, как интенсивно ты проживал жизнь, то есть из количества полученных впечатлений. Можно прожить короткую жизнь, но очень яркую, глубокую, насыщенную, богатую. Поэтому надо много знать для того, чтобы больше понимать и больше чувствовать. <…> Главная ценность – это, конечно, человеческая жизнь, но она, к сожалению, не вечна. Вот почему надо ценить свою жизнь – не “проморгать” ее. Но, с другой стороны, не надо особо обманывать себя надеждами на жизнь вечную: это

недоказуемо. Религиозное сознание не может привести доказательств своих положений, хотя и опровергнуть это нельзя, потому что это не предмет знания, это предмет веры, и вот почему можно обмануться, и поэтому, хотя бы на всякий случай, надо помнить о том, что жизнь скоротечна. И тем она ценна» [Кормилов, 2011].

2.

Я пишу эти заметки 25 июля несчастного 2020-го високосного года. Вся страна оплакивает кончину Владимира Высоцкого 40-летней давности. Остается четыре дня до сороковин моего дорогого друга Сергея Кормилова (29 июля), имевшего, кстати сказать, веские основания гордиться тем, что он стал первым авторитетным литературоведом, которому удалось по окончании брежневской эпохи, в 1983 году, опубликовать на страницах журнала «Русская речь» концептуальную статью о стилистическом и версификационном мастерстве опального барда [Кормилов, 1983, *41–48*]. Высоцкий к тому времени уже пережил (в буквальном смысле этого слова) драму преждевременного переселения в Вечность, которая еще только брезжила перед Бродским:

И лопнула во мне терпенья жила –
И я со смертью перешел на ты,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.
(Высоцкий. Черный человек)

Среди огромного множества песенных текстов Высоцкого значительная часть посвящена аналогичным мотивам смерти и вечности, примерно в том же соотношении, что и у Бродского. Два поэта, почти ровесники, кстати, были знакомы [Цыбульский, 1999, *17*], оба ощущали свою недолговечность и оба, можно сказать, сознательно шли к своему концу, перевоплощаясь в Гамлета, один в знаменитом спектакле на Таганке и стихотворении «Мой Гамлет» (1972), другой – в поэме-мистерии «Шествие».

Никому из крупных русских поэтов XX века не удалось пройти мимо «Гамлета» (см.: [Левин, 1993, *125–134*; Казимирчук, 2005; Федотов, 2018, *80–141*]: ни Блоку, ни Брюсову, ни А. Белому, ни Анненскому, ни Ахматовой, ни Цветаевой, ни Пастернаку, ни Тарковскому, ни Самойлову, ни Высоцкому, ни Бродскому. При всей идеологической разноголосице практически все они сходились в понимании неспособности Гамлета в одиночку восстановить порвавшуюся связь времен и – по этой причине – в неизбежности его трагической гибели.

Ахматова и Цветаева воспринимали заглавного героя шекспировской пьесы с точки зрения Офелии. Особенно ярко отзвуки любовной драмы многовековой давности отозвались сначала в двухчастной миниатюре Ахматовой «Читая Гамлета» (1909), в зачине которой обозначено... клад-

бище, а в финале Офелия умерила фантастическую гиперболу Гамлета[6], осадившего ее брата: «Я люблю тебя, как *сорок* / Ласковых сестер» [Ахматова, 1965, *10–11*], затем в «Предвесенней элегии» (1963) прозвучало признание уже лирической героини: «Простившись, он щедро остался, / Он *насмерть* остался со мной» [Ахматова, 1965, *403*]. Цветаева в своем цикле 1923 года усугубляет гибельность роковой любовной коллизии. В стихотворении «В защиту королевы» она реабилитирует Гертруду: «Своей Королеве встаю на защиту – / Я, Ваша *бессмертная* страсть» [Цветаева, 1990, *322*], в «Диалоге Гамлета с Совестью» минимизирует гиперболу о «братьях» до полного абсурда: «Как *сорок тысяч*. *Меньше* / все ж, чем *один* любовник» [Цветаева, 1990, *345*], и, наконец, предваряя, позднюю Ахматову, на назначенное Гамлетом свиданье ее лирическая героиня является с многовековым опозданьем, захватив, видимо, ту же самую «весну в придачу», и приходит к неизбежному итогу: «Я тебя высоко любила: / Я себя схоронила в небе!» [Цветаева, 1990, *347*].

Совершенно в ином, мужском, амплуа Пастернак, максимально слившись с лирическим героем, предстал в одном из самых концептуальных своих стихотворений – «Гамлете» (<1946>), написанном несколько лет спустя после окончания работы над переводом великой трагедии. Ситуация с самого начала обозначена более чем определенно: вслед за тем, как затих гул воображаемых аплодисментов, опять же на воображаемую сцену, вполне возможно и у себя в доме, выходит лирический герой, поэт и артист в одном лице, вживающийся в роль Гамлета для того, чтобы, «прислонясь к дверному косяку», выведать «в далеком отголоске» шекспировской трагедии свою грядущую судьбу. Он ощущает на себе пронзительные взгляды едва ли не всей вселенной (звездное «кантовское» небо отнюдь не сочувственно изучает его «тысячью биноклей на оси»). Он прекрасно отдает себе отчет в том, что ожидает его в роли Гамлета, почему и приходит ему на ум отчаянная мольба Христа в Гефсиманском саду (Мк. 14 : 36). Пастернак отнюдь не уравнивает свое лирическое Я ни с Богочеловеком, ни даже с мнимым автором этого стихотворения – Юрием Живаго. Согласившись играть эту роль, он в то же время отчетливо видит разницу между трагической участью датского принца и тем, что уготовано ему самому: «Но сейчас идёт – другая драма»...

Давид Самойлов пишет свое «Оправдание Гамлета» в 1963 году как категорическое возражение против трактовки заглавного образа трагедии в стихотворении Арсения Тарковского «Стань самим собой» (1957): «В чужом костюме ходит Гамлет / И кое-что про что-то мямлит, – / Он хочет Моиси играть, / А не врагов отца карать…» – и одновременно как солидарный отклик на книгу Г. Козинцева «Шекспир – наш современник»

[6] «I loved Ophelia, forty thousand brothers / Could not <(> with all quantity of love <)> / Make up my sum» [Любил Офелию я: сорок тысяч братьев / Не смогут с их количеством любви / Итог мой превзойти]» (пер. И.В. Пешкова [Шекспир, MMIII, *144*]).

(1962), своеобразную программу его нашумевших экранизаций «Гамлет» (1964) и «Король Лир» (1970):

Врут про Гамлета,
Что он нерешителен.
Он решителен, груб и умен.
Но когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителем
И глядит в перископ времен.
[Самойлов, 1983]

Обращаясь в концовке к рефлектирующему шекспировскому герою с призывом все-таки бить «без промашки, / не жалея прогнивших кровей», лирический герой делает знаменательную оговорку: «Доверяй своему удару, / Даже если себя убьешь!».

В сущности, та же участь с небольшим временным сдвигом и нюансами личностного свойства подстерегала Высоцкого, а затем Бродского.

В октябре 1975 года корреспондент болгарского телевидения Любен Георгиев провел с Высоцким беседу-интервью, посвятив ее большую часть его исполнению «лучшей роли в мировой драматургии». Почему эту роль Ю. Любимов, пусть и не без колебаний, поручил Высоцкому? Прежде всего потому, что он был поэтом, как, собственно, и сам Гамлет, из всех шекспировских персонажей более всего приближенный к автору; недаром он сочиняет сцену «мышеловки» и дает профессиональные наставления актерам. И конечно, не в последнюю очередь потому, что он был узнаваемой знаковой и всенародно знакомой зрителям личностью:

«Любимов меня назначил на Гамлета, потому что он считает, что Шекспир прежде всего – громадный поэт. А он считает, что я – сам пишу стихи – чувствую поэзию. Но это не самое главное. Вероятно, ему хотелось назначить меня на роль из-за того, что он хотел не приблизить к современности, а просто, чтоб была очень знакомая фигура, чтоб был человек, который не только будет **играть** роль Гамлета, но еще будет вносить – своей личностью, что ли своей фигурой – будет вносить что-то, чего он даже не будет ставить. Очень о многих вещах мы с ним не договаривались, а он отдал их мне на откуп, сам[7]» [Георгиев, 1975].

Далее последовал пространный монолог о других счастливых совпадениях: во-первых, в возрасте, ибо, как представлялось Высоцкому, заглавный герой трагедии был «примерно 30-летним человеком», и, во-вторых, в менталитете – Гамлет «был воспитан в жестокий <…> век», а потому в нем было «очень много намешано» от варварского Средневековья до гуманистического Возрождения. Ему ненавистны нравы, царящие в Эльсиноре, он готов с ними бороться, но не знает, как ему надлежит дей-

[7] На самом деле, по свидетельству А. Демидовой, Высоцкий всеми правдами и неправдами вымолил у режиссера эту роль [Демидова, 1986, *76*].

ствовать. В конце концов обстоятельства принуждают его совершить ряд непредумышленных убийств, и... обрекают на смерть его самого. Именно об этом недвусмысленно сказано у Пастернака:

«“Но продуман распорядок действий, и неотвратим конец пути”. Я думаю, что в этих строчках просто и есть ключ к трактовке – ну, моей роли, просто роли Гамлета. Потому что мы решили, что этот Гамлет – не человек, который открывает себе мир каждый раз с его, там, злом или добром, а – человек, который предполагает и знает, что с ним произойдет. Поэтому “продуман распорядок действий” – он знает, что если он совершит преступление перед гуманизмом, а именно – убийство, то он и сам должен погибнуть. И он идет к своему концу, зная, что с ним будет» [Там же].

Высоцкий прочувствовал себя Гамлетом, что называется, в двух ипостасях: и как актер, и как поэт, в их неразрывном единстве, то есть, в обоих случаях, «как человек, который предполагает и знает, что с ним произойдет». Его актерский дебют в вожделенной великой роли состоялся в 1971 году. В следующем 1972 году в качестве ее поэтического эквивалента появилось его стихотворение «Мой Гамлет». Это уже не песня, не романс, не баллада, а весьма обстоятельное изложение концептуальной установки роли, которую создали в творческом содружестве режиссер и актер. Высоцкий невыносимо страдал из-за того, что, несмотря на громкую, всенародную славу, его не считали собственно поэтом, а всего лишь поэтом-песенником. Приходится, однако, признать, что применительно к «Моему Гамлету» это мнение вполне справедливо. Произведение написано именно по песенным лекалам, недаром первый катрен очевидным образом перекликается с зачином «Баллады о детстве». Ср.:

Час зачатья я помню неточно –
Значит память моя однобока,
Но зачат я был ночью, порочно
И явился на свет не до срока.

Я только малость объясню в стихе –
На всё я не имею полномочий…
Я был зачат, как нужно, во грехе
В поту и в нервах первой брачной ночи.

С другой стороны, бросается в глаза почти дословное совпадение концовки «Моего Гамлета» с некоторыми формулировками, прозвучавшими в интервью Высоцкого с корреспондентом болгарского ТВ, впитавшими в себя, как уже отмечалось, режиссерские взгляды Ю. Любимова:

Я пролил кровь, как все. И, как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравнял
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на Датскую корону, –
Но в их глазах – за трон я глотку рвал

И убивал соперника по трону.

А гениальный всплеск похож на бред,
В рожденье смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.
[Высоцкий, 1990, 2, *64*]

Можно, таким образом, заключить, что финальные образы стихотворения оказались результатом не столько собственно поэтической эвристики, сколько версификационного преображения соответствующего логического дискурса или, говоря проще, перевода публицистической прозы в стихи. «Каверзный ответ» и «нужный вопрос» («To be or not to be, that is the question» [Шекспир, MMIII, *64*]), наоборот, в фатально вывихнутом мире алогично поменялись местами.

Если бы конференция, посвященная поэтике Бродского, состоялась в намеченные сроки 14–16 мая и С.И. Кормилов огласил на ней свой доклад, я бы обязательно поинтересовался его мнением относительно того, насколько сопоставимы Ахматова и Бродский с точки зрения постановки и решения рокового гамлетовского вопроса. Не получилось. Поэтому поделюсь собственными соображениями.

Оригинальную трактовку «блистательнейшего алмаза в лучезарной короне царя драматическихпоэтов» (Белинский) находим в ранней поэме-мистерии Бродского «Шествие», написанной как раз в интересующий Кормилова 1962 год. Но Шекспир волновал воображение поэта всегда, что исчерпывающим образом отразилось в его диалогах с Соломоном Волковым. Конечно, в первую очередь его занимали проблемы стихопоэтики. Довольно скептически оценивал он прославленные переводы шекспировских пьес, в том числе и «Гамлета», выполненные Пастернаком.

Собственно о «Гамлете» Бродский вспоминает, отмечая интертекстуальное взаимодействие между ним и поразившим его стихотворением Евгения Баратынского «Запустение», в которых воспроизводится архетипическая ситуация рандеву сына с покойным отцом[8].

Наиболее, однако, обстоятельно и концептуально проблематика «Гамлета» дает о себе знать в поэме «Шествие», где уже в авторском Предисловии следует отсылка к III акту трагедии, в начале которого задумавший вывести убийцу своего отца на чистую воду принц Гамлет дает наставление бродячим актерам. Но еще важнее включение фигуры заглав-

[8] Эту ситуацию Бродский, по всей видимости, неоднократно примерял и на себя как лично его коснувшуюся, о чем свидетельствует лейтмотивное отождествление его лирического героя с Одиссеем. Среди других литературных аналогов его внимание могли привлечь пасхальные стихотворения Набокова, последовавшие после трагической гибели отца поэта: «Пасха» («Я вижу облако сияющее, крышу...»), «Гекзаметры» («Смерть – это утренний луч, пробужденье весеннее, верю...»), «Вечер на пустыре» («Вдохновенье, розовое небо...») и др. Подробнее см.: [Федотов, 2014, *93–101*].

ного и, как считается, самого автобиографического шекспировского героя в состав условных персонажей поэмы. Уже во 2-й главке он вводится в действие вслед за князем Мышкиным, Лжецом, Дон-Кихотом, Королем и Честнягой: «Представить вам осмеливаюсь я / принц-Гамлета, любезные друзья, / у нас компания – все принцы да князья» [Бродский, 1990, I, *81*].

Авторская ремарка при представлении Гамлета с предположением, что за минувшие триста лет принц-таки придумал ответ на экзистенциальную дилемму, который ему предстоит изложить через некоторое время, воспринимается как пролог к его сольному романсу в одной из заключительных главок поэмы. Пока же шекспировский персонаж устремляет свой взор в землю, туда, куда уходит его возлюбленная, и куда еще раньше нее ушел нянчивший его королевский шут Йорик, и где пролегает граница между жизнью и смертью.

Наконец, собственно «Романс принца Гамлета», представляющий одну из финальных главок поэмы, который мог бы получить и более точное жанровое определение – «Монолог принца Гамлета», интегрирует едва ли не все концептуальные высказывания заглавного персонажа трагедии. Он если и не дублирует Шекспира, то, по крайней мере, выступает в роли своеобразного лиро-драматического героя, несущего в себе немалую толику авторского сознания. Такова же, в конечном итоге, творческая стратегия Бродского как автора поэмы-мистерии, предстающего перед читателем в разнообразных персонифицированных ипостасях.

Завершая несколько затянувшийся комментарий к последней статье С.И. Кормилова, в качестве итогового пуанта можно сформулировать соображение о неизбежной обратной связи между поэтом, лирическим героем и проблематикой его творчества, в частности мотивами смерти и вечности, и, равным образом в той же последовательности, между исследователем и предметом его научных штудий. Последнее стихотворение Высоцкого 1980 года, адресованное Марине Влади, отмечено вещими словами, которые применительно к себе самому мог бы разделить с ним и Сергей Кормилов:

Мне есть что спеть, представ перед всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова Анна. Бег времени. М.; Л., 1965.

Ахматова Анна. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990.

Баевский В.С. История русской поэзии. 1730–1980: компендиум. 3-е изд., испр. и доп. М.: Новая школа, 1996.

Бродский Иосиф. Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. Т. V. СПб., MMI.

Бродский Иосиф. Стихотворения и поэмы. В 2 т. Т. 1–2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2011.

Высоцкий В.С. Мой Гамлет // Высоцкий В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 64.

Георгиев Любен. Беседа Любена Георгиева с Владимиром Высоцким для телепередачи Болгарского ТВ «Московские встречи». URL: http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/ intervyu/beseda-georgieva-s-vysockim.htm (дата обращения: 24.01.2021).

Дементьев В.В. Предсказанные дни Анны Ахматовой. М., 2004.

Демидова Алла. Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю. М., 1989.

Казмирчук О.Ю. Интерпретация образов Гамлета и Офелии в русской поэзии Серебряного века // Новый филологический вестник. 2005. Вып. 1. С. 56–65. URL: http://slovorggu.ru/nfv2005_1_pdf/04Kazmirchuk.pdf (дата обращения: 24.01.2021).

Казмирчук О.Ю. Стихотворение В. Высоцкого «Мой Гамлет» в контексте русской поэтической традиции // Новый филологический вестник. 2007. Т. 4. С. 145–152. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvorenie-v-vysotskogo-moy-gamlet-v-kontekste-russkoy-poeticheskoy-traditsii (дата обращения: 24.01.2021).

Кормилов С.И. Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского о смерти и вечности // Поэтика Иосифа Бродского и векторы развития русской поэзии: сборник статей / сост. и ред. И.В. Романова, И.В. Марусова. Смоленск: Свиток, 2020. С. 228–250.

Кормилов С.И. [Интервью] // Филологический факультет в лицах: о прагматизме, быстротечном времени и вечных ценностях. М.: [МГУ им. М. В. Ломоносова], 2011. С. 342. URL: https://www.academia.edu/14556071/, http://issuu.com/marklen/docs/ pragmatizm__1_ (дата обращения: 24.01.2021).

Кормилов Сергей. Песни Владимира Высоцкого о войне, дружбе и любви // Русская речь. 1983. № 3. С. 41–48.

Левин Ю. Гамлет и Офелия в русской поэзии // Шекспировские чтения. 1993. М., 1993. С. 125–134.

Лосев Лев. О любви Ахматовой к «народу». Ахматова и Бродский (Иосиф Бродский и циркуляция поэзии). Стэнфордский университет, Калифорния, 23 февраля 2001 г. URL: http://www.all-art.org/literature/brodskij/brodskij%20and_axmatova.htm (дата обращения: 24.01.2021).

Рубинштейн Наталья. Иосиф Бродский: «Ахматова учит сдержанности». Интервью Бродского на Би-би-си. Об Ахматовой (23 июня 2015). URL: https://evakroterion. livejournal.com/608308.html (дата обращения: 24.01.2021).

Самойлов Давид. Оправдание Гамлета, 1963 // Самойлов Давид. Стихотворения. М.: Эксмо, 2019. URL: https://rupoem.ru/samojlov/vrut-pro-gamleta.aspx (дата обращения: 24.01.2021).

Тарковский Арсений. Стань самим собой, 1957 // Тарковский Арсений. Стихи разных лет. М.: Современник, 1983. URL: https://www.culture.ru/poems/10967/stan-samim-soboi (дата обращения: 24.01.2021).

Федотов О.И. Гамлет и Офелия как лирические герои в русской литературе XIX–XX века // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 4. С. 80–141. URL: https://www.researchgate.net/publication/329227273_Gamlet_i_Ofelia_kak_liriceskie_geroi_v_ russkoj_poezii_XIX-XX_vv (дата обращения: 24.01.2021).

Федотов О.И. Между Моцартом и Сальери. О поэтическом даре Набокова. М., 2014.

Федотов О.И. О мгновениях, которые не смог или не захотел остановить Бродский // НЛО. 2017. № 6(148). С. 237–248.

Федотов О.И. Кормилов? И кормилец, и кормчий (памяти друга) // Вопросы литературы (в печати).

Цветаева Марина. Стихотворения и поэмы. Л., 1990.

Цыбульский Марк. Высоцкий и Бродский // «Взгляд». Сан-Франциско, США, от 8–14.05.1999. С. 27. (Цит. по: https://v-vysotsky.com/statji/2002/Vysotsky_i_Brodsky/ text.html (дата обращения: 24.01.2021)).

Шекспир. Гамлет (В поисках подлинника) / пер., подгот. текста, коммент. и вводная статья И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, MMIII. 352 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрютина Анна Юрьевна – магистрант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии (СП) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: acoolann@gmail.com.

Булгакова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета им. Я. Купалы (Республика Беларусь). E-mail: abulgakova@inbox.ru.

Варнаева Анна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и методики начального образования Смоленского государственного университета. E-mail: anna6772@mail.ru.

Галкина Наталия Павловна – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Военной академии радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома). E-mail: gnpav@mail.ru.

Гончарова Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: eagon@rambler.ru.

Гуревич Римма Вульфовна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@smolgu.ru.

Ивочкин Демьян Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат богословия, заведующий кафедрой богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской православной духовной семинарии Смоленской епархии Русской православной церкви. E-mail: idar78@mail.ru.

Кобец Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая аспирантурой Смоленской государственной академии физической культуры, спорта и туризма. E-mail: olga.cobetc1978@yandex.ru.

Ковалева Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: vaseko58@mail.ru.

Колокольникова Оксана Дмитриевна – аспирант кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: oksana.kolokolnikova@gmail.com.

Красовская Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета. E-mail: krasuylya@yandex.ru.

Кретов Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета. E-mail: kretov@rgph.vsu.ru.

Молнар Ангелика – dr. habil., доцент Института славистики Дебреценского университета (Венгрия). E-mail: manja@t-online.hu.

Полугодин Андрей Дмитриевич – преподаватель-исследователь Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, учитель истории и обществознания средней школы № 50 г. Калуги. E-mail: andrei.polugodin@yandex.ru.

Пономарева Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии института иностранной филологии (СП) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: ponomarova_anna@ukr.net.

Похаленков Олег Евгеньевич – доктор филологических наук, доцент кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: olegpokhalenkov@rambler.ru.

Родионов Иван Игоревич – аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: vanro.rodionov@yandex.ru.

Смирнова Людмила Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: naksemit@gmail.com.

Федотов Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского педагогического государственного университета. E-mail: o_fedotov@list.ru.

Христенко Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета. E-mail: khristenko1983@mail.ru.

Чуриков Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Воронежского государственного университета. E-mail: churikovsa@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

М.А. Можейко (Минск, Республика Беларусь)

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Института теологии Белорусского государственного университета

Б.В. Носов (Москва)

Борис Владимирович Носов – доктор исторических наук, завотделом истории стран Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

А. Тишер (Германия)

Анушка Тишер – профессор кафедры Новой истории философского факультета Вюрцбургского университета им. Юлиуса и Максимилиана (Германия)

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ), профессор кафедры неофилологии Белостокского государственного университета (Польша)

М. Хикки (Блумсберг, США)

Майкл Хикки – доктор философских наук, профессор отдела истории, директор Института общества и культуры Блумсбергского университета

С. Майер-Фиракер (Германия)

Симон Майер-Фиракер – профессор Института германистики (направление «Прикладная лингвистика») Технического университета г. Дрездена (Германия)

THE EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL «IZVESTIA OF SMOLENSK STATE UNIVERSITY»

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)
Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – candidate PhD in History, Associate professor, holds the Chair of State-legal Disciplines, rector at Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)
Irina Viktorovna Romanova – PhD in Philology, holds the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

M.A. Mozheiko (Minsk, Republic of Belarus)
Marina Alexandrovna Mozheiko – PhD in Philosophy, Professor, Prorector for Science and International Connections of the Institute of Theology at Belarus State University

B.V. Nosov (Moscow)
Boris Vladimirovich Nosov – PhD in History, Head of the Department of History of the Countries of Central Europe in the Modern Era of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

A. Tisher (Germany)
Anushka Tisher – Professor of the Chair of Modern History, Faculty of Philosophy at The Julius Maximilian University of Würzburg

F.B. Uspensky
Fyodor Borisovich Uspensky – PhD in Philology, Corresponding member of The Russian Academy of Sciences, Associate Director of Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, Republic of Belarus)
Zinaida Andreevna Kharitonchik – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of General Linguistics at Minsk State Linguistic University, Professor of the Chair of Neophilology at Belostok State University (Poland)

M. Hickey (Pennsylvania, the USA)
Michael Hickey – PhD in Philosophy, Professor of the Department of History, Director of the Institute of Society and Culture at Bloomsburg University of Pennsylvania

S. Mayer-Firacker (Germany)
Simon Mayer-Firacker – Professor of the Institute of German Studies (majoring in "Applied Linguistics"), Dresden University of Technology (Germany)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, директор музея истории Смоленского государственного университета, профессор кафедры истории России

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

Ю.А. Грибер

Юлия Александровна Грибер – доктор культурологии, профессор кафедры социологии, философии и организации работы с молодежью Смоленского государственного университета

А.Г. Егоров

Александр Григорьевич Егоров – доктор философских наук, профессор, завкафедрой социологии, философии и организации работы с молодежью Смоленского государственного университета

Ю.Е. Ивонин

Юрий Евгеньевич Ивонин – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Смоленского областного института промышленных технологий и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

О.В. Козлов

Олег Владимирович Козлов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета

Е.А. Кучинская

Кучинская Елизавета Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации (ВА ВПВО ВС РФ) (г. Смоленск)

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Рацибурская

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ)

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. Сергеев

Виктор Владимирович Сергеев – доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта

А.Г. Сильницкий

Антон Георгиевич Сильницкий – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета

Н.А. Фатеева

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова, А.Г. Сильницкий (литературоведение, языкознание)

Ю.Е. Ивонин, О.В. Козлов (исторические науки и археология)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIA OF SMOLENSK STATE UNIVERSITY»

I.V. Romanova (editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – PhD in Philology, holds the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

A.V. Tikhonova (deputy editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – PhD of Historical Sciences, Director of the Historical Museum of Smolensk State University, Professor of Russian History Department

R.V. Belutin (executive secretary)

Roman Vyacheslavovich Belutin –PhD in Philology, Associate professor, holdas the Chair of the German language at Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nickolayevich Andreev – PhD, professor of the Chair for the Foreign Languages

J.A. Griber

Julia Alexandrovna Griber – PhD in Culturology, Professor of the Chair of Sociology, Philosophy and Organization of Work with Young People at Smolensk State University

A.G. Yegorov

Alexander Grigoryevich Yegorov – PhD in Philosophy, Professor, holds the Chair of Sociology, Philosophy and Organization of Work with Young People at Smolensk State University

Y.E. Ivonin

Yury Evgenyevich Ivonin – PhD in History, Professor, of the Chair of General History at Smolensk State University, Honored Scientist of RF

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – PhD in History, Associate professor, Associate director of Smolensk Regional University of Technologies and Management, the branch of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)»

O.V. Kozlov

Oleg Vladimirovich Kozlov – PhD in History, Professor of the Chair of Russian History at Smolensk State University

Y.A. Kuchinskaya

Yelizaveta Alexandrovna Kuchinskaya – PhD in Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages at The Army Air Defense Military Academy of the Russian Armed Forces named after A.M. Vasilevsky, the Marshall of the Soviet Union

L.V. Pavlova

Larissa Victorovna Pavlova – PhD in Philology, Professor of the Chair of Literature and Journalism at Smolensk State University

L.V. Ratsiburskaya

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of The Modern Russian Language and General Linguistics at Federal State Budget Independent Educational Institution of Higher Education Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN)

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailovich Ranchin – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of Russian Literature History of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University

V.V. Sergeev

Viktor Vladimirovich Sergeyev – PhD in History, Professor at the Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University

A.G. Silnitsky

Anton Georgievich Silnitsky – PhD in Philology, Professor, holds the Chair of The English Language and Theory of Translation at Smolensk State University

N.A. Fateyeva

Natalya Alexandrovna Fateyeva – PhD in Philology, Chief Research Associate at The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

EDITORS OF SECTIONS:

Andreev S.N., Pavlova L.V., Silnitsky A.G., (Literature study, Linguistics)

Ivonin Y.E., Kozlov O.V. (History, Archeology)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2020 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2021», 1 том, зеленая обложка.

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 814 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 421 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2021»

Подписка на **I полугодие – 80190**
Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**
Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru, arpk@eg-online.ru.**

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** http://www.arpk.org.

Адрес редакции:
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700232, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
2021, № 1(53)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко, И.В. Марусова*
Редактор англоязычных текстов *А.С. Герц*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Подписано к печати 29. 03. 2021. Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 21,25. Тираж 300 экз. Заказ №